

III

78529

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КАРЕЛЬСКИЕ
ЭПИЧЕСКИЕ
ПЕСНИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАРЕЛО-ФИНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

КАРЕЛЬСКИЕ ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

*Предисловие,
подготовка текстов и комментариев
В. Я. ЕВСЕЕВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1950 • ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор проф. В. Я. ПРОПП

Редакционная коллегия:

чл.-корр. АН СССР Д. В. БУБРИХ, В. Г. БАЗАНОВ, А. А. БЕЛЯКОВ
и И. И. СЮКИЯЙНЕН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Слова великого пролетарского писателя А. М. Горького о мощи коллективного творчества и о том, что „индивидуальное творчество не создало ничего равного «Илиаде» или «Калевале»“ и что „индивидуальный гений не дал ни одного обобщения, в корне коего не лежало бы народное творчество“, ¹ — следует отнести не только к литературному варианту „Калевалы“, но равным образом к народному эпосу в его живом бытовании.

Эта мощь коллективного творчества, таящаяся в карело-финском эпосе, вызвала внимание молодого Карла Маркса к отдельным карело-финским рунам, в частности к эпической песне об игре на кантеле. Эти руны в переводе на немецкий язык вошли в подготовленный К. Марксом рукописный альбом-сборник народных песен, преподнесенный им в дар своей будущей жене — Женни Вестфален. Мотив о сильном воздействии игры на кантеле на окружающую природу частично использован К. Марксом даже в черновых материалах его диссертации.

Между тем, с этим карело-финским народным эпосом в его многогранных проявлениях советский читатель знаком преимущественно по письменному памятнику, вошедшему в сокровищницу мировой литературы и, частично, по эквиритмическим переводам отдельных эпических песен в записи от некоторых певцов рун „Калевалы“.

Чтобы восполнить этот пробел, Институт истории, языка и литературы Карело-Финского филиала Академии Наук СССР осуществляет настоящую научную публикацию избранных вариантов карельских эпических песен новой записи, произведенной за 15 лет в 1934—1949 гг. по всей населенной карелами территории К-ФССР. Сопровождающий карельские тексты рун русский литературно-прозаический перевод и комментарий на русском языке дает русскому читателю возможность ознакомиться с образцами карельской эпической поэзии.

Публикуемые в нашем сборнике тексты рун свидетельствуют о том, что легший в основу „Калевалы“ — одного из величайших поэтических произведе-

¹ А. М. Горький. Разрушение личности. Изд. „Парус“, П., 1916, стр. 10.

ний мировой литературы — карело-финский эпос, эпос беззаветного труда и творческого созидания, продолжает жить и в наши дни. Как и знакомая советскому читателю „Калевала“, карело-финский эпос в его живом бытовании пронизан верой во всепобеждающую силу человеческого труда и знания. Трудящимся нашей великой Родины, сознательно и разумно строящим свое будущее, близки и дороги бессмертные идеи карело-финского эпоса. Признанием этого со стороны советского народа, нашей партии и правительства является отмеченный в 1949 г. юбилей полного издания „Калевалы“.

Общественно-политическое значение публикации образцов карельских эпических песен новой записи чрезвычайно велико. По ним мы имеем возможность изучать те „чаяния и ожидания народные“, отражение которых в русских сказках отмечал В. И. Ленин. По ним можно судить и о высоких идейно-художественных достоинствах народной эпической поэзии. Их сравнительно-исторический анализ позволит усмотреть в карело-финском эпосе отражение реальных социально-экономических, общественных условий жизни и быта народа в его историческом развитии.

Бесспорно то, что история сюжетов рун „Калевалы“ и их идейное содержание тесно связано с историей создавшего этот эпос народа от древнейших времен до современности.

С предельной ясностью процессы формирования идейного содержания сюжетов и отдельных мотивов карело-финских рун „Калевалы“ раскрыл О. В. Куусинен. Он пишет: „В Калевале, как и в эпосах других народов, можно обнаружить наслоения, унаследованные от различных общественных формаций. К наиболее раннему периоду относятся, видимо, мифологические строфы „Калевалы“ и некоторые черты, отражающие остатки матриархата. Но столь древние элементы встречаются в „Калевале“ лишь в виде исключения, так же как и некоторые чужеродные элементы, которые пристали к рунам „Калевалы“ в более поздние времена. В основном своем содержании эпос „Калевалы“ отражает первобытное общество на третьей или высшей ступени варварства“.¹

Древние элементы сюжетов рун „Калевалы“ идейно цементировались в композиции тех или иных карело-финских эпических песен. Новые наслоения в них производили в сюжете качественные изменения, нарушали композицию традиционной эпической песни и служили, таким образом, материалом для новой эпической песни, возникшей на основе новых социально-экономических условий жизни народа. Именно так, а не в свете компаративистской теории блуждающих сюжетов можно объяснить наличие общих мотивов в сюжетах песен, относящихся к разным эпическим жанрам и отражающих разные стадии общественного развития.

Одним из центральных сюжетов карело-финского эпоса является повествование о чудесном Сампо.

¹ „Калевала“, М., 1949, предисловие О. В. Куусинена, стр. XII—XIII.

Публикуемые варианты произведений карело-финского эпоса предоставляют возможность судить о том, насколько глубоко этот эпос проникнут мечтой о грядущем счастье народа и об олицетворяющем это счастье — чудесном Сампо.

Карело-финский народ, обращаясь к товарищу Сталину и к товарищу Молотову в связи с преобразованием Карельской АССР в Карело-Финскую Советскую Социалистическую республику, писал: „О Сампо, о счастье веками мечтал карело-финский народ. Об этих мечтах немало сложено былин, песен, сказаний. Вдохновленные этими мечтами, наши предки сложили руны «Калевалы», которыми и поныне гордится карело-финский народ. Немало было протестов и восстаний, немало лучших людей карело-финского народа сложило свои головы в борьбе за свободную, равноправную жизнь. Но все эти восстания и протесты жестоко подавлялись самодержавием. И только Великая Октябрьская социалистическая революция вывела наш народ, как и все народы бывшей царской России, на путь свободного развития, на путь счастливой и радостной жизни“.

На протяжении многовековой борьбы за свободную и равноправную жизнь везде по-своему сложились исторические судьбы предков карело-финского народа из разных районов их расселения. Одинаково выступающие в дружественном союзе с великим русским народом карелы разных местностей оказались очевидцами разных событий с богатым историческим содержанием.

В карело-финском эпосе, как и в эпосе многих других народов, зародившемся в эпоху разложения родового строя, преобладают сюжеты о сватовстве героев, сопряженном с выполнением трудных поручений. Но и некоторые другие сюжеты, в которых нет сватовства, отражают типические реальные условия родового быта. С историческим развитием народа эти сюжеты, подвергнувшись качественным изменениям, начинают отражать и более поздние явления общественной жизни карело-финского народа. Одновременно создаются и новые сюжеты.

Значительное количество разных сюжетов карело-финских эпических песен неравномерно распределяется по разным районам бытования карело-финского эпоса. Так, например, разнообразные сюжеты эпических песен, связанные с именем старого Ваянямёйнена, наиболее широко представлены в северных районах К-ФССР, а сюжеты рун, где главным и излюбленным героем является кузнец Ильмойллина, бытуют преимущественно в южно-карельских районах. Такая картина географического распределения сюжетов рун о старом Ваянямёйнене и кузнеце Ильмойллине не случайна. Дело в том, что кузнечество достигло наибольшего своего развития именно в южной Карелии, в то время как основные хозяйственные интересы северных карел определялись развитием рыболовства и охоты, мастерством изготовления лодок. В связи с этим вполне закономерно то, что рыболов, изготавливающий лодки, старый Ваянямёйнен, становится основным героем северокарельских эпических песен, а кузнец Ильмойллина главенствует в рунах южных карел.

Кроме старого Вьянямёйна излюбленным эпическим героем северных карел является хитрый Лемминкяйнен, любимец женщин и незваный гость на общих пирах. Сюжет песни о поездке этого героя в Пяйвелу распространен преимущественно среди северных карел и редок среди южных карел. Образ этого героя, несмотря на пережиточно сохранившиеся отдельные черты, уходящие в доклассовое общество, отражает более позднюю, чем образ старого Вьянямёйна, стадию общественного развития карел — эпоху зарождающего среди них классового общества. Подобными Лемминкяйнену, удалыми добрыми молодцами поднимались карелы с Карельского перешейка в древне-русское Заволочье в северной Приботнии, чтобы защищать здесь государственные интересы древней Новгородской Руси, в состав которой они сами входили. Татаро-монгольское иго, непосредственно не затронувшее карел и новгородцев, лишило эти, поднявшиеся на север, группы карел прочной опоры в лице новгородцев, которым теперь приходилось отстаивать свою независимость на юго-западе и юго-востоке новгородских владений. В такой обстановке северные карелы, постепенно отступившие под натиском шведов в нынешний район Калевалы К-ФССР, создали обычную эпическую песню о Лемминкяйнене, в образе которого лишь исследователь выявляет типические воинственные черты северных карел середины II тысячелетия нашей эры.

Значительно меньше распространены среди северных и южных карел сюжеты эпических песен о Куллерво, сыне Калервы. Трагический образ этого сироты-раба, эксплуатируемого на разных работах и, в частности, в качестве пастуха, наиболее близок ижорам. Эта часть карело-финского населения ранее и чаще, чем карелы, сталкивалась с разными проявлениями социального неравенства и неудивительно, если, в основном, среди них развивались руны о ссоре Калервы и Унтамо и о мести пастуха Куллерво, сына Калервы, своей хозяйке, как протест против проявлений социального неравенства.

В силу сложности образов эпических героев и богатства сюжетов карело-финских эпических песен не представляется возможности даже перечислить здесь все сюжеты и, тем более, всесторонне охарактеризовать героев этих песен. Но уже из сказанного можно сделать вывод о том, что идейное содержание эпических песен, как и характеристика основных героев карело-финского эпоса, определяется реальными условиями жизни, социальной борьбы и хозяйственной деятельности географически и этнически разных групп карел.

Говоря о географическом распространении сюжетов карельских эпических песен, нельзя обойти молчанием вопрос об этнической принадлежности этого эпоса, вопрос о возможных очагах и времени возникновения карельских рун на сюжеты „Калевалы“.

„В тех районах, — пишет О. В. Куусинен, — где существовал живой интерес к народной поэзии, руны рождались, развивались и широко распространялись из одной местности в другую, из деревни в деревню. В тех же

районах, где даже зачатки этой поэзии отмирали, руны не получали развития и не могли странствовать. Уже по этой простой причине все искусственные построения Крона о странствовании рун, которые немало превозносились за границей, пора похоронить в архиве антинаучных «открытий».¹

Известный знаток „Калевалы“ и общественный деятель, О. В. Куусинен, а вслед за ним и другие докладчики² в своих выступлениях на юбилейной сессии „Калевалы“ положили начало разоблачению лженаучных теорий финляндских буржуазных ученых о якобы западно-финском происхождении рун „Калевалы“. В значительной мере той же теме о карельской специфике карельского эпоса на той же юбилейной сессии был посвящен и наш доклад „Пути развития карельских эпических песен“.

Материалы исследований, произведенных советскими учеными, совершенно разрушают доводы финляндских буржуазных фольклористов и историков, пытающихся во что бы то ни стало доказать недоказуемое и желающих отрицать у предков советского карело-финского народа наличие блестящих творческих способностей, претворенных в бессмертном эпосе — „Калевале“.

Подробное изучение карело-финского эпического фольклора показывает, какое благотворное влияние на самобытно развивавшийся карельский народный эпос оказывала воспринятая карелами культура соседнего, дружественного карелам, русского народа. В связи с этим не случайно в ряде карельских эпических песен появляются общие мотивы с русским эпосом и вообще русским фольклором.³ В некоторых случаях взаимосвязь карельского и русского эпоса привела даже к выработке одинаковых эпических сюжетов. Имеются и такие случаи, когда русский сказитель уже в детстве изустно усваивал карельскую эпическую песню. Таким вариантом карельской руны „Калевалы“ в записи от известного русского сказочника М. М. Коргуева открывается и этот сборник карельских эпических песен.

Вопрос о взаимосвязи процессов фольклорных влияний и внутренних процессов самобытного развития фольклорно-поэтических особенностей эпоса в карельской этнической среде освещен О. В. Куусиненом. Он пишет: „Речь может идти о совпадении языковых элементов и сюжетных мотивов в силу родственности языка и этнического происхождения. Если же в какой-то мере и можно ставить вопрос о заимствованиях и влияниях, то они приходили не только с запада, но также с юга и с востока (славянские влияния). Нельзя забывать при этом, что материал остается материалом, а поэзия есть поэзия, так же как дерево остается деревом, а резьба по дереву есть искусство. Именно на карельской земле, из материала — главным образом

¹ „Калевала“, Москва, 1949, предисловие О. В. Куусинена, стр. VII.

² См. тексты этих докладов в „Трудах юбилейной сессии, посвященной 100-летию полного издания «Калевалы»“, Петрозаводск, 1950.

³ О русско-карельских эпических соответствиях см. нашу статью „Руны Калевалы и русско-карельские фольклорные связи“. Изв. Карело-Финской научно-исслед. базы АН СССР, № 3, 1948, стр. 69—89.

местного, а в известной мере и полученного извне — зародилась и расцвела подлинная высокохудожественная по содержанию и форме эпическая поэзия „Калевалы“.¹

Советская фольклористика с достаточной ясностью установила огромное значение проблемы сказительства на разных ступенях развития народного творчества. Если отдельные песни и возникали в ту древнюю пору первобытно-общинного строя, когда ни о каком авторстве устного мифотворчества говорить не приходилось, то нужно учесть, что с тех пор устная народная поэзия неоднократно подвергалась качественным изменениям, приводившим к возрастающей роли народного певца.

Профессионализация сказительства на карельской фольклорной почве, как правило, не наблюдается. Однако уже в писцовых книгах Водьской пятины в 1568 г. в городе Кореле среди посадских людей разных профессий упоминаются два скомороха и один песенник. Видимо, таким же полупрофессиональным певцом рун на сюжеты „Калевалы“ был в 1618 г. некий Михаил Вьянямёйне, заслуживший эту поэтическую кличку среди карел Водьской пятины благодаря своему умению петь песни о старом Вьянямёйнене.

Разумеется, личное творчество исполнителей рун нельзя считать основной причиной их вариантности. Эта причина кроется в истории эпоса и создавшего его народа. Уже в этом смысле мы можем говорить о подлинно народном характере карело-финского эпоса. Однако народность этого эпоса определяется и другими моментами, метко охарактеризованными О. В. Куусиненом.

„Руны, вошедшие в «Калевалу», — пишет О. В. Куусинен, — являются настоящим творчеством народа. Это подтверждается, во-первых, тем фактом, что певцы рун не были профессионалами, а простыми людьми из народа, певшими руны из поколения в поколение, во время досуга, после тяжелого труда. Во-вторых, руны создавались и исполнялись не для утешения господствующих классов, но на радость трудовому народу. В-третьих, руны повествуют об обществе, в котором не было аристократии, о героях, которые были людьми труда“.²

Высокая оценка, данная карело-финскому эпосу — „Калевале“ — великим русским писателем А. М. Горьким, дает нам право гордиться карельскими рунопевцами, сумевшими так прекрасно воспеть и своеобразно отобразить в рунах героическое прошлое своего народа.

В кратком введении нет возможности всесторонне осветить творческое лицо сказителей, произведения которых составляют данный сборник карельских эпических песен. Однако уже при беглом сопоставлении биографий сказителей с их песнями, помещенными в сборнике, читатель может заметить то особенное, что характеризует карельского певца рун, тематику его произведений.

¹ Калевала“, М., 1949, предисловие О. В. Куусинена, стр. VII.

² Там же.

Карельские сказители, как уже отмечалось, не являются профессиональными исполнителями рун, но тем не менее Карелия чрезвычайно богата такими певцами, которые прекрасно владели и владеют эпической традицией.

Среди таких мастеров карельского эпоса прежде всего следует назвать знаменитого песнопевца Архипа Перттунена, руны которого легли в основу „Калевалы“. Эпическая традиция этого талантливого сказителя продолжает жить в наши дни в полноценных рунах его правнучки (точнее, внучатой племянницы) — Татьяны Алексеевны Перттунен.

Эпические песни о героическом прошлом карельского народа бережно сохраняются и другими современными певцами рун. Наиболее крупными носителями карельского эпоса за последнее десятилетие, кроме Т. А. Перттунен, также являлись и являются М. А. Ремшу, М. И. Михеева, К. И. Аналина, А. Ф. Никифорова и целый ряд других карельских колхозников и колхозниц.

Современные нам певцы рун не только хранят старые традиционные эпические песни, но и создают качественно новые, откликаясь на важнейшие события нашей жизни. Почти всеми крупными современными карельскими сказителями, наряду с исполнением старых рун, созданы новые эпические песни.

Творческая индивидуальность сказывается у разных карельских певцов рун „Калевалы“ в различной степени. Обычно карельские эпические песни бытуют независимо от литературного текста „Калевалы“, но некоторые сказители сознательно сочетают устную народную эпическую традицию с отдельными мотивами, усвоенными при чтении „Калевалы“. В результате у такого рода певцов рун возникают новые версии карельских эпических песен, притом уже в XIX в. эти версии сами становятся традиционными.

Устная народная эпическая традиция другой группы карельских сказителей также подверглась частичному влиянию литературного текста „Калевалы“, но сказители этого влияния не осознали.

Примером такого неосознанного влияния „Калевалы“ на эпическую традицию может служить публикуемая в нашем сборнике руна Т. А. Перттунен о поимке девы-лосося. У знаменитого прадеда сказительницы, Архипа Перттунена, в качестве рыболова изображен веселый Лемминкяйнен. Согласно же „Калевале“, деву-лосося ловит старый Вийнямёйнен, однако, вопреки этой версии, Лённрот отказался от контаминации с сюжетом об изготовлении кантеле, т. е. в этом отношении он следовал А. Перттунену. В „Калевале“ руна о кантеле дается совсем в иной связи. Таким образом, „Калевала“ поддержала версию, согласно которой деву-лосося ловит Вийнямёйнен, и, следуя этой, все более опирающейся на „Калевалу“ традиции, Т. А. Перттунен, вопреки своему прадеду, изображает ловцом девы-лосося не Лемминкяйнена, а Вийнямёйнена, и в то же время сказительница отказывается от контаминации с сюжетом об изготовлении кантеле.

* * *

Причины возникновения новых эпических песен кроются не в самом стремлении эволюционного продолжения эпической традиции, а в насущной потребности советских патриотов — певцов рун — воспеть те великие преобразования в нашей стране, участниками которых они являются. Хотя в отдельных случаях у карельских певцов рун при складывании новых эпических песен и наблюдается частичное использование некоторых наиболее жизнеспособных образов из старых песен, но и они качественно изменяются. Разнообразны формы проявления новой советской песни в творчестве карело-финского народа. Поиски гармоничного сочетания элементов традиционной формы с ее качественно новым идейным содержанием у отдельных наших сказителей не всегда увенчивались успехом. Однако, в частности, севернокарельским певцам рун нередко удавалось создать заслуживающие пристального внимания лироэпические произведения советского фольклора.

В некоторых новых песнях карельских сказителей частично намечается влияние таких литературных источников, как революционные песни. Так, в песне „Видлицкий десант“ картину расстрела партизан сказительница Гаврилова описала почти так же, как она дана в песне „Расстрел коммунаров“. В числе погибших партизан был и муж сказительницы. Изображенный Гавриловой расстрел партизан, оборонявшихся от белофиннов в Видлицкой церкви, в силу лаконичности ее песни не полностью соответствует исторической правде. Однако нет ничего порочного в том, что непреклонный дух видлицких партизан она пыталась изобразить художественными средствами знакомой ей песни „Расстрел коммунаров“. Новые советские эпические песни карельских сказителей, как и весь советский фольклор, в условиях нашей действительности теряют специфические черты фольклора, включая в себя литературную самостоятельность широких масс советского народа. Однако и эти, по сравнению с традиционным эпосом пока немногочисленные, новые советские эпические песни свидетельствуют о процессах расширения рамок советского народного творчества.

Новые карельские эпические песни далеко не всесторонне отражают творчество карело-финских народных масс. Композиционно, по ритмике и звукописи, а частично и по характеру художественных образов, воссоздавая в новом своем качестве традиционный эпос, эти новые песни не дают возможности карельским сказителям в полной мере раскрыть замечательное содержание новых образов.

Для многих карельских сказителей известное художественное наслаждение продолжает доставлять не только традиционный карельский эпос в его живом бытовании на карельских диалектах. Среди них естественно появляется потребность в поэтических формах, внешне напоминающих традиционный эпос, однако уже в порядке художественно-литературной самостоятельности, осмыслить и выразить свое участие в грандиозных преобра-

зованиях социалистической Родины. Из текстов, публикуемых в сборнике, мы видим, что творцами советских карельских эпических песен являются преимущественно престарелые сказители-карелы, исполнители традиционных эпических песен. Среди старшего поколения карельского населения эти карельские лиро-эпические новообразования являются основными формами проявления литературной самодеятельности.

Иное положение вещей мы наблюдаем среди карело-финской молодежи, которая уже значительно отходит от традиционных форм народного творчества.

Молодежь, в подавляющем большинстве являющаяся двуязычной и даже владеющая тремя языками (родным — карельским и государственными — русским и финским), превосходно воспринимает советские художественные произведения на русском языке и самые популярные во всех частях света народные песни советских поэтов, чаще всего также исполняемые на русском языке. Больше того, наиболее талантливые представители колхозной молодежи из карел, наряду с исполнением таких произведений фольклора, как карельская частушка, в порядке литературно-художественной самодеятельности предпочитают писать песни для своих колхозных хоров также на русском, либо финском языке; на родных карельских диалектах их непрофессиональное литературное творчество удаётся значительно хуже, чем на русском или финском языках.

Стремление откликнуться на одни и те же знаменательные события и явления советской жизни присуще ряду карельских сказителей в разных районах К-ФССР. Несмотря на внутреннее единство идейных устремлений карельских сказителей-колхозников, каждый из них по-своему раскрывает в складываемой им песне тему, волнующую многих сказителей — народных поэтов колхозной деревни. Эти, сложенные разными певцами рун советские песни на одну и ту же тему в условиях личных встреч, их авторов, взаимно обменивающихся своими творческими достижениями или знакомящихся друг с другом через радио, через печать, вступают во взаимодействие и, нивелируясь, начинают превращаться в варианты новой песни. Комментарии к публикуемым в нашем сборнике текстам, сложенным карельскими сказителями, советских песен содержат в себе ссылки на аналогичные по теме песни других сказителей, не публикуемые в этом сборнике, и поэтому здесь нет необходимости повторять то, что читатель найдет в примечаниях. Чаще всего процессы возникновения вариантов песни лишь намечаются; нередко они не получают своего дальнейшего устного развития и публикуются в местной печати как произведения сказителей, становящихся начинающими поэтами.

Именно такая тенденция характеризует северно-карельских певцов рун „Калевалы“ М. Михееву и Е. Хямяляйнен. Эпическое новотворчество карельских сказителей, выступая подчас в новом качестве литературной самодеятельности, изживает на путях своего развития остатки былого, искусственно создаваемого условиями классового общества, отличия традицион-

ного эпоса от художественной литературы и начинает составлять с ней единую общенародную литературу.

Огромное внимание, уделяемое партией и правительством творчеству карело-финских сказителей, особенно ярко проявившееся при проведении столетнего юбилея полного издания „Калевалы“ в 1949 г., также не прошло для них бесследно. Такие, отмечавшиеся в нашей республике уже и ранее — в 1935 г. — юбилеи „Калевалы“, наряду с ежегодными республиканскими и районными смотрами художественной самодеятельности, свидетельствуют об огромном значении коренным образом, по-новому переосмысляющегося культурного наследия предков карело-финского народа. Мы являемся очевидцами того, как в условиях социалистического быта колхозной деревни качественно по-новому переосмысливается и эпос. Поэтому внешне напоминающие нам о традиционном эпосе и появляющиеся в новых песнях карельских сказителей образы советского кузнеца, кующего трактор или новое советское сампо, как и образ молодого Вяйне, едущего в Москву за советским сампо, по своему идейному содержанию являются качественно новыми образами.

Беззаветная преданность делу социализма и вождям советского государства, высокие идеи советского патриотизма и революционной героики, пронизывающей жизнь советских людей, стали основными темами новых карельских песен, развивающихся в теснейшем контакте с советской литературой и по идейному содержанию коренным образом отличающихся от старого традиционного фольклора. Так, вкратце, можно охарактеризовать новые явления литературной самодеятельности, ведущие к качественным изменениям карело-финского эпоса.

Итак, сохраняя в своей памяти традиционные руды „Калевалы“, наиболее талантливые карельские народные певцы продолжают в наши дни, на основе наблюдений над советской действительностью в процессе своего активного участия в социалистическом строительстве, создавать новые произведения о героических делах нашего народа.

Исполнители карельских эпических песен пользуются заслуженным почетом и уважением трудящихся своей республики. Многие из них за сохранение устно-поэтической традиции и создание новых образцов советского фольклора награждены Почетными Грамотами Верховного Совета Карело-Финской ССР. Сказители, произведения которых нашли свое место в сборнике, активно участвовали в совещаниях сказителей, проводившихся до и после Великой Отечественной войны в Москве, в Петрозаводске и в селе Ухта. Неоднократные поездки этих сказителей в культурные центры нашей страны значительно расширяли их кругозор и воодушевляли их на создание новых фольклорных произведений. Наши сказители, стремясь шагать в ногу с современностью, создавали и создают новые песни и сказы о Ленине, Сталине, гражданской войне и социалистическом строительстве в Карелии, Отечественной войне с гитлеровской Германией, о послевоенном восстановлении народного хозяйства Советского Союза.

* * *

Сборник образцов карельских эпических песен содержит руны всех видов. Сюда вошли и такие песни, которые можно назвать историческими, а также песни балладного характера, шуточного, лиро-эпические и другие.

Хотя в полной мере можно говорить о дифференциации жанров в карельском народном творчестве, но не всегда сказитель четко устанавливает грань между древней эпической песней и эпическими образованиями более позднего происхождения. Разумеется, карельский певец рун видит различие между излюбленным героем карельской историко-эпической песни об осаде Выборга Петром Первым и мифическим героем — старым Вяйнямёйненем. Однако и тот и другой, согласно отдельным вариантам карельских эпических песен, с презрением отказываются от предлагаемого в качестве выкупа шведского золота и немецкого серебра. В то же время Петр Первый, так же как и Вяйнямёйнен, в представлении сказителей становится собирательно-типическим демократически-идеализированным героем песни, называясь карельским сыном, а в некоторых вариантах песни отождествляется в параллельных стихах с Иваном Грозным, именуемым „нашим хозяином“. Таким образом даже в этой поздне-эпической песне начинает отражаться не одно какое-то историческое событие, а целая серия исторических событий (осада Выборга при Петре Первом и Иване Грозном, а возможно и какой-то, исторически не зафиксированный, штурм этого древнего города карелами, олицетворенными в Лемминкяйнене и Куллерво, сыне Калевы, которые, согласно вариантам карельских эпических песен, также изображаются стоящими на подступах к Выборгу).

Исходя из необходимости всестороннего освещения разных жанров карело-финского эпоса, мы нашли возможным представить в этом сборнике разные сюжеты эпических песен как более раннего, так и более позднего происхождения, включая в заключительный раздел сборника и советские эпические песни.¹

Эти новые историко-эпические песни характеризуют возникающую среди карельского населения настоятельную потребность в качественно новых эпических произведениях, рассказывающих о героических делах людей социалистического общества. Рождаясь в процессе смыкания народного творчества и литературы, в результате творческих исканий наиболее талантливых карельских певцов рун — участников социалистического строительства, наблюдающих глазами художника советскую действительность, эти советские эпические песни представляют значительный культурно-исторический интерес.

¹ Об этой взаимосвязи разных жанров карело-финского эпоса см. нашу статью „Историческая дружба карел и русских в отражении поздних версий карело-финских рун“. Советская этнография, № 2, 1949, стр. 27—84.

Параллельная публикация образцов традиционного и нового эпоса является лучшим показателем дальнейшего развития эпической традиции. Разумеется, предреволюционный период истории карело-финского народа характеризовался процессами начавшегося было увядания эпоса. Об этом периоде и о последующем при советской власти расцвете народного творчества прекрасно писал О. В. Куусинен: „Нестерпимая нужда и нищета, усиливавшиеся эксплуатация и классовый гнет как в финляндской, так и в российской Карелии неизбежно вытесняли старые традиции эпического песнопения... Культура старинных героико-эпических рун увядала. И только при советской власти она возродилась в Карелии, сочетав старинную традицию с содержанием новой, социалистической эпохи“.¹

В нашем сборнике даются и некоторые карельские повествовательные песни, лирический характер которых не подлежит сомнению. Но, с другой стороны, они разными нитями (и через общность эпических героев, и через схожие с эпическими, но лирически окрашенные сюжеты песен) связываются с эпическими песнями.

Эпическая песня нередко содержит в себе лирические мотивы, и даже трудовая песня иногда связывается с эпической, тем более, что специфика карельского эпоса заключалась и заключается в пафосе труда. Поэтому, наряду с собственно эпическими песнями, в этом сборнике представлены некоторые образцы рун, приближающихся к лирической и трудовой песням.

Карельская эпическая песня нередко исполняется и в сказочной форме, а произведения на сказочный сюжет отдельными карельскими сказителями поются, как песни. В тех случаях, когда от одного и того же певца рун (например от сказительницы Тунгудского района — Елагиной или от певца рун Ведлозерского района — Терентьева) одна запись произведена в качестве эпической песни, а другая запись на тот же сюжет выступает в сказочном изложении, — мы можем говорить о трансформации руны в сказку.

Имеющиеся в фольклорном архиве Института истории, языка и литературы Карело-Финского филиала АН СССР записи карельских эпических песен в сказочном переложении свидетельствуют о распространенности таких переложений преимущественно в юго-восточной Карелии. Но любопытно, что руна о рождении и сватовстве кузнеца Ильмойллине не только механически перелагается в сказку (как, например, у В. В. Фотеева из дер. Паннила Ведлозерского района или у А. И. Лебедева из дер. Ангеллахта Пряжинского района), но в сказочном переложении сюжет этой руны контаминируется со сказкой об Елене Прекрасной, к которой, согласно сказке колхозника с. Вешкелицы Пряжинского района Ф. Андreeва, кузнец Ильмойллине сватается. Имеются и более яркие случаи обратного влияния сказки на карельскую эпическую песню. Так, сказительница с. Вохтозеро Петровского района Терентьева, наряду с другими

¹ „Калевала“, М., 1949, предисловие О. В. Куусинена, стр. 10.

своими рунами о кузнеце Ильмойллине и Петре Первом, поет размером эпической песни песню на сказочный сюжет „Хитрая наука“ о том, как кузнец Ильмойллине отдает в учение сына Егора и с трудом возвращает его себе обратно.

К сказочному переложению отдельных эпических песен может вести и прозаический пересказ не только отдельных стихов руны, но и целых эпизодов, что наблюдается у некоторых севернокарельских певцов рун, прерывающих пение этими прозаическими вставками.

В нашем сборнике такие сказочные переложения эпических песен не публикуются, но указываются в примечаниях.

Карельская эпическая песня как особый жанр обнаруживает связи и с обрядовой поэзией. Так, южнокарельские руны использовались и как обрядовые песни, на что указывал уже Н. Лесков,¹ отмечая, что записанная им от Е. Туру руна о сватовстве кузнеца Ильмойллине исполнялась этой сказительницей как свадебная песня.

Многие севернокарельские эпические песни одновременно являлись заговорными рунами. Так, руна о ранении колена Вяйнямёйнена часто использовалась как заклинание, повествующее о рождении железа, из которого сделано орудие, нанесшее рану. Эпический характер носит и заклинательная песня о рождении огня. В ней говорится о том, как старый Вяйнямёйнен, высекая огонь, во время рыбной ловли роняет искру в воду и находит эту искру внутри рыб, пойманных в рыбацкие сети. Однако подлинными художественными достоинствами эпическая песня приобретает тогда, когда она отрывается от обряда и перестает применяться в качестве заклинательной песни.

Разумеется, практически сказители различают эти основные группы карело-финских народных песен, хотя бы уже потому, что эпические и лирические песни поются, а заклинательные руны чаще всего „сказываются“, однако последние часто приобретают такой же повествовательный характер, как и эпические песни.

* * *

Чтобы глубже распознать идейное содержание художественных образов карело-финского эпоса, необходимо сделать несколько общих замечаний о поэтике карельских рун.

Прежде всего, поэтику надо рассматривать как форму выражения идеи, вложенной в данном случае в карельские руны. Следовательно, особенности поэтического языка карельского эпоса нельзя брать в отрыве от его содержания. Поэтика карельских эпических песен по-своему проливает свет на историю карельского народа. Поэтический язык карельского эпоса метафоричен, и характер этих метафор раскрывает содержание поэтического мышления создателя эпоса.

¹ Журн. „Живая старина“, вып. IV, 1893, стр. 545.

Особенности звукописи карельских рун не могут быть отражены переводами. Читатель карельских оригиналов заметит, что звукопись карельских рун в основном построена на аллитерации — на созвучии начальных, ударных слогов каждого стиха.

На первый взгляд очень несложной кажется ритмика карельских эпических песен. Если руны севернокарельских сказителей в основном построены на размерах четырехстопного хорея, притом отдельные забытые стихи излагаются прозаическими вставками, — то иначе выглядят эпические песни, записанные в южнокарельских районах. Когда слова отдельных стихов у южнокарельских певцов рун забываются, то они обычно импровизируют эти места своими словами, не нарушая процесса пения прозаическими замечаниями о содержании забытых стихов, как это наблюдается в северной Карелии.

Поэтому рядом с четырехстопным хореем в южнокарельских рунах можно встретить другие размеры стиха. В рунах сказителя из с. Сысsoйла Ведлозерского района Прокопьева четырехстопный хорей перемежается с пятистопным хореем и появляется даже четырехстопный дактиль. Таких примеров можно привести значительное число. Изучение ритмики карело-финских эпических песен показывает, что представление об однообразии их стиха не соответствует действительности. Стих, при единстве основной системы, изумительно гибок и разнообразен. Можно установить районные и индивидуальные отличия в структуре стиха.

Таким образом, различие поэтики карельских эпических песен наблюдается не по их жанровой принадлежности, а согласно географическому размещению разных версий этих карельских эпических песен, поскольку в рунах северной Карелии господствует ритм четырехстопного хорея, в то время как в приладожской и юговосточной Карелии выбор ритмического рисунка для эпической песни еще не окончательно остановился на этом размере.

Такое положение вещей может объясняться тем, что в северной Карелии жанровая дифференциация фольклора зашла дальше, чем в Приладожье, где значительно чаще, чем в северной Карелии, наблюдаются процессы песенной эпизации преданий и даже сказочных сюжетов.

* * *

Записи карельских эпических песен, хранящиеся в фольклорном архиве Института истории, языка и литературы Карело-Финского филиала АН СССР, во многих отношениях бесспорно имеют научное значение.

Новые записи карело-финских рун представляют для исследователя не меньшую, если не большую ценность, чем старые. На территории расселения южно-карельских этнических групп „ливвикот“ и „людикот“ по Петровскому, Пряжинскому, Ведлозерскому и Олонецкому районам К-ФССР за истекшие двадцать лет советским фольклористам удалось записать

в несколько раз большее количество вариантов рун, чем финляндским фольклористам за сто лет на той же территории.

Первые записи от собственно карельских сказителей относятся к началу XIX в. Техника записи у первых собирателей карельского фольклора — у Топелиуса и Лённрота, у Европеуса и Шегрена — далека от совершенства. Записи в фонетическом отношении не точны, о сказителях почти никаких сведений не сообщается. Однако и некоторые более поздние собиратели карело-финской устной словесности отступили от точности записи рун, а иногда даже не указывали, от кого эта запись производилась. Такими „рассеянными“ собирателями карельских эпических песен подчас были „столпы“ финской фольклористики К. Крон и В. Сальминен.

Карельский фольклор в XIX в. записывался не только финляндскими собирателями, но и русскими и, сообразно с этим, публиковался в русских научных изданиях (например, в журнале „Живая старина“). Самая длинная запись карельской руны о Вийнямёйнене и кузнеце Ильмойллине произведена в XIX в. не финляндским собирателем, а русским краеведом Н. Лесковым.

В начале XX в. в Финляндии предпринимается многотомное издание карело-финских народных песен, несколько томов которого посвящены эпическим песням-рунам.¹ Через двадцать лет после выхода в свет первого тома, в котором даны севернокарельские руны, в 1927 г. появляется второй том того же издания народных песен, содержащий южнокарельские руны. Карельские руны, записанные к северу от Ладожского озера на территории новых районов К-ФСРС, опубликованы в трех книгах VII тома этого издания. В остальных томах даны руны, записанные в разных губерниях Финляндии, а также на Карельском перешейке и среди ижор и финнов Ленинградской области.

В указанном издании руны, распределенные по разделам, главным образом согласно сюжетному принципу, даются как и в публикации 1888 г.,² частью полностью, частью в отрывках и фрагментах. Такой принцип публикации эпических песен (кстати, не во всех томах выдержанный) говорит о продолжающем существовать среди финляндских исследователей и публикаторов рун игнорировании изучения творческого лица сказителей — певцов рун.

Условия жизни в Советском государстве уничтожили недоверие сказителей к собирателям карельского эпоса. Видимо, барское отношение к рунопевцам, проявлявшееся у буржуазных собирателей начала XX в., не скрывавших своего презрения к народу, в значительной мере и определило скудные результаты собирания карельских рун в первые десятилетия XX в., особенно на территории южной Карелии. Совсем иначе отнеслись певцы рун к фольклористам в условиях советской действительности.

¹ Suomen kansan vanhat runot I—XIII, Helsinki, 1908—1948.

² Kalevalan toisinnot, I, Helsinki, 1888.

3 Карельские эпические песни

За 20 лет в фольклорном архиве Карело-Финского филиала АН СССР сосредоточилось свыше пятисот записей карельских эпических песен. В это число не входят повторные записи вариантов. Первым советским собирателем карельских рун был Г. Х. Богданов, который в 1926 г. записал в северной Карелии несколько десятков эпических песен. Экспедиция 1934 г., проведенная нами по заданию Карельского научно-исследовательского института в северной Карелии, выявила руны нескольких крупных сказителей, в том числе М. А. Ремшу. В 1934 г. по поручению того же Института мы возобновили запись южнокарельских рун, из года в год продолжая собирательскую работу по карельскому эпосу. Аналогичную работу на территории К-Ф ССР вели и другие советские фольклористы.

Изданный уже в годы советской власти „Карельский сборник“ АН СССР содержит публикации целого ряда рун, записанных Г. Х. Богдановым.¹ Руны здесь публикуются без какой бы то ни было языковой обработки со стороны собирателя-публикатора, что не всегда выдерживается в последующих советских публикациях рун, появившихся как в журналах, так и отдельными книгами. Так, в издании рун, подготовленном в 1939 г. бывшим сотрудником Карельского научно-исследовательского института культуры И. Пажлаковым,² карельские руны даются в значительной языковой обработке.

С целью научно-популяризаторской были опубликованы в 1941 г. сборник карело-финских эпических песен в переводе на русский язык, подготовленный под ред. Ю. М. Соколова³ и сборник карельских рун „Сампо“, составленный нами в 1939 г. Аналогичные цели были поставлены и перед сборниками, позднее подготовленными нами и напечатанными: в 1943 г. — „Про изверга немца“ — карело-финские эпические песни, в 1946 г. — „Руны и исторические песни“, в 1948 г. — „Избранные руны Архипа Перттунена“. Во всех этих сборниках, как и в составленном нами и увидевшем свет в 1949 г. сборнике „Карельский фольклор“, карельские эпические песни старой и новой записи даются в эквиритмических переводах на русский язык.

* * *

Таким образом, лишь в настоящем сборнике предпринята в более обширных масштабах научная публикация карельских эпических песен на отдельных диалектах, с параллельным литературно-прозаическим переводом на русский язык.

Предлагаемый вниманию читателя сборник эпических песен состоит из двух частей. В первой части даны избранные записи старых эпических песен, во второй части публикуются образцы новых, советских песен повествовательного характера, сложенных певцами рун „Калевалы“.

¹ Карельский сборник Академии Наук СССР, Ленинград, 1930.

² Карелиян эпическойт пает, Петрозаводск, 1939.

³ Карело-финские эпические песни. Под ред. Ю. М. Соколова, Петрозаводск, 1941.

Тексты традиционных эпических песен располагаются в сборнике по районам своего бытования и по сказителям. О каждом сказителе в Приложении дается краткая биографическая справка.

Тексты советских эпических песен по возможности объединены в тематические группы, отражающие, правда, далеко не исчерпывающе, наиболее яркие события в жизни народа за время после Великой Октябрьской социалистической революции.

Распределение избранных в сборнике традиционных эпических песен по сказителям было необходимо не только из языковых соображений, но и в силу наличия двух, в корне различных, версий даже по отношению к одним и тем же сюжетам рун северной и южной Карелии. К тому же ряд сюжетов эпических песен, широко представленных среди собственно карел, отсутствует у ливвиков и людикот и, наоборот, у последних отмечаются сюжеты, незнакомые собственно карелам.

В среднем на каждый сюжет сборника приходится по три—четыре варианта, но отдельные, более широко распространенные эпические песни даются в большем количестве сильно разнящихся друг от друга вариантов. Так, например, среди собственно карел особенно широко бытует сюжет руны о поездке Лемминкяйнена в Пяйвёлу, в то время как излюбленной руной южных карел-ливвиков является руна о сватовстве кузнеца Ильмойллине.

Показ большинства сюжетов рун в нескольких вариантах диктуется необходимостью дать материал для исследования путей развития идейного содержания карело-финского эпоса. Ведь чем большее количество вариантов карельских эпических песен будет доступно изучению, тем более ясная картина богатого культурного наследия предков карело-финского народа предстанет перед глазами наших современников. А если учесть то, что история карел и их духовная жизнь веками протекала под благотворным влиянием культуры дружественного карелам русского народа, то становится понятным, как важно даже для всестороннего изучения значения русской культуры иметь представление о живых проявлениях эпоса такого народа, который веками жил одной жизнью и одними чаяниями с русским народом.

Общее количество избранных в сборник эпических песен состоит из 225 записей. До 280 записей таких же песен, хранящихся в архиве ИИЯЛ, не опубликованы в сборнике. Отобранные для сборника 225 записей содержат около 80 сюжетов эпических песен. Отдельные сюжеты карельских эпических песен не нашли своего отражения в сборнике.

Некоторые, не совсем полные варианты эпических песен карельских сказителей целесообразно опубликовать в сборнике с тем, чтобы показать широту бытования и современного состояния эпической традиции в районах К-ФССР. Таким образом, при отборе записей рун мы руководствовались необходимостью пропорционального охвата всех районов бытования рун, сочетая этот принцип с условием художественной полноценности текста песен.

Несколько замечаний о языке публикуемых рун. Язык эпических песен содержит в себе такие явления, какие могли наблюдаться в карельской речи в давно пережитые эпохи. Но более поздние стадии исторического развития тоже наложили свой отпечаток на язык рун. Подчас совсем рядом, в одном и том же стихе, уживаются архаичная терминология с терминологией, пришедшей в карельский язык лишь в последние столетия. Так, кузнец Ильмойллине „выполняет задания, данные ему бабой Хийси, этой матерью-родоначальницей материнского рода; а старый Выйнямёйнен становится „товарищем“ кузнеца.

Подчас руна перенята певцом где-либо в соседней деревне, и поскольку „из песни слов не выкинешь“, постольку певец невольно сохраняет некоторые особенности говора или диалекта той деревни, откуда руна перенята. Поэтому публикуемые здесь руны, так же, впрочем, как и все сделанные за сто лет записи рун, в той или иной мере сложились в результате скрещивания разных карельских и финских диалектов.

Язык карело-финских рун, в частности, публикуемых в этом сборнике карельских эпических песен, служит яркой иллюстрацией к мудрому положению великого корифея науки И. В. Сталина о том, что „скрещивание дает не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков, сохраняет его грамматический строй и основной словарный фонд и дает ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития“.¹

Выводящие советское языкознание из застоя ответы И. В. Сталина помогут и читателю карельских текстов этого сборника разрешить недоумение по поводу некоторого различия языка традиционных и советских эпических песен у одной и той же сказительницы. Например, в рунах сказительницы района Калевалы Татьяны Перттунен [при наличии в ее речи карельских слов: контиэ (медведь), хукка (волк), хярья (бык)] мы имеем финские слова: карху, суси, сонни в тех же значениях, и, одновременно, ее руны изобилуют русскими лексическими заимствованиями.

Однако все это ни в какой мере не говорит о внешних источниках эпических песен у карел, а свидетельствует о внутренней закономерности развития карельских эпических песен.

Очевидно, словарные заимствования из самых различных источников в языке той или иной карельской эпической песни появлялись значительно позднее периода ее возникновения. В противном случае пришлось бы признать такую абсурдную мысль, что постольку в данной карельской эпической песне имеются заимствования из русского, финского и даже из шведского языков, постольку эта песня якобы пришла к карелам одновременно из всех этих различных источников.

Выше отмеченный случай с лексикой рун Татьяны Перттунен говорит об истории тех групп карел, которые до татаро-монгольского ига защищали

¹ И. В. Сталин. Относительно марксизма в языкознании.

интересы новгородцев на древнерусских рубежах около северных берегов Ботнического залива и позднее боролись против проникавшего в их среду шведского и финского влияния. Не имея возможности продолжать борьбу, они постепенно отступали из Приботнии на территорию нынешнего района Калевалы. Об этой трагической странице в истории приботническо-беломорских карел говорят и записанные автором этого предисловия от Т. Перттунен предания о ее предках — лучших хранителях эпической традиции „Калевалы“, прославивших свои имена. В свете исторических данных становится понятным появление в рунах Т. Перттунен лексических явлений самого различного происхождения.

Наряду с лексикой, в публикуемых в данном сборнике вариантах рун имеется немало фонетических, синтаксических и морфологических моментов, отличающих язык эпоса от живой карельской речи и свидетельствующих о сложных процессах развития эпических песен у карельского народа, который веками так или иначе соприкасался со своими соседями — русскими и финнами.

* * *

Особо следует охарактеризовать принципы русских переводов, публикуемых в сборнике текстов карельских эпических песен. Переводчики стремились к максимальной точности, но вместе с тем перевод смысловой, а не буквальный. Так, в переводах лишь местами отражены особенности карельского синтаксиса. Язык карельского эпоса изобилует случаями несогласованности в грамматических категориях числа, времени, совершенного и несовершенного видов глаголов и другими подобными же особенностями стиля.¹ В таких случаях перевод не отражает синтаксической картины языка карельского эпоса, так как подобная несогласованность в русском переводе ничем не оправдывается. В переводе допускаются и смысловые отклонения от такого построения фраз, как „тулоу перти вастах“ буквально — „идет избушка навстречу“. Поскольку из контекста выясняется, что все же герой идет к избушке, а не наоборот, постольку это предложение переводится так — „стоит на дороге избушка“.

Сказуемое, обычно стоящее в карельских текстах песен на последнем месте предложения, перемещается в переводе вперед. Таким образом, последовательность слов оригинала заменена в переводах естественной для русского языка последовательностью. Перевод передает по смыслу и такое подлежащее, которое в карельском тексте часто отсутствует и лишь подразумевается.

Там, где отдельные мотивы карельского текста в силу фрагментарности песни недостаточно органически связываются, применен принцип расшиф-

¹ О русско-карельских сходениях в языке карельского эпоса см. нашу статью: „Калевала и русско-карельские фольклорные связи“. Изв. Карело-Финской базы АН СССР № 3, 1948.

ровывающего перевода. Таким образом, для достижения художественно-прозаического перевода иногда, как уже отмечалось выше, приходилось отступать от оригинала, но так, что эти отступления коснулись только формы выражения, но не смысла художественных образов. В карельском тексте песни, связанной с ритмом и напевом, появляются звукоподражательные и иные слова, которые не выполняют почти никаких смысловых функций, а только заполняют стопу или такт. Эти слова при переводе опущены.

Такое же слово, как „кунингас“, применительно к Петру Первому, переводится словом „царь“ по смыслу. Имеется и ряд других аналогичных случаев перевода.

Тексты советских песен сопровождаются поэтическими переводами, дающими читателю более полное представление, в частности, о ритмике карельского эпоса.

Художественно-прозаические переводы песен выполнены А. Беляковым, Н. Богдановым, А. Жербиным, В. Евсеевым, поэтические переводы советских песен сделаны Н. Богдановым и В. Евсеевым.

Для удобства чтения переводов личные имена героев в косвенных падежах не всегда склоняются. Эти личные имена в переводах фонетически варьируются так же как и в карельских текстах песен. Таким образом, уже русский перевод дает представление о том, как на том или ином диалекте звучит, например, имя Вяйнямёйнена. Разночтения личных имен эпических героев чрезвычайно важно учитывать при решении вопроса о том, эпонимом какого племени могло быть имя того или иного эпического героя.¹ В указателе личных имен фонетически разные варианты одного и того же имени сведены к наиболее распространенному варианту, на который и дается объяснение этого имени.

Заглавия к публикуемым текстам, как и вообще названия сюжетов, даны, в основном, составителем сборника. Заглавия песен в записях от сказителей нередко отсутствуют, а если и имеются, то они настолько однообразны, что по ним часто трудно различить один сюжет от другого.

К собранию текстов приложены примечания. Примечания не носят характера комментария по существу сюжетов, так как такой комментарий требует специальных исследований, и объем такого комментария превзошел бы объем текстов песен. Цель примечаний — помочь читателю, который хотел бы расширить свои знания в области карело-финского эпоса, разобратся в существующем материале. По каждому сюжету (в алфавитном порядке заглавий) даются основные библиографические сведения о публикациях данного сюжета и его переводах. Вслед за тем для каждого отдельного публикуемого в данном сборнике варианта даются сведения о месте и времени записи и указания на близкие варианты. В отдельных случаях

¹ О разночтениях имени Вяйнямёйни см. нашу статью „Эпоним венедов в карело-финских рунах“. Ученые записки Лен. Гос. ун-в., № 105, 1947, стр. 175—181.

расшифровываются наиболее трудные и темные места, непонятные для русского читателя без дополнительных объяснений.

К книге прилагается также указатель песенных сюжетов. Указатель этот необходим, т. к. многие песни — сводные, состоящие из нескольких сюжетов. Читатель, заинтересованный тем или иным сюжетом, по указателю найдет все случаи, в каком бы соединении они ни находились.

Кроме примечаний и указателя сюжетов в комментарий входят также указатель певцов рун, указатель собственных имен и географических названий.

**ТРАДИЦИОННЫЕ
ЭПИЧЕСКИЕ
ПЕСНИ**

ЛОУХСКИЙ РАЙОН

М. М. Коргуев¹

1. КААКОМИЭЛИ В ПОХЬОЛЕ

<p>Ainuo on akalla poika,
Ahkivolla naimah läksi.</p> <p>Päivän šoutau šuovesiä,</p> <p>Toizen šoutau muavesiä,
5 Kolmannen järvidesiä.
Tulou čikon luokše.
Čikko vuatteita pešöy,
Räpähiä räikyttelöy.
Čikko šanou Väinämöisellä:
10 „Šano totta, Väinämöini,
Kunne läksit, Umentolaini?“
„Läksin kalan pyyväntäh,
Otin verkkoja venehen täyven,
Laivan täyven laškomia!“
15 Čikko vaštah šanou:
„Ei še ennen miän izoni,
Kuin läksi kalan pyyväntäh...
Hoi šie, veikko Väinämöini,
Šiulla on kolme šurmua matalla!“
20 „Oi šie, čikko, ainuo čikko,
Šano taki mi on šurma ensimmäini!“
„Še on šurma ensimmäini:
Kuin on tulini koški,
Tulisešša košešša on tulini koivu,</p> | <p>Есть у женщины единственный сын,
Он взял лодку-плоскодонку и поехал
жениться.
Первый день он гребет по болотной
воде,
Другой — гребет по ключевой воде,
5 Третий — гребет по озерной воде.
Приезжает к сестре.
Сестра одежду стирает,
Белье полощет.
Говорит сестра Вяйнямёйнену:
10 „Скажи правду, Вяйнямёйни,
Куда отправляешься, Умендолайни?“
„Отправляюсь я рыбу ловить,
Взял сетей полную лодку,
Полный челнок запускных сетей!“
15 Отвечает сестра:
„Нет, прежний наш хозяин
Не так отправлялся рыбу ловить!
Ой ты, брат Вяйнямёйни,
На пути тебя ждут три смерти!“
20 „Ой ты, сестра, единственная сестра,
Расскажи мне про первую смерть!“
„Первая смерть —
Огненный порог;
На том огненном пороге огненная береза,</p> |
|--|---|

¹ Сведения о сказителях см. в примечаниях стр. 451—467

- 25 Tulisešša koivušša on tulini kokko,
Yöšša hammašta purou,
Päivät kynttä kryčkyttäy,
Miehen piätä purrešša“.
„Ei še ole šurma — miehen šurma,
30 Eikä poika šuun urohon.
Anni čikko, aino čikko,
Mi on toini šurma?“
„Kuin on rautani aita
Muašta taivahah šuati,
35 Čičiliuškoilla šivottu,
Kiärmehillä kiännetty,
Uloš šuin, uloš hännin,
Miehen piätä purrakšen“.
„Šano taki, ainuo čikko,
40 Mi on šurma, kolmaš šurma?“
„Še on šurma — kolmaš šurma:
Mänet, mereheh kuavut,
Panet polvella pistyh munan.
Mi on munašša ruškieta,
45 Še päiväkši paištanut.
Šiitä rupiet itkömäh“.
Pohjan ukko, pohjan akka,
Pohjan entini emäntä
Kuulou: ei itku — lapšen itku,
50 Še on partašuuu urohon.
Pyhkiy pienen pirttisen,
Lähtöy laštusie viemäh,
Lykkiäy pienen venehen
I lähtöy ehättämäh.
55 Ehättäy hiän Väinämöisen.
Tulou Väinämöini i šanou:
„Nyt tulin tänne naimah,
Muut kaikki häihe tulkah,
Vain ei yhtä Kaakomieltä.
60 Šokiet venehen šoutakkah,
Rammat raččahan ajakkah,
Vain ei yhtä Kaakomieltä“.
Pohjan ukko, pohjan akka,
Pohjan entini emändä,
65 Antau Väinämöisellä olutta:
Kettu piällä, kettu alla,
Kettu keškellä väliä.
Kaakomieli i tuli.
- 25 На той огненной березе огненный орел,
Ночью он зубы точит,
Днём когтями скрипит,
Хочет откусить мужчине голову“.
„Та смерть — не мужская смерть,
30 Не героя-молодца смерть.
Сестра Анни, единственная сестра,
Расскажи про вторую смерть!“
„Есть железная изгородь
От земли до неба,
35 Она ящерицами перевязана,
Змеями она обмотана,
Пастями наружу, хвостами наружу,
Хотят ужалить мужчину в голову“.
„Расскажи же, единственная сестра,
40 Расскажи про третью смерть?“
„Та смерть, третья смерть:
Пойдешь, в море упадешь,
Поставишь на колено стоймя яйцо:
Когда желток в яйце
45 Воссияет солнышком,
Тогда ты заплачешь!“
И вот старик Похьолы и старуха Похьолы,
Древняя хозяйка Похьолы,
Уже слышат плач: то не ребенок плачет,
50 То плач бородатого героя.
Подмечает она маленькую избушку,
Идет выносить мусор,
Отталкивает маленькую лодочку,
Едет его перевезти.
55 Перевозит она Вяйнямёйнена.
Приходит Вяйнямёйни и говорит:
„Пришел я теперь сюда жениться,
Пусть все приходят сюда гостями,
Только пусть не приходит Каакомиэли.
60 Слепые на лодках пусть гребут,
Хромые верхом пусть едут,
Только пусть не приходит Каакомиэли“.
Старик и старуха Похьолы,
Древняя хозяйка Похьолы
65 Дает Вяйнямёйнену пива:
Пена сверху, пена снизу,
Между ними также пена.
Тут Каакомиэли пришел.

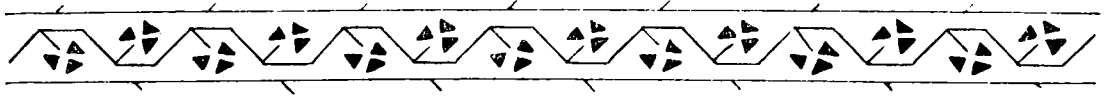

М. М. КОРГУЕВ.

Sano vanha Väinämöini:
 70 „Mikše šie tulit, Kaakomieli?
 Šilma ei kučuttu.“
 Kaakomieli še šanou:
 „Koirä še kučžuhu tulou,
 Hyvä lintu lykkelekše,
 75 Komie še on kučuttu vieraš,
 Komiempi kučžumatta.
 Läkka torah, Väinämöini!“
 Väinämöini še šanou:
 „Läkka torah, Kaakomieli“.
 80 Nu tultih torah.
 Kaukomieli še šanou:
 „Šivalla ielläh, Väinämöini“.
 Väinämöini še šanou:
 „Šivalla ielläh, Kaakomieli“.
 85 Kaakomieli šiitä otti veičen huotrašta,
 Tuiman rauvan tupešta,
 Löi oluvet ristih,
 Joi oluvet onnekšeh.
 Kaakomieli še šanou:
 90 „Nu šivalla ielläh, Väinämöini!“
 (Še oli totta tietäjä).
 No Väinämöini ku šivalti,
 Ni kuin kiveh kil'l'ahti;
 Kaakomieli ku šivalti,
 95 Lippai piäh kuin livun lumešta,
 Niin kuin n'uatn nakrehešta,
 Šiih še loppuh tora.
 Šiitä Kaakomieli rupieuh naimah.

Говорит старый Вяйнямёйни:
 70 „Зачем ты пришел, Каакомиэли?
 Тебя не звали“.
 Говорит Каакомиэли:
 „Собака на зов приходит,
 Хорошая птица прилетает без зова.
 75 Почетен гость званный,
 Еще почетнее незванный.
 Пойдем биться, Вяйнямёйни!“
 Говорит Вяйнямёйни:
 „Пойдем биться, Каакомиэли!“
 80 Вот сошлись они биться.
 Говорит Каакомиэли:
 „Ударь ты сначала, Вяйнямёйни!“
 Говорит Вяйнямёйни:
 „Ударь ты сначала, Каакомиэли!“
 85 Тут Каакомиэли берет нож из ножен,
 Выхватывает железо из ножен.
 Перекрестил пиво
 И выпил его за здоровье.
 Говорит тут Каакомиэли:
 90 „Ну, ударь сначала ты, Вяйнямёйни!“
 Был Вяйнямёйни настоящий колдун.
 Как Вяйнямёйни ударил,
 Словно по камню стукнул;
 Как ударил он Каакомиэли —
 95 Смахнул голову, как пушинку снега,
 Как ботву с репы;
 Тем тот бой и кончился.
 Только Каакомиэли и женился.

КЕСТЕНЬГСКИЙ РАЙОН

Е. И. Кемова

2. ИЛЬМОЙЛЛИНИ, ЕГО РОЖДЕНИЕ И СВАТОВСТВО

Iro-neiti, impi-neiti,
Šuki piätä šujautteli
Šuuren meren rantasešša.
Sukani mereh šujahti:
5 „Pyyvyštelin, šuahuštelin,
Empä šuanun šuvaistani,
Šain mie kolme hivukšutta.
Loisin tuleh — riähkä tulou,
Loisin veteh — riähkä tulou,
10 Panin oikieh poškipuoleh.
Alko vašša kašvu.
Vašša kašvo varpasista,
Koho korkoi korttehist.
Jo mie härillä häkyttelin,
15 Upehilla kynnättelin,
Enkä šyönyn šijan lihua,
Kyllälti šärvin šärrin lientä.
Jo miula onkolme pojaista.
Pitäs lähtie papilla nimie panettamah.
20 Empä lähe krošsuani mänettämäh.
Panen i'e paškahun:
Yhellä panen Väinämöisen,
Toisella — Keškišynnyntähti,

Kolmannella — šeppä Ilmoillini.“

25 „Iro-neiti, impi-neiti,
Lämmitä kyly läikähytä,

Девушка Иро, непорочная девица,
Расчесывала голову
На берегу большого моря.
Гребень упал в море:
5 „Ловила я, искала,
Не нашла гребешка,
А нашла три волоса.
В огонь бросить — будет грех,
В воду бросить — будет грех.
10 Заложила их за правую щеку —
Стала расти утроба.
Утроба росла от стебельков,
Полнота увеличивалась от камыша.
С быками я управлялась,
15 Заставляла жеребцов пахать.
Не ела свинины,
Только вдоволь хлебала ухи из плотвы.
Вот у меня три сыночка,
Надо бы итти к попу, имена им дать,
20 Да не буду тратить своих грошей,
Дам имена сама:
Первый пусть будет зваться Вяйнямёйни,
Второй пусть по рождению будет —
Средний,
Третий — пусть будет кузнец Ильмойл-
лини“.

Peše piät kuin pellavahat,
 Kaklat kullan karvallisiet,
 Läpi päivän paistamah,
 30 Läpi pilven pilkettämäh,
 Läpi kuutamon kumottamah".
 „Iro-neiti, impi-neiti,
 Prossi-plahoslovi naimah".
 „Mistä työ lähettä naimah?"
 35 „Hiijen akan, Hiijen ukon tyttärestä,
 Krasnoista Katerinašta".
 „Äijä on sinne männysie,
 Vähä on sieltä tullusie".
 „Iro-neiti, impi-neiti,
 40 Val'l'assa varšaheponi,
 Kiinitällä rintamoini.
 Tuo tuluppa tuhatn'yläni,
 Šarka šuan makšavaini.
 Pane kuuši kullaista kākōistä
 45 Kullan iäneh kukkumah,
 Länkilöillä laulamah,
 Vempelillä vinkumah".
 Lähettih ajua karettamah.
 Mäntih täh rantah šuuren meren,
 50 Poikkipuolini poikki pošahti.
 „Nouše, šepä Ilmoillini,
 Luve luotoni mereštä,
 Luotosešta raitani,
 Raitasešta poikkipuolini".
 55 Nousi šepä Ilmoillini,
 Jo i šen luati.
 Lähettih ajua karettamah,
 Mäntih puolen šuurta mertä,
 Vemmel poikki pošahti.
 60 „Nouše, šepä Ilmoillini,
 Luve luotoni mereštä,
 Luotosešta tuomini,
 Tuomisešta vemmel".
 Nousi šepä Ilmoillini,
 65 Jo i šen luati.
 Lähettih ajua karettelomah,
 Mäntih tuoh puoleh šuurta mertä.
 Kačotah: ka Hiijen ukon, Hiijen akan
 Krasnoi Katerina
 70 Vuatteita pualikoicčou

Вымой наши головушки, как лен,
 Шеи вымой до блеска золота,
 Чтобы сияли ярче солнца,
 30 Чтобы сияли и сквозь тучи,
 Светились ярче месяца".
 „Иро, непорочная дева,
 Благослови нас на женитьбу".
 „Куда вы поедете свататься?"
 35 „К старику Хийси, к старухе Хийси,
 К прекрасной Катерине!"
 „Многие туда ездили,
 Немногие оттуда вернулись".
 „Иро, непорочная девица,
 40 Запряги жеребенка,
 Затяни супонь,
 Принеси тулуп с тысячью пуговиц,
 Шубу, стоящую сотни.
 Посади шесть золотых кукушек
 45 Золотым голосом куковать,
 На хомуте петь,
 На дуге распевать".
 Отправились, едут, постукивают.
 Приехали на берег большого моря —
 50 Перевязь в санях сломалась.
 „Встань, кузнец Ильмойллини,
 Сделай песнями островок на море,
 На островочке — иву,
 А из ивы сделай перевязь!"
 55 Поднялся кузнец Ильмойллини
 И в миг все это сделал.
 Поехали дальше, постукивают.
 Приехали на середину большого моря —
 Дуга сломалась пополам.
 60 „Встань, кузнец Ильмойллини,
 Сделай песнями островок на море,
 На островочке черемуху,
 А из черемухи сделай дугу!"
 Поднялся кузнец Ильмойллини
 65 И вмиг все это сделал.
 Поехали дальше, постукивают.
 Подъехали к другому берегу моря,
 Смотрят: дочь старика и старухи Хийси,
 Прекрасная Катерина,
 70 Колотит белье вальком,

- Hopiesella pualikalla,
Kultasella liessiällä.
„Joko olet meihe varoin?“
„En ole teihe varoin.
75 Äijä on Hiijen ukolla,
Hiijen akalla muitrostie“.
„Mitä heilä on muitrostie?“
„Kyntänettä kyrmispellon,
Kiäntänettä kiärmispellon
80 Jaloin jalačittomin,
Käsin kintahittomin“.
Nousipa šepä Ilmoillini,
Jo šen i luati.
„Joko nyt olet meihe varoin?“
85 „En ole vielä teihe varoin,
Äijä on Hiijen ukolla,
Hiijen akalla muitrostie“.
„Mitäpä heilä on muitrostie?“
„Punonetta ruumenešta köyven,
90 Akanaiset köyven piät,
Jaloin jalačittomin,
Käsin kintahittomin“.
Nousipa šepä Ilmoillini,
Jo šen i luati.
95 „No joko olet nyt meihi varoin?“
„Jo olen nyt teihi varoin“.

- Серебряным валечком,
На золотом подмостке.
„Для нас ли приготовилась?“
„Нет, не для вас приготовилась,
75 Много у старика Хийси
И у старухи Хийси хитрости-мудрости“.
„Что за хитрость у них?“
„Сперва вспаши поле с ехиднами,
Сперва переверни змеиное поле,
80 С ногами необутыми,
С руками без рукавиц!“
Поднялся кузнец Ильмойллини
И вмиг сделал все это.
„Теперь пойдешь ли за нас?“
85 „Нет, не пойду еще за вас.
Много у старика Хийси,
У старухи Хийси хитрости-мудрости“.
„Что за хитрость у них?“
„Свейте веревку из мякины,
90 Из высевок сделайте концы веревки,
С ногами необутыми,
С руками без рукавиц“.
Поднялся кузнец Ильмойллини
И сделал это в один миг.
95 „Ужели теперь пойдешь за нас?“
„Уже теперь пойду за вас“.

В. Ю. Бородкина

3. ВЫКУП ДЕВУШКИ

- Anni tyttö itköy ta šoutau
Venäläisen veneheššä,
Karjalaisen karpasulla.
Tuli muamo vaštah.
5 „Muamosen', muamosen',
Lunašša šie tytištäš!“
„Millä mie šiun lunaššan?“
„Šiula on kolme lehmyä
Pane paraš pankih!“
10 „En pane parašta pankih!“
„Pane keškikertahini!“
„En pane keškikertahista!“

- Анни-девушка плачет,
Гребя в лодке русского,
В карбасе карела.
Навстречу ей мать.
5 „Мать моя родная,
Выкупи ты свою дочь!“
„Чем я тебя выкупаю?“
„У тебя есть три коровы,
Заложи из них лучшую!“
10 „Не заложу лучшей!“
„Заложи среднюю!“
„Не заложу средней!“

„Pane pahin pankih!“
 „Enkö pane pahinta!“
 15 Anni tyttö itköy ta šoutau
 Venäläisen veneheššä,
 Karjalaisen karpasulla.
 Tuli tuatto vaštah.
 „Tuattosen', tuattosen',
 20 Lunašša šie tytistäš!“
 „Millä mie šiun lunaššan?“
 „Šiula on kolme hevoista, ,
 Pane paraš pankih!“
 „En pane parašta pankih!“
 25 „Pane kešikertahini!“
 „En pane kešikertahista!“
 „Pane pahin pankih!“
 „Enkö pane pahinta!“
 Anni tyttö itköy ta šoutau
 30 Venäläisen veneheššä,
 Karjalaisen karpasulla.
 Tuli vel'i vaštah.
 „Vel'i'sen', vel'i'sen',
 Lunašša šie čikoistaš!“
 35 „Millä mie šiun lunaššan?“
 „Šiula on kolme koirua,
 Pane paraš pankih!“
 „En pane parašta pankih!“
 „Pane kešikertahini!“
 40 „En pane kešikertahista!“
 „Pane pahin pankih!“
 „Enkö pane pahinta!“
 Anni tyttö itköy ta šoutau
 Venäläisen veneheššä,
 45 Karjalaisen karpasulla.
 Tuli čikko vaštah.
 „Čikkosen', čikkosen',
 Lunašša šie čikoistaš!“
 „Millä mie šiun lunaššan?“
 50 „Šiula on kolme lammašta,
 Pane paraš pankih!“
 „En pane parašta pankih!“
 „Pane kešikertahini!“
 „En pane kešikertahista!“
 55 Anni tyttö itköy ta šoutau
 Venäläisen veneheššä,

„Заложу же худшую!“
 „Не заложу и худшей!“
 15 Анни-девушка плачет.
 Гребя в лодке русского,
 В карбасе карела.
 Навстречу ей отец.
 „Отец, мой отец,
 20 Выкупи свою дочь!“
 „Чем я тебя выкуплю?“
 „У тебя есть три коня,
 Заложу лучшего!“
 „Не заложу лучшего!“
 25 „Заложу среднего!“
 „Не заложу среднего!“
 „Заложу же худшего!“
 „Не заложу и худшего!“
 Анни-девушка плачет,
 30 Гребя в лодке русского,
 В карбасе карела.
 Навстречу ей брат.
 „Братец мой родной,
 Выкупи свою сестру!“
 35 „Чем я тебя выкуплю?“
 „У тебя есть три собаки,
 Заложу лучшую!“
 „Не заложу лучшей!“
 „Заложу среднюю!“
 40 „Не заложу средней!“
 „Заложу же худшую!“
 „Не заложу и худшей!“
 Анни-девушка плачет,
 Гребя в лодке русского,
 45 В карбасе карела.
 Навстречу ей сестра.
 „Сестрица моя родная,
 Выкупи свою сестру!“
 „Чем я тебя выкуплю?“
 50 „У тебя есть три овцы,
 Заложу лучшую!“
 „Не заложу лучшей!“
 „Заложу среднюю!“
 „Не заложу средней!“
 55 Анни-девушка плачет,
 Гребя в лодке русского,

Karjalaisen karpasulla.
 Tulou ämmö vaštah.
 „Ämmösen', ämmösen',
 60 Lunašša šie tytistäš!“
 „Millä mie šiun lunaššan?“
 „Šiula on kolme lusikkua,
 Pane paraš pankkih“.
 „Panen parahan pankkih!“
 65 Anni tyttö šoutau ta laulau:
 „Muamon lehmät hävikkäh
 Parahah lypšyaikah,
 Tuaton heposet hävikkäh
 Parahah ruohoaikah,
 70 Vellen koirat hävikkäh
 Parahah meččuinta aikah,
 Čikon lampahat hävikkäh
 Parahah keričentä aikah!“

В карбасе карела.
 Встретилась ей бабушка.
 „Бабушка, моя бабушка,
 60 Выкупи свою внучку!“
 „Чем я тебя выкупаю?“
 „У тебя есть три ложки,
 Заложи лучшую!“
 „Заложу лучшую!“
 65 Девушка Анни гребет и поет:
 „Пусть коровы моей матери подохнут
 В лучшую дойную пору!
 Пусть кони отца подохнут
 В лучшую пастбищную пору!
 70 Пусть собаки брата подохнут
 В лучшую охотничью пору!
 Пусть овцы у сестры подохнут
 В лучшую пору стрижки!“

4. МАТЬ ИЩЕТ СВОЕ ДИТЯ

Muarisen' Tuarisen'
 Läksi marjan ottoh.
 „Otin marjan huulellani,
 Huuliltani kielelläni,
 5 Kieleltäni vaččah.
 Šainpa sielä pienen tyttären,
 Työnsin uuličalla juokšentelemah“.
 Eipä nävy tytärtä,
 Eipä kuulu tytärtä.
 10 Lähen tytärtä eččimäh,
 Ečin päivän, ečin toisen,
 Ečin kohta kolmannen,
 Tuli kuutoma vaštah.
 „Etköš tiijä, kuutoma,
 15 Miun kullaista pikkutyttöistä?“
 „Tiijän vain en šano!“
 „Ečin päivän, ečin toisen,
 Ečin kohta kolmannen päiväni“.
 Tuli kuutoma vaštah.
 20 „Etköš tiijä, kuutoma,
 Škukaran ruoka,
 Miun kullaista pikkutyttöistä?“
 „Tiijän vain en šano!“

Муариэни-Дуариэни
 Пошла по ягоды.
 „Поднесла я ягоду к губам,
 С губ ягодка на язык,
 5 С языка в желудок.
 Родила от ягоды маленькую дочку,
 Послала ее на улицу бегать“.
 Что-то не видно дочки,
 Не слышно девочки.
 10 Я пошла искать дочь,
 Икала день, икала другой,
 Икала весь третий,
 Встретилась с месяцем.
 „Не знаешь ли, месяц,
 15 Золотой моей маленькой девочки?“
 „Знаю, да не скажу!“
 „Икала я день, икала другой,
 Икала весь третий день“.
 Опять встретилась с месяцем.
 20 „Не знаешь ли, месяц,
 Лягушачий ты корм,
 Моей золотой маленькой девочки?“
 „Знаю, да не скажу!“

„Ečin päivän, ečin toisen,
25 Ečin kohta kolmannen piähäni“.
Tuli päivä vaštah.
„Etkö tiijä, päivä,
Piällini jumala,
Miun kullaista pikkutyttöistä?“
30 „Tiijän — miun pellon pientarešša,
Tuhat mieštä tunnollista,
Šata on hauvan huolellista.
Veneh tulou virren kera,
Mieš peräššä, mieš nenäššä,
35 Nenä joikuu jouččenena,
Perä karjuu kuarnehena,
Tel’ot tetrenä kukertau,
Hankat hanhena hačattau,
Pyirimet pyinä pyčertäy“.

„Искала день, искала другой,
25 Искала весь третий день“.
Встретилась она с солнцем.
„Не знаешь ли, солнце,
Всевышний бог,
Где моя золотая маленькая девочка?“
30 „Знаю — на меже моего поля
Тысяча порядочных мужчин
Готовят ей могилу.
Лодка с песней подплывает,
Муж на корме, муж на носу.
35 Нос лодки стонет лебедем,
Корма вороном кричит,
Скамейки тетеревами воркуют,
Уключины гусями гогочут,
Весла рябчиками посвистывают“.

РАЙОН КАЛЕВАЛЫ

М. И. Михеева

5. АННИ ОТВЕРГАЕТ ЖЕНИХА

Annikki hyvä nimini,
Sisar nuoren Joukahaisen,
Läksi luutoja mežästä,
Vaššakšia varvikošta.
5 Taitto vaššan tuatollanša,
Toisen taitto muamollanša,
Kolmannen kokuoli vielä
Vanhimmalla vellellänšä.
Läksi hiän kotia kohti,
10 Lepikköjä löyhittämäh.
Ošmoni orošta virkki,
Kalevaini kankašmaista:
„Kašva, neiti, miušša mielin,
Elä muissa šulhasissa!“
15 Annikki hyvä nimini,
Pahoin mielenšä paneli:
„Enkä šiušša, enkä muissa,
En huoli huahen hal’l’akoista,
Verka vuatteista välitä,
20 Kašvan leivän kannikoilla,
Leivän kuorilla ylenen!“
Riisti ristin rinnaltanša,
Helmet kaklašta karisti,
Heitti muaha muan hyväkše,
25 Lehikköh lehon hyväkše.
Anni tyttö, ainut neiti,
Aina itkien mänöypi.
Vel’l’ekšeh veräjän šuušša

Анникки, дева с хорошим именем,
Сестра молодого Еукахайнена,
Пошла за метелками в лес,
За вениками в кустарник.
5 Наломала веник для отца,
Второй наломала для матери,
Третий собрала еще
Для своего старшего брата.
Направилась она к дому,
10 По ольшаннику мелькает.
Осмони сказал из дубравы,
Калева из бора:
„Расти, девица, думая обо мне,
Не думай о других женихах!“
15 Анникки, с хорошим именем,
Сильно опечалилась:
„Не о тебе и не о других!
Не забочусь я о домотканной одежде,
О суконных одеждах я не думаю.
20 Я расту на краюшках хлеба,
На корках хлеба расту“.
Рванула она крестик с груди,
Рассыпала жемчуг с шеи,
Выбросила на землю для земли,
25 В кустарник для листьев.
Анни-девица, единственная дочка,
Идет и плачет.
У ворот братья

М. И. МИХЕЕВА.

Kirjakorjua kirjutellah:
 30 „Mitä itet, Anni šisko,
 Vesissä, emoni veri?“
 Anni vaštai vellellänšä:
 „Ompa šyytä itkijällä,
 Vaivoja valittajalla,
 35 Kirpoi šormus šormistani,
 Tinanyplä rinnaštani,
 Hopiaiset vyöni piästä“.
 Anni tyttö, ainut neiti,
 Ielläh itkien mänöypi.
 40 Isä piäty ikkunašša
 Vemmelpuuta vuolomašša.
 „Mitä itet, Anni tyttö?“
 „Ompa šyytä itkijällä,
 Vaivoja vesistäjällä,
 45 Läksin luutova mečäštä,
 Vaštakšia varvikošta,
 Kirpoi risti rinnaltani,
 Punanauha piäni piältä!“
 Annikki hyvä nimini
 50 Ielläh itkien mänöypi.
 Emo piäty kesryämäšša,
 Värttinöitä viäntämäšša:
 „Mitä itet, Anniseni,
 Kaunis kašvon kumpaloni?“
 55 Anni emolla vaštasi,
 Laušu valtavanhemmalla:
 „Oi, emoni kantajani,
 Läksin luutova mečäštä,
 Vaššan päitä varvikošta
 60 Vaka vanha Väinämöini
 Šanan virkki noin nimesi:
 „Kašva, neiti, miušša mielin,
 Elä muissa šulhasissa!“
 Äiti vaštai lapšellänša,
 65 Šanat šuatto tyttärellä:
 „Tuota vuotin tuon ikäni,
 Kačoin kaiken kašvuin aijan,
 Šukuhuni šuurta mieštä,
 Vävykšeni Väinämöistä.
 70 Kuule, armas Anniseni,
 Mäne aittahan mäjellä,
 Šiell'on arkku arkun piällä,

Разрисовывают расписные сани.
 30 „Что ты плачешь, сестрица Анни,
 Почему ты в слезах, кровь нашей матери?“
 Анни отвечает своим братьям:
 „Есть причина мне плакать,
 Страдания заставляют жаловаться:
 35 Кольцо упало с моей руки,
 Оловянная пуговица с моей груди,
 Серебряная пряжка с моего пояса“.
 Анни-девица, единственная дочь,
 Идет все дальше и плачет.
 40 Отец сидел у окна,
 Он тут строгал дугу.
 „Что ты плачешь, Анни-дочка?“
 „Есть причина мне плакать,
 Страдания заставляют проливать слезы.
 45 Я пошла за вениками в лес,
 За ветками в кустарник,
 Упал крест с моей груди,
 С кончика моей красной ленты!“
 Анники, дева с хорошим именем,
 50 Идет дальше и плачет.
 Мать сидела за прялкой,
 Нитки наматывала на веретено:
 „Что ты плачешь, моя Анни,
 Милая, мною взращенная?“
 55 Анни ответила матери,
 Сказала матери родимой:
 „Ой ты, мать, что меня носила,
 Я пошла за метелками в лес,
 За вениками в кустарник.
 60 Верный, старый Вяйнямёйни
 Такие слова мне сказал:
 „Раста, девица, думай обо мне,
 А не о других женихах!“
 Мать ответила своему ребенку,
 65 Промолвила слово своей дочери:
 „Этого я ждала всю свою жизнь,
 Ждала, пока ты подрастала,
 В мой род великого мужа,
 Зятем — Вяйнямёйнена.
 70 Послушай-ка, моя милая Анни,
 Иди в кладовую на пригорке.
 Там сундук на сундучке,

- Lipaš lippahan lomašša.
 Avuako paraš arkku,
 75 Kaunis lipaš liukahuta.
 Šiell'on kuuši kultavyötä,
 Šeiččemen šinihamoista.
 Ne on kuutaman kutomat,
 Päivättären kehräilemät,
 80 Tähettären täyttelemät.
 Kuin olin ennen paimenešša,
 Lasna karjan kaččojana,
 Kuulin kuutoman kutovan,
 Päivättären kehräilemän,
 85 Otavattaren ošuan
 Vašten vaivaista šinua,
 Hamehia hankkimašša!“
 Anni tyttö, ainut neiti,
 Läksi tietä mänemähän,
 90 Polkusia potkailemah.
 Mäni šuuren meren rantah,
 Nousi šuuren kiven piällä,
 Rupesi silmie pešemähä,
 Kyynäliä pyyhkimähä.
 95 Šiinä, vetreh, veteh vieri,
 Lintu kuoli liijoin šurmin.

- Короб рядом с коробом.
 Открой лучший сундук,
 75 Красивый короб распахни.
 Там шесть золотых поясков,
 Семь синих юбочек.
 Они луною вытканы,
 Солнцем спрядены,
 80 Вышиты звездами.
 Давно, когда я пасла,
 Присматривала в детстве за стадом,
 Я слышала, как луна ткала,
 Солнце пряло.
 85 Большая Медведица умела
 Для тебя, несчастная,
 Делать платья!“
 Девушка Анни, единственная дочка,
 Пошла по дорожке,
 90 Зашагала по тропинкам.
 Пришла на берег большого моря,
 Поднялась на большой камень,
 Стала мыть лицо,
 Вытирать слезы.
 95 И тут несчастная покати́лась в воду,
 Умерла птичка ненужной смертью.

6. ВЯЙНЯМЁЙНИ НИСХОДИТ В УТРОБУ ВИПУНЕНА

- Vaka vanha Väinämöini,
 Tietäjä ijänikuini,
 Läksi tietuo ottamaha,
 Lauluja lappamahan.
 5 Viršihin ku Vipuni kuoli,
 Antervo aivan katosi
 Tuonne Tuonelan mäkehe,
 Manalan ikipurohon.
 Očalla — olavikuuši,
 10 Havuhonka hartioilla.
 Väinämöini väisty hautah,
 Putosi tietäjä puroho.
 Šiitä Antervo Vipuni,
 Nieli Väinön vaččahanša,
 15 Laulajan šuolihin lappo.
 Tuošta vanha Väinämöini

- Мудрый, старый Вяйнямёйни,
 Вековечный заклинатель,
 Поехал набраться мудрости,
 Слагать песни.
 5 В песнях Випуни скончался,
 Антерво совсем исчез,
 В горе Туонелы,
 В вечном ручье Маналы.
 На лбу его ель выросла,
 10 На плечах сосна поднялась.
 Вяйнямёйни осту́пился и упал в яму,
 Заклинатель упал в ручей.
 Тут Антерво Випуни
 Проглотил Вяйнё,
 15 Певца вобрал в кишки.
 Там старый Вяйнямёйни,

Arveloo, ajattelovi:
 „Kuin mie, kurja, tänne šuavuin,
 Kitaha kuollehen miehen,
 20 Vaččah valkoruumihin?“
 Alko hiän venehtä luatie,
 Tai pattie paukutella.
 Šiitä hiän se pajan teki, —
 Polvenša alusimikše,
 25 Kulakkanša vasarakše.
 Tako rauvat polven piäššä,
 Kyynäšpiällänšä kyhäsi,
 Veisti hiän šiellä venosen,
 Kuušilaijan kolkutteli,
 30 Millä šoutua šuonie myöte,
 Nikalmoita nilkutella.
 Šouti päivän, šouti toisen,
 Päivänä kolmantena
 Šouti šuonista ulošša,
 35 Piäsi vačašta Vipusen.
 „Voi kui kauvan oli kateissa,
 Viikon vilušša sijašša,
 Kuollehien kouhkoloissa,
 Makšoiissa muaha männehen!“
 40 Vaka vanha Väinämöini
 Iše tuon šanoikse virkki:
 „Šoutelen nyt šuuren šelän
 Jollottelen pitkän joven.“

Думает, гадает:
 „Как я мог сюда попасть,
 В пасть мертвого мужа,
 20 В живот к белотелому?“
 Начал он делать лодку,
 Стал он там сильно стучать.
 Потом он устроил кузницу,
 Колено служило наковальней,
 25 Кулаки служили молотками.
 Ковал он железо на колене,
 Своими локтями его готовил.
 Вытесал там он лодку,
 Еловобортную там смастерил.
 30 На ней можно плавать по жилам,
 Скользить по позвоночнику.
 Плыл он день, плыл другой
 И уже только на третий
 Выплыл из жил,
 35 Из чрева Випунена освободился.
 „Как долго я был без вести,
 Как долго в холодных местах,
 У умершего в легких,
 В печени у погребенного!“
 40 Мудрый, старый Вяйнямёйни
 Сам промолвил такие слова:
 „Поплыву теперь я в свободные воды,
 Вдоль реки теперь поплыву“.

7. ВЯЙНЯМЁЙНИ ОСВОБОЖДАЕТ СОЛНЦЕ

Kato päivä Pohjolašta,
 Kuuhut kunnalta mäeltä.
 Vaka vanha Väinämöini,
 Tietäjä ijan ikuini,
 5 Arvelou ajattelovi:
 „Kunne päivä piättynyh,
 Kuuhut kokonah katonuh?
 Lähtie päivän eččimähä,
 Kuulomahan kuutomaista.
 10 Lienöy Pohjolan emäntä,
 Šaarijolan vaimo vanha,
 Päivän peittän paistamašta,
 Kuuhuon kuumottamašta,

Скрылось солнце из Похьолы,
 С горы скатился месяц.
 Мудрый, старый Вяйнямёйни,
 Вековечный заклинатель,
 5 Думает, гадает:
 „Куда же скрылось солнце,
 Куда потерялся полный месяц?
 Надо солнце поискать,
 Послушать пойти месяца.
 10 Видно, хозяйка Похьолы,
 Старая мать Сариолы,
 Скрыла сверкающее солнце,
 Спрятала сияющий месяц.“

Kuin tuli pimie Pohjolahan,
 15 Kumma olla kuutomatta.
 Lähtie Šampuo šualistamah,
 Anaštamah vejen Ahtie!“
 Šiitä vanha Väinämöini
 Läksi Šampuo šualistamah,
 20 Anaštamah vejen Ahtie.
 Laškoupi šinistä mertä
 Pimien Pohjolan perähä,
 Luokši Pohjolan emännän,
 Šaarijolan vaimon vanhan.
 25 Šuaupi Šammon venosehe,
 Nošti piällä purjeh puita;
 Laški päivän, laški toisen.
 Niin päivänä kolmantena
 Lentäy Pohjolan emäntä.
 30 Šaarijolan vaimo vanha
 Vanhan Väinämön perästä.
 Tarttupa hiän Šampoh kiinni.
 Iče vanha Väinämöini
 Melan on mereštä nošti,
 35 Šillä Šampuo murotteli,
 Kirjokannen kirškahutti.
 Šiitä šammon šyämestä,
 Aivan kirjokannen alta
 Piäsi päivä paistamaha,
 40 Kuutoma kumottamaha.

Наступила темень в Похьоле,
 15 Без месяца стало непривычно.
 Надо пойти за Сампо,
 Отнять его у Ахти!“
 Тут старый Вьянямёйни
 Пошел искать Сампо,
 20 Отнимать его у Ахти.
 По синему морю он несется,
 В конец Похьолы темной,
 К самой хозяйке Похьолы,
 К старой старухе Сариолы.
 25 Там он нашел Сампо.
 Паруса поднял на мачту,
 День он едет, едет другой день,
 А на третий день
 Уже мчится хозяйка Похьолы,
 30 Старая старуха Сариолы,
 Вслед за старым Вьянямёйни.
 Она за Сампо ухватилась.
 Сам старый Вьянямёйни
 Поднял весло из моря,
 35 Им по Сампо ударил,
 Крышку пеструю разбил.
 Из самой середины Сампо,
 Из-под пёстрой его крышки,
 Вышло солнце, засияло,
 40 Месяц ясный заблистал, поднялся.

8. ЛЕММИНКЯЙНИ НА ПИРУ В ПЯЙВЁЛЕ

Lemminkäini lieto poika
 Iče šano noin pakasi:
 „Kuule, armaš äitiseni,
 Taivahalta vanhempani,
 5 Lähen Päivölän pitoho,
 Šuuren joukon juominkihi.
 Oi, emoni kantajani,
 Šiästä šakkihi eväšta,
 Pane jauhuo palttinaiseh;
 10 Lähen šuurehen šotahan,
 Pitelömäh pillomukšiel!“
 „Oi šie, lieto Lemminkäini,
 Elä lähe tappeluha,

Лемминкяйни, хитрый молодец,
 Сказал такие слова:
 „Слушай, матушка дорогая,
 Старшая женщина, сошедшая с неба,
 5 Я еду на пир Пяйвёлы,
 На многолюдный пир.
 Ты, мать, меня родившая,
 Припаси мешок пищи,
 Насыпь муки в полотняный мешок;
 10 На великую войну я собираюсь,
 Я направляюсь сражаться!“
 „Ой ты, хитрый Лемминкяйни,
 Не ходи сражаться,

Elä suurehe šotaha.
 15 Mont' on šurmua välillä
 Lemminkäistä šurmuamašša!
 „Ei ole siellä miešten šurmua,
 Eikä vaštuajua urohon.
 Ne on šurmat, lašten šurmat,
 20 Eikä partašuun urohon!“
 Äiti vielä varottavi
 Laušehia lapšellanša:
 „Tiijän šurman ensimmäisen,
 Kuin matkuat vähäsen tästä,
 25 Ajat teitä pikkaraisen,
 Tuloupa tulini koški,
 Košēšša tulini luoto,
 Luuvošša tulini koivu,
 Koivušša tulini kokko;
 30 Kieli kuutta keihäšvartta,
 Šiivet seičentä venehtä,
 Hampahat rautaset hällä,
 Kynnet aivan teräksiset.
 Yöt hiän hammašta hivoupi,
 35 Päivät kynttä kriičkuttau
 Lemminkäisen piän varalla!“
 „Ei ne ole šurmat, miešten šurmat,
 Eikä partašuun urohon,
 Oi, emoni kantajani,
 40 Tuo miulla tulini miekka,
 Teräkseni terhettini,
 Mitä ennen isäni käytti
 Šuurta šotua käyveššänša
 Pimijäššä Pohjolašša,
 45 Tarkašša Tapiolašša,
 Miešten syöjäššä kyläššä,
 Urohon upottajašša!“
 Äiti toi tulisen miekan,
 Teräksisen rauvan anto,
 50 Millä koivuo kolistella,
 Kuatua isova puuta,
 Jošta kokko koškeh kirpois,
 Havulintu piänšä halkais,
 Antais tietä miešten männä,
 55 Urošten šotahan šuaha.
 Val'l'ašti hyvähän varšan,
 Ohjaksenteli oriinša.

На великую войну не собирайся.
 15 Много собралось напастей
 На гибель Лемминкяйнену!“
 „Эта смерть не для мужчины,
 Не препятствие богатырю,
 Эта смерть — детям погибель,
 20 Так не гибнет бородатый!“
 Мать опять предупреждает,
 Отговаривает сына:
 „Знаю я про первую погибель:
 Как пройдешь немного отсюда,
 25 Лишь немного ты проедешь,
 Ты встретишь огненный водопад,
 В водопаде огненный утес,
 На утесе огненная береза,
 На березе огненный орел,
 30 У него язык длиной в шесть копий,
 У него крылья в семь лодок длиной;
 У орла зубы из железа,
 Когти у орла из стали.
 Ночью он скрипит зубами,
 35 Днем он скрежещет когтями,
 Лемминкяйнену на погибель!“
 „Эта смерть не для мужчины,
 Так не гибнет бородатый.
 О ты, мать, меня родившая,
 40 Принеси мне огненный меч,
 Стальной клинок подай мне,
 Что отец мой носил раньше,
 Когда он ходил на войну
 В темную Похьолу,
 45 Когда направлялся в Тапиолу,
 В села, где съедают мужей,
 Где топят героев!“
 Мать принесла огненный меч,
 Дала ему стальной клинок,
 50 Чтобы подрубить березу,
 Чтобы срубить большое дерево,
 Чтобы орел упал в порог,
 Чтобы голову разбил крылатый,
 И дорогу уступил бы мужу,
 55 Идущему в бой герою.
 Уже запряг он жеребца,
 Он уздой взнуздал коня,

Tempai miekan polallansa,
 Sapelensa vyöllä vyöti
 60 Suurta kokkuo šurmuamaha,
 Vaivuttamah vaštualijua.

Меч он повесил вдоль бедра,
 Саблю пристегнул к поясу,
 60 Чтобы убить большого орла,
 Чтобы сразить преграждающего путь.

9. ОХОТА НА ЛОСЯ

Лылиikki лылujen šөppä
 Talven hiän лылјя vuoli,
 Kešän ketti uutta šušta.
 Lыkkäsi лыlyn lumella,
 5 Še makšo ruškien reposen,
 Eli valkien jäniksen.
 Iše läksi hiihtämähän;
 Jo on kerran kuopasihe
 Silmän siintämättömähä,
 10 Jo toisen kuopasihe
 Korvan kuulomattomaha.
 Jo kerralla kolmannella
 Jo tal'p'ua taputteli,
 Hiijen hirven selkäluita.
 15 Kaščelopi kiäntelöpi:
 „Kelpaisi tuolla muata
 Nuoren neitosen keralla“.

Люлиikki, лыжный мастер,
 Зимой он сделал лыжи,
 Летом загнул эти новые лыжи.
 Бросил лыжи на снег,
 5 Цена им — шкурка рыжей лисицы
 Или шкурка белого зайца.
 Сам он встал на лыжи,
 Раз оттолкнулся —
 И уже скрылся с глаз,
 10 Второй раз оттолкнулся —
 Ушам не слышно, где он.
 А на третий раз
 Лося по шкуре ударил,
 По хребту — лося Хийси.
 15 Осматривает ее, поворачивает:
 „Хорошо бы на шкуре поспать
 С молодой девушкой!“

10. КУЛЛЕРВО УЗНАЕТ СЕСТРУ

Kullervo Kalervon poika,
 Šinišukka Äijön poika,
 Iše istuutuh rekehe,
 Kohenti korjahanša.
 5 Korjan ieššä ruškie ruuna,
 Val'p'ahissa mušta varša.
 Ajova pörötteleh.
 Ajo šoita, ajo maita,
 Pitin pitkiä ahoja,
 10 Meščäteitä meurotteli,
 Tapai tiellä nuoren neijon,
 Matkalla ihanan immen.
 Kullervo Kalervon poika
 Iše laušu noin pakasi:
 15 „Nouše, neitoni, rekehe,

Куллерво, сын Калервы,
 Эйе, сын с синими чулками,
 Усаживался в сани,
 В саночки он уселся.
 5 В те сани запряжен рыжий мерин,
 Вороной жеребец идет в упряжке.
 Едет он и напевает.
 Едет по болотам, едет по земле,
 Едет вдоль больших полян,
 10 По лесным дорогам едет.
 На пути молодую девицу встретил,
 Повстречал прекрасную деву.
 Куллерво, сын Калервы,
 Сказал такие слова:
 15 „Ты садись, девица, в сани,

Kokaha miun korjahani!
 Neito vaštai vakavašti,
 Yritteli yläpästä:
 „Šylen, konna, korjahaši,
 20 Reköän rekesehesi!“
 Kullervo Kalervon poika
 Tuošta šianti, tuošta šuuttu.
 Nošti neitosen rekehen,
 Kopšahutti korjahanša.
 25 Ajavi köröttelövi,
 Käsi neijon kaklasessa,
 Toini oron ohjakšissa.
 Tuopa koira Kullervon mieli,
 Tuošta piti nuoren neijon,
 30 Tinarinnan ripšahutti.
 Neito piäsiki pakoho,
 Männetteli melko paljon,
 Juoksi šuoraha jokehe,
 Järven pohjahan pomahti,
 35 Alla ualtojen šyvien,
 Piällä muštien murien
 Sisarekše šiikasilla,
 Veikokše vejen kaloilla.
 Kullervo Kalervon poika,
 40 Arvelou ajattelövi:
 „Pahoin petin neitosen,
 Polin ehiän vaimon.
 Oli še oma sisareni,
 Oman emoni lapši“.
 45 Siitä hiän ajo loitokše merella,
 Justi šuureen Jortanoiseh.
 „Lähen ečin siskoseni,
 Alasen vejen Ahtih,
 Jos Ahti siskoni anašti,
 50 Veipä vesi tyttöseni“.
 Ajo avantoh šyvähä,
 Jiän alla järskähutti.
 Šinne Kullervo kuoli,
 Katosi kamala huoli.

В саночки ко мне садись!“
 Спокойно девица ответила,
 С гордостью промолвила:
 „Наплевать мне на твои сани,
 20 В них хочу высморкаться!“
 Куллерво, сын Калервы,
 Рассердился на это, разгневался,
 Поднял девицу в сани,
 Усадил он ее в саночки.
 25 Едет он, поскрипывает,
 Одной рукой девицу обнимает,
 Другой рукой вожжи держит.
 Собачью думу Куллерво задумал,
 Вот он насильно овладел девицей,
 30 Девой с оловянными монистами.
 Девушка пустилась бежать,
 Убежала далеко,
 Прямо в реку вбежала,
 На дно озера бросилась,
 35 Под глубокие волны ушла,
 На черное дно озера.
 Она стала сестрицей сигам,
 Она побраталась с подводными рыбами.
 Куллерво, сын Калервы,
 40 Думает, гадают:
 „Плохо обошелся я с девицей,
 Затоптал я непорочную в грязь,
 А она была моя сестра,
 Она дочь моей матери“.
 45 И тогда он морем далеко поплыл,
 Прямо к великой Иордани.
 „Пойду искать свою сестру
 В водах водяного Ахти;
 Ведь Ахти захватил мою сестру,
 50 Унесла вода мою девицу“.
 Подъехал он к проруби глубокой,
 Бросился он под лед.
 Так Куллерво погиб,
 Страшилище под водой умерло.

М. П. Степанов

11. ВЯЙНЯМЁЙНЕ СОСТЯЗАЕТСЯ В ПЕНИИ С ЁУКАХАЙНЕНОМ

Eleli hiän aikojahe
 Noilla Väinölän tuvilla,
 Kalevalan kankahilla;
 Kuuli vanhua Väinämöistä
 5 Laulajaksi paremmaksi iččijänsä,
 Lähteä hiän käkesi,
 Tullakšeh hiän toivotteli,
 Noilla Väinölän ahoilla,
 Kalevalan kankahilla.
 10 Val'l'ašti tulisen ruunan
 Korjan kultašen etehen,
 Iski virkkua vičalla,
 Heitti helmiruoškasella.
 Läksikö virkku vieremähän,
 15 Hevone helettämähän,
 Ajo päivän, ajo toisen,
 Ajo päivän kolmannenkin.
 Tulipa tiellä västatušten,
 Tuli vanha Väinämöine,
 20 Tarttu aisa aisan piähän,
 Vemmel vempelen nenähä.
 Kyšy nuori Joukahaine:
 „Kuita olet šie šukua,
 Kuita kurjua joukkuehta,
 25 Kuin tulit tuhmašta tiellä etehe,
 Västahan varattomašta,
 Šaret länket länšäpuiset,
 Vempelehet vešäpuiset?“
 Kyšy vanha Väinämöine:
 30 „Šano šie oma šukusi,
 Mitä šie enintä tiijät?“
 „Tiijän mie tijasen linnukši,
 Kyyn viherän kiärmekši.
 Olin mie šilloin šießä,
 35 Konša merta kynnettih,
 Vuoret pantihih kokoihi“.
 Šano vanha Väinämöine:
 „Eihän šilma šielä nähty,
 Konša merta kynnettihi,
 40 Vuoret luotihih kokoihi“.

Жил он раньше, в свое время,
 В избах Вьянёлы,
 На борах Калевалы;
 Слышал про старого Вьянмяйнена,
 5 Будто он певец лучше него.
 Тогда он обещал собраться,
 Сулился поехать
 На те пожоги Вьянёлы,
 На боры Калевалы.
 10 Запряг он огненного мерина
 В золотые санки.
 Ударил жеребца прутом,
 Стегнул кнутом, обшитым жемчугом.
 Жеребец побежал рысью,
 15 Лошадка пустилась в бег.
 Ехал день, ехал два дня,
 Третий день уже ехал.
 Дорогой столкнулся с встречным,
 Наехал на старого Вьянмяйнена.
 20 Оглобля зацепилась за оглоблю,
 Дуга ударилась о дугу.
 Спросил юный Ёукахайне:
 „Ты откуда будешь родом,
 Из какого ты жалкого сброда,
 25 Неискусный ездок,
 Дорожный ротозей?
 Ты сломал мой деревянный хомут,
 Дугу из молодой поросли“.
 Спросил старый Вьянмяйне:
 30 „Скажи сам, откуда ты родом,
 И знаешь ли больше меня?“
 „Знаю я, что синица — птица,
 Что ехидна — змеиной породы.
 Я уже был тогда,
 35 Когда вспахивали первое море,
 Когда создавали горы“.
 Сказал старый Вьянмяйне:
 „Никто тебя там не видел,
 Когда вспахивали первое море,
 40 Когда первые горы создавали“.

- Jopa šuuttu Väinämöine,
Iče loihe laulamahan.
Laulo vanha Väinämöine,
Järvet läikky, mua järisi,
45 Vuoret vastahan vapisi.
Laulo nuoren Joukahaisen,
Laulo šuohon šuonivöiksi,
Niittyhyn nivutlihoiksi,
Tunšipa nuori Joukahaine,
50 Tunši tiellä tulלהekši,
Tunši vanhan Väinämöisen.
„Oi on, vanha Väinämöine,
Piästä šie tästä pälkähästä,
Parran paikašta pahašta.
55 Virta jo jalkoja vetäy,
Hiekka šilmijä hivou,
Annan kultia kyperin,
Hopeoita huovan täynä,
Isäni šovasta šuamie,
60 Tappeluista taluttamie“.
Šano vanha Väinämöine:
„Kylän kul illa omatkin kullat,
Lasten leikkinä hopeat“.
Laulo nuoren Joukahaisen,
65 Laulo ainakin alemma.
Šano nuori Joukahaine,
Šano uuvven kerran vielä:
„Oi on, vanha Väinämöine,
Piästä kuitenkin tästä pahašta.
70 Annan ainoan emoni lapšen,

- Annan neijon Joukahaisen,
Šiula pirtin pyyhkijäkši,
Lattian lakasijakši“.
Jopa vanha Väinämöine
75 Ihaštui ikihyvikši,
Kun šai neijon Joukahaisen
Ičelläh pirtin pyyhkijäkši,
Lattian lakasijakši.
Piäštipä nuoren Joukahaisen,
80 Piäšti paikašta pahašta.
Instuutu nuori Joukahaine
Ajorekehen.
Kohenti hiän korjahanša,

- Рассердился Ваянямёйне,
Начал он петь.
Запел старый Ваянямёйне,
И озера заколыхались, земля затряслась,
45 Горы задрожали в ответ.
Заклял он юного Ёукахайнена
И погрузил его в болото до пояса,
В луг по бедра.
Узнал юный Ёукахайне,
50 Кому встал он поперек дороги,
Узнал старого Ваянямёйнена.
„Ах, старый Ваянямёйне,
Освободи меня из этой беды,
Из этого плохого места для бородатого.
55 Вода засасывает мои ноги,
Песок летит в глаза;
Дам тебе шлем золота,
Серебра полный войлочный мешок,
Что отец мой на войне приобрел,
60 Из сражения вывез“.
Сказал старый Ваянямёйне:
„У меня свое золото в деревне валяется,
Серебром дети играют!“
И вновь запел над юным Ёукахайненом
65 И погрузил его еще глубже.
Сказал юный Ёукахайне,
Снова, еще раз сказал он:
„Ох, старый Ваянямёйне,
Освободи ты меня отсюда:
70 Отдам тебе единственную дочь моей
матери,

- Выдам сестру Ёукахайнена,
Чтобы убирала твою избу,
Чтобы подметала пол“.
Тут старый Ваянямёйне
75 Обрадовался, развеселился,
Что получил девушку от Ёукахайнена
Убирать его избу,
Пол в ней подметать.
Освободил он юного Ёукахайнена,
80 Отпустил из плохого места.
Уселся юный Ёукахайне
В сани для езды.
Наладил он свои сани,

Läksi mielellä pahalla,
 85 Luokše armahan emonša
 Tyköh valta vanhempanša.

И поехал в них, понуря голову,
 85 К доброй своей матери,
 К своей старой родительнице.

К. П. Гавринен

12. ВЯЙНЯМЁЙНИ ОСВОБОЖДАЕТ СОЛНЦЕ

Vaka vanha Väinämöini
 Kauvan šoitti kantelehta,
 Šekä šoitti, jotta laulo,
 Jotta ilman kihosi.
 5 Šoitto kuulu kuulumilla,
 Ilo päivän ikkunoilla.
 Kuuhut vaštahan tulovi,
 Piätty päivä linnaštahan;
 Loihihe latvahan petäjän
 10 Kantelehta kuulomahan,
 Iloa imehtimähän.
 Louhi Pohjolan emäntä,
 Pohjan akka harvahammaš,
 Šiten päivän kiini šuapi,
 15 Kuuhuen käsin tavoitti.
 Šenpä kohta kotihin viepi,
 Pimijähän Pohjolahan.
 Kätki hiän kuun kumottamašta
 Kirjarintahan kivehen.
 20 Laulo päivän paistamašta

Vuorehen teräksisehen,
 Iče noin šanat šaneli:
 „Elkiä tiältä ennen piäškö,
 Kun en käyne piäštämähän,
 25 Että käyne noutamahan!“
 Johan valkijat varašti,
 Tulet Väinölän tuvilta,
 Vei tuvat tulettomakši,
 Pirtit valkiettomakši.
 30 Pimie on Kalevalašša,
 Šekä tuola taivahašša,
 Ukon ilman istuimilla.
 Viluja viljalla tuleepi,
 Karjalla olo kamala,

Степенный, старый Вяйнямёйни
 Долго играл на кантеле,
 Он играл, а также пел,
 И без песен наигрывал.
 5 Игра была слышна повсюду,
 Веселье — на окнах солнца.
 Выходит навстречу месяц,
 Солнце остановилось в своем городе;
 Опустилось на верхушку сосны
 10 Слушать кантеле,
 Разделить веселье.
 Лоухи, хозяйка Похьолы,
 Баба с редкими зубами,
 Захватила солнышко,
 15 Поймала в руки месяц.
 И сразу уносит их домой
 В темную Похьолу.
 Чтобы не светил, скрыла месяц
 В камень с пестрой поверхностью.
 20 Чтобы не сияло солнце, песней его зам-
 кнула

Вовнутрь стальной скалы.
 Сама же сказала такие слова:
 „Не выходите отсюда,
 Пока я вас не выпущу,
 25 Пока я сама за вами не приду!“
 И вот, свет она украла,
 Свет из изб Вяйнёлы,
 Оставила избы без света,
 Дома без света оставила.
 30 Стало темно в Калевале,
 А также на небе,
 На престоле небесного Укко.
 Холодно расти хлебам,
 Скоту стало трудно,

35 Ikävä imehnisillä,
Hauki tiesi hauvan pohjan.
Kokko lintujen kulennan,
Ei tietän emoisen lapset
Milloin päivä valkenoopi,
40 Milloin aamu alkanooi,
Nenästä utuisen niemen,
Piästä šuaren terhomaisen.
Nuoret neuvoa pitävät,
Ikäpuolet arvelevat:
45 „Minne meiltä päivä piätty,
Kunne meiltä kuu katosi?“
Piättyvät šepo pajahan.
„Nouše, šepo, šeinän alta,
Takojan kiven takualta,
50 Takomahan uutta kuuta,
Uutta aurinkon kehyštä!“
Nouši šepo šeinän alta,
Takoja kiven takualta
Takomahan uutta kuuta,
55 Uutta aurinkon kehyštä.
Kullašta šepo kuun kuvasi,
Hopijašta päivän luati.
Šaihan kuun kuvatuksi,
Tako päivän valmehekši.
60 Noita hiän nošteli halolla,
Kaunehešti kannatteli.
Kuun hiän kuušehen kuvasi,
Päivän pitkän männyn piähä.
Hiki vieri viejän piästä,
65 Kašše kantajan očašta,
Tuošša työššä työlähäššä,
Noššannašša vaikijašša.
Eipä kuu kumottankaan,
Eipä päivä paistanutkaan.
70 Vaka vanha Väinämöini,
Leikkasi lepästä laššun
Kyšy hiän luojalta lupua,
Kävi arvat kiäntämäššä,
Šinišormet šuortomašša.
75 „Šanoš totta, luojan arpa,
Juttele, jumalan arpa,
Minneš meilt' on päivä piättyn,
Kunneš meilt' on kuu katon?“

35 И скучно стало людям.
Щука знала дно ямы,
Орел полет всех птиц;
Не знали дети матери,
Когда засветит солнце,
40 Когда проглянет утро
С носа туманного мыса,
С конца мглистого острова.
Молодые совет держат,
Старые раздумывают:
45 „Куда от нас скрылось солнце,
Куда от нас исчез месяц?“
Остановились у кузницы кузнеца:
„Вставай, кузнец, из-под стены,
Из-за каменной наковальни,
50 Скуй нам новый месяц,
Круг нового солнца!“
Встал кузнец из-под стены,
Кователь из-за камня.
Принялся ковать он новый месяц
55 И круг нового солнца.
Кузнец нарисовал золотую луну,
Из серебра он выковал солнце,
Нарисовал он месяц,
Выковал солнышко.
60 Стал он подымать их палкой
И ловко поддерживал:
Месяц он поднял на елку
И солнце на высокую сосну.
Лился пот с его головы,
65 Капли с его лба
Во время этой трудной работы,
Пока подымал он эту тяжесть.
Но не светил месяц,
И не сияло солнце.
70 Старый, степенный Ваянямейни
Отколол ольховую щепку,
У творца просил разрешения,
Ходил бросать он жребий,
Посиневшими пальцами гадал:
75 „Скажи правду, жребий творца,
Расскажи, жребий божественный,
Куда от нас пропало солнце,
Куда от нас исчез месяц?“

- Arpa toi tovet šanomat,
 80 Šano päivät šuanehekši
 Pohjolan kivimäkehen.
 Vaka vanha Väinämöini
 Johan läksi, jotta joutu
 Pimijähän Pohjolahan.
- 85 Aštu hiän päivän,
 Aštu hiän toisen,
 Aštu kohta kolmannenki,
 Niin päivänä kolmantena,
 Johan näky Pohjan portti,
 90 Kivikummut kuumottelou.
 Vaka vanha Väinämöini
 Kerran huuti huikahutti
 Tuola Pohjolan jovella:
 „Tuokuapa venehtä tänne!“
- 95 Pohjolan poikaset šanovat:
 „Ei tiälä venehet jouva,
 Tule šormin šoutamalla
 Alla ualtojen šyvyvven!“
 Vaka vanha Väinämöini
- 100 Arveli, ajattelovi:
 „Šepä ei mieš lienekkänä,
 Joka tiellä myöštelekše“.
 Meni hiän haukina merehen,
 Pijan uipi šalmen poikki,
- 105 Aštu illan, aštu toisen,
 Pohjolan rannalla ravahti.
 Pohjolan poikaset šanovi:
 „Käyppäs Pohjolan pihoilla,
 Tule Pohjolan tuvilla!“
- 110 Meni hiän Pohjolan pihalla,
 Tuli Pohjolan tuvilla,
 Šiellä miehet mieltä tuovat,
 Šimova širettelevät.
 Miehet on kaikki miekka vyöllä,
- 115 Urohot šota — ašeissa
 Piän varalla Väinämöisen,
 Šurmakši Šuvantolaisen.
 Hyö kyšyivät tullehelta:
 „Ku šanoma on kurjan miehen?“
- 120 „Kuušta on šanomat kummat,
 Päivästä iki-imehet,
 Minne meilt' on päivä piätyn,

- Жребий дал точные вести,
 80 Сказал, что солнце скрыто
 В каменной скале Похьолы.
 Старый, степенный Вайнямёйни
 Сейчас же пошел он, поспешил
 В темную Похьолу.
- 85 Шагал он день,
 Шагал другой
 И уже шагал третий день.
 Вот на третий день
 Стали видны ворота Похьолы,
 90 Каменные холмы светятся.
 Старый, степенный Вайнямёйни
 Раз крикнул во весь голос
 Там — на речке Похьолы:
 „Пошлите сюда лодку!“
- 95 Отвечают сыновья Похьолы:
 „Нет здесь свободной лодки,
 Переправляйся вплавь
 Под глубокими волнами!“
 Старый, степенный Вайнямёйни
- 100 Размышлял и думал:
 „Тот не мужчина,
 Кто вернется с дороги“.
 Пошел он в море щукой,
 Быстро поплыл поперек пролива.
- 105 Вечер он шагает, шагает другой,
 Выходит на берег Похьолы.
 Сыновья Похьолы говорят:
 „Пройди во двор Похьолы,
 Заходи в избы Похьолы!“
- 110 Вошел он во двор Похьолы,
 Заходил в избы Похьолы.
 Там мужчины рассуждают,
 Медовые речи рассыпают.
 У всех мужчин мечи на поясе,
- 115 Герои вооружены
 Против Вайнямёйнена,
 Готовят смерть Сувантолайнену.
 Они спрашивают у пришедшего:
 „Что ты скажешь, жалкий мужчина?“
- 120 „О месяце вести чудные,
 О солнце вечные чудеса.
 Куда от нас солнце пропало,

Kunne meilt' on kuu katonun?"
 Pohjolan poikaset šanovat,
 125 Šanovat päivän šuaneheksi,
 Pohjolan kivimäkehen:
 „Še ei piäše piästäjättä,
 Selkijä šelittäjättä!"
 Vaka vanha Väinämöini,
 130 Šaneli noilla šanoilla,
 Laušu noilla luottehilla:
 „Još ei kuu kiveštä piäšše,
 Piäšše päivä kalliošta,
 Niin käykiämmä käsiryšyhyn,
 135 Ruvetkuamma miekkasilla".
 Vaka vanha Väinämöini
 Otti miekan ristirauvan,
 Tempasi tulešta tuiman,
 Jonka käreštä kuu paisto,
 140 Päivä väškyšta välähti,
 Неро šeisokin šelällä,
 Kasi nauku naulan tieštä.
 Vaka vanha Väinämöini
 Šaneli šanoilla noilla,
 145 Laušu noilla luottehilla:
 „Käykiämmä ulos pihalla,
 Tašarinnan tanterilla!"
 Hyö käythi uloš pihalla,
 Tašarinnan tanterilla.
 150 Vaka vanha Väinämöini
 Kerran lyyvä leimahutti,
 Listi kuin nakrehen napoja,
 Lippasi kuin liinan päitä
 Pohjolašta poikasija.
 155 Šiitä hiän aštu tielä pikkuruisen,
 Kävi hiän matkua palasen,
 Niin näki vihannan šuaren,
 Šuarešša vihannan koivun,
 Koivun alla on puaši pakšu,
 160 Alla puajen kallioini.
 Huomai halkiemen kiveštä,
 Valehviivan kallivošta.
 Kirjoitti pilvehen kirjan
 Miekalla tuliterällä.
 165 Kivi katkesi kahekši,
 Pakanan puaši kolmekši.

Куда от нас месяц исчез?"
 Сыновья Похьолы молвят,
 125 Говорят, что солнце скрыто
 В каменный холм Похьолы.
 „Не вернется оно без освободителя,
 Не освободится без помощника!"
 Старый, степенный Ваянямёйни
 130 Говорил такие слова,
 Обратился с такой угрозой:
 „Если из камня не освободится месяц
 И из скалы не вернется солнце,
 Так давайте же бороться,
 135 Давайте на мечах мы биться!"
 Старый, степенный Ваянямёйни
 Взял меч — крестообразное железо,
 Выхватил закаленный клинок,
 У которого месяц на острие светил
 140 И солнце сверкало на рукоятке,
 С рисунком лошади на спинке,
 И кот мяукал из-под гвоздя.
 Старый, степенный Ваянямёйни
 Сказал тогда слова такие,
 145 Обратился с такой угрозой:
 „Пойдемте на улицу, во двор,
 На ровную поляну!"
 Они вышли на наружный двор,
 На ровную поляну.
 150 Старый, степенный Ваянямёйни
 Размахнулся, раз ударил,
 Рубил, как ботву у репы,
 Колотил, как головки конопли,
 Сыновей Похьолы.
 155 Потом прошел немного по дороге,
 Прошагал часть пути
 И увидел зеленый остров,
 На острове зеленую березу;
 Под березой — толстая плита;
 160 Под плитой — скала.
 Заметил он в камне трещину,
 В скале подозрительную черту,
 Начертал на облаке буквы
 Мечом с огненным острием.
 165 Камень раскололся надвое,
 Чертова плита натрое.

Kaččooopi kiven rakohon,
 Šiellä kyyt olutta juovat,
 Mavot viereltä vetävät.
 170 Leikkasi hiän piät mavoilta,
 Katko kaklat kiärmehiltä.
 Koprin koitteli ovija,
 Šalpoja šananväjellä.
 Ei šalvat šanoista huohu,
 175 Lukut ei loimilla murene,
 Vaka vanha Väinämöini
 Kohta lähtikin kotihin,
 Allapäin, pahoilla mielin.

Tuli lieto Lemminkäini,
 180 „Miks’et ottanut minua
 Kanššaši karehtijakši?
 Olis lukut luirahthanut,
 Takašalvat taitahthanut!“
 Vaka vanha Väinämöini,
 185 Šaneli šanoilla noilla,
 Laušu näillä luottehilla:
 „Ei pahat šanoista huoli,
 Lukut ei loimilla murene“.
 Vaka vanha Väinämöini,
 190 Painu hiän šepponša pajahan.
 „Veli, šepo veikkoseni,
 Takoja ijänikuini,
 Tavoit ennen, tavoit eklen,
 Tavo nyt tämäki päivä.
 195 Tavo miehen tarpehija,
 Tavo tuuriija tusina,
 Avaimija aika kimppu,
 Tavo kuokka kolmihuara,
 Millä kuun kiveštä piäššän,
 200 Piäššän päivän kallijošta!“
 Tako šepo miehen tarpehija,

Tako hiän tuuriija tusinan,
 Avaimija aika kimpun,
 Tako hiän kuokan kolmihuaran.
 205 Šilloin tunši šepo tulovan tuulen,
 Vain ei ollun tulenta tuulen,
 Vain on harmojen havukan.
 Aukai šepo ikkunanša,

Смотрит он в щель камня —
 Там гадюки пьют пиво,
 Змеи рядом его лакают.
 170 Отрезал он головы гадюкам,
 Отрубил змеям шеи,
 Он попробовал двери руками,
 Засовы силою слова.
 Засовы от слов не открылись,
 175 Замки не сломались от заклинаний.
 Степенный, старый Ваянямёйни
 Сейчас же идет домой
 С опущенной головой и в тяжком раз-
 думье.

Пришел хитрый Лемминкяйни:
 180 „Почему не взял ты меня
 Вместе с собой?
 Тогда замки бы выскочили,
 Задние засовы сломались бы!“
 Степенный, старый Ваянямёйни
 185 Говорил слова такие,
 Произносил такие заклатья:
 „На поганных не действует слово,
 Их замки от заклятий не ломаются“.
 Степенный, старый Ваянямёйни,
 190 Пошел он в кузницу кузнеца:
 „Брат кузнец, ты братец мой,
 Вековечный ты кователь!
 Ковал ты раньше, ковал вчера,
 Куй еще сегодня,
 195 Скуй все необходимое для мужа,
 Скуй дюжину багров,
 Ключей достаточную связку,
 Скуй мне мотыгу-тройчатку,
 Чтобы месяц освободить из камня,
 200 Солнце из скалы высвободить!“
 Сковал кузнец все необходимое для
 мужа,

Сковал дюжину багров,
 Ключей порядочную связку,
 Сковал он мотыгу-тройчатку,
 205 Тогда почуял кузнец встречный ветер,
 Но был это не встречный ветер,
 А был это серый ястреб.
 Открыл кузнец окно,

Lintu kielellä paneksi:
 210 „Mitäš šepo šitā luajit,
 Kutaš rautoja rakennat?“
 „Tavon kaklarenkahija,
 Tuolla Pohjolan akalla,
 Millä kiini kytketähän
 215 Vuaran vanhan liepehiä“.
 Louhi, Pohjolan emäntä,
 Pohjan akka harvahammas,
 Jo tunši tuhon tulovan,
 Hätäpäivän piällä šuavan.
 220 Kohosi hiän lentämähän,
 Lenti pois hiän Pohjolahan.
 Jo hiän kuun kiveštā piäšti,
 Piäšti päivän kallijošta.
 Iče hiän muukši muutaltiksi,
 225 Kyhäyty hiän kyyhkyseksi.
 Lenti poikki Pohjan merta,
 Šepo Ilmarin pajalla,
 Liitäyty hiän kynnyksellä:
 „Oip on, šepo Ilmarini,
 230 Tule nyt kuuta kaččomahan,
 Päivä tähäjämähän.
 Jo on kuu kaivošta piäššyn,
 Piäššyn päivä kallijošta!“
 Šepo aštu pajan ovella
 235 Kaččo: kuu on taivahalla,
 Näki hiän kuun kumottaneekši,
 Päiväkullan paistaneekši.
 Šitā hiän mäni luokši Väinämöisen.
 „Tule nyt kuuta kaččomahan,
 240 Päivijä tähäjämähän.
 Jo on kuu kiveštā piäššyn,
 Piäššyn päivä kallivošta!“
 Šitā vanha Väinämöini
 Pijan pistäyty pihalla,
 245 Kaččo tarkoin taivahalla,
 Näki kuun kumottaneekši,
 Päiväkullan paistaneekši.
 „Terve, kuu, kumottaneekši,
 Päiväkulta, paistaneekši,
 250 Käyppä aina uamusella,
 Tämän päiväsen peräštā,

Птица промолвила:
 210 „Чего, кузнец, тут мастеришь?
 Что ты из железа делаешь?“
 „Кую я ошейник
 Той хозяйке Похьолы,
 Чтобы можно было его привязать
 215 К подошве старой горы“.
 Лоухи, хозяйка Похьолы,
 Баба с редкими зубами,
 Увидела приближение гибели,
 Несчастный день на свою голову.
 220 Поднялась она лететь,
 Полетела она в Похьолу.
 Из камня она выпустила месяц,
 Выпустила солнце из скалы.
 Сама она обернулась,
 225 Стала она голубкой.
 Летела поперек моря Похьолы.
 К кузнице кузнеца Ильмаринена,
 Присела она на порог.
 „Ой ты, кузнец Ильмарини,
 230 Приходи теперь месяц смотреть
 И глядеть на солнце.
 Уже месяц из колодца освободился,
 Освободилось солнце из скалы!“
 Кузнец подошел к дверям кузницы,
 235 Посмотрел: месяц — на небе,
 Увидел он, как светит месяц,
 Как золотое солнышко греет.
 Затем он пошел к Вяйнямёйнену.
 „Иди теперь смотреть на месяц,
 240 Щуриться на солнышко.
 Месяц из камня вышел,
 Освободилось солнце из скалы!“
 Тогда старый Вяйнямёйни
 Быстро выбежал на улицу,
 245 Пристально всмотрелся в небо,
 Увидел он, как светит месяц,
 Как золотое солнышко греет.
 „Здравствуй, светлый месяц,
 Освещай нас, золотое солнце,
 250 Входи всегда по утрам,
 Начиная с сегодняшнего дня,

Tieppä meillä tervehyttä,
Piäset illalla ilohon!“

Приноси нам здоровье,
Вечерами будешь веселиться!“

13. ВЯЙНЯМЁЙНИ ОБ ИСТОЧНИКАХ СВОИХ ПЕСЕН

Kielti vanha Väinämöini,
Kielti kolmešta pahašta:
Vesiltä viheltämästä,
Lainehilta laulamašta,
5 Vanhan nuorta tahtomašta,
Kauništa ihailemašta.
Šano vanha Väinämöini
Nuorimmalla vel’l’ellänšä:
„Kaunis on kattila tulella,
10 Vaikka vettä kiehukkahan;
Hyvä on mieli miehen piäššä,
Vaikka ilman istukkaha.
Väki ei viännä hartioita,
Šäre ei mieli miehen päitä.
15 En ole ollut opissa,
Käynyt mailla mahtavilla,
Šamonnut Lapin šaloilla,
Šoutanut Viron vesillä,
Omat miun on virret oppimani,
20 Omat šuamani šanani,
Tievieristä tempomani,
Riiviköistä riipimäni,
Lepiköistä löytämäni,
Paikoista poimimani,
25 Kanervoista katkomani,
Noista šavoista heinän päistä,
Tuhansista heinän helpemistä,
Timatilkan tippumista,
Mistä mesi muahe vuoti,
30 Kuin mie olin piennä päimeneššä,
Lasna karjan kaččojana,
Metisillä mättähillä,
Kultasilla kunnahilla,
Kirjavaisilla kivillä,
35 Paistavilla nuoteroilla, —
Tuuli toi šata šanoa,
Tuhannen ilma tuuvitteli,
Virret ualtoina ajeli,

Учил старый Вьяйнямёйни,
Учил опасаться трех зол:
Нельзя свистать на воде,
Нельзя петь на волнах,
Нельзя старому желать молодой,
Восхищаться красивой.
Сказал старый Вьяйнямёйни
Младшему своему брату:
„Красив котел на огне,
10 Когда в нем вода кипит;
Хороши мысли в голове у мужчины,
Даже когда он без дела сидит.
Сила не ломит его плеч,
Мысли не ломают мужской головы.
15 Никуда я не ходил учиться,
Не ходил в могущественные земли,
Не блуждал по лесам Лаппи,
Не греб по водам Виро,
На своей земле петь песни я учился,
20 Сам я раздобыл для них слова,
На дорогах я ловил их,
С кустов их срывал,
В ольшаннике находил,
На ягодных местах собирал,
25 В верестняке ломал,
С верхушек сотен травинок собирал,
С тысяч лепестков травы,
Из сочащихся пчелиных сот,
Откуда мед на землю капает;
30 Я собирал их маленьким пастушком,
Присматривая за стадом
На медовых кочках,
На золотистых холмах,
На пестрых камнях,
35 На распаленных солнцем глыбах.
Ветер принес мне сотню слов,
Воздух наваял мне тысячу,
Волнами неслись песни,

Laulut läikky lainehina;
 40 Nehän mie kerällä kiärin,
 Sykkäröllä syvvättelin,
 Panin aitan parren piähä,
 Kukkarohon kultaisehen,
 Vaškisehe vakkasehen,
 45 Rašihe rautasehen.

Волнами песни колыхались.
 40 Я их намотал в клубочек,
 Я заплел их в прическу,
 Положил на матицу клетушки,
 В золоченый кошелек,
 В медную коробочку,
 45 В железную жестяночку!“

14. СПИРИ ДОБЫВАЕТ ОГОНЬ

Spiri pikku miehykkäini
 Kuto nuotan kuutta šyltä,
 Šai nuotan šatua šyltä,
 Yhtenä kešäisnä yönä,
 5 Siinäki puolešša vielä.
 Työnši hiän naiset nuotalla,
 Pitkäkaššaset kalalla.
 Vejettih hyö vaštah virtua,
 Vejettih hyö myötäh virtua,
 10 Ei šuatu šitä kalua,
 Jota vaššoin nuotta on tehty.
 Hiänpä rannalta huhusi:
 „Pitäykö teillä vetäjä
 Tarviččouko tarpoja?“
 15 Laški hiän nuottansa veteh,
 Rupesi hiän kuluamahan;
 Puuttu nuotta puutokšiihin,
 Tarttu nuotta tartokšiihin.
 „Kiveššäkö vai kannošša?“
 20 „Vejä pois, veikkoseni,
 Ei ole kiveššä, eikä kannošša,
 Še on šuuren kalan šuomuloissa,
 Halien hauvin hartijoissa“.
 Vejettihin vinnattihin,
 25 Tulipa heilä šuuri hauki,
 Šaihan haukinša veneheh.
 „Empä tohi käsih männä,
 Kun ei ole vaškivanttuhija,
 Eikä rautarukkasija“.
 30 Halkasihan halien hauvin,
 Šielä oli kulie kuuja,
 Halkasihan kulien kuuja,
 Šielä oli šilie šiika;

Сспири был маленький мужчина,
 Вязал он сеть длиной в шесть сажень,
 Получился невод в сто сажень
 За одну летнюю ночь
 5 И еще за полночи.
 Послал он с неводом женщин,
 Длиннокосых на рыбную ловлю.
 Тянули они невод против течения,
 Тянули они и по течению,
 10 Но не могли поймать ту рыбу,
 Для которой вязали сеть.
 Тут он с берега закричал:
 „Нужен ли вам рыбак, тянущий невод,
 Нужен ли ботальщик рыбы?“
 15 Опустил он свой невод в воду,
 Начал он тянуть невод;
 Попал невод в пучину,
 Застрял невод на дне.
 „За камень или за пень зацепился?“
 20 „Тяни прочь, мой братец,
 Не за камень, не за пень задел,
 За чешую огромной рыбы зацепился,
 За плавники прозрачной щуки“.
 Тянули, тянули,
 25 И поймали они огромную щуку,
 Вытянули щуку в лодку.
 „Не могу за нее руками взяться,
 Нет у меня медных рукавиц,
 Нет железных варежек!“
 30 Разрезал он прозрачную щуку,
 В ней оказался увертливый судак,
 Разрезал он увертливого судака,
 В нем оказался гладкий сиг;

Halkasihan šilien šiijan,
 35 Šielä oli šinikerä;
 Halkasi hiän šinikerän,
 Šielä oli šinipuna,
 Šielä on tulta tuuvitettu,
 Valkijaista vuaputettu,
 40 Tällä raukalla rajalla,
 Polosella pohjan mualla.

Разрезал он гладкого сига,
 35 В нем оказался синий клубок;
 Разрезал он синий клубок,
 В нем был синий огонек,
 В нем огонь укачивали,
 В нем молнию вынашивали
 40 На этих убогих рубежах,
 На бедных северных землях.

Е. И. Хямäläйнен

15. АННИ ОТВЕРГАЕТ ЖЕНИХА

Annikki, ihana neito
 Läksi västaksia varvikošta.
 Katkai väššan tuatollah,
 Toisen katkai muamollah,
 5 Kokojeli kolmannenki
 Vanhimmalla veikollah.
 Aštuu vanha Väinämöini,
 Aštuu ahuo myöti.
 Näki hiän neijon varvikošša,
 10 Kaššapiän kanarvikošša.
 „Eläpä muilla, neito nuori,
 Kuin miulla, neito nuori,
 Kanna kaklan helmilöitä,
 Piätä šilkillä šitaise,
 15 Rinnan ristiä rakenna!“
 Sitte Annikki västualovi:
 „En šiulla, enkä muilla,
 Kanna kaklan helmilöitä,
 Piätä šilkillä šitaise,
 20 Rinnan ristiä rakenna!“
 Lykkäi kullat kulmiltah,
 Hopiaiset šilmiltäh,
 Lykkäi mualla muan hyväkše,
 Aholla ahon hyväkše,
 25 Läksi itkien kotihi.
 „Oi jo, armaš muamoseni,
 Ihana imettäjäni,
 Lykkäin ristat rinnaltani,
 Kullat kulmiltani,
 30 Šitä iten, muamoseni,

Анни, прекрасная девушка,
 Пошла за венниками в кустарник.
 Наломала веник для отца,
 Другой наломала для матери,
 5 Собрала третий
 Для старшего брата.
 Идет старый Вяйнämöйни,
 Идет по поляне.
 Увидел он девушку в кустарнике,
 10 Головку с косами в вереске.
 „Не для других ты, молодая девушка,
 А для меня, молодая девушка,
 Носи на шее жемчуг,
 Шелком повязывай голову,
 15 На груди крест прилаживай!“
 Отвечает Анни:
 „Не для тебя и не для других
 Ношу я на шее жемчуг,
 Шелком повязываю голову,
 20 На груди крест прилаживаю!“
 Сбросила золотые украшения с бровей,
 Серебряные со своих глаз,
 Сбросила на землю для земли,
 На поляну — для поляны,
 25 Пошла домой в слезах:
 „Ой ты, дорогая матушка,
 Прекрасная кормилица,
 Сбросила я крест с груди,
 Золотые украшения с бровей,
 30 Потому и плачу, маменька моя,

Valitan, vanhempani,
Ihana imettäjäni!“
„Elä ite, tyttäreni,
Nuorra šuamani, nurekši,
35 Ompa noita aholla aittasia,
Aukua paraš arkku,
Kirjo kanši kimmahuta,
Pane kullat kulmillaš,
Hopiaiset šilmilläš,
40 Rissat rinnalla rakenna!“

Причитаю, моя родительница,
Прекрасная кормилица!“
„Не плачь, доченька моя,
Малое дитятко, не грусти.
35 Есть на той поляне кладовые,
Открой лучший сундук,
Расписной ларец раскрой,
Возьми золотые украшения на брови,
Серебряные — на глаза,
40 Крестик на грудь наладь!“

16. КОЁ СВАТАЕТСЯ

Kojonmiällä korkialla
Oli immet illan issunnašša,
Peipot pes's'odan pivošša.
Šielläpä hyö lauleltih:
5 „Jouten šynnyin, jouten kašvoin,
Jouten joukošša elelin,
Jošpa šaisin Joukahaisen,
Juottelis jokivesillä!“
Šattui Kojo kuulomah,
10 Alla šeinän šeisomah.
Aštu Kommilla kotih,
Kos's'o Kommilta tytärtä:
„Anna, Kommi, tyttäresi,
Anna Piili-Vilkunaš!“
15 „En anna tytärtäni,
Enkä Piili-Vilkunuani,
Ennen kuin uinet umpilammin,
Šuanet šieltä šuuren hauvin,
Kultašuumun, kultajuomun,
20 Tuonet Kommilla käteh, —
Šiitä annan tyttäreni,
Annan Piili-Vilkunani!“
Läksi Kojo aštumahe,
Mäni hiän šeppojen pajahe.
25 „Oi šie, šepä Ilmarini,
Tavo miulla umpilammin,
Šaisin šieltä šuuren hauvin!“

Kojo uipi umpilammin,

На высокой горе Коёнена
Были девушки на вечерних посиделках,
Зяблики на вечеринке,
Там они пели так:
5 „На воле родилась, на воле я росла,
На воле на людях жила.
Если бы я вышла за Ёукахайнена,
Он поил бы меня речной водой!“
Это услышал Коё,
10 Он стоял за стеной.
Пошел Коё в дом Комми,
Сватал у Комми дочку:
„Отдай, Комми, свою дочь,
Отдай Пийли-Вилкуну!“
15 „Нет, не выдам своей дочери,
Не выдам Пийли-Вилкуну.
Прежде переплыви лесное озерко,
Прежде поймай большую щуку
С золотою чешуей, с золотыми поло-
сами;
20 Если принесешь ее для Комми,
Тогда отдам свою дочь,
Отдам Пийли-Вилкуну!“
Отправился Коё в путь,
Пришел в кузницу к ковалям.
25 „Эй, кузнец Ильмарини,
Закуй мне озерко наглухо,
Чтобы мне выловить из него большую
щуку!“
Коё переплыл закрытое озеро,

Šai hiän šieltä šuuren hauvin,
 30 Kulťašuumun, kultajuomun,
 Vei hiän Kommilla käteh.
 „Anna, Kommi, tyttäresi,
 Anna Piili-Vilkunaši!“
 „En anna tytärtäni,
 35 Enkä Piili-Vilkunuani,
 Ennen kuin aššut kešäsen päivän
 Naisten nieklojen neniä,
 Miešten miekkojen teriä!“
 Läksi Kojo kulkomahe,
 40 Mäni hiän šeppojen pajah.
 „Oi jo, šepo Ilmarini,
 Tokoja ijän ikuini,
 Tavo miulla rautakenkät,
 Rautakenkät rautapaklat,
 45 Jotta aššun naisten nieklojen neniä,
 Miešten miekkojen teriä!“
 Aštu hiän kešäsen päivän
 Naisten nieklojen neniä,
 Miešten miekkojen teriä.
 50 „Annaš, Kommi, tyttäresi,
 Anna Piili—Vilkunaši!“
 „En anna tytärtäni,
 Ennen kui ammut tähet taivahalta,
 Pilkat pilvien lomista,
 55 Šiitä annan tyttäreni,
 Annan Piili-Vilkunani!“
 Aštuu hiän šeppojen pajahe.
 „Oi šie, šepo-veikkoseni,
 Tavo miulla rautapyššy,
 60 Jotta ammun tähet taivahalta,
 Pilkat pilvien lomista!“
 Ampu hiän tähet taivahalta,
 Pilkat pilvien lomista.
 Mäni hiän Kommin kotih,
 65 Koppai neijen korjahanša,
 Reutosi rekehesenša.
 Löi hiän virkkua vičalla,
 Helähytti helmispiällä.
 Virkku juoksi, tie lyheni,
 70 Koivuni jalaš kolasi,

Поймал он там большую щуку,
 30 С золотой чешуей, с золотыми поло-
 сами.
 Отнес он ее для Комми.
 „Отдай, Комми, свою дочь,
 Отдай Пийли-Вилкуну!“
 „Нет, не отдам своей дочери,
 35 Не отдам Пийли-Вилкуну,
 Прежде проходи летний день
 По остриям женских иголок,
 По лезвиям мужских мечей!“
 Пошел Коё в путь,
 40 Пришел он в кузницу к ковалям.
 „Эй, кузнец Ильмарини,
 Кователь вековечный,
 Выкуй мне железную обувь,
 Железную обувь с железными онучами,
 45 Чтобы пройти мне по остриям женских
 иголок,
 По лезвиям мужских мечей!“
 Ходил он весь летний день
 По остриям женских иголок,
 По лезвиям мужских мечей.
 50 „Отдай, Комми, дочь свою,
 Отдай Пийли-Вилкуну!“
 „Не отдам своей дочери,
 Прежде сбей с неба звезды,
 Светлячки между тучами,
 55 Тогда отдам свою дочь,
 Отдам Пийли-Вилкуну!“
 Идет он в кузницу к ковалям.
 „Эй ты, братец-кузнец,
 Скуй мне железное ружье,
 60 Чтобы сбить звезды с неба,
 Светлячки между тучами“.
 Сбил он звезды с неба,
 Светлячки между тучами.
 Пришел он к Комми в дом,
 65 Схватил девушку, и понес в свои санки.
 Увел ее, и посадил в свои сани.
 Ударил он резвого прутom,
 Щелкнул жемчужным концом.
 Резвый бежал, путь сокращался,
 70 Березовый полоз стучал,

Г. И. ХЯМЯЛЯИНЕН.

- Viččani saverka vinku.
 Käsī on oron ohjaksišša,
 Toini neijon reittä myöte.
 Neitoni kysyy,
 75 Alta vaipan virkkelövi:
 „Ken on juoššut tieštä poikki?“
 „Jänö on juoššut tieštä poikki“.
 „Parempi miun pološen olla
 Juokšovan jänön jälillä,
 80 Ennen kun Kojon rejessä,
 Vieressä vihasen miehen!“
 Lyö hiän virkkua vičalla,
 Helähyttäy helmispiällä.
 Reki vieröy, tie lyhenöy.
 85 Neitoni kysyy,
 Alta vaipan virkkelövi:
 „Mi on juoššun tieštä poikki?“
 „Repo on juoššun tieštä poikki!“
 „Parempi miun pološen olisi
 90 Revon reutovan jälessä,
 Ennen kui Kojon rejessä,
 Vieressä vihasen miehen!“
 „Elä huoli, Hiitten huora,
 Kun männäh Kojon kotih,
 95 Kojon miällä korkialla,
 Vuollah veičettä lihua,
 Kuatah vettä kauhašetta!“
 Lyöy hiän virkkua vičalla,
 Helähyttäy helmispiällä.
 100 Reki vieröy, tie lyhenöy,
 Koivuni jalaš kolajau,
 Viččani saverka vinkuu.
 Neitoni rejessä kyšyy,
 Alta vaipan virkkelöy:
 105 „Mipä on juoššut tieštä poikki?“
 „Hukka on juoššut tieštä poikki!“
 „Parempi miun pološen —
 Hukan huiskivan jälessä,
 Ennen kui Kojon rejessä,
 110 Vieressä vihasen miehen!“
 Mäntih Kojon kotih,
 Kojon miällä korkialla.
 Vuoltih veičettä lihua,
 Kuattih vettä kauhašetta,

- Завертки из прутьев скрипели.
 Одна рука вожжи держит,
 Другая — девушку по бедрам гладит.
 Девушка спрашивает,
 75 Из-под полости молвит:
 „Кто это перебежал дорогу?“
 „Заяц перебежал дорогу“.
 „Лучше мне, горемычной,
 Убежать по заячьим следам,
 80 Чем быть в санках у Коё,
 Рядом с ненавистным человеком!“
 Бьет он резвого прутom,
 Щелкает жемчужным концом.
 Сани катятся, путь сокращается,
 85 Девушка спрашивает,
 Из под полости молвит:
 „Кто перебежал дорогу?“
 „Лисица перебежала дорогу!“
 „Лучше мне, горемычной,
 90 Убежать по следам лисицы,
 Чем быть в санках у Коё,
 Рядом с ненавистным человеком!“
 „Не заботься, блудница Хийси,
 Как приедем в дом к Коё,
 95 На высокой горе Коё
 Строгают мясо без ножа,
 Льют воду без ковша!“
 Бьет он резвого прутom,
 Щелкает жемчужным концом.
 100 Сани катятся, путь укорачивается,
 Березовый полоз постукивает,
 Из прутьев завертки скрипят.
 Девушка в санях спрашивает,
 Из-под полости молвит:
 105 „Кто перебежал дорогу?“
 „Волк перебежал дорогу!“
 „Лучше бы мне, горемычной,
 Бежать по следам рыщущего волка,
 Чем сидеть у Коё в санках,
 110 Рядом с ненавистным человеком!“
 Приехали в дом к Коё.
 На высокой горе Коё
 Мясо резали без ножа,
 Воду лили без ковша,

115 Nännit leivottih leipäsikse,
 Muu ruumis tiekse,
 Pahah paikkah portahakse.
 Tulou Kommi kostih
 Kaččomah kačottuistah.
 120 Virkkau orja orren piäštä,
 Paimo paččahan nenästä:
 „Šyö šyö, Kommi-rukka,
 Ol'onaisen olkaluita,
 Palakaises piäpaloja!“
 125 Kommi lähtöypi kotih
 Alla päin, pahoilla mielin,
 Kaiken kallella kypärin.

115 Грудь отрезали на хлеб,
 Другие части тела стоптали на дороге,
 На ступеньках плохих мест.
 Приходит Комми в гости,
 Посмотреть на свою ненаглядную.
 120 Молвит слуга в сенях,
 Пастух говорит у двери:
 „Ешь, ешь, бедный Комми,
 Плечи своей Олёнушки,
 Кусочки головки своей Палагушки!“
 125 Комми отправляется домой
 С опущенной головой, с печальной
 думой,
 Шлем надет кое-как.

17. СМЕРТЬ ШАГАЕТ

Šurma aštu šoita myöte,
 Tauti talviteitä myöte,
 Aštuu ta ajattelou:
 „Kenen tappasin talošta?
 5 Tappasin ukon talošta,
 Venoset vesiltä jäisi,
 Kalakontti kuivahtaisi!“
 Šurma aštu šoita myöte,
 Tauti talviteitä myöte,
 10 Aštu ta ajattelou:
 „Kenen tappasin talošta?
 Tappasin akan talošta,
 Maitokiulut kuivahtaisi,
 Voirasiet ravistuisi!“
 15 Šurma aštu šoita myöte,
 Tauti talviteitä myöte,
 Aštu ta ajattelou:
 „Kenen tappasin talošta,
 Tappasin min'n'an talošta,
 20 Lapšoset jäisi itkömähe,
 Pienoset pičertämähe!“
 Šurma aštu šoita myöte,
 Tauti talviteitä myöte,
 Aštu ta ajattelou:
 25 „Kenen tappasin talošta?
 Tappasin pojan talošta,

Смерть шла по болоту,
 Мор шел по зимней дороге.
 Идет смерть и думает:
 „Кого бы умертвить в этой избе?
 5 Умертвила бы я старика,
 Да лодка на воде останется,
 Плетенка для рыбы высохнет!“
 Смерть шла по болоту,
 Мор шел по зимней дороге.
 Идет смерть и думает:
 „Кого бы умертвить в этой избе?
 10 Умертвила бы я старуху,
 Да подойник рассохнется,
 Кадушки из-под масла потрескаются!“
 15 Смерть шла по болоту,
 Мор шел по зимней дороге.
 Идет смерть и думает:
 „Кого бы умертвить в этой избе?
 Умертвила бы я невестку,
 20 Да дети останутся плакать,
 Малые будут слезы лить!“
 Смерть шла по болоту,
 Мор шел по зимней дороге.
 Идет смерть и думает:
 25 „Кого бы умертвить в этой избе?
 Умертвила бы я сына,

Oruſat onnahtais,
 Pyſſyt jäis pyyhkämättä,
 Linnut jäis lepiämäh,
 30 Ilvekſet iloiččemah!“
 Šurma aštu ſoita myöte,
 Tauti talviteitä myöte.
 Ei kosken tätä taluo,
 Läksi iellä aštumah.

Да оружие останется без присмотра,
 Ружья останутся нечищенными,
 Птицы будут порхать,
 30 Рыси будут резвиться!“
 Смерть шла по болоту,
 Мор шел по зимней дороге,
 Не тронула она этого дома,
 Пошла она дальше своей дорогой.

18. ИВАН-ЦАРЬ ОСАЖДАЕТ ВРАЖЕСКУЮ КРЕПОСТЬ

Iivana, iso isäntä,
 Šuorieu ſotaſopih,
 Šatoja on ſapeli vyöllä,
 Tuhansie on turkki piällä,
 5 Oruſat on olkupäillä,
 Meihet kaikki miekka vyöllä.
 Hevot hirnuu tanterella,
 Miesten lähtöä odottau.
 Jopa mäntih Šakſan mualla.
 10 Iivana, iso isäntä,
 Kyſyy linnalta olutta:
 „Onko linnalla olutta,
 Venäläisellä verokſe?“
 „Onpa linnalla olutta,
 15 Hevot on kustu tynnyrih
 Iivanalla iltasekſe,
 Venäläisellä verokſe“.
 „Onko voita Vollarissa
 Iivanalla iltasekſe,
 20 Venäläisellä verokſe?“
 Kyſyy Iivana, iso isäntä:
 „Onpa voita Vollarissa
 Ijän kaiken istunutta,
 Šatavuotista talia
 25 Iivanalla iltasekſe,
 Venäläisellä verokſel!“
 Tuoſta hiän ſiänty, tuoſta ſuuttu,
 Murti piätä, viänti ſuuta,
 Murti muſtua haventa.
 30 Pani hiän pyſſyt pyyhkämähä,
 Avorinnat röyhkämähä;

Иван, большой хозяин,
 Одевается в военные одежды;
 Сотня сабель на поясе,
 На нем тысяча полушубков;
 5 Ружья на плечах,
 Люди все с мечами на поясах,
 Лошади ржут на поле,
 Ждут, когда отправятся люди.
 Уже приехали на немецкую землю.
 10 Иван, большой хозяин,
 Спрашивает в городе пива:
 „Есть ли пиво в городе,
 Русскому на выпивку?“
 „Есть в городе пиво,
 15 Кобылы нацедили в бочку,
 Ивану к ужину,
 Русскому на выпивку“.
 „Есть ли масла в Воллари
 Ивану на ужин,
 20 Русскому на еду?“ —
 Спрашивает Иван, большой хозяин:
 „Есть масло у Воллари:
 Век пролежал
 Тот столетний воск
 25 Ивану на ужин,
 Русскому на еду!“
 За это он разгневался, за это рас-
 сердился.
 Крутил головой, кривил рот,
 Насупил черную бровь.
 30 Заставил он из ружей стрелять,
 Из их открытых стволов выпускать пули.

Linnan räystähät rämäsi,
 Papin paččahat pamasi.
 Pappi juoksi pajattah,
 35 Alušhoušutta pakeni;
 Alko myššypäitä myllähellä,
 Kesräpäitä kellahella.
 Jo Kaarlo-polu polvillah
 Iessä livana-isännän:
 40 „Venäläini veikkoseni,
 Heitä vielä heikko henki,
 Anna vettä juuvakšeni!“
 livana iso isänät
 Vaštuaui varmoilla šanoilla:
 45 „Ompa vettä venosen alla,
 Laivaš alla lakkimista!“
 Kaarlo varšin vastuapi:
 „Verellä on vesi väkövä,
 Rannat Ruočin ruatoloilla!“
 50 Kaarlo šanou livanalla:
 „Issun tässä illan kaiken
 Venäläisen venosešša,
 Kaunehaisen skammin piässä!“

Крыши в городе затрещали,
 У попа столбы попадали.
 Поп бежал без рубашки,
 35 Без нижнего белья убежал.
 Головой в колпаке начал мотать,
 Кудлатая голова начала падать.
 Карл уже полоненный на коленях
 Перед Иваном хозяином:
 40 „Русский братец мой,
 Оставь мне слабую жизнь мою.
 Дай воды попить!“
 Иван, большой хозяин,
 Отвечает такими словами:
 45 „Есть вода под лодкой,
 Есть под кораблем что лакать!“
 Карл на это отвечает:
 „Кровью вода испорчена,
 Берега орошены кровью шведов!“
 50 Карл говорит Ивану:
 „Сижу здесь весь вечер
 В русской лодочке,
 На прекрасной скамеечке!“

В. Н. Прохорова

19. КУЛЛЕРВО МСТИТ ХОЗЯЙКЕ

Kulervo Kalervon poika
 Läksi työtä eččimähän,
 Mäni pohattah taloh,
 Kyšy työtä isännältä,
 5 Talon perheen vanhimmalta.
 Še nyt šiitä vaštualouve:
 „Kyllä työtä orjalla on,
 Ruatuo rahanalaisella!“
 Pantih nuotan šouvantah.
 10 „Perimieš Pelošen poika;
 „Šoutanenکو viäntä kovah,
 Vainko šouvvan mukah?“
 „Miks et souvva viäntä kovah,
 Vain šouvvat ašum mukah?“
 15 Hiänpä šouti viäntä kovah,
 Aivot katko, hankat kisko,

Куллерво, сын Калервы,
 Пошел искать работы.
 Зашел в богатый дом,
 Просил работы у хозяина,
 5 У старшего в семье.
 Тот ему и отвечает:
 „Работа, конечно, рабу найдется,
 Работа для нанимаемых!“
 Послали его грести на лодке с неводом.
 10 „Рулевой, сын Пелонена,
 Грести ли мне во всю силу,
 Или грести в полсилы?“
 „Почему не гребешь во всю силу,
 А гребешь в полсилы?“
 15 Тогда он начал грести со всей силы,
 Весла поломал, уключины разбил,

Katajaiset huarat katko,
 Lešen venehen levitti,
 Tarpo nuotan tappuroikse,
 20 Vejen vellikse ševotti,
 Kalan liivakše ličotti.
 „Milläpä työllä uusi orja,
 Ruavolla rahanalani?“
 Pantihpa lapsen kačontah
 25 Kaččo lapsen, kaivo šilmän,
 Šyötti lapsen, šoi ičeki,
 Kätkyvet tulešša poltti,
 Vuattiet virrašša virutti.
 Tuaš šanou hiän isännällä:
 30 „Milläpä työllä uusi orja,
 Ruavolla rahanalani?“
 Pantihpa lehmien paimeneh.
 Ajo lehmäset leholla,
 Hatašarvet huavikolla,
 35 Maijonantajat aholla.
 Iče istuu mättähällä,
 Otti kontista evästä.
 Nytpä šanou paimenparka:
 „Šyöjätär, tulini huora,
 40 Leipä kiven leipähäni,
 Pani kiven kakkuhuni.
 Vejin veiččeni kiveh,
 Kavahutin kallivoh.
 Yks oli veičči viekkanhutta,
 45 Yksi rauta rakkahutta,
 Tuattoni šuamova eluo,
 Vanhemman varuštamova.
 Milläpä makšan piijan pilkan,
 Emännän pahat tevot?
 50 Muutanpa lehmät kohtijoikse,
 Šillä makšan piijan pilkan,
 Emännän pahat tevot“.
 Jopa emäntä ouvokšiu:
 „Mišt'on paimen pillin šuanun,
 55 Ruavahan rahišen šoitun,
 Šulokantelen sävelen?“
 Karhupa hyppi kankahilla,
 Šutet ulvoven kujišša.
 Emännällä hätähuuto:
 60 „Peruutapa nuo šanaši,

Кокоры из вереста поломал,
 Лодку у вдовы развалил,
 Невод в клочья разорвал,
 20 Воду в кашицу взмутил,
 Рыбу в грязь замесил.
 „На какую работу нового раба,
 На какую поставить нанятого за деньги?“
 Поставили нянчить ребенка.
 25 Нянчил ребенка, глаз ему выковырял,
 Накормил ребенка и сам покушал,
 Люльку в огне сжег,
 Одежду всю по течению пустил.
 Снова говорит он хозяину:
 30 „На какую работу нового раба,
 На какую поставить нанятого за деньги?“
 Поставили его пасти коров.
 Загнал он коров в рощу,
 Рогатых загнал в осинник,
 35 На пожару — дающих молоко.
 Сам он уселся на кочку,
 Взял из кошеля закуску.
 И тут воскричал пастушок:
 „Сюятар, огненная распутница,
 40 Запекла камень в мой хлеб,
 Вложила камень в мой калач.
 Я полоснул своим ножом по камню,
 Провел им по осколку скалы.
 Только нож и был моей радостью,
 45 Его, железного, я любил.
 Он приобретен был моим отцом,
 Остался мне от родителя.
 Чем я отплачу за насмешку женщины,
 За плохие поступки своей хозяйки?
 50 Превращу коров в медведей,
 Так отплачу за насмешку женщины,
 За плохие поступки своей хозяйки“.
 Вот уже хозяйка удивляется:
 „Откуда пастух рожок себе достал,
 55 Старинный музыкальный инструмент,
 У которого напев, как у кантеле?“
 Медведь прыгал по бору,
 Волки в проулах выли.
 Хозяйка в страхе закричала:
 60 „Возврати свои заклятья,

Kylläpä makśan piijan palkan,
 Makśan šuuretki rahat!“
 Paimen šanou emännällä:
 „Enpä tahto palkkojaś,
 65 Enkä liijan rahojaś!“
 Läksi kurja kulkomah
 Kalervalan kankahia.
 Kulki päivän, kulki toiśen,
 Kulki vieläi kolmannen,
 70 Ottipa kuuśeśša oravan,
 Petäjässä pöyryhännän.
 Tekipä hiän tepoista työtä
 kokonaista kolme vuotta.
 Ajova karettelouve
 75 Kalervalan kankahia.
 Kivi kuato korjaseni,
 Rekiseni reimahutti.

Заплачу конечно за это,
 Большими деньгами откупаюсь!“
 Пастух отвечал хозяйке:
 „А я не желаю твоей платы,
 65 Не хочу твоих денег!“
 Пошел он, бедняга, блуждать
 По борам Калервалы.
 Бродил день, бродил два дня,
 Проходил еще и третий день,
 70 Поймал он на елке белку,
 На сосне зверька с пушистым хвостом.
 Затем он прилежно трудился
 Целых три года.
 Едет он, поспешает
 75 По борам Калервалы.
 Об камень споткнулись сани,
 Опрокинулись розвальни.

20. МОРСКИЕ ЖЕНИХИ

Tyttö istuu Turun korolla,
 Turun koron korvaśella.
 Vuottaupa mieśtä mielehistä,
 Šulhaista šulośanaista.
 5 Nouśoupa mies mereśtä,
 Kulta šuuśša, kulta kiäśša,
 Kultakihlat kormanośša.
 „Tuletko, neičyt, miulla?“
 „Enkä tule, enkä ole,
 10 Eikä ole vanhempani käśetty,
 Eikä ole toivotettu“.
 Tyttö istuu Turun korolla,
 Turun koron korvaśella.
 Vuottaupa mieśtä mielehistä,
 15 Šulhaista šulośanaista.
 Nouśipa mieś mereśtä,
 Hopie šuuśša, hopie kiäśša,
 Hopiekihlat kormanośša.
 „Tuletko, neičyt, miulla?“
 20 „Enkä tule, enkä ole,
 Enkä ole vanhampani käśetty,
 Eikä ole toivotettu“.
 Tyttö istuu Turun korolla,

Девушка сидит на пригорке в Турку,
 Около пригорка в Турку.
 Ждет она мужчину пригожего,
 Жениха со сладкой речью.
 5 Поднимается мужчина из моря,
 Золото во рту, золото в руках,
 Золото для обручения в кармане.
 „Пойдешь ли, девушка, за меня?“
 „Не пойду, и не подумаю,
 10 Мои старшие не велели мне,
 Не сулили мне такого жениха“.
 Девушка сидит на пригорке в Турку,
 Около пригорка в Турку,
 Ждет она мужчину пригожего,
 15 Жениха со сладкой речью.
 Поднялся мужчина из моря.
 Серебро во рту, серебро в руках,
 Серебро для обручения в кармане.
 „Пойдешь ли, девушка, за меня?“
 20 „Не пойду, и не подумаю,
 Мои старшие не велели мне,
 Не сулили мне такого жениха“.
 Девушка сидит на пригорке в Турку,

Turun koron korvašella.
 25 Vuottaupa mieštä mielehistä,
 Šulhaišta šulošanaišta.
 Noušipa mies mereštä,
 Leipä šuušša, leipä kiäššä,
 Leipäkihlät kormanoissa.
 30 „Tuletko, neičut, miulla?“
 „Šekä tulen, jotta olen,
 Jotta on vanhempani käsetty,
 Jotta on koišša toivotettu
 Leipämiehen puolisoške“.

Около пригорка в Турку.
 25 Ждет мужчину пригожего,
 Жениха со сладкой речью.
 Поднялся мужчина из моря,
 Хлеб у него во рту, хлеб в руках,
 Хлеб для обручения в кармане.
 30 „Пойдешь ли, девушка, за меня?“
 „И пойду за тебя, и буду твоей,
 За тебя и мои старшие велели итти.
 И дома мне сулили быть
 Женой мужчины с хлебом!“

21. ВЫКУП ДЕВУШКИ

Tyttö istuu Lepetissä,
 Itköy ta huokuu.
 Kaččou ylöš, kaččou aleš:
 Ylähänä päivä paistau,
 5 Alahana veno juokšou.
 Kenen veno juokšou?
 Tuattoni veno juokšou.
 „Oijoi, oi, tuattoseni,
 Lunašša milma poikeš!“
 10 „Milläpä mie šiun lunaššan?“
 „On šiula kolme korieta koriettua,
 Pane paraš panttihe!“
 „Ennen luovun tyttäreštäni,
 Ennen kuin parahašta korietäšta“.
 15 Tyttö istuu Lepetissä,
 Itköy ta huokuu.
 Kaččou ylöš, kaččou aleš;
 Ylähänä päivä paistau,
 Alahana veno juokšou.
 20 Kenen venoni juokšou?
 Ka veikkonni veno juokšou.
 „Oijoi, oi, veikkoseni,
 Lunašša milma poikeš!“
 „Milläpä mie šiun lunaššan?“
 25 „On šiulla kolme korieta orihta,
 Pane paraš panttihe“.
 „Ennen luovun čikoštäni,
 Ennen kun parahašta orihistäni!“
 Tyttö istuu Lepetissä,

Девушка сидит в Лепети,
 Плачет-надрывается.
 То смотрит вверх, то смотрит вниз:
 Наверху солнце печет,
 5 Внизу лодка плывет.
 „Чья это лодка плывет?
 Это — лодка моего отца!
 Эй-эй-эй, мой отец,
 Выкупи меня отсюда!“
 10 „Чем же я тебя выкуплю?“
 „У тебя три нарядных кареты,
 Заложи лучшую из них!“
 „Лучше я откажусь от своей дочери,
 Чем от лучшей кареты“.
 15 Девушка сидит в Лепети,
 Плачет-надрывается.
 То смотрит вверх, то смотрит вниз:
 Наверху солнце печет,
 Внизу лодка плывет.
 20 „Чья это лодка плывет?
 Лодка моего брата плывет.
 Эй-эй-эй, мой братец,
 Выкупи меня отсюда!“
 „Чем же я тебя выкуплю?“
 25 „У тебя три прекрасных жеребца,
 Заложи лучшего из них!“
 „Лучше я откажусь от своей сестры,
 Чем от лучшего жеребца“.
 Сидит девушка в Лепети,

- 30 Itköy ta huokuu.
Kaččou ylös, kaččou aleš:
Ylähänä päivä paistau,
Alahana veno juokšou.
Kenen veno juokšou?
35 Šulhaseni veno juokšou.
„Oijoi, šulhaseni,
Lunašša milma poikeš!“
Milläpä mie šiun lunaššan?“
„On šiulla kolme korieta kotie,
40 Pane paraš panttih!“
„Ennen luovun moršiemešta
Ennen kun parahašta kojistani“.
Tyttö istuu Lepetissä,
Itköy ta huokku.
45 Kaččou ylös, kaččou aleš:
Ylähänä päivä paistau,
Alahana veno juokšou.
Kenen veno juokšou?
Čikkoni veno juokšou.
50 „Oijoi, čikkoseni,
Lunašša milma poikeš!“
„Milläpä mie šiun lunaššan?“
„On šiulla kolme korieta nieklua,
Pane paraš panttih!“
55 „Ennen luovun čikostani,
Ennen kun parahašta nieklaštani“.
Tyttö istuu Lepetissä,
Itköy ta huokuu.
Ših hiän jiäy itkömäh.
- 30 Плачет-надрывается.
Смотрит вверх, смотрит вниз:
Наверху солнце печет,
Внизу лодка плывет.
„Чья же это лодка плывет?
35 Лодка моего жениха плывет.
Эй-эй-эй, мой жених,
Выкупи меня отсюда!“
„Чем же я тебя выкупаю?“
„У тебя три роскошных дома,
40 Заложи лучший из них!“
„Лучше я откажусь от своей невесты,
Чем от лучшего дома“.
Сидит девушка в Лепети,
Плачет-надрывается.
45 Смотрит вверх, смотрит вниз:
Наверху солнце печет,
Внизу лодка плывет.
„Чья это лодка плывет?
Лодка моей сестры плывет.
50 Эй-эй-эй, моя сестрица,
Выкупи меня отсюда!“
„Чем же я тебя выкупаю?“
„У тебя три отличных иглы,
Заложи лучшую из них!“
55 „Лучше я откажусь от своей сестры,
Чем от лучшей иглы“.
Девушка сидит в Лепети,
Плачет-надрывается,
Тут она и плакать остается.

Е. В. Липкина

22. ВЯЙНЯМЕЙНИ ПРИСЛУШИВАЕТСЯ К ПЛАЧУ БЕРЕЗЫ

- Vaka vanha Väinämöini
Aštu yön ahuo myöte,
Salo viertä vieretteli.
Kuulipa koivun itköväkše,
5 Puun vešan vitiseväkše.
Jopa luokše juontelihe,
Lähemmäkše laitelihe,
Kysytteli laušuteli:
- Старый, степенный Вяйнямейни
Всю ночь шел по поляне,
Шел по опушке дремучего леса.
Слышит: плачет береза,
5 Поскрипывают ее побеги.
Он подходит к дереву,
Ближе к нему приближается,
Спрашивает, вопрошает:

„Mit' itket, ihana koivu,
 10 Vešän lehti lierettelet,
 Vyöhyt valkija valitat?
 Ei šua šotahan viijä,
 Ei tahota tappeluha“.
 Koivupa taiten vaštuaupi,
 15 Iče virkko puu vihanta:
 „Niinpä ne muutammat šanove,
 Monijahat arvelouve.
 Mie olen paikoilla pahoilla,
 Lakimilla laitumilla:
 20 Akat allani ašuvat,
 Veičči kiäššä viekuroijah,
 Paimenet pahat kešällä
 Viijäh vyöhytvalkijeni,
 Ken tupekše, ken lipakše,
 25 Kenpä marja tuohisekše,
 Varpaseniki vaššoikseh.“

„Что ты плачешь, прелестная береза,
 10 Что шевелишь листьями веток,
 Что горюешь, белый поясok?
 На войну ведь тебя не посылают,
 Не собираются послать на убийство“.
 Береза так ему отвечала,
 15 Зеленое дерево так промолвило:
 „И другие так говорят,
 Многие так думают,
 Но я на плохом месте,
 Нет у меня защиты.
 20 Старухи подо мною ходят,
 В руках ножички сверкают,
 Плохие пастухи летом
 Сдирают белый поясok,
 Кто для ножен, кто для посуды,
 25 Кто для корзиночки для ягод,
 А из веток делают веники“.

23. АННИ ОТВЕРГАЕТ ЖЕНИХА

Tuopa Aino, neito nuori,
 Sisar nuoren Joukahaisen,
 Läksi luutova lehošta,
 Vaštakšija varvikošta.
 5 Taitto vaššan tuatollah,
 Toisen taitto muamollah,
 Kokoveli kolmannenki
 Verevällä veijollah.
 Jo aštu kohin kotija,
 10 Lepikkövä leyhytteli.
 Vaka vanha Väinämöini,
 Ošmoni orošta virkko:
 „Tule miulla, neito nuori,
 Kainaloisekše kanakše,
 15 Polvisekše puolisoške;
 Kanna kaklan helmilöitä,
 Rinnan ristijä rakenna,
 Pane piätä palmikolla,
 Šilkillä šivo hivušta!“
 20 Neiti tuon šanoikse virkko:
 „Huoli en huahen hal'l'akoista,
 Vehnä viiploist'en välitä,

Айно, молодая девица,
 Сестра молодого Ёукахайни,
 Пошла ломать веточки,
 Вязать веники в кустарнике.
 5 Приготовила веничек для отца,
 Другой приготовила для матери,
 Довязывала третий
 Для своего кровного брата.
 Пошла она прямо домой,
 10 В ольшаннике промелькнула.
 Степенный, старый Вяйнямёйни
 Промолвил из роши Осмонена:
 „Выходи за меня, молодая девица,
 Будь курочкой у моей груди,
 15 Половиночкой на моих коленях;
 Носи на шее жемчужины,
 На груди кресты носи,
 Косы на голове заплетай,
 Шелком повязывай волосы!“
 20 Девушка на это ответила:
 „Не думаю я о шубе на гагачьем пуху,
 Не надо мне и пшеничных хлебов,

- Ašun kaijoissa šovissa,
 Tykönä hyvän isäni,
 25 Kanša armahan emoni".
 Riisti ristin rinnaltah,
 Šormukset šormeštah,
 Kaunot vyöštänsä kavotti,
 Heitti mualla muan hyväkše,
 30 Lehtohon lehon hyväkše.
 Mäni itkijen pihalla,
 Kaihotellen kartanolla.
 Vel'pensä veräjän šuulla
 Kirvešvartta veisteleepi.
 35 Veli šiškolta kyšeli:
 „Mitä itket, šiškoseni?"
 „Šitä itken, veikkoseni,
 Että läksin luutova lehošta,
 Lehtohon lehon hyväkši!"
 40 Emo ennättäy kyšellä,
 Vainon nähnyt vaikeroija:
 „Mitä itket, tyttäreni,
 Nuorra šuamani nurekši?"
 „Läksin luutova lehošta,
 45 Lehtohon lehon hyväkše!"
 Emo kahta kämmentäh:
 „Tuota toivoin tuon ikäni,
 Puhki polveni halusin,
 Šukuhuni šuurta mieštä,
 50 Lankokšeni laulajua,
 Vävykšeni Väinämöistä!"
 Neito iče šanoikse virkko:
 „En mäne vanhalla varakše,
 Turvakše tutisovalla,
 55 Šakkahanša šuistuvalla,
 Karahkahan kuatuvalla.
 Parempi merešša olla,
 Alla ualtojen šyvien,
 Piällä muštien mutijen
 60 Sisarena šiiikasilla,
 Veikkona vejen kaloilla!"
 Emo täštä šuuttuneena:
 „Mäne huima huimuttaš
 Vähämieli mielijäš,
 65 Mäne aittahan mäjellä.
 Aukase parahin arkku,

- Расту я в узеньких рубашках
 Около доброго отца,
 25 С дорогой своей матушкой".
 Сорвала она крест со своей груди,
 Перстни сорвала с пальцев,
 Красивый поясочек потеряла,
 Оставила на земле в дар земле,
 30 В роще — для рощи.
 Она, плача, пришла на свой двор,
 В тоске — на свою усадьбу.
 Брат ее около ворот
 Вырезывал топориче.
 35 Брат спросил у своей сестры:
 „Что ты плачешь, сестричка?"
 „Потому я плачу, мой братец,
 Что пошла я ломать веники,
 В кустарничек пошла за вениками!"
 40 Мать спрашивает,
 Она участливо выпрашивает:
 „Что ты плачешь, моя дочь,
 Что ропчешь, моя младшая?"
 „Пошла я ломать веники,
 45 В кустарничек за веничками!"
 Мать сразу ударила в ладони:
 „Этого я ждала весь свой век,
 С таким породниться желала,
 В род свой хотела большого мужа,
 50 В родственники песнопевца,
 В зятя Ваянямёйнена!"
 Девушка тут словечко сказала:
 „Не пойду я старику на забаву,
 Не хочу быть опорой трясущемуся,
 55 Об комочки спотыкающемуся,
 На бугорках падающему.
 Лучше в море быть
 Под волнами глубокими,
 На черном иле
 60 Сестрой сигам,
 Братом водяным рыбам!"
 Мать на это осердилась:
 „Иди, глупышка, глупая,
 Мыслью маломысленная,
 65 Иди в кладовую на горе,
 Открой лучший сундук,

Šiel on kuuši kulta vyötä,
 Šeiččemän šinihametta.
 Ne on piälläši pukenet,
 70 Varrellaši valmistelet,
 Kulet kukkana kujilla,
 Vaapukkaisina vajellat!“
 Hiän mäni aittahan mäjellä,
 Aukasi parahan arkun,
 75 Kanši kirjon kimmahutti.
 Šiel oli kuuši kultavyötä,
 Šeiččemän šinihametta.
 Ne hiän piällänsä pukouvi,
 Varrellanša valmisteli.
 80 Kulki päivän, kulki toisen,
 Jo päivänä kolmantena,
 Jopa šiántäni hiveli,
 Piätäni kivistelevi:
 „Jopa koitto kuolisinki,
 85 Katkijeisinki, katala,
 Näiltä päiviltä pahoilta,
 Ilmoilta ilottomilta!“
 Jo päivänä kolmantena
 Meri ennätti etehen.
 90 Kolme oli neittä niemen piäšša,
 Aino neiti neljänneksi.
 Lähetäh järven kylventäh;
 Heitti paitanša pajulla,
 Hamehenša huapasella,
 95 Šormukset šomerikolla,
 Kenkät hiekkarantasella.
 Kivi oli kiittävä šelällä,
 Puan kullan paistavaini.
 Kiistävi kivellä uija.
 100 Kivi kilahti mereh,
 Puasi pohjahan pakeni,
 Neitoni kiven keralla.
 Še oli mänö nuoren neijjon,
 Kanša kaunehen katoma.
 105 Šeiččemänneltä šelältä,
 Kaheksannen uallon piältä
 Nosti jälkova vašenta,
 Eli kättä oikieta:
 „Elköhöt miun isäni
 110 Šinä ilmoisna ikänä

Там есть шесть золотых поясов,
 Семь синих юбок.
 Ты одень их на себя,
 70 На свой стан примерь,
 Пройдешься цветочком по дорожке,
 Свободненькой прогуляешься!“
 Она пришла в кладовую на горе,
 Открыла лучший сундук,
 75 Расписной ларец распахнула.
 Там было шесть золотых поясов,
 Семь синих юбок было.
 На себя она их одела,
 На свой стан примерила.
 80 Шла она день, шла другой,
 А как наступил третий день —
 Сердце защемило,
 Голова у нее заболела:
 „Хоть бы я, несчастная, померла,
 85 Хоть надломилась бы, подлая,
 От этих неприятных дней,
 От невеселого времени!“
 Уже на третий день
 Впереди появилось море.
 90 Три девицы пошли на конец мыса,
 Айно-девушка была четвертой.
 Идут они купаться;
 Положила она белье на иву,
 Свою юбку на осину,
 95 Свои колечки на песок,
 Башмачки на песчаный берег.
 Камень виднелся вблизи берега,
 Как золото, блестит утес.
 Айно торопится с него поплыть.
 100 Камень выскользнул в море,
 Утес погрузился на дно,
 Девушка — вместе с камнем.
 Так погибла молодая девушка,
 Пропала прекрасная подруга.
 105 С седьмого вала,
 С восьмой волны
 Подняла она левую ногу
 И правую руку:
 „Пусть мой отец никогда,
 110 За весь свой век,

Juottakoh šotaoritta
 Luajalta kotilahelta,
 Kotilahel laiturilta:
 Mikäli meren vesijä,
 115 Šikäli miun verijä.
 Elkhäkä miun emoni
 Ottuah vettä taikinah
 Luajalta kotilahelta,
 Kotilahel laiturilta:
 120 Mikäli meren vesijä,
 Šikäli on miun verijä“.

Не поит боевого коня
 С широкого залива у дома,
 С пристани на заливе у дома:
 Что в море воды,
 115 Все это — моя кровь.
 Пусть моя мать никогда
 Не берет воды для квашни
 С широкого залива у дома,
 С пристани на заливе у дома:
 120 Что в море воды,
 Все это — моя кровь“.

24. ЗАЯЦ ПРИЮТИЛ ЛИСИЦУ

Repo itki reilitteli,
 Kiven piällä kykylänssä,
 Kahen kaupunnin keskellä,
 Kolmen linnan kuuluvilla.
 5 Juoksipa jänis kaččomah.
 „Mitä itet, repo rukka?“
 „Tuota iten, jänö rukka,
 Kuoli miun šukuni šuuri
 Noilla tappotanterilla,
 10 Vaino vainoilla šijoilla.
 Isä kuoli, äiti kuoli,
 Kuoli viisi veikuvoni,
 Šeiččemen šetäni lašta,
 Pienet poikani poloiset,
 15 Kaikki tyyni kantamani,
 Ne on vietyssä Virohon,
 Šakšan mualla šuatettuna,
 Herroilla hetalehikse,
 Kauppamiehillä kaluikse!“
 20 „Elä itke, repo rukka,
 Tule miun turvahani,
 Miulla on avarat ašunnot,
 Pellon pientaret levijät,
 Honkan juuret huonehina,
 25 Kantoset kamariloina!“
 Šiähi yhty toini jänö:
 „Mistäpä tähä on min’na tuotu,
 Mistä tuotu turpie häntä,
 Kaunis nahkani tavattu?“

Лиса плакала, причитала,
 Сидя на камне на корточках,
 Между двумя городами,
 Неподалеку от трех городов.
 5 Прибежал заяц посмотреть.
 „Что ты плачешь, бедняга-лиса?“
 „Потому я, горемыка-заяц, плачу,
 Погибла у меня бабушка
 На тех убийственных равнинах,
 10 На местах, где нас гоняют.
 Отец помер, мать померла,
 Померло пять братьев у меня,
 Семь племянников моих,
 А маленькие мои детки, бедняжки,
 15 Весь мой тихий выводок,
 Отнесены в Эстонию,
 Отправлены в немецкую землю
 Господам на украшения,
 Торговцам для товара!“
 20 „Не плачь, бедняга-лиса,
 Иди под мою защиту,
 У меня для жизни места обширные,
 Межи в поле широкие,
 Корни сосен — мой дом,
 25 Пенечки — мои комнатки!“
 Тут подошел другой заяц:
 „Откуда привели эту лису-невестку,
 Откуда привели густохвостую,
 Где поймали ее пушистую?“

30 „Šakšan šalmilta šyviltä,
Vienan väliltä vesiltä,
Šieltä tuotih turpie häntä,
Kaunis nahkani tavattih.“

30 „У глубоких немецких проливов,
С широких вод Белого моря,
Оттуда привели густохвостую,
Там поймали пушистую!“

М. М. Хомеева

25. ВЯЙНЯМЁЙНИ ДЕЛАЕТ КАНТЕЛЕ И ИГРАЕТ НА НЕМ

Oli vanha Väinämöini,
Tietäjä iän ikuni,
Paraš polven päivällini.
Še oli eččijä hevosen,
5 Kuloharjan kuunteliija.
Ečči päivän, ečči toisen,
Jo päivänä kolmentena
Kuuli purren puhaltavakši,
Venehen valittavakši.
10 „Mitä itet, purši puini,
Veneh honkani, valitat?
Itetkö šie puuvuttaši,
Vainko honkavuttas holuolet?“
„En ite puuvuttani,
15 En honkavuttani valita,
Šitä iten purši puini,
Kun muut kaikki šotua käyväh,
Tuhansie eluo tuuvah,
Mie vain lahon laššuillani,
20 Venyn vestämäisilläni.
Ilkeimmät ilman linnut,
Matelijat muan matoset,
Piälläni pešyä pitäy,
Alla kuoreni ašuu“.
25 Ičepä vanha Väinämöini
Katko vaššan vaškilatvan,
Vaškilatvan, tinavarren,
Pyyhki purren puhtahakše,
Venehen valittavakše,
30 Jo laški venon vesillä,
Laivon laški lainehilla.
Lat't'ai laivan laitalaštın
Šukapäitä šulhasija,
Vaškivöitä neitosija.

Был старый Вяйнямёйни,
Вековечный заклинатель,
Лучший из всех живущих.
Он пошел искать лошадь,
5 Выслушать, где золотогривая.
Искал он день, искал другой,
Наконец, уже на третий
Слышит — вздыхает парусник,
Стонет лодка.
10 „Что ты плачешь, парусник деревянный,
Что, лодка сосновая, стонешь?
Потому ли плачешь, что ты деревянная,
Или потому, что ты сосновая?“
„Не потому плачу, что я деревянная,
15 Не потому стону, что я сосновая,
Потому я плачу, парусник деревянный,
Что все другие на войну ходят,
На тысячи добра привозят,
А я гнию на своих щепках,
20 Валяюсь на стружках.
Худшие птицы воздуха,
Ползающие по земле черви
На мне гнезда делают,
Под моей обшивкой живут“.
25 Старый Вяйнямёйни
Наломал веник с медной верхушкой,
С медной верхушкой, с оловянной ручкой,
Подмел парусник он начисто,
Лодку стонущую вычистил.
30 Уже спустил лодку на воду,
На волны судно спустил.
Посадил в лодку с высокими краями
Женихов с расчесанными головами,
Девушек с медными поясами,

35 Iče issukše peräh,
 Kokan k. ltsen nojah,
 Melan vaškisen varah.
 Pani vanhat šoutamah:
 Vanhat šouti, piä vapisi.
 40 Pani nuoret šoutamah:
 Nuoret šouti, airot notku,
 Nenä joiku jouččenena,
 Tel'ot tetrenä kukerti,
 Hankat hanhena hačatti,
 45 Pyyrimet pyinä vihelti,
 Perä kruočku koškelona.
 Jo veno vesillä puuttu,
 Laiva laški lainehilla.
 Ičepä vanha Väinämöini
 50 Kaččeleikse, kiänteileikse
 Ympäri molommin puolin,
 Kahen puolen kaiken paikan:
 Kivelläkö on, vain havolla?
 Ei kivellä, ei havolla,
 55 Vain on hauvin hartijoilla,
 Vejen koiran kovilla luilla.
 Iče vanha Väinämöini
 Otti onken taškuštah,
 Väkärauvan väškyštäh
 60 I noššalti lohen venoseh.
 Iče vanha Väinämöini
 Kaččelouve, kiäntelöyve
 Ympäri molommin puolin.
 Šiitä tuon šanoikse virkki:
 65 „Jopa tuoštaki tulouve
 Lounaiskse luotehikse
 Lohiviiploin viilläkšeni,
 Lohipaloin pannakšeni“.
 Lohi läiskähti merehe,
 70 Sieltä piätänšä kohotti
 Vihurilta viijenneltä,
 Kupehelta kuuvennelta,
 Uallolta yhekšänneltä:
 „Miepä šiula meinain tulla,
 75 luksekše puoliskokše,
 Aluššijaš luatijakše,
 Piäš aluššan antajakše“.
 Iče vanha Väinämöini

35 Сам сел на корму,
 На золотой конец кормы,
 К медному кормовому веслу.
 Заставил старых грести:
 Старые гребут — головы трясутся.
 40 Заставил молодых грести:
 Молодые гребут — весла гнутся,
 Нос лебедем кричит,
 Скамейки тетеревами воркуют,
 Уключины гусями гогочут,
 45 Вертятся, как деревья скрипят;
 Корма крикала, как дергач.
 Вдруг лодка на воде остановилась,
 Судно стало на волнах.
 Сам старый Вяйнямйёни
 50 Посматривает, оглядывается
 Вокруг, на обе стороны,
 Вокруг, во все стороны:
 На камне или на коряге?
 Не на камне и не на коряге,
 55 А на спине щуки застряла лодка,
 На твердых костях водяной собаки.
 Сам старый Вяйнямйёни
 Взял крючок из кармана,
 С зарубкой железо из кармана,
 60 И поднял лосося в лодку.
 Сам старый Вяйнямйёни
 Посматривает, оглядывается,
 Вокруг, на обе стороны.
 И такие слова сказал:
 65 „Из этой рыбы будет нам
 Хорошая закуска к обеду,
 Лосося разрежу на ломти,
 Разделю его на куски!“
 Лосось в море плеснулся,
 70 Оттуда выставил голову
 С круглой пятой волны,
 С высокой шестой,
 С волны девятой:
 „Я выйти за тебя думала,
 75 Быть твоей подругой на всю жизнь,
 Супружеское ложе тебе убирать,
 Подушку под голову тебе взбивать!“
 Сам старый Вяйнямйёни

Mäni šepojen pajahan
 80 Šiitä noin šanoikse virkkau:
 „Oi, šie šepo, veijoseni,
 Tavo šie rautani harava,
 Tavo piit šatua syltä,
 Varši kahta kauhiampi!“
 85 Šeppä takoki haravan:
 Piit takou šatua šyltä,
 Varren kahta kauhihamman.
 Iče vanha Väinämöini
 Läksi neituo haruamah.
 90 Harai päivän, harai toisen,
 Jo päivänä kolmantena
 Šai hiän ruotua murusen,
 Kalanluuta kappalehen.
 Iče vanha Väinämöini
 95 Kaččeloupi, kiäntelöypi:
 „Mitähän tuoštaki tulis?
 Tulis tuošta šoiłuniki,
 Šaisin tuošta kanteloisen“.
 Otти šoitun šormillah,
 100 Kanteloisen käsillä,
 Alko šoittua šurkutella.

Пришел к кователю в кузницу
 80 И такие слова он сказал:
 „Кузнец, братец ты мой,
 Выкуй железные грабли,
 Выкуй зубья в сто сажень,
 Ручку в два раза длиннее!“
 85 Кузнец выковал грабли:
 Зубья выковал в сто сажень,
 Ручку в два раза длиннее.
 Сам старый Вяйнямёйни
 Пошел выгребать девушку.
 90 Шарил день, шарил другой,
 Уже на третий день
 Выловил он кусочек кости,
 Рыбных костей горсточку.
 Сам старый Вяйнямёйни
 95 Просматривает их, поворачивает:
 „Что бы из этого вышло?
 Вышел бы из этого инструмент,
 Сделать бы из этого кантеле“.
 Взял он кантеле пальцами,
 100 Кантеле он в руки взял,
 Начал играть, поигрывать.

26. ПОРТНОЙ КЕТТУ

Veijo šynty Venäjällä,
 Kašvo lapsi Karjalašša.
 Kašvo vuotta kakšitoista,
 Šen oli omašša koissa,
 5 Vara vanhempien takana.
 Enšin piätäh elätteli
 Laulamalla lapsen iešša,
 Kielen pienen piekšännällä.
 Kešät hallalla ašu,
 10 Puhtahillah puolen vuotta.
 Läksi hiän Kettu kävelyh.
 Aštu vuuvен, ашту toisen,
 Aštu kohta kolmannenki.
 Mäni Kettu talohon.
 15 Mari kaččou karšinašta
 Silmällä kuin helmellä:
 „Mi olet kovin korija,

Братец родился в России,
 Рос ребенком в Карелии.
 Рос он лет двенадцать,
 Только то время он и был дома,
 5 Жил за старшими.
 Первое время он жил,
 Убаюкивая ребенка,
 Пел ему небылицы.
 Летом на прохладных местах жил,
 10 На чистом воздухе полгода.
 Пошел он, Кетту, путешествовать.
 Идет год, идет другой,
 Идет даже и третий.
 Пришел Кетту в дом.
 15 Мари смотрит из подполья
 Глазами, как жемчужины:
 „Уж больно ты нарядный,

Mipä on virka vierahalla?“
 „Olen oiva ompelija,
 20 Taitava takintekijä.
 Mipä on virka Marilla?“
 „Olen šievä šilkkilankan šuaja,
 Parihan meistäki tulou“.
 Kannettihhan kankašpakka,
 25 Kahen henken kannalmoini.
 Šai Kettu keriččemet,
 Leikkaikankahan kahekše,
 Pilkko pienikse paloikse.
 Mari nyt šanoikse virkkoi:
 30 „Lašit kankahan kahekše,
 Pilkoit pienikse paloikse,
 Viikon neuloit yhtä puolta,
 Kauvan hiemuata puutat,
 Pyhän tullen pikemmin,
 35 A Jouluh ei joutunkana.“

Какое ты знаешь мастерство?“
 „Я хороший портной,
 20 Умею шить куртки.
 А какое мастерство знает Мария?“
 „Я мастерица сучить шелковую нитку,
 Вышла бы из нас с тобой пара“.
 Принесли тюк ткани,
 25 Еле двоим нести.
 Достал Кетту ножницы,
 Разрезал тюк надвое,
 Весь искромсал на мелкие кусочки.
 Мария такое слово сказала:
 30 „Разрезал тюк пополам,
 Искромсал на мелкие кусочки,
 Долго подшиваешь полу,
 Долго пришиваешь рукав,
 Праздник скоро придет,
 35 И к рождеству ты не успеешь“.

Ф. Т. Лесонен

27. ВЯЙНЯМЁЙНИ РАНИТ КОЛЕНО

Iče vanha Väinämöini
 Vešti vuorella venehtä,
 Kalkutteli kallivolla.
 Ei kirveš kivehen kosken,
 5 Koški Väinämöisen varpahah.
 Läksi veri juokšomah
 Väinämöisen varpahašta.
 „Eipä maito muaha jouva,
 Miešten hempi heinikköh.
 10 Heitä veri juokšentaš,
 Hurme hupporoitantaš!“
 Siitä vanha Väinämöini
 Tuompa hiän šanoikse virkki.
 Pietti jövet juoksemasta,
 15 Virratki vihertämäštä,
 Šalvatešša veri šaetta,
 Veren johto juoštuhuo.
 „Rauta raukka, koitu kuona,
 Mikse veššit velliäš,
 20 Kummasit urojaš?”

Старый Ваянямёйни
 Тесал лодку на горе,
 Постукивал на скале.
 Топор не коснулся камня,
 5 Коснулся пальца ноги Ваянямёйнена.
 Потекла кровь ручьем
 Из пальца ноги Ваянямёйнена.
 „Молоко не должно проливаться в землю,
 Кровь мужчины падать на луг.
 10 Перестань, кровь, бежать,
 Красная, литься!“
 Это старый Ваянямёйни
 Промолвил такие слова.
 Остановил он течение рек,
 15 Запретил зеленеть берегам ручейков,
 Останавливая потоки крови,
 Направляя ее течение.
 „Ты, жалкое железо, плохая окалина,
 Почему ты резало брата,
 20 Причиняло герою горе?”

M. M. XOTEEBA.

Etpä silloin šuuri ollun,
Etkä suuri, etkä pieni,
Kuinpa šuošta šotkettih,
Puukello kivikapie!“

25 Läksi meren vettä vellomah,
Meren šoita šotkomah.

Ты ведь не было великим,
Не великим и не малым,
Когда тебя из болота поднимали,
Деревянным боталом, каменным копы-
том!“

25 Пошел мутить морскую воду,
Топтать морские болота.

28. ЛЕММИНКЯЙНИ НА ПИРУ В ПЯЙВЁЛЕ

Sano lieto Lemminkäini:

„Emoseni kantajani,
Tuoš miun šoti šomani,
Kanna vihkini vuattiet,

5 Lähen Päivölän pitoh,
Ison joukon jouminkih!“
Emo kielti, vaimo käski:
„Elä lähe, poikuvuoni,
Matan tiijän, tien ošovan,

10 Matall'on tulini koški,
Košešš'on tulini koivu,
Koivušš'on tulini kokko,
Yötpä hammašta hivou,
Päivät kynttä kitkuttau

15 Lemminkäisen piän varalla“.
Šano lieto Lemminkäini:
„Ne on leikit lašten leikit,
Vain ei partašuun urohon!“
„Vielä on Päivölän pihalla,
20 Rakit on rautarahkehissa,
Karhut rautakahlehissa,
Nekun on irallah piäsöy,
Lemminkäisen mäntyhyöššä“.
Tuopa lieto Lemminkäini

25 Kokoi joukon koppaloja,
Ison lavun lampahija,
Kimpun kierävillasija.
Nepä šyöksyy šyöjän šuuhu,
Iče iellähän mänöy.

30 Mäni Päivölän tupah.
Šano Päivölän emäntä:
„Mi on tämä miehijäh,

Сказал веселый Лемминкяйни:

„Мать, что меня носила,
Принеси-ка мне военные доспехи,
Неси венчальную одежду.

5 Я пойду на пир в Пяйвёлу,
На многолюдную пирушку!“
Жена посылала, мать отговаривала:
„Не ходи, мой сынок,
Я знаю эту дорогу, мне известен этот
путь,

10 На пути огненный водопад,
В водопаде огненная береза,
На березе огненный орел,
Он ночью зубы точит,
Днем когтями скрипит

15 На погибель Лемминкяйнена“.
Сказал веселый Лемминкяйни:
„Те игры — детские игры,
А не бородатого героя!“
„Еще во дворе Пяйвёлы

20 Собаки на железной привязи,
Медведи на железных цепях,
Все они на свободу выпущены,
На погибель Лемминкяйнена“.
Веселый Лемминкяйни

25 Целую стаю глухарей набрал,
Большую отару овец,
Гурт курчавошерстных.
Все это он бросает в пасть зверя,
А сам он идет дальше,
30 Вошел в избу Пяйвёлы,
Хозяйка Пяйвёлы говорит:
„Кто этот мужчина,

Ku kumman urohijah,
 Kun ei häntä koirat hauku,
 35 Eikä virka villahännät?“
 Hiän on lieto Lemminkäini:
 „Tuopa, Päivölän emäntä,
 Tuopa toupilla olutta,
 Kanna kakšikorvasella,
 40 Mitä juuva matkamiehen,
 Matkamiehen vaipunehen!“
 Tuopa Päivölän emäntä
 Toipa toupilla olutta,
 Kanto kakšikorvasella.
 45 Mavot laijoilla mateli,
 Kiärmehet kylillä kulki,
 Toukat touppijen ravoissa.
 Šano lieto Lemminkäini:
 „Ruhka muaha luotaneh,
 50 Ruoka suuhun juotaneh“.
 Šano Päivölän emäntä:
 „Mi on tämä miehijäh,
 Ku kumman urohijah,
 Kun ei ole tiälä ennen nähty,
 55 Eikä varšin vašta liene!“
 Šano lieto Lemminkäini:
 „Kaččelemma, kiäntelemmä,
 Kummanpa on parempi miekka,
 Kumman on kalvo kaunehempi?“
 60 Päivölän parempi miekka,
 Hänen kalvo kaunehempi,
 Hänen veičči vierövämpi.
 Tuopa lieto Lemminkäini
 Silpasi poveštah puukon.
 65 Hänenpä on parempi puukko,
 Hänen veičči vierövämpi
 Hiän löipä kerran, löipä toisen,
 Löipä kohta kolmannenkin.
 Šiitä šynty šuuri šeikka,
 70 Ilmaštuu iso jyräkkä.
 Šepä lieto Lemminkäini
 Hiänpä Päivölän puhašti.
 Šieltä löppu juoma paikka,
 Löppu miehien tapanta,
 75 Urohien uhhotinta.

Кто этот странный герой,
 Что на него не лают собаки,
 35 Что молчат шерстохвостые?“
 Сказал веселый Лемминкяйни:
 „Принеси-ка, хозяйка Пяйвёлы,
 Принеси кружку пива,
 Кружку с двумя ручками,
 40 Чтобы путнику напиться,
 Усталому путешественнику!“
 И хозяйка Пяйвёлы
 Принесла кружку пива,
 Кружку с двумя ручками.
 45 Черви кишели по краям,
 Змеи ползали по бокам,
 Червячки в щелях кружки.
 Сказал веселый Лемминкяйни:
 „Мусор выбрасывается на землю,
 50 Пища принимается в рот“.
 Сказала хозяйка Пяйвёлы:
 „Кто этот мужчина,
 Кто этот странный герой?
 Мы его не видели здесь раньше,
 55 И никогда не увидим больше!“
 Сказал веселый Лемминкяйни:
 „Повернем да посмотрим,
 Чей меч лучше,
 У кого рукоятка меча красивее?“
 60 Меч Пяйвёлы лучше,
 Рукоятка меча у него красивее,
 Его нож острей.
 Но вот Лемминкяйни
 Выхватил из-за пазухи нож,
 65 Его нож лучше,
 Его нож острей.
 Он ударил раз, ударил второй,
 Ударил даже и третий раз.
 Тут случилась великая схватка,
 70 Началась большая драка,
 И веселый Лемминкяйни
 Очистил Пяйвёлу.
 Кончились там пирушки,
 Прекратилось убийство мужей,
 75 Гибель героев.

29. КОЯ СВАТАЕТСЯ

- Koja lähti šulhasikse,
Tuli Konnun talohon.
Koja noin šanoikse virkki:
„Annatko, Konnu, Annikin,
5 Vaiko Piili-Vilkunaši?“
„Enpä anna Annikkian,
Enkä Piili Vilkunuani,
Kun ammut tähet taivahalta,
Šiitä annan Annikkini,
10 Eli Piili Vilkunani!“
Koja aštuu ja ajattelou,
Hiän painu šepän pajahan.
„Tuopa, šepä, veijoseni,
Tavo miulla rautapyššy,
15 Kuuši rautarenkahaista!“
Tako šepä rautapyššyn,
Kuuši rautarenkahaista.
Hiän ampu tähet taivahalta,
Pilkut pilvien lomasta.
20 Hiän mäni Konnun talohon.
„Joko annat Annikkisi?“
„En anna vielä Annikkian,
Enkä Piili Vilkunuani, —
Kun aššut miehen miekkojen teriä,
25 Naisien nieklojen neniä!“
Koja lähti aštumahan.
Hiän aštuu ajattelou,
Hiän painu šepän pajahan:
„Voipa, šepo veijoseni,
30 Tavo miulla rautakenkät,
Kuuši rautarenkahaista!“
Hiän aštu miehien miekkojen teriä,
Naisien nieklojen neniä,
Hiän mäni Konnun talohon.
35 „Jako annat Annikkisi,
Eli Piili Vilkunas?“
Konnu anto Annikinša.
Läksi Kojа ajoa kojottamahan,
Tyttöhän noin šanoikse virkkoi:
40 „Parempi ois juošša hukkien jäleššä!“
- Коя пошел свататься,
Пришел в дом к Конну.
Коя сказал такие слова:
„Отдашь ли, Конну, Анники,
5 Свою Пийли-Вилкуну?“
„Не выдам свою Анники,
Не выдам Пийли-Вилкуну,
Если собьешь с неба звезды,
Тогда выдам свою Анники,
10 Свою Пийли-Вилкуну!“
Коя идет и думает.
Он пришел в кузницу к ковалю.
„Ты кузнец, мой братец,
Скуй мне железное ружье
15 С шестью перехватами из железа!“
Сковал кузнец железное ружье
С шестью перехватами из железа.
Он сбил звезды с неба,
Мерцающие между тучами.
20 Пришел он в дом к Конну.
„Отдашь ли теперь свою Анники?“
„Не отдам еще Анники,
Свою Пийли-Вилкуну.
Сперва пройди по лезвиям мужских
мечей,
25 По остриям женских иголок!“
Коя отправился в путь.
Он идет и думает.
Пришел он в кузницу к ковалю:
„Ой ты, кузнец-братец,
30 Скуй мне железную обувь,
Шесть железных обуви!“
Ступает он по лезвиям мужских мечей,
По остриям женских иголок.
Пришел он в дом к Конну.
35 „Отдашь ли Анники,
Свою Пийли-Вилкуну?“
Конну отдал свою Анники.
Поехал Коя в путь, постукивает.
Девушка такие слова промолвила:
40 „Лучше бы мне бежать по следам вол-
ков!“

- Kojo šanou: „Elä huoli,
Kojan koto on miällä korkiell,
Kun männähän Kojan kotia,
Pirttiorja on orren piäššä,
45 Sekä on vaštah tulou,
Tuopi verta mal’l’asella!“
Löi virkkua vičalla,
Virkkua läksi juokšomah.
Reki vieri, ohjaš lekkuu,
50 Koivuni jalaš kolahti,
Viččani saverka vinkuu.
Hiän mäni Kojan kotihin.
Tuli pirttiorja vaštah,
Toi verta mal’l’asella,
55 Min’n’alla maistattua.
Hiän vei morsiamen aittah,
Siinä oltih ta eletti.
Siinä šanoi pirttiorja:
„Šyö nyt, Olkaš, olkaluita,
60 Palakaiseš piäpalani!“
Nännit leipo leipäsekše,
Muu ruumis lihakše pantih,
Pahapaikka portahakše.

- Коя отвечает: „Не беспокойся,
Дом у Коя на высокой горе,
Как приедем в дом Коя,
Домашний раб стоит у голбца,
45 Он навстречу выйдет,
Поднесет чашечку крови!“
Ударил Коя резвого прутот,
Резвый побежал бегом.
Сани катились, вожжи болтались,
50 Березовый полоз стукнул о камень,
Завертки из прутьев заскрипели.
Приехали в дом Коя,
Вышел домашний раб встречать,
Принес чашечку крови,
55 Даёт невестке попробовать.
Отвел он невестку в клеть,
Там они были, там и жили.
Тут сказал домашний раб:
„Съешь-ка теперь косточку с плеча
Ольги,
60 Обглодай-ка кусочек головы Палаги!“
Груди ее запекли на хлебцы,
Остальное тело на мясо разрезали,
Плохие места на ступеньки бросили.

А. С. Богданова

30. ВЯЙНЯМЁЙНИ УНОСИТ САМПО ИЗ ПОХЬОЛЫ

- Šanoupa vanha Väinämöini
Nuoremalla veijollanša:
„Jop’on šampo šalvattuna
Pimiäh on Pohjolaähe,
5 Yhekšän šylen šyvyähe,
Yhekšän lukun takuakše!“
Šanoupa vanha Väinämöini:
„Läkkäpä, šepä veikkoseni,
Läkkämmähän šampuo šuamah
10 Pimiäštä Pohjolašta,
Yhekšän šylen šyvyöštä,
Yhekšän lukun takuata!“
„Milläpän šieltä šammon šuamma?“
„Kyllä šiihen keinon keksin,

- Сказал старый Вайнямёйни
Своему младшему брату:
„Вот запрятано уже Сампо
В темную Похьолу,
5 На девять сажен глубиною,
За девятью замками!“
Сказал старый Вайнямёйни:
„Пойдем-ка мы, кузнец-братец,
Пойдем-ка доставать Сампо
10 Из темной Похьолы,
Из глубины в девять сажен,
Из-за девяти замков!“
„Как же мы его достанем?“
„Уж я придумаю способ,

- 15 Kyllä šiihen mutkat muissan!
 Šiitäpä vanha Väinämöini
 Šai šatašarvisen härän,
 Tuhatpäisen turšahan,
 Šilläpä kynti šammon juuret,
 20 Pimijästä Pohjolašta,
 Yhekšän šylen šyvvyestä,
 Yhekšän lukun takuata.
 Šaipa on šammon šylihinsä.
 Veipä šen venosehenša.
 25 „Souvapa, šepä veikkoseni!“
 Iče istuuŋu perähän,
 Jottei kuulisi kukana,
 Vakavalta valpaštuisi.
 Šylen šampoа piteli.
 30 Tuopa rautamuurahaini,
 Yhen kärpäsen kokoini,
 Še kusi kuren jaloilla.
 Kurki piäšti kumman iänen,
 Parkasi pahan šanelun.
 35 Šiitäpä Pohjola heräsi,
 Paha valta valpaštuupi.
 „Jop on šampo šaloh viety
 Pimiästä Pohjolašta,
 Yhekšän šylen šyvvyveštä,
 40 Yhekšän lukon takuata!“
 Šiitäpä Pohjolan emäntä
 Otti šata miešta šoutamah,
 Tuhat airon tutkamilla;
 Iče istuutu perähä,
 45 Šiitäpä vanhä Väinämöini:
 „Kuule, šepä veikkoseni,
 Noušepa šie purjepuihe,
 Ruku nuorihin rupiele,
 Kačo itä, kačo länsi,
 50 Kačo pikin Pohjan ranta,
 Eikö nävy ketä tulovan“.
 Šiitä šepä veikkoseh —
 Noušipa hiän purjepuihe,
 Ruku nuorihin rupesi,
 55 Kaččo ijan, kaččo lännen.

Kaččo pitkin Pohjan rannan:

- 15 Я помню все изгибы!“
 И вот старый Вяйнямёйни
 Достал сторогого быка,
 Тысячеголового вола,
 Им выпахал он корни Сампо
 20 В темной Похьоле,
 Из глубины в девять сажень,
 Из-под девяти замков.
 Вот схватил он Сампо в охапку
 И понес в свою лодочку.
 25 „Греби теперь, кузнец-братец!“
 Сам же сел он на корму,
 Чтоб никто не услышал,
 От разговора бы не проснулся.
 В охапку он взял Сампо.
 30 Но вот железный муравей,
 Величиной с муху,
 Обмочил журавлю ногу.
 Журавль поднял сильный крик,
 Ужасно закричал.
 35 От этого Похьола проснулась,
 Злая сила поднялась.
 „Сампо в дремучий лес увезено
 Из темной Похьолы,
 Из глубины в девять сажень,
 40 Из-под девяти замков!“
 И вот хозяйка Похьолы
 Взяла сто мужей грести,
 Тысячу посадила за весла,
 Сама села на корму.
 45 Промолвил старый Вяйнямёйни:
 „Послушай-ка ты, кузнец-братец,
 Влезь на парусные стеньги,
 Поднимись ты по веревкам,
 Посмотри к востоку, посмотри к за-
 50 паду,
 Посмотри к берегам Похьолы,
 Не идет ли там кто-либо“.
 И вот кузнец-братец
 Влез на парусные стеньги,
 55 Поднялся он по веревкам,
 Посмотрел к востоку, посмотрел к за-
 паду,
 Посмотрел вдоль берега Похьолы:

- „Jop'on tulou Pohjan purši,
Sata hanka hakkoapi.
Šata on mieštä šoutamašša,
60 Tuhat airon tutkamišša.
Iče Pohjolan emäntä
Pitäy miekalla periä,
Tuijottau tupettomalla.
Nuoret souti, aivot notku,
65 Vanhat šouti, piä vapisi,
Nenä joiku jouččenena,
Tel'l'ot tetrinä kukerti,
Airon pyyryt pyinä vinku,
Perä kruakku kuarnehina.
70 Šanoupa vanha Väinämöini:
„Kuule, šappä veikkoseni,
Anna piitä pikkarasen,
Taki taklova vähäsen!“
Šiitä šepä veikkosenša
75 Anto piitä pikkarasen,
Taki taklova vähäsen.
Šiitäpä vanha Väinämöini
Iski tulta ilmon rikki.
Välähytti Väinämöini
80 Kolmella kokonšulalla,
Viijellä vivuttimella.
Loi yli olkanša vašemen,
Iče noin šanoikse virkko:
„Tulkohot tulini luoto
85 Šelvällä meren šelällä,
Juokšis puhki pohjan purši,
Šatahanka halki šaisi!“
Šiitäpä Pohjolan emäntä
Otti viisi viikatehta,
90 Kuuši kuokan ruopivuo.
Šito vašsat šiiviksensä,
Lennellä lekuttelovi
Luokše vanhan Väinämöisen:
„Työkö šampon šaloh veittä
95 Pimijäštä Pohjolašta,
Yhekšän lukon takuata,
Yhekšän šylen šyvyöštä?“
Otti šampon kynšihinsä.
Tuoštapa vanha Väinämöini

- „Вот идет уж парус Похьолы,
Стоуключинный несется.
Сто мужчин гребут,
60 Тысяча сидит на вёслах.
Сама хозяйка Похьолы
Мечом управляет лодкой,
Рулит мечом без ножен.
Молодые гребли, вёсла гнулись,
65 Старые гребли, головы тряслись,
Нос пел лебедем,
Скамейки тетеревом ворковали,
Уключины рябчиком попискивали,
Корма каркала вороном.
70 Промолвил старый Вяйнямёйни:
„Послушай-ка, кузнец-братец,
Дай-ка мне кусочек кремня
И немножечко трута!“
И вот кузнец, его братец,
75 Дал ему кусочек кремня
И немножечко трута.
Тут старый Вяйнямёйни
Пронзил пламенем воздух;
Сверкнул Вяйнямёйни
80 Тремя орлиными перьями,
Пятью шестами.
Махнул через левое плечо,
Сам такое слово молвил:
„Пусть здесь будет подводный огненный
утес
85 На открытом море,
Чтобы продырявился парус Похьолы,
Раскололся бы стоуключинный!“
Но вот хозяйка Похьолы
Схватила пять кос,
90 Шесть мотыг без ручек.
Привязала себе крылья из веников,
Порхает, летит
К старому Вяйнямёйнену:
„Не вы ли украли Сампо
95 Из темной Похьолы,
Из-под девяти замков,
Из глубины в девять сажен?“
Взяла Сампо в свои когти.
Но вот старый Вяйнямёйни

100 Noššatti melan mereštä,
 Tammen lašsun lainehista,
 Sillä kynsijä šivalti,
 Šampo pyörähti mereh:
 „Eikä šiula, eikä miula,
 105 Šampo olkohot mereššä!“

100 Поднял кормовое весло из моря,
 Дубовую щепку из волн,
 Им по ее когтям ударил,
 Сампо упало в море:
 „Ни тебе и ни мне,
 105 Пусть Сампо останется в море!“

31. ВЯЙНЯМЕЙНИ И ДЕВА-ЛОСОСЬ

Šano vanha Väinämöini:
 „Olen onkella olija,
 Kalan kaštissa kävijä!“
 Onkia lekutteloovi
 5 Nenäššä utuisen niemen,
 Piäššä šuaren terhellisen.
 Puuttu lohi onkeheni,
 Taki takla rautahani.
 Vetі šen venosehenša,
 10 Talu talkopohjahanša.
 Šilie olis šiikasekše,
 Halie olis haukisekše,
 Evätöin lohen kalakše,
 Vyötöin Väinön tyttäreкše.
 15 Veičč’ois vyöllä Väinämöisen,
 Kattil on šepoп pajašša —
 Lohi leikko viil’akšeni,
 Pala puršto pannakšeni,
 Murkinaiseкše murukše,
 20 Puavošnaiseкše palakše,
 Šuatranaiseкše šaloikše,
 Lohi loiskahti mereh,
 Kalakirjo kammertautu,
 Ičepä noin šanoikse virkko:
 25 „Enpä liene lähtenkänä
 Murkinaiseкše muruikše,
 Puavošnaiseкše paloikše,
 Šuatranaiseкše šaloikše,
 Läksin pirtin pyyhkiјäkše,
 30 Šiun šijasi levittäјäkše,
 Pieluštaisen paniјäkše!“
 Tuoštapa vanha Väinämöini
 Paino mielenšä pahakše,
 Kuatu koprin laineheh,

Сказал старый Вяйнямёйни:
 „С удочкой я не расстаюсь,
 Рыбу удить я хожу!“
 Удочку он закидывает
 5 На конце туманного мыса,
 На краю красивого острова.
 Попал лосось на удочку,
 На железный крючок.
 Потянул лосося в свою лодку,
 10 Бросил рыбу на дно своей лодки.
 Для сига рыба гладка,
 Для щуки слишком светла,
 Нет плавников, чтобы быть лососем,
 Нет пояса, чтобы быть дочерью Вяйнё.
 15 Нож висел на поясе Вяйнямёйнена,
 А котел был у кузнеца,
 Чтобы ножом разрезать лосося,
 Чтобы куски в котел положить
 Для закуски на обед,
 20 А остатки — к ужину,
 И на завтрак, на закуску.
 Лосось в море ускользает,
 Пестрая рыба уплывает
 И сама такие слова молвит:
 25 „Не для того я выходила,
 Чтоб быть закуской
 И остатками к ужину
 И на завтрак кусочками.
 Выходила я, чтобы избу подметать,
 30 Чтобы постель твою убирать,
 Чтобы подушки укладывать!“
 Тут старого Вяйнямёйни
 Одолела великая кручина.
 Упал он из лодки на волны,

35 Šuistu šuin šulah veteh,
 Ičepä noin šanoikse virkki:
 „Voipa huima huimuuttani,
 Vähämieli mielyttäni,
 Kun tuot en tuntenu pitiä —
 40 Vellamon vetošta neittä
 Miunpa pirtin pyyhkijänä,
 Šijasen levittäjänä,
 Pieluštaisen panijana“.
 Šielä kulki kuuši vuotta,
 45 Šeilu šeiččemän kesiä,
 Kaikkiah kahekšan vuotta,
 Yhellänš yhekšan vuotta.
 Šiellä loi hiän luotosija,
 Karipäitä kašvatteli,
 50 Rikkahan elontulokše,
 Köyhän miehen päiän menokše.

Šiitapä vanha Väinämöini
 Nošti polvenša mereštä,
 Lymphyksensä lymphytytti.
 55 Hanhipa še ilmanlintu
 Eččipähä pešän šijua.
 Näki muštašen mereššä,
 Šiihen muni kuuši munua,
 Seiččemännen rautamunan.
 60 Hierelekše, hautolekše,
 Kaččelekše, kiäntelekše.
 Tuoštapa vanha Väinämöini
 Tunši polvenša šulakse,
 Jäšenensä hautuvakše.
 65 Pyörähytti polveanša,
 Lynkyštänšä lymmähytti,
 Munat pyörähti mereh,
 Ičepä noin šanoikse virkki:
 „Mi on ruškieta munašša, —
 70 Še päiväkše paistamah,
 Mi on valkieta munašša —
 Še kuukše kuumottamah,
 Mi on kuoria munašša —
 Še tähikše taivahalla,
 75 Pilkakše pilvien rakoh!“

35 Скользнул вниз головой в талую
 воду,

Сам сказал такие слова:
 „Ах, это мое безрассудство,
 Ах, это моя недогадливость,
 Как не догадался я задержать
 40 Подводную деву Велламо,
 Чтобы она мне избу подметала,
 Чтобы мою постель убирала,
 Чтобы подушки укладывала!“
 Там он плавал шесть лет,
 45 Скитался он и седьмое лето,
 Всего он блуждал восемь лет,
 А в общем и девять лет.
 Там он творил подводные скалы,
 Там он отмели устанавливал,
 50 Чтобы богатому было где богатеть,
 Чтобы бедняку было где сложить го-
 лову.

Тогда старый Вяйнямейни
 Поднял свое колено из моря,
 Часть ноги закинул над водой.
 55 Гусь был небесной птицей,
 Искal место для гнезда.
 Увидела птица что-то черное в море,
 Там она снесла шесть яиц.
 Седьмое яйцо — железное.
 60 Натирала их, согревала их,
 Осматривалась, поворачивалась.
 Тут уже старый Вяйнямейни
 Почувствовал, что колену горячо,
 Что суставы распарились.
 65 Шевельнул он своим коленом,
 Выпрямил свою ногу,
 Яйца все в море упали.
 Сам он сказал такие слова:
 „То, что желтком было в яйце, —
 70 То пусть светит солнышком,
 А что в яйце было белком —
 То пусть станет месяцем,
 А осколки скорлупы
 Пусть будут звездами на небе
 75 Светить между облаками!“

32. СОН ИЩЕТ РЕБЕНКА

Uni uuhella ajeli,
 Kiekko silmällä kehitti,
 Laukkipiällä lampahalla,
 Herasilmällä hevolla.
 5 Ajo alimmaista tietä myöte,
 Alimmaisehen talohon.
 Kyšy kynnyksen takuata,
 Ano alta ikkunojen:
 „Onkopa talošša täššä,
 10 Lašta pientä kätkyeššä,
 Pientä peitošša sijašša,
 Vakavaista vuattehissa?“
 Ukko uunilta urahti,
 Muori laušu lattiešta,
 15 Poika-parka pankon piäštä:
 „Ei ole talošša täššä
 Lašta pientä kätkyeššä,
 Pientä peitošša sijašša,
 Vakavaista vuattehissa“.
 20 Ajo keškimmäistä tietä myöte,
 Keškimmäiseh taloh.
 Kyšy kynnyksen takuata,
 Ano alta ikkunojen:
 „Onko talošša täššä
 25 Lašta pientä kätkyeššä,
 Pientä peitošša sijašša,
 Vakavaista vuattehissa?“
 Ukko uunilta urahti,
 Muori laušu lattiašta,
 30 Poika-parka pankon piäštä:
 „Ei ole talošša täššä
 Lašta pientä kätkyeššä,
 Pientä peitošša sijašša,
 Vakavaista vuattehissa“.
 35 Ajo ylimmäistä tietä myöte,
 Ylimmäisehe taloho.
 Kyšy kynnyksen takuata,
 Ano alta ikkunoijen:
 „Onko talošša täššä
 40 Lašta pientä kätkyeššä,
 Pientä peitošša sijašša,
 Vakavaista vuattehissa?“

Сон ехал на ягненке,
 На большеглазом катался,
 На овце со звездочкой на лбу,
 На зоркоглазом коне;
 5 Ехал по нижней дороге,
 Приехал в нижний дом.
 Спросил сон из-за порога,
 Спрашивал под окнами:
 „Нет ли в этом доме
 10 Малого ребенка в колыбели,
 Малютки, укрытого в постели,
 Дитяти, завернутого в одежду?“
 Старик с печки проворчал,
 Бабка промолвила с пола,
 15 Бедный мальчик с края печки:
 „Нет в этом доме
 Ребенка малого в колыбели,
 Малютки, укрытого в постели,
 Дитяти, завернутого в одежду“.
 20 Ехал сон по средней дороге,
 Приехал в средний дом.
 Спросил он из-за порога,
 Спрашивал под окнами:
 „Нет ли в этом доме
 25 Малого ребенка в колыбели,
 Малютки, укрытого в постели,
 Дитяти, завернутого в одежду?“
 Старик с печки проворчал,
 Бабка промолвила с пола,
 30 Бедный мальчик с края печки:
 „Нет в этом доме
 Малого ребенка в колыбели,
 Малютки, укрытого в постели,
 Дитяти, завернутого в одежду“.
 35 Ехал по верхней дороге,
 Приехал в верхний дом,
 Спросил сон из-за порога,
 Спрашивал он под окнами:
 „Нет ли в этом доме
 40 Ребенка малого в колыбели,
 Малютки, укрытого в постели,
 Дитяти, завернутого в одежду?“

Ukko uunilta urahti,
Muori laušu lattiašta,
45 Poika-parka pankon piästä:
„Onpa talošša tässä
Lašta pientä kätkeyessä,
Pientä peitošša sijašša,
Vakavaista vuattehissa“.

Старик с печки проворчал,
Бабка сказала с пола,
45 Бедный мальчик с края печки:
„Есть в этом доме
Ребенок маленький в колыбели,
Малютка, укрытый в постели,
Дитя, завернутое в одежду“.

М. С. Леттиева

33. ВЯЙНЯМЁЙНИ ДЕЛАЕТ КАНТЕЛЕ И ИГРАЕТ НА НЕМ

Vanhat šonti, piä vapisi,
Nuoret šouti, aivot notku.
Aironpyyrit pyinä lenši,
Hankat hanhina hažatti.
5 Jopa puuttu purši kiinni,
Pijätty veno punani:
Kivelläkö, kannollako,
Vaiko vatturan juurilla?
Ei kivellä, ei kannolla,
10 Ei vatturan juurilla,
Hauvin šuuren hampahilla,
Vejen koiran koukkuluilla.
Tuopa vanha Väinämöini
Nošti mereštä melakan,
15 Löi haukia melalla,
Hauki kolmekše palakše.
Šen veti venosehe,
Talu jalkapohjallanša,
Kačšelou, kiäntelöy:
20 „Šaispa tuošta šepo šoiton,
Kannelmon kalaneväsen“.
Šepo luati šiitä šoiton.
Šoitti nuoret, šoitti vanhat,
Ei ollut ilo ilolla.
25 Vain iče vanha Väinämöini
Otti šoiton šormellah,
Kannelmon käsienšä alla.
Šiitä oli šoitto šoitannalla,
Šiit oli ilo ilolla.
30 Mi oli mečššä eläjäy,

Гребли старики, головы у них тряслись,
Молодые гребли, вёсла гнулись.
Вёсла рябчиками летали,
Уключины гоготали гусями.
5 Но вот остановился парусник,
Застряла красная лодочка:
То ли на камне, то ли на пне,
Или на корягах застряла.
Не на камне, не на пне
10 И не на корягах застряла,
А на зубах большой щуки,
На кривых костях водяной собаки.
Тут-то старый Вайнямёйни
Поднял из моря кормовое весло,
15 Ударил щуку веслом —
Щука на три куска распалась.
Втащил её в лодку,
Наступил своей ступней,
Рассматривал ее, поворачивал:
20 „Мог бы кузнец сделать
Кантеле из плавников рыбы?“
Кузнец сделал кантеле.
Играли молодые, играли старые, —
Не было веселье весельем.
25 Тут сам старый Вайнямёйни
Взял музыкальный инструмент,
Взял кантеле в руки.
Тут стала игра игрой,
Веселье стало весельем.
30 Что было в лесу живого —

Šiiven kakšin šikahija,
 Jaloin nel'lin juoksijua,
 Kaikki — šoitantua kuulomah.
 Iče mežänki isäntä
 35 Rinnan aitah ajakše
 Šoitantua kuulomaha.
 Mi oli veješšä väkijä,
 Kaikki tultih kuulomaha.
 Iče vejenki emäntä
 40 Vyötisikše, vuatisikše,
 Vejäkse vesikivellä
 Šoitantua kuulomahan.

Двукрылых, крыльями машущих,
 На четырех ногах скачущих —
 Все пришли игру послушать.
 Даже сам хозяин леса,
 35 Навалившись грудью на изгородь,
 Стал слушать игру.
 Что было живого в воде,
 Все пришли слушать.
 Даже сама хозяйка воды,
 40 Одним лишь поясом опоясанная,
 Растянулась на подводном камне,
 Игру послушать.

34. ВЯЙНЯМЁЙНИ НИСХОДИТ В УТРОБУ ВИПУНЕНА

Vaka vanha Väinämöini
 Luati laululla venehtä,
 Kalkutteli kallivolla;
 Uupu kolmija šanoja,
 5 Parrašpuuta panneššanša.
 Läksi šuamaha šanoja,
 Aštu uron tapparan teriä,
 Miehen miekan tutkamia,
 Naisen nieklasen neniä.
 10 Viikon on Vipuni kuollun,
 Kauan kuollun ja kavonnun,
 Lepät on leuvoilta levinny,
 Havuhonkat hampahilta,
 Korpikuušet kulmilta,
 15 Pajupehкот parran piältä.
 Viikon on Vipuni kuollun,
 Kauan kuollun ja katonnu,
 Lonkotteli leukaluita.
 Šoutelou, uitelou,
 20 Šuonen piästä šuonen piähä.
 Ei mahti muahan jouva,
 Vaikka mahtajat mänöy;
 Ei laulut muaha jouva,
 Vaikka laulajat mänöy;
 25 Eikä luottajat loveh,
 Vaikka luotsijat mänöy.
 „Läksin šuamaha šanoja,
 Onkelmoita oppimaha“.

Верный старый Вяйнямёйни
 Делал пением лодку,
 Постукивая на скале;
 Нехватило трех словечек,
 5 Чтоб сделать края лодки.
 Он пошел за словами.
 Шел по лезвиям секир героев,
 По мечам мужей,
 По остриям женских иголок.
 10 Давно уж Випуни умер,
 Давно скончался и сгинул.
 Ольха выросла на его подбородке,
 Хвойные сосны на зубах,
 Старые ели на бровях,
 15 Ивняк на бороде.
 Давно уж Випуни умер,
 Давно скончался и сгинул,
 Раскрыл он нижнюю челюсть.
 Катается, плавает Вяйнямёйни
 20 От одного конца жилы в другой конец.
 Сила не должна уходить в землю,
 Хотя сильные и уходят в нее;
 Песни не должны уходить в землю,
 Хотя и уходят певцы;
 25 Надежда не должна уйти в щель,
 Хотя и уходят в нее лоцманы.
 „Я пришел за словами,
 Учиться уму-разуму“.

- (Vipuni ei ruvennut pakajamah).
 30 Ja silloin Väinämöini
 Pani paitah pajakše,
 Turkkih tuhuttimekše,
 Pienen šormeh pihtilöikše,
 Polveh alusimekše,
 35 Kynäspiän vašarakše.
 (Alkau takuo)
 Tako päivän, tako toisen,
 Jo rupeši pakajamaha.
 (Vipuni šanou:)
 40 „Olen šyönyn šusit,
 Olen šyönyn karhut,
 En ole vielä moista šyönyn,
 Šysti šuuhuni tulou,
 Kekälehet kielelläni,
 45 Rauvan kuona kulkkuhuni.“

- [Випуни не стал говорить].
 30 И тогда Ваянямёйни
 Превратил свою рубашку в кузницу,
 Шубу превратил в меха,
 Свой мизинец превратил в клещи,
 Свое колено — в наковальню,
 35 Свой локоть — в молоток.
 [Начинает ковать]
 Ковал он день, ковал другой,
 Уже он начал говорить.
 Випуни говорит:
 40 „Я съедал волков,
 Я съедал медведей,
 Но никогда не ел тебе подобных;
 Уголь мне в рот поднимается,
 Головешки — на язык,
 45 Шлак железный в горло“.

35. ВЯЙНЯМЁЙНИ УХОДИТ ИЗ СВОЕЙ СТРАНЫ

- Marjani mäjeltä huuti,
 Puolukaini kankahalta:
 „Tule, neiti, poimimahe,
 Vyö vaški valiččomahel!“
 5 Tuli marja helmoillani,
 Helmoiltani huulillani,
 Huuliltani kielelläni,
 Kieleltä vaččahe vajoupi.
 Šiitä vyöttä völlehtiyv,
 10 Pimijässä piilehtiyv,
 Šuojissa šovittelouv.
 Šiitä vanhemmat šanou:
 „Mi on meijen neijolla,
 Kun vyöttä völlehtiyv,
 15 Pimijässä piilehtiyv?“
 (Kun lapšensuajan piti
 Šuaha šauna niin:)
 Mi heponi henkelläh,
 Še oli lölyö kyyssä,
 20 Mi heponi hännälläh,
 Še oli vaštua kyyssä.
 Kun poikua ruvettih ristimäh,
 Šano vanha Väinämöini:

- Ягодка звала с пригорка,
 Брусника из бора:
 „Иди, девица, подбери меня,
 Иди, поясок медный, сорви меня!“
 5 Прыгнула ягодка на подол,
 С подола на губы,
 С губ на язык,
 С языка покатила в желудок.
 С ослабленным поясом девица ходила,
 10 Укрывалась в темноте,
 Искала прикрытия.
 Родители ее говорят:
 „Что-то с нашей девицей,
 Что с ослабленным поясом ходит,
 15 Укрывается в темноте?“
 Когда настала пора,
 Идти роженице в баню,
 То пару было в бане,
 Сколько конь нагреет дыханьем.
 20 Будто конские хвосты
 Были веники в бане.
 Когда надо было крестить сына,
 Старый Ваянямёйни сказал:

„Kun ois puulla piähä lyöty,
 25 Eli tankolla tapettu!“
 Puhui poika puolikuini,
 Kakšiviikkoni Kaleva:
 „Ei töistä suuremmistana,
 Ei as's'oista pahemmistana,
 30 Ei ole puulla piähä lyöty,
 Eikä tankolla tapeltu.
 Šie nakroit oman emosi
 Rejen kirjavan peräššä,
 Mäkimaita männeššäsi!“
 35 Šiitä poika ristittihi
 Korpelan kuninkahakše,
 Rahavuaran vartijakše.
 Šiitä vanha Väinämöini
 Pani mielenšä pahakše,
 40 Läksi kurimukšen kurkun alla,
 Kijan kielen kiäntimih.
 (Väinämöini šano lähtieššäh,
 Jotta tulou tänne kuitenkin kuolomah).

„Палкой следовало бы стукнуть его по
 голове
 25 Или колом убить!“
 Полумесячный мальчик сказал,
 Двухнедельный Калева:
 „И за большие проступки,
 За дела похуже этих
 30 Не били палкой по голове,
 И не убивали колом.
 Ты осмелял свою мать,
 Позади пестрых саней,
 Когда ехал по гористым местам!“
 35 Сынка нарекли
 Царем дремучего леса,
 Стражем денежного холма.
 На это старый Вяйнямёйни
 Очень обиделся,
 40 Поехал к горловине водоворота,
 К изгибу мыса Кия.
 При уходе Вяйнямёйни сказал,
 Что все же придет сюда умирать.

36. ЛЕММИНКЯЙНИ НА ПИРУ В ПЯЙВЁЛЕ

Tuopa lieto Lemminkäini
 Kynti hän kivisen pellon,
 Muun mujusen mulloštel
 Atrasella tuliterällä,
 5 Vaškisilla vuarnahilla.
 Loi hän šilmäh luotehella,
 Kiänti piätä päivän alla,
 Kaččou kun šavu näkyvi:
 Pien oiš šovan šavukše,
 10 Šuuri oiš paimenen tulekše.
 Nyt on Päivälä pivošša,
 Šalajoukko juominkissa.
 „Oi, emoni kantaјani,
 Kuuvven kymmenen kešäni,
 15 Šajan vuuvven vanhukaini,
 Lämmitä šalova šauna,
 Pian pirtti riuvuttele,
 Halkosilla pienoissilla,
 Pienillä pilaštehilla,

Веселый Лемминкяйни
 Вспахал каменистое поле,
 Взороздил глинистую землю
 Сохой с огненным лемехом,
 5 С медным сошником.
 Посмотрел на северо-запад,
 Повернул голову к солнцу,
 Смотрит — дым виднеется:
 Для дыма войны он мал,
 10 Для костра пастуха велик.
 Это идет в Пяйвёле пир,
 Попойка братчины.
 „Ты, мать моя родимая,
 Ты, шестидесятилетняя,
 15 Сто лет прожившая,
 Истопи хорошенько баню,
 Скорей приготовь курную избу,
 Мелкими полешечками,
 Мелкими щепками,

- 20 Jotta piätäni pesisin
 Šykysyisistä šysistä,
 Tavannoista talvisista.
 Lähen Päivölän pitoihi,
 Šalajoukon juominkihi,
 25 Tuo miulla šotišomani,
 Kanna vainovuatteheni!
 „Älä lähe, poikueni,
 Mont' on šurmua matalla“.
 „Oi, emoni kantajani,
 30 Kuuvven kymmenen kešäni,
 Šajan vuuvven vanhukaini,
 Šano šurma ensimmäini!“
 „Kun menet matkua vähäisen,
 Pikkaraisen tietä myöten
 35 Tulou tulini aita
 Muašta šuaha taivahah,
 Taivahašta muaha šuahe.
 Čičiliuskoilla šivottu
 Kiärmehillä kiännätetty“.
 40 „Otan veiččen huotrahisen,
 Tupesta tuiman rauvan,
 Leikkuan šeiččemältä šeipähältä,
 Viijeltä vičašväliltä,
 Šillä šen rovin vajellan.
 45 Oi, emoni kantajani,
 Kuuvven kymmenen kešäni,
 Šajan vuuvven vanhukaini,
 Šano šurma, toini šurma!“
 „Kun menet matkua vähäsen,
 50 Pikkaraisen tietä myöten,
 Tulou tulini koški,
 Košešša tulini korko,
 Korošša tulini koivu,
 Koivušša on tulini kokko.
 55 Yötä hiän hammašta hivovi,
 Päivät kynttä kyrškyttäy,
 Lemminkäisen piän varalla“.
 „Mie luajin leppäsen venehen,
 Leppäsen miehen perähä,
 60 Leppäsen melan kätehe.
 Iče istuvun kešellä,
 Koivun okšakše kyhäyvyn,
 Huavan okšan hānkkyröikse,

- 20 Чтобы мне вымыть голову,
 Отмыть осеннюю сажу,
 После зимнего кованья.
 Пойду на пир Пяйвёлы,
 На попойку братчины.
 25 Принеси мне доспехи,
 Подай военные одежды!“
 „Не ходи, мой сынок,
 Много смертей на пути“.
 „Ты, мать моя родимая,
 30 Ты, шестидесятилетняя,
 Сто лет прожившая,
 Скажи мне первую погибель!“
 „Как пройдешь немного пути,
 Немного по дороге пройдешь,
 35 Встретится огненная изгородь
 От земли до неба,
 От неба до земли.
 Она ящерицами перевязана,
 Она змеями перевита“.
 40 „Выну я нож из ножи,
 Из ножен жестокое железо,
 Срублю семь кольев,
 На пяти пролетах,
 Так пройду это гибельное место.
 45 Мать моя родимая,
 Ты, шестидесятилетняя,
 Сто лет прожившая,
 Скажи мне вторую погибель!“
 „Как пройдешь немного пути,
 50 Немного по дороге пройдешь,
 Встретится огненный водопад,
 В водопаде огненный холм,
 На холме огненная береза,
 На березе огненный орел.
 55 По ночам он зубы точит,
 Днем когтями скрипит,
 Ждет головы Лемминкяйнена“.
 „Я сделаю ольховую лодку,
 Посажу на корму ольхового мужа,
 60 Дам ему в руки ольховое весло,
 Сам сяду на середину,
 Обернусь березовой веткой,
 Кривым осиновым суком,

Šillä šen rovin vajellan.
 65 Šenpä kokko koppouapi,
 Havulintu huamuhuu,
 Šillä šen rovin vajellan.
 Oi, emoni kantajani,
 Kuuvven kymmenen kešäni,
 70 Šajan vuuvven vanhukaini,
 Šano šurma, kolmaš šurma!“
 „Kun menet matkua vähäsen,
 Pikkaraisen tietä myöten,
 Päivälän veräjän šuulla
 75 Šusit rautašuiččiloissa,
 Karhut rautakahlehisssa.
 Tänne šuin šuhajamašša,
 Šinne hännin häilymässä,
 Päivälän veräjän šuilla“.
 80 „Temmon tetrijä mäjeltä,
 Kiskon kierivillašta
 Šyökšēn šusilla šuuhu,
 Kehin karhulla kitaha.
 Šillä šen rovin vajellan
 85 Mänen Päivälän pitoihi,
 Šalajoukon juominkeihi“.
 Šyöty on šyömät, juotu juomat,
 Pijetty pivot parahat,
 Pikarit pinoho pantu,
 90 Tuopit tukkuhu rajattu.
 „En mie liene lempivieraš,
 Kun ei härkyä tapettane,
 Tuotane tuopilla olutta,
 Kannettane kakšikorvosella“.
 95 Tuoho Päivälän emäntä
 Tuopi tuopilla olutta,
 Kanto kakšikorvosella.
 Mavot laijoilla mateli,
 Kiärme piällä kiäntelevi,
 100 „Otin veičēn huotraštani,
 Tupeštani tuiman rauvan,
 Leikkasin mavot kahekše,
 Viilin viijekše palakše,
 Join oluen onnekše,
 105 Mejen muššan mielikše“.
 Tuopa šano Päivälän isäntä:
 „Kačotaanpa kalpojamme,

Так пройду и это гибельное место.
 65 Его схватит орел,
 Его орел унесет,
 Так пройду это гибельное место.
 Ты, мать моя родимая,
 Ты, шестидесятилетняя,
 70 Сто лет прожившая,
 Скажи мне третью мою погибель!“
 „Пройдешь еще немного,
 Немного по дороге пройдешь,
 Около ворот Пяйвёлы
 75 Увидишь волков с железной уздой,
 Медведей на железных цепях.
 Они будут на тебя шипеть,
 Пастью к тебе, хвостами к дому
 У самых ворот Пяйвёлы“.
 80 „Я поймаю на холме тетеревов,
 Схвачу их за перистые хвосты,
 Брошу их волкам в пасти,
 Побросаю медведям в глотки.
 Так пройду и это гибельное место,
 85 Приду на пир Пяйвёлы,
 На попойку братчины“.
 Съедены яства, выпиты вина,
 Добрые пиршества прошли,
 Кубки рядами сложены,
 90 Снесены кружки в кучу.
 „Верно, не желанный я гость,
 Если не режут быка,
 Не несут в кружке пива,
 В кружке с двумя ручками“.
 95 Тут хозяйка Пяйвёлы
 Приносит в кружке пива,
 Кружкой с двумя ручками:
 В ней черви по краям ползают,
 Сверху змея шевелится.
 100 „Взял я нож из ножен,
 Из ножен жестокое железо,
 Разрезал червей пополам,
 На пять частей их перекроил,
 И выпил пиво за счастье,
 105 Черный мед в удовольствие“.
 Тогда сказал хозяин Пяйвёлы:
 „Посмотрим наши клинки,

- Mitelkäänpä miekkojamme,
 Kumman on kalpa kaunehempi,
 110 Kumman miekka mieluhumpi,
 Šen iellä šivaltavi“.
 (Päivälän emäntä šanou:)
 „Menkiä uloš pihalla,
 Šiel on veret paremmat,
 115 Kartanolla kaunehemmat!
 Peššyt penkit hiertelettä,
 Tuvat uuvvet turmeletta!“
 Mäntih uloš pihalla.
 Jopa Päivälän isäntä
 120 Löipä kerran, löipä toisen,
 Ei ottan orvaškettuo,
 Ei lähentelei veripisarata.
 Kun löi lieto Lemminkäini,
 Läksi kuin n’uatti nakrehesta,
 125 Elikkä evä kalašta.

- Померяем наши мечи:
 Чей клинок красивей,
 110 Чей меч лучше,
 Тот первый ударит“.
 Хозяйка Пяйвёлы сказала:
 „Идите на двор,
 Там кровь лучше,
 115 На дворе кровь красивей.
 Здесь вы запачкаете чистые скамьи,
 Испортите новую избу!“
 Вышли они на двор.
 Ударил хозяин Пяйвёлы,
 120 Ударил раз, ударил другой,
 Даже кожу не поцарапал,
 Ни капли крови не пролил.
 Когда ударил весёлый Лемминкяйни,
 Отлетела голова, как ботва от репы
 125 Или как плавник у рыбы.

М. П. Лесонен

37. ВЯЙНЯМЁЙНИ ДЕЛАЕТ КАНТЕЛЕ И ИГРАЕТ НА НЕМ

- Vaka vanha Väinämöini,
 Še on onkella olija,
 Kävyksillä on aina käyjä
 Nenäššä utusen niemen,
 5 Piäššä šuaren pörhöllisen.
 Hopijaini šiima šilku,
 Vapa vaškini tärisi.
 Puuttu kala onkeheni,
 Taimen telkoraudahani.
 10 Vejättäy kalan veneheh.
 Kačšelekše, kiäntelekše.
 Šilijähkö oiš šiikasekše,
 Haliehko oiš haukisekše,
 Evätöin lohikalakše,
 15 Vyötöin vaimoneitosekše.
 Oi, ukko ylijumala,
 „Vuari vanha taivahaini,
 Puukko pilvistä puvota,
 Vieretä veičči taivosešta,

- Старый, степенный Вяйнямёйни
 Ловил рыбу на удочку,
 Всегда ходил на промысел
 На конец туманного мыса,
 5 На берег мглистого острова.
 Серебряная леска звенела,
 Медное удилище дрожало.
 Попала рыба на удочку,
 Семга попалась на железную.
 10 Тащит он рыбу в лодку,
 Рассматривает, поворачивает ее:
 Для сига слишком гладка,
 Для щуки слишком светла,
 Чтоб быть лососем — нет плавников,
 15 Чтоб быть девушкой — нет у нее пояса.
 „Ты, Укко, всевышний бог,
 Ты, старец небесный,
 Кинь мне ножик из туч,
 Выбрось нож с небес,

20 Piä kulta, terä hopie,

Vierehen lohi punasen!“

Lohi loiskahti mereh,

Kalakirjo kimmaltih,

Näytti jalkuah vašenta,

25 Tai kättä oikieta;

Sieltä hiän šanuo šai

Vihurilta viijenneltä,

Uallolta yheksänneltä:

„Oipa šiun hullu mielijäš,

30 Lyhyttukka tuumijäš.

En mie šiula tullunkana,

Kaloikse kačeltavikše,

Lohiviiploin viiltäväkše.

Ahin neito olin ainokaini,

35 Vejen Vellamo tytär“.

Tuopa vanha Väinämöini

Allapäin pahalla mielin,

Kaiken kallella kypärin:

„En tiijä, poloni poika,

40 Miten olla kuin eleä,

Kuin pissyššä pisyö“.

Mäni šepolan pajah:

„Oip on, šepo Ilmoillini,

Takoja ijänikuini,

45 Tavo rautani harava,

Piit tavo šatova šyltä,

Varši kahta kalkuttele“.

Šiitä šepo Ilmoillini

Tako rautasen haravan,

50 Piit tako šatua šyltä,

Varren kahta kalkutteli.

Tuolla Ahtola ašuu,

Vejen Vellamot venyy:

Nenäššä utusen niemen,

55 Piäššä šuaren pörhöllisen.

Otti rautasen haravan,

Läksi mertä haruamah.

Harai päivän, harai toisen,

Jo päivänä kolmantena

60 Sai hiän hauvin piäkoran.

Kaččelou ta kiäntelöy:

„Mipä tuoštaki tulis

20 С золотым черенком, с серебряным лез-
вием,

Чтобы разрезать красную семгу!“

Семга плеснулась в море,

Выскользнула пестрая рыба,

Показала свою левую ногу,

25 Показала свою правую руку;

Она промолвила оттуда,

С крутящейся пятой волны,

С волны девятой:

„Безумны твои мысли,

30 Думы коротковолосого.

Я к тебе не для того явилась,

Чтобы меня рыбой считали,

И, как лосося, на ломти кроили.

Я единственная дочь Ахти,

35 Я дочь воды — Велламо“.

Тут старый Вяйнямёйни

Погрузился в печальные мысли,

Даже шлем надвинул набок:

„Не знаю я, несчастный,

40 Как мне быть, как мне жить,

Как на ногах держаться“.

Пошел он к кузнецу в кузницу:

„Ой ты, кузнец Ильмойллини,

Кователь вековечный,

45 Скуй железные грабли,

Зубья в сто сажень длиной,

В двести сажень выкуй граблевище“.

Тогда кузнец Ильмойллини

Сковал железные грабли,

50 Зубья выковал в сто сажень,

В двести сажень выковал граблевище.

Там Ахтола живет, Ахтола находится,

И дочь воды — Велламо лежит

На конце туманного мыса,

55 На берегу мглистого острова.

Взял он железные грабли

И пошел искать по морю.

Шарил он день, шарил другой,

А на третий день

60 Вытащил череп щуки.

Он рассматривает, поворачивает его:

„Что бы из этого вышло

Hyvin mahtavan käsišsä?"
 Luatui šoitun šoršanluisen,
 65 Kannelvon kalaneväsen.
 Šormin šoittau Väinämöini,
 Kielin kannelvo pakisi.
 Tapivolan tarkka ukko
 Nousi vuoren vaškisen šisältä,
 70 Nousi kultašella kunnahalla,
 Hopijaisella mäjellä,
 Teräksisen törmän piällä
 Tuota kummua kuulomah,
 Iluopa imehtimäh:
 75 „Hättäkät ja herjäkät,
 Puhki korvani puhuu,
 Läpi piäni läylentäy“.

В руках искусного человека?"
 Делает он музыкальный инструмент из
 костей утки,
 65 Кантеле из плавников рыбы.
 Пальцами играет Вяйнямёйни —
 Струны кантеле говорили.
 Мудрый старец Тапиолы
 Вышел из медной горы,
 70 Поднялся на золотой холм,
 На серебряную гору,
 На стальной обрыв,
 Чтобы это чудо послушать,
 Подивиться на это веселье,
 75 На спокойную и звучную игру,
 На звуки, входящие в уши,
 Склоняющие голову ко сну.

38. ВЯЙНЯМЁЙНИ И ИЛЬМАРИНИ СВАТАЮТСЯ В ПОХЬОЛЕ

Anni tyttö, ainut neiti
 Läksi pyykkijen pešulla,
 Räpähijen räimintäh,
 Nenähä utusen niemen,
 5 Piähä šuaren pörhöllisen.
 Tokati šinervon mereltä:
 „Kun ollet kalani karja,
 Niin šie uimaha ureuhu;
 Kun ollet lihani karja,
 10 Niin šie lentoho levie.
 A kun ollet Väinön purši,
 Veikon veštämä veneh,
 Tuaton purši kuariččoma,
 Kiänny näihi valkamoihi,
 15 Kohin näihi, perin muihi!“
 „Kunne läksit, Väinämöini,
 Ulkonit Uvannon šuilla?“
 „Läksin lohta pyytämäh
 Tuonen muššašta jovešta“.
 20 „Jo tunnen valehtelijan:
 Toisin ennen miun išoni,
 Toisin valtavanhempani,
 Läksi lohta pyytämäh:
 Verkkoia oli venehen täyši,

Анни девица, единственная дочка,
 Пошла стирать белье,
 Полоскать платье
 На туманный мыс,
 5 На мглистый остров.
 Смотрит, что-то в море синее:
 „Если ты рыба стая,
 Расплывись по воде;
 Если ты птичья стая,
 10 Рассыпсья в полёте.
 Если же ты парус Вяйнё,
 Сработанная братом лодка,
 Отцом сделанный парус,
 Плыви к этой гавани,
 15 Носом сюда, кормой к чужбине!“
 „Куда ты направился, Вяйнямёйни,
 Отплыл из заводи Уванто?“
 „Поехал я лосося ловить
 В черной реке Туони“.
 20 „Узнаю в тебе лгуна,
 Не так в прежние времена мой отец,
 Не так мой родитель
 Ездил лосося ловить:
 Сетей была полна лодка,

- 25 Laivan täysi laiskimija".
Aina Ainikki kyşyy,
Tinarinta riitelöy:
„Kunne läksit, Väinämöini,
Ulkonit Uvannon šuilta?“
- 30 „Läksin jouščenien joruih,
Pitkākaklan kaščeluih“.
„Jo tunnen valehtelijan.
Toisin ennen miun isoni,
Toisin valtavanhempani,
- 35 Läksi jouščenien joruih:
Pitkākaklan kaščeluih.
Hyvä oli koira kahlehešša,
Hyvä kuari kainalošša“.
Aina Ainikki kyşyy,
- 40 Tinarinta riitelöy:
„Kunne läksit, Väinämöini,
Ulkonit Uvannon šuilta?“
„Läksin neittä kos's'omah
Pimijästä Pohjolašta,
- 45 Tarkašta Tapiolašta,
Miehen šyövästä kylästä,
Urohon upottajašta“.
Anni tyttö, ainut neiti,
Pijan pirttihin mänöy.
- 50 „Oip'on, šeppeo veikkoseni,
Tavo miula viijet vit't'at,
Kuuvet kulkurenkahat.
Šanon hyvän as's'an,
Kelvollisen keikuttelen.
- 55 Jopa viijäh mielitiettyš
Kolmin vuošin kos's'ottuš,
Šavoin markoin makšettuš,
Tuhansin lunašsettuš“.
„Piikasen, pienoseni,
- 60 Orjani alinomani,
Lämmitä šaloa šauna,
Pijan pirtti riuvuttele
Halkosilla hienosilla,
Pienillä pilaštehilla.
- 65 Luaji tiimaista poruo
Yhen kynnen muššan verta,
Kynnen piällä šeišovaista,
Millä pessä šulhon piätä

- 25 Полон парусник сетей“.
А Айники все выпытывает,
Девуца с оловянным монистом на груди:
„Куда направился Вайнямейни,
Отплыл из заводи Уванто?“
- 30 „Поехал охотиться на лебедей,
Поглядеть на длинношеих“.
„Узнаю тебя, лжеца.
Не так в прежние времена мой отец,
Не так мой родитель
- 35 Ездил охотиться на лебедей,
Поглядеть на длинношеих:
Добрая собака была на цепи,
Добрый лук под мышкой“.
А Айники все выпытывает,
- 40 Девуца с оловянным монистом на груди:
„Куда направился Вайнямейни,
Отплыл из заводи Уванто?“
„Поехал сватать девушку
В темную Похьолу,
- 45 В скупую Тапиолу,
В деревню людоедов,
Где топят в море героев“.
Анни девушка, единственная дочка,
Мигом побежала в избу.
- 50 „Ой ты, кузнец, мой братец,
Скуй мне пять цепочек,
Шесть колечек к ожерелью.
Сообщи хорошую весть,
Нужную новость передам.
- 55 Отберут у тебя милую,
К которой ты три года сватался,
За которую сотни марок заплатил,
Которую за тысячи марок выкупил“.
„Служаночка-малюточка,
- 60 Рабыня моя пожизненная,
Затопи хорошенько баню,
Живо приготовь курную избу
Тоненькими полешечками,
Маленькими щепками.
- 65 Сделай щелоку из золы
На один лишь ноготочек,
Чтобы умещалось на ногте,
Чем бы голову жениху вымыть

Noista hiilen hinkuloista,
 70 Pahoista pajalijoista.
 Tuokua paita palttinaini
 Nahkalla hijettömällä,
 Hijen tuntumattomalla.
 Piällä huahen hal'l'akkaini,
 75 Paijan piällä palttinaisen!
 Lyöy jo virkkuo viçalla,
 Helähyttäy helmispiällä.

Virkku juokšou, matka joutuu,
 Reki vieröy, tie lyhenöy.
 80 Šanou Pohjolan isäntä:
 „Mitä haukkuu hallikoira,
 Linnan lukki luikuttau?
 Mäne, kašakka, kaččomah!“
 „En jouva, isäntä raukka,
 85 Pino on šuuri pilkottava,
 Pino šuuri, halko hieno,
 Leikkuaja vähäväkini“.
 Šano Pohjolan isäntä:
 „Mäne, piika, kaččomah,
 90 Mitä haukkuu hallikoira,
 Linnan lukki luikuttau!“
 „En jouva, isäntä raukka,
 Kivi on šuuri jauhottava,
 Kivi šuuri, jauho hieno,
 95 Jauhoja vähäväkini“.
 Šanou Pohjolan isäntä:
 „Mäne, emäntä, kaččomah,
 Mitä haukkuu hallikoira,
 Linnan lukki luikuttau!“
 100 „En jouva, isäntä raukka,
 Leipä on šuuri leivottava,
 Leipöja vähäväkini“.
 Kävi isäntä kaččomah.
 Purjehti punani pursi
 105 Šelkäpuolen Lemmenlahta,
 Kirjakorja kiitelekse
 Muanpuolen Šimošalošta.
 Šanou vanha vaipan alta:
 „Pistä pihlaja tuleh!
 110 Kun verta vuotanou,
 Šilloin šota tulou,

От угольной пыли,
 70 От кузнечной копоти.
 Принеси полотняную рубашку,
 На тело не потное,
 На тело, не знающее пота.
 Принеси камзол, чтоб его одеть
 75 Поверх льняной рубашки!“
 Резвого коня он прутлом ударил,
 Взмахнул кнутом с жемчужной рукоят-
 кой.

Конь бежит, дорога уходит,
 Сани катятся, цель приближается.
 80 Хозяин Похобы сказал:
 „Что это собака Халли лает,
 Что тьякает городской пес Лукки?
 Поди, работник, посмотри!“
 „Некогда, хозяин,
 85 Поленницу дров надо наколоть,
 Поленница большая, дрова мелкие,
 А работник я слабосильный“.
 Хозяин Похобы сказал:
 „Поди, служанка, посмотри,
 90 Что собака Халли лает,
 Что тьякает городской пес Лукки!“
 „Некогда, хозяин,
 Тяжелый жернов надо вертеть,
 Жернов большой, мука мелка,
 95 А работница я слабосильная“.
 Хозяин Похобы сказал:
 „Поди, хозяйка, посмотри,
 Что собака Халли лает,
 Что тьякает городской пес Лукки“.
 100 „Некогда, хозяин,
 Хлебы большие надо валять,
 А я слабосильная“.
 Пошел хозяин сам посмотреть.
 Плышет лодка под красными парусами
 105 От просторов Lemmenлахти,
 Летят расписные сани
 Со стороны Симосало.
 Промолвила старуха из-под одеяла:
 „Брось рябину в огонь!
 110 Если из нее потечет кровь —
 Быть войне,

A kun vettä vuotanou,
 Šilloin rauhašša ašumma“.
 Eikä verta, eikä vettä,
 115 Šepä vieläi mettä vuoti.
 „Nytpä šulhaset tulou!“
 Šiinä kos's'o, šiinä kihlo.
 Šanou vanha vaipan alta:
 „Muissa, aina oma emoš
 120 Monet yöt unetta valvo,
 Monet atrivot unohti,
 Imetti ihalat rinnat!“
 Šanou šepo ilmoillini:
 „Ruvekka myö laulamah,
 125 Šuaka myö šanelomah
 Hyvän reissun käytyönä,
 Šuuren šampon šuatuona!“
 Šano vanha Väinämöini:
 „Aikani on ilonte vokše,
 130 Varahaini laulannakše.
 Nouše purjehpuun nenäh,
 Kasi kuarehe kravaha,
 Kačo šuvet, kačo lännet,
 Kačo pitin Pohjolua!“
 135 „Tulou Pohjolan emäntä,
 Šata on mieštä šoutamašša,
 Tuhat airolla urošta,
 Iče on purrella peräššä.“
 „Oho šie, portto puolellini,
 140 Pettelit oman emoš,
 Valehtelit vanhempaš!“
 Tuopa vanha Väinämöini
 Nošti melanša mereštä,
 Hiänpä šiipehe šivalti.

Если вода потечет —
 Жить нам в мире“.
 Не потекла ни кровь, ни вода,
 115 Мед течет из рябины.
 „Значит женихи едут!“
 Тут он посватался, тут и обручился.
 Сказала старуха из-под одеяла:
 „Вечно помни о родной матери,
 120 Которая ночами не спала,
 Для тебя забывала о еде,
 Вскормила тебя своей грудью!“
 Сказал кузнец Ильмойллини:
 „Будем песни петь,
 125 Будем разговаривать
 В честь удачной поездки,
 В честь великого Сампо!“
 Ответил старый Вяйнямёйни:
 „Не время еще веселиться,
 130 Рано распевать песни.
 Поднимись на мачту,
 Полезай на самую верхушку,
 Взгляни на юг и на запад,
 Посмотри в сторону Похьолы!“
 135 „Это едет хозяйка Похьолы,
 Сто мужей гребут,
 Тысяча героев на веслах,
 Сама на корме сидит“.
 „Ах ты, блудница, безумная,
 140 Обманула свою мать,
 Обманула родителей!“
 Тут старый Вяйнямёйни
 Поднял весло из моря
 И ударил ее по крылу.

39. ЛЕММИНКЯЙНИ НА ПИРУ В ПЯЙВЁЛЕ

Šanoupa lieto Lemminkäini:
 „Tuo muamo šotišopani,
 Kanna vainovuattieni,
 Lähen Päivölän pitoih,
 5 Ison joukon juominkiloih!“
 Emo kielti, vaimo käski,
 Epäsi kalehta kakši,

Сказал веселый Лемминкяйни:
 „Принеси, мать, военные наряды,
 Подавай ратную одежду.
 Пойду на пир Пяйвёлы,
 5 На многолюдную попойку!“
 Мать отговаривала, а жена посылала,
 Две девственницы отговаривали,

- Kielti kolme luonnotarta.
 „Elä lähe, poikaseni,
 10 Kolm' on šurmua matalla!“
 „Mi on muamo enši šurma?“
 „Tuloupa tulini koški,
 Košešša on tulini koivu,
 Koivušša on tulini kokko,
 15 Yöt še hammašta hivou,
 Päivät kynttä kyčkyttäy,
 Lemminkäisen piän varalta“.
 „Ei ole, muamo, miehen šurma,
 Še on šurma lapšen šurma.
 20 Koppalua tieltä kokuolen,
 Tetrat tempon kankahalta,
 Šyöksin šyöjällä kitah.
 Tuo muamo šotišopani,
 Kanna vainovuattienil!
 25 Lähen Päivölän pitoih,
 Ison joukon juominkiloih“.
 Emo kielti, vaimo käski,
 Epäsi kalehta kakši,
 Kielti kolme luonnotarta:
 30 „Elä lähe, poikaseni,
 Kolm'on šurmua matalla!“
 „Mipä on, muamo, toini šurma?“
 „Pato on tiellä poikkipuolin.
 Yöt še hammašta hivou,
 35 Päivät kynttä kyčkyttäy.
 Lemminkäisen piän varalla“.
 „Ei ole, muamo, miehen šurma,
 Še on šurma lapšen šurma.
 Mie laulan lepästä miehen
 40 Iččieni iellä aštumah,
 Šillä šen roven vajellan.
 Tuo muamo šotišopani,
 Kanna vainovuatteheni,
 Piiruloissa piettäväni,
 45 Häissä häilytettäväni!“
 „Elä lähe, poikaseni,
 Kolm'on šurmua matalla!“
 „Mi on, muamo, kolmas šurma?“
 „Šusit on rautašuiččiloissa,
 50 Karhut rautapäiččiloissa
 Päivölän veräjän šuissa.

- Три девы Луоннотар удерживали:
 „Не ходи, мой сынок,
 10 Есть три погибели на твоём пути!“
 „Какая же, мать, первая погибель?“
 „Встретится огненный водопад,
 В водопаде огненная берёза,
 На берёзе огненный орёл,
 15 По ночам он зубы точит,
 Днём когти заостряет,
 На погибель Лемминкяйнену“.
 „Это, мать, не гибель для мужа,
 Эта погибель — смерть для ребенка.
 20 Наберу по дороге глухарей,
 Нахватаю тетеревов в бору,
 Брошу хищнику в глотку.
 Принеси, мать, военные наряды,
 Подавай ратную одежду!
 25 Я пойду на пир Пяйвёлы,
 На попойку большой ватаги“.
 Мать запрещала, а жена посылала,
 Две девственницы отговаривали,
 Три девы Луоннотар удерживали:
 30 „Не ходи, мой сынок,
 Есть три погибели на твоём пути!“
 „Какая же, мать, вторая погибель?“
 „Будет плотина поперек дороги,
 По ночам она зубы точит,
 35 Днём когти заостряет о скалы
 На погибель Лемминкяйнену“.
 „Это, мать, не гибель для мужа,
 Это погибель — смерть для ребенка.
 Я песней сделаю ольхового человека,
 40 Который пойдёт впереди меня.
 Так пройду это гибельное место.
 Принеси, мать, военные наряды,
 Подавай ратную одежду,
 Которую я на пирах одеваю,
 45 В которой на свадьбах красуюсь!“
 „Не ходи, мой сынок,
 Есть три погибели на твоём пути!“
 „Какая же, мать, третья погибель?“
 „Волки на железной узде,
 50 Медведи в железных недоузздах,
 В воротах Пяйвёлы.

- Yöt hammasta hivou,
Päivät kynttä kyčkyttäy
Piän varalla Lemminkäisen“.
- 55 „Ei ole, muamo, miehen šurma,
Še on lapšen šurma.
Laulan lautan lampahija,
Kiukon kierävillasija,
Šillä šen roven vajellan“.
- 60 Tulou nurkasta tupah,
Šalmosta hiän sisähä šuapi.
Šanou Päivölän emäntä:
„Mi on tämä vierahieh,
Ku kumma urohieh,
- 65 Kun ei haukkun ni hallikoirat,
Eikä virkkan villahännät?“
Tuuvah tuopilla olutta,
Kannetah kaksivartisella.
Mavot laijalla matelou,
- 70 Kiärmehet kešellä kiehuu.
Otti veičen huotraštah,
Tupeštansa tuiman rauvan.
„Ruhka muaha luotanehe,
Ruoka šuuhu šyötänehe!“
- 75 Joi olosen onnekšeh,
Mejen muššan mielekšeh.
Šanou Päivölän isäntä:
„Mitelkä myö miekkojana,
Kašelka myö kalpojana,
- 80 Kumman miekk'on mielušampi,
Kumman kalpa kaunehempi!“
Šanou lieto Lemminkäini:
„Läkkämähän uloš pihalla,
Hyvät lattijat likuamma,
- 85 Hyvät penkit parhelemma.
Kumpanipa iellä iskömäh?“
Löipä Päivölän isäntä —
Eipä lähten ni orvašnahka.
Löipä lieto Lemminkäini —
- 90 Mäni kuin nakrehen nuatti poikki.
Šano lieto Lemminkäini:
„Oipa miun oma emoni,
Kunne šuatat šäilymäh?
Tapoin Päivölän isännän“.
- 95 „Mäne makšah merimatikan,

- По ночам они зубы точат,
Днем когти заостряют,
На гибель Лемминкяйнену“.
- 55 „Это, мать, не гибель для мужа,
Эта погибель — смерть для ребенка.
Песней создам я отару овец,
Целый гурт волнистошерстных,
Так пройду это гибельное место“.
- 60 Входит из угла в избу,
Сквозь стену сюда он проникает.
Хозяйка Пяйвёлы сказала:
„Что это за гость,
Что за странный герой,
- 65 На которого не лают собаки Халли,
Не твякают пушистохвостые?“
Приносят в кружке пива,
Подносят кружку с двумя ручками.
Черви по ее краям ползают,
- 70 Змеи в середине кишат.
Вынул он нож из ножен,
Вытащил из ножен жестокое железо..
„Сор надо на землю выбросить,
А пищу надо принять!“
- 75 Выпил пиво за свое счастье,
Черный мед — в свое удовольствие.
Сказал хозяин Пяйвёлы:
„Померяемся мы мечами,
Посмотрим мы наши клинки,
- 80 Чей меч окажется лучше,
Чей клинок красивее!“
Отвечает веселый Лемминкяйни:
„Выйдем-ка на двор отсюда,
Здесь мы чистые полы запачкаем,
- 85 Чистые скамьи загрязним.
Кто же первым ударит?“
Ударил хозяин Пяйвёлы —
Даже кожу не поцарапал.
Ударил веселый Лемминкяйни —
- 90 Отлетела голова, как ботва репы..
Сказал веселый Лемминкяйни:
„Ой, мать, моя родная,
Где спрячешь меня?
Убил я хозяина Пяйвёлы“.
- 95 „Иди в печень морского налима,

Merimiehen uutuloih!
 „Enpä mie šielä šäily,
 Šieltä nuotin nošsetah,
 Käsiverkoin kiännetäh“.
 100 „Mäne männykše mäjellä,
 Notkoh koivukše ylene!“
 „Enpä mie šielä šäily,
 Šieltä haloikseh hakatah,
 Pinopuikseh pilkotah“.
 105 „Mäne šuaren neitosien luokše,
 Šielä ennen isoški šäily,
 Šielä valtavanhempaš;
 Šata neičyttä makuau,
 Tuhat nuorta moršienta“.

Во внутренности морского жителя!“
 „Там не смогу сохраниться,
 Оттуда меня неводом вытащат,
 Сетями выловят“.
 100 „Превратись в сосну на горе,
 Обернись березой в лошине!“
 „И там не смогу сохраниться,
 Там меня на дрова срубят,
 На поленья расколют“.
 105 „Иди к девам острова,
 Там когда-то отец твой скрывался,
 Там у твоего родителя
 Сто девушек спят,
 Тысяча юных невест“.

40. ЧЕТЫРЕ ДЕВЫ И ЛИСТОК ЛЮБВИ

Oli ennen nel'lä neittä
 Koko kolme moršienta,
 Lähettih hyö heinän niittoh
 Niemellä nenättömällä,
 5 Šuarella šanattomalla.
 Löyvetäh hyö lemменlehti,
 Lemменlehti, tammen laštu.
 Viijah mualla kasvajalla,
 Aholla ylenijällä.
 10 Šiitä kašvo kaunis tammi,
 Yleni vihanta virpi.
 Piettyy pilvet juokšomašta.
 Hattarat harehtamašta.
 Oli yksi pitkä pilvi,
 15 Še piäsöy juokšomah.
 Pilveššä on pisarat šuuret,
 Pisaroissa lammit luajat,
 Lammissa punavenoset,
 Venosissa nuoret miehet.
 20 Nuoret miehet naimattomat,
 Vielä viinan juomattomat,
 Punotah punaista köyttä,
 Rautaköyttä rahnikoijah,
 Šituo merensivun,
 25 Kannonlahta kaunistua;
 Meri tyynenä pisiš,

Было прежде четыре девицы,
 Целых три невесты.
 Они пошли сено косить
 На безымянный мыс,
 5 На остров без названья.
 Нашли они листочек любви,
 Листочек любви, дубовую ветку,
 Отнесли ее на поляну,
 Посадили в плодородную землю.
 10 Вырос прекрасный дуб,
 Поднялся зеленый побег.
 Он бег тучи задерживает,
 Останавливает движение облаков.
 Одна лишь большая туча
 15 Продолжала свой бег.
 В той туче большие капли,
 В каплях большие пруды,
 На прудах красные лодочки,
 В лодочках молодцы сидят,
 20 Молодцы неженатые
 И не пьющие вина.
 Они вьют красную веревку,
 Делают железную цепь,
 Чтобы сковать море,
 25 И украсить Кандалакшу,
 Чтобы море не бушевало,

Kannanlakši kaunehena.
 Tuuvvah vilu viesti,
 Kuollasta kuolien šanomat,
 30 „Joko on kuollun naisien kupča,
 Joko on katon naisien kauppieš?“
 „Ei neittä tukulla myyvvä,
 Eikä kanšain kaupotella,
 Oravat tukulla myyvväh,
 35 Revot kanšoin kaupotelah“.

И Кандалакша была бы красивой.
 Они принесли мрачные вести,
 Из Колы весть о покойнике.
 30 „Неужели умер торгующий женами,
 Не стало торговца женщинами?“
 „Девуц не продают оптом,
 Ими не торгуют при народе.
 Белок продают оптом,
 35 Лисицами торгуют при народе“.

41. МАТЬ ИЩЕТ СВОЕ ДИТЯ

Marjatar koria kuopuš.
 Še kauvon kotona kašvo,
 Isän tuttavan tuvilla.
 Piti viijet vit't'at,
 5 Kuuvvet renkahat kulutti
 Isän laittamie hopeita.
 Šiltalauta kulu lattijašta,
 Kantakenkän kaplukoilla;
 Kamuahirsi piänšä piältä,
 10 Silijällä šilkillänšä.
 Puolen pihtipuolišuo
 Hienoilla hihanša šuilla.
 Ei istun oron rekoh,
 Eikä tammahevosen,
 15 Kun ei varsat vetäne,
 Šuvikunnat šuijottane.
 Ei hiän šyö kananmunija,
 Ei hiän lampahan lihoja,
 Jotka on oltu oinahilla.
 20 Marjatar koria kuopuš,
 Hiänpä läksi paimeneh.
 Lampahat mäni mäkeh,
 Vuonat vuoren kukkuroilla.
 Hiänpä ašteli ahoja,
 25 Lepikköitä leyhytteli,
 Istu marjamättähällä,
 Punapuola kankahalla.
 „Tule, neiti, poimimah,
 Tinarinta riipomah,
 30 Vyövaški vališčomah,

Марьятар, прекрасная девушка
 Долго дома росла,
 В знакомом доме отца.
 Износила пять цепочек,
 5 Стерла шесть перстеньков,
 Сделанных отцом из серебра.
 Стерты половицы пола
 Каблуками башмаков;
 Стерла она притолоку
 10 Своими гладкими шелками,
 Половина косяка дверного
 Стерта тонкими ее нарукавниками.
 Не садилась она в сани, если жеребец
 Или кобыла в них были запряжены,
 15 Если не везли ее жеребята,
 Если не везли однолетние.
 Она не кушала яиц куриных
 И не ела овечьего мяса,
 Если овцы гуляли с баранами.
 20 Марьятар, прекрасная девушка,
 Пошла стадо пасти.
 Овцы ушли на гору,
 Ягнята — на вершину горы.
 Она шла по полянам,
 25 В ольшанике мелькала,
 Уселась на кочке с ягодами,
 На бору с красной брусникой.
 „Иди, девица, сорви меня,
 Ты, с оловянным монистом на груди,
 30 Медный пояс, подыми меня,

- Ennein kun etana šyöpi,
 Mato mušta muikkovapi,
 Läpi mättähien mänijä,
 Puun juurien pujottelija!“
- 35 Tempai kartun kankahalta,
 Jolla marjan muaha šorti.
 „Tule, marja, helmoillani,
 Helmoiltani vyörivöillä,
 Vyörivöiltä rinnoillani,
 40 Rinnoiltani leuvallani,
 Leuvaltani kielelläni,
 Kieleltä kerosimah!“
 Šiitä vaččaha valahti.
 Šiinä tyynty, šiinä täyty,
 45 Šiinä pakšukše paneutu.
 Emo šuattavi šanuo:
 „Mi on mejän Marjatella,
 Kupa miän kotikanalla,
 Kun še vyöttä vöhlehtiy,
 50 Šaunašša šalova käypi,
 Pimijässä pisteliytyy?“
 Lapši šuattavi šanuo:
 „Še on mejän Marjatalla
 Se on Kujottari-rukalla,
 55 Kantau kohtuva kovoaa
 Vačan täyttä vaikijata“.
 Kantau hiän kaheksan kuuta,
 Ynnähš yhteksän kuuta,
 Kuuta puolen kymmenettä.
 60 Vačča jo vaivoilla tulou,
 Kohtu päivillä kovilla,
 Otti piijan pihtehih,
 Vaimon vačan viäntelyh.
 „Oi, isoni armahani,
 65 Annapa šuojua šijua,
 Lämpyvyttä, huonehutta,
 Kušša huono hoivan šaiš,

Piika piinanša pitäiš!“
 „On kyly kytömäjellä,
 70 Hevon huone honkikolla,
 Šielä portot poikieh šuapi,
 Lapšijah tuliset lautat“.
 „Oi, emoni armahani,

- Пока не скушала меня улитка,
 Не отведал черный червь,
 Пролезающий сквозь кочку,
 Проползающий под корнями деревьев!“
- 35 Она взяла палку в бору,
 Сбила ягодку на землю.
 „Иди, ягодка, ко мне в подол,
 С моего подола на пояс,
 С пояса на мою грудь,
 40 С моей груди на подбородок,
 С подбородка на мой язык,
 С языка в глотку!“
 Оттуда покати́лась в желудок.
 Затем успокоилась, затем она набухла,
 45 Затем полнотой налилась.
 Мать тогда сказала:
 „Что с нашей Марьятар,
 Что с нашей домашней курочкой,
 Она ходит без пояса,
 50 В баню ходит тайком,
 Прячется в темноте?“
 Но ребенок тут говорит:
 „Беда с нашей Марьятар,
 Беда с бедняжкой Куётар —
 55 Она носит в своей утробе,
 Тяжкий плод в своем чреве“.
 Носит она восемь месяцев,
 Полных девять месяцев
 И половину десятого.
 60 Живот уже становится тяжким,
 Для утробы начинаются тяжелые дни,
 Взяло девицу в тиски,
 Женские муки ее постигли.
 „Ой ты, отец, мой родимый,
 65 Найди мне укрытое место,
 Теплое помещение,
 Где бы я, беспомощная, могла найти
 покой,
 Где я, девица, разрешилась бы!“
 „Есть баня на горелой горе,
 70 Конюшня в сосняке,
 Там блудницы рожают сыновей,
 Своих детей развратные девки“.
 „Ой ты, мать моя родная,

Anna šuojua šijua,
 75 Lämpivyttä, huonehutta,
 Missä huono hoivan šais,

 Piika piinanša pitäis!
 „On kyly kytömäjellä,
 Hevon huone honkikolla,
 80 Šielä portot poikieħ šuapi,
 Lapšijah tuliset lautat“.
 Kāsin kiāri vuattehenša,
 Koprin helmanša kokosi.
 „Lāhtiepā miun tulevi,
 85 Niinkuin muinonki kašakan,
 Eli orjan palkkalaisen,
 Lāhtiepā kytömākehen“.
 Kun hevoni henkāhtāy,
 Še on kuin kylyššā löyly;
 90 Kun hiān huiskuu hännälläh,
 Še on kuin kylyššā vašta.
 Rupei hiān piātānša šukimah,
 Hamppujah harjuamah;
 Kato poika polviltah,
 95 Lapši lainnehuisiltah.
 Jakovallen hienot heināt,
 Kačellen kanervon juuret
 Läksi poikuah eččimāh.
 Tie vaštahan tulou.
 100 „Oi tiehyt, jumalan luoma,
 Etkö tiijā poikaištani?“
 „Kyllä tiijān, vain en šano,
 Jumala on ni miunki luonu,
 Jokahisen juoštavakše,
 105 Rattahin ajeltavakše“.
 Astuu hiān kyčyttelöy,
 Itkie kyykeröittelöy.
 Kuu vaštahan tulou:
 „Oi kuuhut, jumalan luoma,
 110 Etkö tiijā poikaištani?“
 „Kyllä tiijān, vain en šano,
 Jumala on miunki luonu
 . Pakkašešša paištamah“.
 Päivā vaštahan tulou:
 115 „Oi päivyt, jumalan luoma,
 Etkö tiijā poikaištani?“

Найди мне укрытое место,
 75 Теплое помещение,
 Где бы я, беспомощная, могла найти
 покой,
 Где я, девица, разрешилась бы!“
 „Есть баня на горелой горе,
 Конюшня в сосняке,
 80 Там блудницы рожают сыновей,
 Своих детей развратные девки“.
 Руками собрала свое белье,
 В горсть подобрала свой подол.
 „Придется мне пойти туда,
 85 Как бывало прислуге,
 Или нанятой рабыне,
 Пойти на горелую гору“.
 Коль конь надышет,
 Так это точно банный пар,
 90 Коль он махнет хвостом,
 Тақ вот это ей и веник.
 Начала она расчесывать свои волосы,
 Чесать свои конопляные,
 Пропал мальчик с колен,
 95 Ребенок с ее лона.
 Перебрала она мелкую траву,
 Просмотрела корни вороники,
 Пошла искать сына,
 Навстречу попадается дорога:
 100 „Ой, дорожка, богом созданная,
 Не знаешь ли моего сыночка?“
 „Да, знаю, но только не скажу,
 Бог ведь создал меня,
 Чтоб любой мог по мне бегать,
 105 На телеге ездить“.
 Идет она, шагает,
 Плачет, причитает.
 Луна попадается навстречу:
 „Ой ты, луна, богом созданная,
 110 Не знаешь ли моего сыночка?“
 „Да, знаю, но только не скажу,
 Бог ведь меня создал
 Светить при морозе“.
 Солнце попадается навстречу:
 115 „Ой, солнышко, богом созданное,
 Не знаешь ли моего сыночка?“

„Kyllä tiijän, tai šanon,
Jumala on miunki luonu,
Kullašša kulajamah,
120 Hopijašša häilymäh.
Kahen on kallivon kološša,
Šielä pirut piinatah,
Pahan väki painetah“.

„Конечно, знаю и скажу,
Бог ведь меня создал,
Ходить в золоте,
120 Качаться в серебре.
Он в щели между двумя скалами,
Там его черти мучают,
Перейти к себе заставляют“.

А. И. Каллио

42. ВЯЙНЯМЁЙНИ РАНИТ ПАЛЕЦ НОГИ

Vaka vanha Väinämöini
Vešti vuorella venehtä,
Kallivolla kalkutteli.
Ei kirveš kivehen koše,
5 Koša kallivoh kolaha,
Vain še liuškahti lihah,
Väinämöisen varpahah.
Hiän riutu rissikše rekeh,
Läksi ajua rekottamah
10 Ylimmäistä tietä myöte,
Ylimmäisehen talohon.
Kyšyy kynnykšen takuata.
Anuu alta ikkunaisen:
„Onko tässä talošša
15 Tämän tuškan tuntijua,
Verišatien šalpuajua?“
Ukko uunilta puhuu,
Vuari vanha vaipan alta:
„Ei ole täššä talošša
20 Tämän tuškan tuntijua,
Verišatien šalpuajua“.
Riutu rissikše rekeh,
Läksi ajua rekottamah
Keskimmäistä tietä myöte,
25 Keskimmäisehen talohon.
Kyšyy kynnykšen takuata,
Anuu alta ikkunaisen:
„Onko täššä talošša
Tämän tuškan tuntijua,
30 Verišatien šalpuajua?“
Ukko uunilta puhuu,

Степенный старый Вяйнямёйни
Тесал на горе лодку,
На скале ее готовил.
Топор не касался камня,
5 Не отскакивал от скалы,
Но скользнул топор в мясо,
В палец ноги Вяйнямёйнена.
Вяйнё уселся в санях
И направился ехать
10 По верхней дороге,
Заехал в верхний дом.
Спросил он за порогом,
Спросил он под окном:
„Имеется ли в этом доме
15 Такой, кто умеет прекратить боль,
Кто остановит поток крови?“
Сказал старик с печки,
Дряхлый старец из-под одеяла:
„Нет в этом доме
20 Такого, кто прекратит боль,
Кто остановит поток крови“.
Уселся Вяйнямёйни в санях
И направился ехать
По средней дороге,
25 Заехал в средний дом.
Спросил он за порогом,
Спросил он под окном:
„Имеется ли в этом доме
Такой, кто прекратит боль,
30 Кто остановит поток крови?“
Сказал старик с печки,

Vuari vanha vaipan alta:
 „Ei ole tässä taloşša,
 Tämän tuşkan tuntijua,
 35 Veriřatien řalpuajua“.
 Riutupa rissikře rekeh,
 Läksi ajua rekottamah
 Alimmaista tietä myöte,
 Alimmaisehen talohon.
 40 Kyřyy kynnykřen takuata,
 Anuu alta ikkunaisen:
 „Onko täşşä taloşša,
 Tämän tuşkan tuntijua,
 Veriřatien řalpuajua?“
 45 Ukko uunilta puhuu,
 Halliparta vaipan alta:
 „Ompa täşşä taloşša
 Tämän tuşkan tuntijua,
 Veriřatien řalpuajua“.

Дряхлый старец из-под одеяла:
 „Нет в этом доме
 Такого, кто прекратит боль,
 35 Кто остановит поток крови“.
 Развалился Вяйнямёйни в санях
 И направился ехать
 По нижней дороге,
 Заехал в нижний дом.
 40 Спросил он за порогом,
 Спросил он под окном:
 „Имеется ли в этом доме
 Такой, кто прекратит боль,
 Кто остановит поток крови?“
 45 Сказал старик с мечки,
 Дряхлый старец из-под одеяла:
 „Есть в этом доме
 Такой, кто прекратит боль,
 Кто остановит поток крови“.

А. И. Антипина

43. ВЯЙНЯМЁЙНИ РАНИТ КОЛЕНО

Tuopa vanha Väinämöini
 Luati vuaralla venehtä,
 Kallivolla kalkutteli.
 Kirveř kilpahti kiveh,
 Tuon polosen polven piäh,
 Vanhan vuarin Väinämöisen.
 Läksipä hiän eččimäh
 Veren turvan tukkijua,
 Veriřuonen řulkijua,
 10 Ensimmäistä tietä myöte,
 Ensimmäisehen taloh.
 Ukko uunilta puhuu,
 Vanha vuari vaipan alta:
 „Mipä olet miehijäř,
 15 Ku kumma urohijäř?“
 „Vanha vuari Väinämöini;
 Veřšin vuaralla venehtä
 Kallivolla kalkuttelin,
 Kirves kilpahtu kiveh,
 20 Miun polosen polven piäh,

Старый Вяйнямёйни
 Делал лодку на горе,
 На скале ее готовил.
 Топор наскочил на камень,
 5 И поранил колено бедняге
 Старому Вяйнямёйнену.
 Пошел он искать,
 Кто мог бы остановить кровь,
 Кто перевязал бы рану;
 10 Идет он по первой дороге,
 В первый дом.
 Старик говорит с печи,
 Старуха из-под одеяла:
 „Ты что за мужчина,
 15 Из каких будешь героев?“
 „Я — старый Вяйнямёйни,
 Я лодку тесал на горе,
 Готовил ее на скале,
 И топор наскочил на камень,
 20 Поранил колено мне, бедняге,

Vanhan vuarin Väinämöisen.
 Läksinpä mie eččimäh
 Veren turvan tukkijua,
 Verišuonen šalpuajua“.
 25 „Enkä tiijä, enkä taija“.
 Lähtöy toiseh taloh
 Keškimmäistä tietä myöte.
 Ukko uunilta puhuu,
 Vanha vuari vaipan alta:
 30 „Mipä šie olet miehijäš,
 Ku kumma urohijaš?“
 „Vanha vuari Väinämöini.
 Veššin vuaralla venehtä,
 Kallivolla kalkuttelin,
 35 Kirveš kilpaštu kiveh.
 Miun polosen polven piäh —
 Vanhan vuarin Väinämöisen.
 Läksinpä mie eččimäh
 Veren turvan tukkijua,
 40 Verišuonen šulkijua“.
 „Enkä tiijä, enkä taija“.
 Lähtöy kolmanteh taloh
 Laijimmeista tietä myöte.
 Ukko uunilta puhuu,
 45 Vanha vuari vaipan alta.
 „Mipä šie olet miehijäš,
 Ku kumma urohijaš?“
 „Vanha vuari Väinämöini,
 Veššin vuaralla venehtä,
 50 Kallivolla kalkuttelin,
 Kirveš kilpahtu kiveh
 Miun polosen polven piäh,
 Vanhan vuarin Väinämöisen.
 Läksinpähän eččimäh
 55 Veren turvan tukkijua,
 Verensuonen šulkijua“.
 „Sekä tiijän, jotta taijan,
 Šanat šuuššani šukeutuu
 Pyörijämmät pyyn munua,
 60 Häräjämmät härän päitä.
 Piety veri vuotamašta,
 Pulmuni purajamašta;
 Eipä maireš muaha jouva,
 Miešten hemppu heinikköh!“

Старому Вьянямейнену.
 Пошел я искать,
 Кто мог бы остановить кровь,
 Кто перевязал бы рану“.
 25 „Не умею я это делать“.
 Идет он во второй дом
 По средней дороге.
 Старик говорит с печи,
 Старуха из-под одеяла:
 30 „Ты что за мужчина,
 Из каких будешь героев?“
 „Я — старый Вьянямейни,
 Я лодку тесал на горе,
 Готовил ее на скале,
 35 И топор наскочил на камень,
 Поранил колено мне, бедняге,
 Старому Вьянямейнену.
 Пошел я искать,
 Кто мог бы остановить кровь,
 40 Кто перевязал бы рану“.
 „Не умею я этого делать“.
 Идет он в третий дом
 По крайней дороге.
 Старик говорит с печи,
 45 Старуха из-под одеяла:
 „Ты что за мужчина,
 Из каких будешь героев?“
 „Я — старый Вьянямейни,
 Я лодку тесал на горе,
 50 Готовил ее на скале,
 И топор наскочил на камень,
 Поранил колено мне, бедняге,
 Старому Вьянямейнену.
 Пошел я искать,
 55 Кто мог бы остановить кровь,
 Кто перевязал бы рану“.
 „Знаю я, как это сделать,
 Из моих уст — те слова,
 Они круглы, как яйца рябчика,
 60 Они огромны, как голова быка,
 Они останавливают кровотоечение
 Не только в ране птенчика;
 Не годится проливать кровь на землю,
 На траву мужской сок!“

44. ВЯЙНЯМЁЙНИ УХОДИТ ИЗ СВОЕЙ СТРАНЫ

Meillä on Anni ainut neiti,
 Kešät kulkou paimenešša,
 Talvet häyryy härissä.
 Tulou kohullisekše,
 Kantau kohtuo kovua.
 Šyntyy poika puolikuini,
 Kakšiviikkoni Kaleva.
 Käypi kanša kaštamah,
 Lapši ristie ripitäh.
 10 Poika kaštua kapšatah,
 Meččälän kuninkahakše,
 Rahavuoren vartijakše.
 Šiitä šanou vanha Väinämöini:
 „Kun olis puulla piähe lyöty,

15 Eli olis tankalla tavattu!“
 Puhuu poika puolikuini,
 Kakšiviikkoni Kaleva:
 „Oho, vanha Väinämöini,
 Jopa tuhmin tuomičet,
 20 Viärin kannatat lakies“.
 Tuošta vanha Väinämöini
 Kovin šuuttu ja vihaštu,
 Kun puhu poika puolikuini,
 Kakšiviikkoni Kaleva.
 25 Kanto hiän melan mereh,
 Tammen laššun lainehella.
 Šiitä läksi laškie karettelamah
 Kurimukšen kulkun alla,
 Kijan kielen kiäntimihe,
 30 Šinne mäni vanha Väinämöini.

Наша Анни, единственная дочь,
 Летом ходит в пастушках,
 Зимой смотрит за скотом.
 Становится беременной,
 5 В тягости ходит свой срок.
 Родился полумесячный мальчик,
 Двухнедельный Калева.
 Приходил народ его крестить,
 Надевают на ребенка крест.
 10 Мальчика крестят, купают,
 Нарекают лесным королем,
 Хранителем монетной горы.
 Говорит старый Вайнямёйни:
 „Быть тебе ушибленным деревом по го-

лове,

15 Быть тебе биту палкой!“
 Сказал мальчик полумесячный,
 Двухнедельный Калева:
 „Эй, старый Вайнямёйни,
 Дурное думаешь,
 20 Худое замышляешь!“
 За это старый Вайнямёйни
 Сильно разгневался, разъярился,
 На слова мальчика полумесячного,
 Двухнедельного Калевы.
 25 Отнес он весло к морю,
 Дубовую лодку поставил на волны,
 Сам тихо уехал.
 Ехал проливом Куримукса,
 За изгиб мыска Кяна,
 30 Туда приехал старый Вайнямёйни.

45. ЛЕММИНКАЙНИ НА ПИРУ В ПЯЙВЁЛЕ

„Oijo, emoni kantajani,
 Tuopa miun šotišomani,
 Kanna vaimo vuattijeni!
 Lähen Päivölän pitoh,
 5 Lähen šalajoukon juominkih“.
 „Elä lähe, poikuoni,
 Kolme on šurmua matalla!“

„Матушка родимая,
 Принеси мои военные наряды,
 Неси, мать, мои одежды!
 Я поеду в Пяйвёлу на пир,
 5 Поеду на пир братчины“.
 „Не ездь, мой сыночек,
 Есть три смерти на том пути!“

- „Šano miulla enši šurma,
Mi on miulla enši šurma?“
- 10 „Tulou tulini koški,
Košešša on tulini luoto,
Luuvošša on tulini koivu,
Koivušša on tulini pešä,
Pešäšša on tulini kokko,
- 15 Yöt hammašta hivou,
Päivät kynttä kruočkuttelo
Piän varalla Lemminkäisen“.
„Oi jo, emoni kantajani,
Ei ole siinä miešten šurma,
- 20 Urošten upotušpaikka.
Luajin leppäsen venehen,
Alačči allina čukellan,
Šillä šen rovin vajellan.
Oi jo, emoni kantajani,
- 25 Tuopa miun šotišomani,
Kanna vaimo vuattijeni,
Lähen Päivölän pitoh,
Šalajoukon juominkih“.
„Elä lähe, poikuoni,
- 30 I kolme on šurmua matalla!“
„Šano miulla toini šurma,
Mipä on miun toini šurma?“
„Šusit on kaikki šuičči piällä,
Karhut rauta kahlehešša
- 35 Piän varalla Lemminkäisen“.
„Otan lautan lampahie,
Kimpun kierovillasie
Pohjolan šusijen šuihe,
Šillä šen rovin vajellan.
- 40 Oi, emoni kantajani,
Tuopa miun šoti šomani,
Kanna vaimo vuattijeni,
Lähen Päivölän pitoh,
Šalajoukon juominkih“.
- 45 „Elä lähe, poikuoni,
Kolme on šurmua matallani!“
„Šano miulla kolmaš šurma,
Mipä on miul kolmaš šurma?“
„Rautani aita on taivahah,
- 50 Taivahašta muahe šuahen,
Čičiliuskoilla on šivottu,

- „Назови мне первую смерть,
Какова моя первая смерть?“
- 10 „Будет огненный порог,
В пороге огненная скала,
На скале огненная береза,
На березе огненное гнездо,
В гнезде огненный орел,
- 15 Ночью зубы точит,
Днем когтями скрипит
На гибель Лемминкяйнена“.
„Матушка родимая,
Это не для мужей смерть,
- 20 Не для героев то гибельное место.
Сделаю ольховую лодку,
Уткой я там проскользну,
На ней огненный водопад проеду.
Матушка родимая,
- 25 Принеси военные наряды,
Неси, мать, мои одежды!
Поеду в Пяйвёлу на пир,
На попойку братчины“.
„Не езд, мой сыночек,
- 30 Есть три смерти на том пути!“
„Назови мне вторую смерть,
Какова моя вторая смерть?“
„Волки там на узде,
Медведи в железных цепях
- 35 На гибель Лемминкяйнена“.
„Возьму отару овец,
Стадо волнистошерстных,
Брошу их в пасть волкам Похьолы,
Так это препятствие преодолею.
- 40 Матушка родимая,
Принеси мои военные наряды,
Неси, мать, мои одежды!
Поеду в Пяйвёлу на пир,
На попойку братчины“.
- 45 „Не езд, мой сыночек,
Есть три смерти на том пути!“
„Назови мне третью смерть,
Какова моя третья смерть?“
„Железная изгородь до неба,
- 50 От неба до земли,
Ящерицами она перевязана,

Kiärmehillä on kiäritelty,
 Šuine on pantu šuhisellin,
 Hännin häilymäh
 55 Piän varalla Lemminkäisen!
 Lähtöy lieto Lemminkäini
 Päivölän pitoh,
 Šalajoukon juominkih.
 Otti leppäsen venehen,
 60 Alačči allina čukelti,
 Šillä šen rovin vajelti.
 Otti lautan lampahie,
 Kimpun kierovillasie,
 Pohjolan šusien šuihe.
 65 Šillä šen rovin vajelti.
 Luatiu atran vuarnattoman,
 Šillä šen aijan kumasi,
 Šillä šen rovin vajelti.
 Mäni Päivölän pitoh,
 70 Šalajoukon juominkih.
 Šanou Pohjolan emäntä:
 „Mintäh tulit, lieto Lemminkäini,
 Veräjäisien vieremättä,
 Šakaran narahtamatta,
 75 Koirien haukkumatta,
 Villahäntäin vihuamatta?“
 „En ole lähtenyt koirien haukutta-
 vakše,
 Enkä villahäntien vihattavakše“.

Šanou lieto Lemminkäini:
 80 „Tuopa tuopilla olutta,
 Kanna kakšikorvasella!“
 Tuopa Päivölän emäntä,
 Toi hiän tuopilla olutta,
 Kanto kakšikorvasella.
 85 Mavot laijoilla valuu,
 Kiärmis piällä kiänteleeckše.
 Ottaupa veičen huotrašta,
 Tupešta tuiman ravvan,
 Šuau šieltä šata matuo,
 90 Tuhannen muuta munkerrušta.
 „Ruhka muaha luotaneh,
 Ruoka šuuhu šyötäneh,
 Tämän tuopin tuoja

Змеями перевита,
 Пастью они шипят,
 Хвостами шевелят
 55 На гибель Лемминкяйнена“.
 Едет хитрый Лемминкяйни
 На пир в Пяйвёлу,
 На попойку братчины.
 Взял он ольховую лодку,
 60 Уткой под препятствием проскользнул,
 Так он это препятствие преодолел.
 Взял отару овец,
 Стадо волнистошерстных,
 Для пасти волков Похьолы.
 65 Так он и эту преграду преодолел.
 Делает соху неломающуюся,
 Ею он изгородь опрокидывает,
 Так он и эту преграду преодолел.
 Пришел на пир в Пяйвёлу,
 70 На попойку братчины.
 Говорит хозяйка Пяйвёлы:
 „Зачем пришел, хитрый Лемминкяйни,
 Дверей не открывая,
 Петлями не скрипнув,
 75 Так, что собаки не лаяли,
 Шерстохвостые не злились?“
 „Не для того приехал, чтоб облаивали
 собаки,
 И не для того, чтоб шерстохвостые зли-
 лись“.

Говорит хитрый Лемминкяйни:
 80 „Принеси кружку пива,
 Неси кружку с двумя ручками!“
 Хозяйка Пяйвёлы
 Принесла кружку пива,
 Несла кружку с двумя ручками.
 85 Черви по краям ползут,
 Змеи головами вертят.
 Вынимает он нож из ножен,
 Из ножен злое железо,
 Вытаскивает из кружки сто змей,
 90 Тысячу других гадов.
 „Сор на землю бросают,
 В рот съедобное отправляют.
 Принесшая эту кружку

- Mänkäh Tuonelah,
 95 Manalla kantaja oluven!
 Šiitä Päivölän emäntä —
 Manalla kantaja oluven.
 Šanou lieto Lemminkäini:
 „Ruvekkah Päivölän pitoh,
 100 Šalajoukon juominkih!“
 Šncu Päivölän isäntä:
 „Ruvekkah myö laulamah;
 Kumpi on lauluilta parempi,
 Virren töiltä työntysämpi?“
 105 Tuopa lieto Lemminkäini
 Laulau lammen lattialla.
 Tuopa Päivölän isäntä
 Laulau härän lattialla
 Lammillista lakkimah.
 110 Šanou Päivölän isäntä:
 „Kuotelkamma miekkojan,
 Kačelkamma kalpoja;
 Kumman miekka on mielošampi,
 Kumman rauta on raškahampi?“
 115 Šanou lieto Lemminkäini:
 „Läkkä myö uloš pihalla,
 Pihalla on veret paremmat,
 Kakaroilla on kaunehemmat!“
 Tuopa Päivölän isäntä
 120 Löipä kerran, löipä toisen,
 Löipä konta kolmannen,
 Ei ottanu ni orvaskettuo.
 Tuopa lieto Lemminkäini
 Lippai kerran,
 125 Vei ku n’uatin nakrehelta.

- Пусть идет в Туонелу,
 95 В Маналу — принесшая пиво!“
 Тут хозяйка Пяйвёлы ушла
 В Маналу, принесшая пиво.
 Говорит хитрый Лемминкяйни:
 „Будем справлять пир в Пяйвёле,
 100 Пить в братчине!“
 Говорит хозяин Пяйвёлы:
 „Давай, будем петь,
 Кто на песни лучше,
 Кто песней может больше сделать?“
 105 Тут хитрый Лемминкяйни
 Песней делает на полу озерко,
 А хозяин Пяйвёлы
 Песней делает на полу быка
 То озерко выпивать.
 110 Говорит хозяин Пяйвёлы:
 „Давай, попробуем мечи,
 Осмотрим свои клинки,
 Чей меч прекраснее,
 Чье железо крепче?“
 115 Говорит хитрый Лемминкяйни:
 „Пойдем, мы выйдем во двор,
 На дворе кровь лучше,
 На овсяном поле она красивее!“
 Тут хозяин Пяйвёлы
 120 Ударил раз, ударил другой,
 Ударил и третий раз,
 Не содрал и тонкой кожи.
 Тут хитрый Лемминкяйни
 Ударил раз,
 125 Снес ему голову, как ботву репы.

В. М. Лесонен

46. СЫН КАНЕРВО МСТИТ ХОЗЯЙКЕ

- Kaupatah Kanervon poika
 Kahteh kattilaranih,
 Viiteh viikatekuluh,
 Kuuteh kuokan ruopivoh.
 5 Tuo kaunis Kanervon poika —

- Продают сына Канервы
 За два кованых котла,
 За пять кос-горбуш,
 За шесть мотыг-копалок.
 5 Прекрасного сына Канервы

Pantih häntä lašta kaččomah.
 Kaččo lašta, kaivo silmän,
 Kätkyen tulešša poltti,
 Vuattiet virrašša virutti.
 10 Millä työllä uuši orja,
 Ruavolla rahanalani?
 Tuo kaunis Kanervon poika
 Pantih nuotan šoutajikše.
 „Perimieš Pelmosen poika,
 15 Mintäh et šouva vientähyö?“
 Šoutau vientähyö,
 Levittäy lešen venehen,
 Kalajahan kaiken kuatau,
 Tarpou nuotan tappuroikše,
 20 Vejen vellikše ševottau,
 Kalat liivakše ličottau.
 Millä työllä uuši orja,
 Ruavolla rahanalani?
 Tuo Kanervon kaunis poika —
 25 Pantih häntä kašen ajoh.
 Kuatau puuta kaksi — kolme.
 Tuo kaunis Kanervon poika
 Istuutuu kannon piähe:
 „Kuni miun huuto kuulunou,
 30 Šini kaški kuatukkah,
 Ottakkah hyvän olen,
 Vain elkäh teryä tehkäh!“
 Millä työllä uuši orja,
 Ruavolla rahanalani?
 35 Tuo kaunis Kanervon poika —
 Pannah häntä paimeneh,
 Kurja karjan kaččeluh.
 Piätty hiän šuolla mättähällä,
 Piätty päivä rintiellä.
 40 Leivotah leipäh kivi.
 Tuo kaunis Kanervon poika
 Vetäy veičen kiveh,
 Kašahuttau kallivoh.
 Šano kaunis Kanervon poika:
 45 „Millä makšan piijan pilkan,
 Piijan pilkan, naisen nakron,
 Emännän pahoin pijännän?“

Заставили нянчить ребенка.
 Нянчил он ребенка, выковырял ему
 глаза,
 Люльку в огне сжег,
 Одежду всю по течению пустил.
 10 Куда поставить нового раба,
 На какое дело купленного за деньги?
 Прекрасного сына Канервы
 Заставили грести на ловле с неводом.
 „Ты, кормовщик, сын Пелмонена,
 15 Почему не гребешь по быстрой воде?
 Стал он грести по быстрой воде,
 Разваливает у вдовы лодку,
 Вываливает всю рыбу,
 Рвет невод на кусочки,
 20 Воду взмучивает в кашу;
 Рыбу месит в грязь.
 Куда же поставить нового раба,
 На какое дело купленного за деньги?
 Прекрасного сына Канервы
 25 Заставили рубить пожару.
 Рубит он дерева два-три;
 Тот прекрасный сын Канервы
 Садится на пенек:
 „До каких мест мой голос слышен,
 30 До тех мест пусть пожара срубится,
 Пусть хорошее все срубится,
 Только лезвие не иступится!“
 Куда поставить нового раба,
 На какое дело купленного за деньги?
 35 Прекрасного сына Канервы —
 Ставят его в пастухи,
 Жалкое стадо стеречь.
 Вот он стоит на кочке в болоте,
 На солнцепеке стоит он.
 40 Запекает хозяйка в хлеб ему камень.
 Прекрасный сын Канерво
 Попадает ножом об камень,
 Режет по куску скалы.
 Говорит прекрасный сын Канервы:
 45 „Чем отплачу я за насмешку над рабом,
 За издевательство над рабом, за жен-
 скую насмешку,
 За плохое отношение хозяйки?“

Ajaupa kontiet kotih,
Heittäy hiän lehmät leholla,
50 Hätäsarvet huovikalla,
Maijon antajat aholla,
Ajau kontiet kotih.
Aikou männä lypšämäh,
Ruavahien raviččemah.
55 Ei voi emäntä männä lypšämäh,
Ruavahie raviččemah:
Šusi šuun revittelöy,
Karhu katkuau kantašuolet.
„Oi, ukko ylijumala,
60 Vuari vanha taivahini,
Šuakah nieklaset teräkset —
Tapa tuo Kanervon poika!“

Гонит домой он медведей,
Оставляет коров на лугу,
50 Остророгих в осиннике,
Молоко дающих на полянке.
Гонит медведей домой.
Вот идет она доить,
Рогатых убирать.
55 Не смеет хозяйка итти доить,
Рогатых убирать.
Волк разрывает ей рот,
Медведь разрывает все жилы.
„Ой, всевышний бог,
60 Гора вечная, небесная,
Пошли стальные иглы,
Убей того сына Канерво!“

М. А. Ремшу

47. ВЯЙНЯМЁЙНИ ЕДЕТ В ТУОНЕЛУ

Rikkautu reki runolta,
Jalaš taittu laulajalta.
Läksi Tuonelta oraišta,
Manalalta veäntijeätä.
5 Iče vanha Väinämöini
Mäni heän Tuonen joven tuakše,
Heän huhuta huijahutti,
Viheltöä heän viuhahutti:
„Tuo venehtä, Tuonen tyttö,
10 Karpassuo, kapo Manalta“
Tuonen tyttöset šanouve,
Lapšet Kalman kalkehtiu:
„Veneh teältä tuotanehe.
Kui as's'at šanottanehe,
15 Mi on šoattanun Manalla,
Mi on tuonun Tuonelahan?“
Iče vaha Väinämöini
Heänpä noin šanoikse virkki:
„Vesi šoatto miun Manalla,
20 Vesi toi miun Tuonelahan“.
Tuonen tyttäret šanouve,
Lapšet Kalman kalkehtiu:
„Tunnumma valehtijan,
Ymmärrämmä kielastajan.

Разбились сани у певца рун,
Сломался полоз у песнопевца.
Отправился он в Туони за кокорой,
В Маналу за вязками.
5 Старый Вайнямёйни —
Пошел он к реке Туони,
Закричал громким криком,
Засвистел громким свистом:
„Подай лодку, девушка Туони,
10 Перевези на карбасе, дева Маналы!“
Говорят девушки Туони,
Дети Калмы звонким голосом:
„Лодку тебе подадут,
Если скажешь, зачем ты пришел
15 И что привело тебя в Маналу,
Что принесло тебя в Тоуни?“
Сам старый Вайнямёйни —
Он такие слова молвил:
„Вода привела меня в Маналу,
20 Вода принесла меня в Туони“.
Говорят девушки Туони,
Звонким голосом дети Калмы:
„Знаем обманщика,
Понимаем лжеца.

25 Vesi kun ois šoattanut Manalla,
 Vesi ois tuonun Tuonelahan,
 Vesiin voatties valuisi,
 Hurmehin hurahтелиsi".
 Iče vanha Väinämöini
 30 Toas huhuta huijahutti,
 Viheltöä heän viuhahutti:
 „Tuo venehtä, Tuonen tyttö,
 Karpassuo, kapo Manalta".
 Tuonen tyttäret šanouve,
 35 Lapšet Kalman kalkehtiu:
 „Veneh teältä tuotanehe,
 Kui aš's'at šanottanehe:
 Mi on šoattanut Manalla,
 Mi on tuonut Tuonelahan?"
 40 Iče vanha Väinämöini
 Heänpä noin šanoikse virkki:
 „Tuli se šoattoi Manalla,
 Tuli toi miun Tuonelahan".
 Tuonen tyttäret šanouve,
 45 Lapšet Kalman kalkehtiu:
 „Tuli kui ois šoattanut Manalla,
 Tuli kui ois tuonut Tuonelahan,
 Tulin voattechis valuisi,
 Hurmehin hurahтелиsi".
 50 Iče vanha Väinämöini
 Toas huhuta huijahutti,
 Viheltäy heän viuhahutti:
 „Tuo venehtä, Tuonen tyttö,
 Karpassuo, kapo Manalla!"
 55 Tuonen tyttöset šanouve,
 Lapšet Kalman kalkehtiu:
 „Veneh teältä tuotanehe,
 Kui as's'at šanottanehe,
 Mi on šoattanut Manalla,
 60 Mi on tuonun Tuonelehan?"
 Iče vanha Väinämöini —
 Heänpä noin šanoikse virkki:
 „Rikkautu reki runolta,
 Jalaš taittu laulajalta,
 65 Läksin Tuonelašt' oraišta,
 Manalta veäntijeätä".
 Toi venehen Tuonen tyttö,
 Karpasun kapo Manalta.

25 Если бы вода привела тебя в Маналу,
 Если бы вода принесла тебя в Туони,
 Лилась бы вода с одежды,
 С шумом с нее стекала бы".
 Сам старый Ваянямёйни
 30 Снова закричал криком,
 Засвистел громким свистом:
 „Поддай лодку, девушка Туони,
 Перевези на карбасе, дева Маналы!"
 Говорят девушки Туони,
 35 Звонким голосом дети Калмы:
 „Лодку тебе подадут,
 Если скажешь, зачем ты пришел,
 Что привело тебя в Маналу,
 Что принесло тебя в Туони".
 40 Сам старый Ваянямёйни,
 Он такие слова молвил:
 „Огонь привел меня в Маналу,
 Огонь принес меня в Туони".
 Говорят девушки Туони,
 45 Звонким голосом дети Калмы:
 „Если б огонь привел тебя в Маналу,
 Если б огонь принес тебя в Туони,
 С одежды огонь сыпался бы,
 С шумом с нее слетал бы".
 50 Сам старый Ваянямёйни
 Снова закричал криком,
 Засвистел громким свистом:
 „Поддай лодку, девушка Туони,
 Перевези на карбасе, дева Маналы!"
 55 Говорят девушки Туони,
 Звонким голосом дети Калмы:
 „Лодку тебе подадут,
 Если скажешь, зачем ты пришел,
 Что привело тебя в Маналу,
 60 Что принесло тебя в Туони".
 Сам старый Ваянямёйни,
 Он такие слова молвил:
 „Разбились сани у певца рун,
 Сломался полоз у песнопевца,
 65 Пошел я в Туони за кокорой,
 В Маналу прибыл за вязками".
 Тут пригнала лодку девушка Туони,
 Перевезла его на карбасе дева Маналы.

48. ВЯЙНЯМЁЙНИ ДЕЛАЕТ КАНТЕЛЕ И ИГРАЕТ НА НЕМ

Oli vanha Vainämöini,
 Tietäjä ijan ikuini,
 Paraş polven päivällini,
 Heän oli eččijä hevosten.
 5 Ečči päivän, ečči toisen,
 Jo päivänä kolmantena,
 Kuuli purren itköväkše,
 Venehen valittavakše.
 „Mitä itket, purši pieni,
 10 Veneh hankava halajat,
 Itketkö sie puuvuttas,
 Vain hankavuttaško halajat?“

„Enkä itke puuvuttani,
 Hankavuttani halaja,
 15 Šitä itken, purši pieni,
 Veneh hankava halajan,
 Muut purret šotova käyväh,
 Tuhansin eluo tuvvah,
 Mie vain lahuon laššuillani,
 20 Venyn veistämäisilläni.
 Ilkehimmät ilman linnut,
 Matosimmat moan matelijat
 Peälläni pesiä pitävät,
 Alla kuoreni asuvat,
 25 Parraşpuuni paškantavat“.
 Iče vanha Väinämöini,
 Katkoi vaššan vaškilatvan,
 Vaškilatvan, tinarinnan,

Pyyhki purren puhtahakše,
 30 Venehen valittavakše.
 Iče issukše peräh,
 Kokan kultasen nojah,
 Melan vaskisen varah.
 Pani heän vanhat šoutamah,
 35 Vanhat šouti, peä vapisi,
 Pani nuoret šoutamah,
 Nuoret šouti, airot notku.
 Tel'l'ot tetrenä kukerti,
 Nenä joiku jouččenena,

Был старый Вяйнямёйни,
 Вековечный заклинатель,
 Лучший из поколения живущих.
 Он искал лошадь.
 5 Искал он день, искал другой,
 Наконец, уже на третий
 Услышал, как плачет парусник,
 Как стонет лодка.
 „Что ты плачешь, парусник деревянный,
 10 Лодка с уключинами стонешь,
 Потому ли плачешь, что ты деревянная,
 Или потому ты причитаешь, что с уключинами?“
 „Не плачу о том, что я деревянная,
 Не стону о том, что я с уключинами.
 15 А потому я плачу, парусник деревян-
 ный,
 Завидую тому я, лодка с уключинами,
 Что все другие на войну ходят,
 На тысячи добра везут,
 Я лишь гнию на моих щепках,
 20 Лежу на оттёсанных.
 Худшие птицы воздуха,
 Ползающие по земле черви
 На мне гнезда делают,
 Под моей обшивкой живут,
 25 И пачкают мой борт“.
 Сам старый Вяйнямёйни
 Наломал веник с медной верхушкой,
 С медной верхушкой, оловянной руч-
 кой,

Подмел парусник он чисто,
 30 Лодку стонущую протер.
 Сам сел на корму,
 На золотой конец носа,
 К медному кормовому веслу.
 Заставил старых грести,
 35 Старые гребли — головы тряслись.
 Заставил молодых грести,
 Молодые гребли — весла гнулись.
 Скамейки тетеревами воркуют,
 Нос лебедем кричит,

- Perä kruočku koškeloina.
 40 Laški päivän, laški toisen,
 Jo päivänä kolmantena,
 Jo puuttuu veno vesillä,
 Puuttuu purši lainehilla.
- 45 Iče vanha Väinämöini
 Kaččelovi keäntelövi,
 Ympäri molommin puolin,
 Kahen puolen kaikki paikat:
 „Kivelläkö, vain havolla,
 50 Vainko on hauvin hartijoilla,
 Vejen koiran kovilla luilla?“
 Ei ole kivellä, ei havolla,
 Vain on hauvin hartijoilla,
 Vejen koiran kovilla luilla.
- 55 Iče vanha Väinämöini
 Otti onken taskustanša,
 Väkäravvan väskystänšä,
 Tupestanša tuiman rauvan,
 Nosti nyt lohen venoseh.
- 60 Kaččelovi, keäntelöyve,
 Lohisikše lounaisikše,
 Lohiviiploikše viilläkšeh,
 Lohipaloikše pannakšeh.
 Lohi loiskahti mereh,
 65 Kalakirjö kammerti.
 Šieltä piätänšä kohotti,
 Vihurilla viijennellä,
 Kupehella kuuvennella,
 Uallolla yheksännellä.
- 70 „Emp’ on šiula tullunkana
 Lohisikše lounaisikše,
 Lohiviiploin viilläkšeš,
 Lohipaloikše pannakšeš.
 Eniep’ on tulinki šiula,
 75 Ikuisekše puolisoskše,
 Panijakše peän alukšen,
 Jalkoješi jakšajakše,
 Sijasi levittäjäkše“.
 Lohi mereh laskiekše.
- 80 Iče vanha Väinämöini,
 Laski šeppijen pajah:
 „Oi šie, šepo veijoseni,
 Tavo rautani harava,
- 40 Корма крякала, как дергач.
 Гребли день, гребли два дня,
 И уже на третий день
 Лодка на воде остановилась,
 Парусник застрял на волнах.
- 45 Сам старый Вяйнямёйни
 Посматривает, поворачивается
 Вокруг на обе стороны,
 Вокруг, во все стороны:
 „На камень или на корягу,
 50 Или на спину щуки,
 На жесткие кости морской собаки?“
 Не на камень и не на корягу,
 А на спину щуки,
 Морской собаке на твердые кости.
- 55 Сам старый Вяйнямёйни
 Взял крючок из кармана,
 С зарубкой железо из кармана,
 Из ножен жесткое железо,
 И поднял лосося в лодку.
- 60 Просматривает, поворачивается.
 Будет лососина на паужинок,
 Можно лосося на ломти кроить,
 На куски его делить.
 Лосось в море плеснулся,
 65 Рыба пестрая уплыла в глубь.
 Оттуда выставила голову.
 С крутящейся волны пятой,
 С выпуклой шестой волны,
 С волны девятой.
- 70 „Не пришла же я к тебе
 Лососиной на паужинок,
 Чтоб лосося на ломти кроили,
 Чтобы лосося на куски делили.
 Я выйти за тебя думала
- 75 Вековойной половиной,
 Взбивать подушку под твоей головой,,
 Разувать тебе ноги,
 Супружеское ложе устраивать“.
 Лосось в море уплывает.
- 80 Сам старый Вяйнямёйни
 Пришел к кузнецу в кузницу:
 „Ой, ты кузнец-братец,
 Выкуй ты железные грабли,

Tavo piit šatova sylta,
 85 Varsi kahta kolkuttele!
 Läksisin neittä haromah".
 Haroi päivän, haroi toisen,
 Jo päivänä kolmantena
 Löysi ruokuo murusen,
 90 Kalan luuta kappalehen:
 „Mihän tuoštakin tulis,
 Hyvän mahtajan käješšä,
 Tulisiko hänestä šoitту?“
 Otti šoitun šormillanša,
 95 Käsillänšä kantelvoisen,
 Šoitту päivän, šoitту toisen,
 Jo päivänä kolmantena,
 Tuli moasta moan eläjät,
 Ičeki vejen emäntä,
 100 Šinišukkihin sivokše,
 Punapauloihin papekše,
 Nousi koivun konkelolla,
 Lepän lenkolla yleni,
 Šitä lauluo kuulomah.

Выкуй зубья в сто сажень,
 85 Ручку в два раза длиннее!
 Пойду с граблями искать морскую деву".
 Выгребал он день, выгребал другой,
 Уже в день третий
 Выловил он кусочек кости,
 90 Рыбьей кости горсточку.
 „Что бы из этого вышло
 В руках искусного мастера?
 Выйдет ли из этого кантеле?“
 Взял он инструмент пальцами,
 95 Кантеле он в руки взял,
 Играл он день, играл другой,
 И уже на третий день
 Поднялись из земли все земные твари,
 Да и сама хозяйка вод
 100 В синие чулки обулась,
 Красными шнурками обвязала ноги,
 Уселась на березовый сук,
 Принялась на ветках ольхи
 Слушать ту игру на кантеле.

49. ВЯЙНЯМЁЙНИ УНОСИТ САМПО ИЗ ПОХЬОЛЫ

Pohjan akka peästi šepon
 Kahen kallivon lomašta,
 Kolmen koivun haarukašta.
 Šano vanha Väinämöini:
 5 „Oi sie, Anni čikkoseni,
 Tuo nyt paita palttinaini,
 Joka ei kaiva kainaloita,
 Kut'kuta kuveh lihoja;
 Tuo nyt hoahti hallakkaini
 10 Peällä paijan palttinaisen;
 Uššakka utuni vyöllä
 Peällä hoahti hallakkaisen!“
 Šiitä reuhahti rekeh,
 Kohahtihes korjahah.
 15 Väinämöini tulou
 Pohjolan neittä kos's'omah.
 Pohjan akka lupoau tytön,
 Još Väinämöini loatiu šammon.
 Väinämöini päivät šampuo takou,

Старуха Похьолы выпустила кузнеца
 Из расщелины двух скал,
 С разветвления трех берез.
 Тогда старый Вайнямёйни сказал:
 5 „Сестрица моя, Анни,
 Принеси мне полотняную рубаху,
 Которая не натирает кожу подмышкой,
 Не щекочет тела;
 Принеси домотканый кафтан
 10 На полотняную рубаху;
 Принеси пушистый кушак,
 Чтобы кафтан тот опоясать!“
 Тогда он уселся в санях,
 Расселся в розвальнях.
 15 Приходит Вайнямёйни
 Свататься к девушке Похьолы.
 Старуха Похьолы обещает дочь,
 Если Вайнямёйни сделает Сампо.
 Днем Вайнямёйни Сампо куёт,

20 Yöt neittä lepyttäy.
Šai heän šammon valmehekše,
Šai neijon lepytetykše,
Otti šammon tai neijon
Ta läksi pakoh.

25 Pohjan akka pikkaraini,
Šyltä pitkä, kahta paksu,

Kolmie perä levie,
Otti vaššat siivikseh,
Lähti lentöä lyyhyttämäh,
30 Lenti purjeh puun nenäh.
Purjeh taito päin puvota,
Laiva laššuin lohkiella.
Perän peltohon šyväten,
Hännän moaha tarkutellen.

35 „Mäne kačo, emäntä raukka,
Kivi on šuuri, jauhot hienot!“
Pohjan akka pikkaraini,
Šyltä pitkä, kahta pakšu,

Kolmie on perä levie,
40 Pyyhki pikku pirttiseh,
Lakuoli lattijah.
Pani heän rikat vakkaseh,
Punaseh purtiloh,
Vei heän ullos hirttä myöten.

45 Pihalla pärettä myöten,
Pitimmällä pientarella,
Pitimmällä kankahalla,
Iče istu rikkasilla,
Kuuli miehen itköväkse,

50 Urohon urajavakse,
Pohjan pitäššä peräššä,
Manalan alanteheššä.
Pohjan akka pikkaraini,
Šyltä pitkä, kahta pakšu,

55 Kolmie on perä levija.
(On se aika moatuška!),
Heänpä noin šanoikse virkki:
„Mäne šie, kasakka, kaččomah,
Mitä haukkuu Halli koiras,
60 Linnan lukko louškuttau,

20 Ночью девушку соблазняет.
Изготовил он Сампо
И соблазнил девушку.
Взял он Сампо и девушку
И обратился в бегство.

25 Маленькая старуха Похьолы,
Ростом в сажень, в две сажени толщи-
ной,

В три сажени зад шириной,
Из веников наладила крылья
И полетела, помахивая теми крыльями,
30 Уселась на мачту парусника.
Парус склонился, готовый упасть,
Судно готово расколоться на щепки.
Собака уселась на задние лапы
И лаяла, хвост положивши на землю.

35 „Иди, посмотри-ка, хозяйюшка,
Жернов мой огромен, мука мелкая!“
Маленькая старуха Похьолы,
Ростом в сажень, в две сажени тол-
щиной,

В три сажени зад шириной,
40 Убрала маленькую избушку,
Подмела в ней пол.
Собрала она сор в корзину,
В красное лукошко,
Отнесла на улицу, идя по бревну.

45 Вышла на улицу по лучинке,
На самую длинную межу,
На самый длинный бор,
Сама уселась на мусор,
Услышала, как плачет мужчина,

50 Как герой воем воеет
На длинных закоулках Похьолы,
На низинах Маналы.
Маленькая старуха Пахьолы
Ростом в сажень, в две сажени тол-
щиной,

55 В три сажени зад шириной
(Ничего себе была матушка!),
Она такие слова молвила:
„Иди ты, работник, посмотри,
Что там лает собака Халли,
60 Что крепостной пес тявкает,

Perän peltohon šyväten,
 Hännän moaha tarkutellen!“
 „Mäne iče, emäntä raukka,
 Pino on šuuri leikattava,
 65 Pino on šuuri, halot hienot“.
 „Mäne, piika, kačćomah,
 Mitä haukkuu Halli koiria,
 Linnanlukko lukšuttau!“
 Šiitä lähtöy Pohjon akka,
 70 Yhtyy Väinämöiseh ta toreutuu.

Väinämöini panou hänen
 Kahen kallivon lomahe,
 Kolmen koivun hoarukkahe.

Сидя на задних лапах,
 Хвост положивши на землю!“
 „Ты иди сама, хозяйюшка,
 Поленницу дров расколоть мне надо,
 65 Поленница большая, а дрова мелкие!“
 „Иди ты, прислужница, посмотри,
 Что там лает собака Халли,
 Что крепостной пес тявкает!“
 Тогда направляется старуха Похьолы,
 70 Встречается с Вяйнямёйненом и борется

с ним.

Вяйнямёйни загоняет ее
 В расщелину между двух скал,
 В разветвление трех берез.

50. ВЯЙНЯМЁЙНИ СОСТЯЗАЕТСЯ В ПЕНИИ С ЁУКАХАЙНЕНОМ

Vai, šanou, vanha Väinämöini,
 Tai nuori Joukahaini,
 Ajettih hyö vaššakkah,
 Vemmel puuttu vempoleh,
 5 Rahis rahkehen nenih,
 „Šen tiellä šeisatamma,
 Kumpani enämmän tietäy“.
 Šanou vanha Väinämöini:
 „Enkä tiijä, enkä taija,
 10 Omat on kolkat kuokkimani,
 Kalahauvat kaivamani“.
 Ajo nuoren Joukahaisen,
 Ajo šoista šoin lihoih,
 Pani maišta main lihoih.
 15 Šanou nuori Joukahaini:
 „Jopa tuskikse tulou,
 Läylenikse lankielou“.
 Šanou vanha Väinämöini:
 „Mitä annat lunnahikse?“
 20 „Annan ainuon oron“.
 „Oro miula on ičelläni,
 Viittä moista viekkahampi,
 Kuutta moista kuihkahampi,
 Juoššen juomah mänöy,
 25 Juoššen juomašta tulou,
 Selvä on vesi selän peällä,

Вот, говорят, старый Вяйнямёйни
 И юный Ёукахайни
 Наехали они друг на друга,
 Дуга наскочила на дугу,
 5 И гуж сцепился с гужом.
 „Тот останется на дороге,
 Кто больше другого ведает“.
 Говорит старый Вяйнямёйни:
 „Не знаю я и ничего не умею,
 10 Но сам я первый пахал землю,
 Это я создал заводи для рыб“.
 Он загнал юного Ёукахайнена,
 Загнал его в болотистое место,
 Погрузил в топи земные.
 15 Говорит юный Ёукахайни:
 „Тяжело мне становится,
 Истома на меня напала!“
 Говорит старый Вяйнямёйни:
 „Чем ты себя выкупишь?“
 20 „Отдам единственного жеребца!“
 „Жеребца я и сам имею,
 В пять раз он смышленее,
 В шесть раз пригожее твоего,
 Бегом бежит на водопой,
 25 Рысью возвращается с водопоя;
 Прозрачна вода на крупе жеребца,

Vesilampi lautasilla,
 Pilvistä vejet vetäy".
 Šanou nuori Joukahaini:
 30 „Jopa tuskikse tulou,
 Läylenikse lankielou,
 Pyörriytä pyhät šanaš".
 „Mitäkä annat lunnahikse?"
 „Annan ainoan sisaren,
 35 Turvakse tutasijalla,

Varoikše vapisijalla,

Ilokše ikilopulla,
 Vävysemi Väinämöini".
 Piästi nuoren Joukahaisen.
 40 „Moamoseni, kantajani,
 Annoin ainoan sisaren,
 Turvakše tutasijalla,
 Varoikše vapisijalla,
 Ilokše ikilopulla!"

Озерко блестит на лопатках,
 Из облаков воду пьет жеребец".
 Говорит юный Ёукахайни:
 30 „Тяжело мне становится,
 Истома на меня напала,
 Сними с меня заклятья!"
 „Чем ты себя выкупишь?"
 „Отдам единственную сестру,
 35 Будет она тебе подспорьем, трясуший-
 ся,
 Принесет она достаток тебе, дрожа-
 щий,
 Будет тебе утеха под старость,
 И будешь моим зятем, Вяйнямёйни!"
 Освободил он юного Ёукахайнена.
 40 „Мать моя, носившая меня,
 Выдал я единственную сестру,
 Будет она подспорьем ворчливому,
 Принесет достаток дрожащему,
 Будет ему утехой под старость".

51. РАБ ИЗ КРАЯ ВИРО

Oliennen Virošša orja,
 Pajarišša karjan paimen,
 Pahoin palkka maksettiin,
 Pahoin palkka, veäriin vaivat.
 5 Lupa orjan annettiin,
 Lupa orjan, valta vankin,

Juošša jouluna kotihin,
 Peäpyhinä peäštäksenšä.
 Orja šuistuvi šuvehen,
 10 Šuin šuveheh, päin šuvehen,

Koprin ilmahan kovahan,
 Piin on pilvehen pahahan.
 Šiihen uupu orja rukka,
 Kuoli kurja käškyläini.
 15 Tuli kolme Tuonen neittä,
 Kerättih hyö kuollehia,
 Löyvettih hyö orjan šielu,
 Otettih hyö orjan šielu,

Был когда-то в Виро раб,
 У боярина пастух,
 Плохо ему платили,
 Обсчитывали за тяжелый труд.
 5 Разрешили рабу,
 Разрешение дали рабу, свободу —
 узник у

Сбегать в Рождество домой,
 Успеть к великому празднику.
 Раб помчался на юг,
 10 Побежал, разинув рот, в южную сто-
 рону,

Руки голые в сильный мороз,
 Голова покрылась инеем.
 Изнемог бедняга-раб,
 Умер жалкий работник.
 15 Подошли тут три девицы Туони,
 Уводили они души умерших,
 Нашли они душу раба,
 Взяли они душу раба,

- Talutettih taivahahe.
 20 Avattih hyö pieni ovi,
 Kultaportti peäšsettihin,
 Orjan šoahešša šisällä.
 Tuotihin hopia tuoli,
 Kultaskammi kannettihin:
 25 „Issu tuošša, orja rukka!
 Jo olet šoan pahemmaššaki,
 Orjuuvešša olleššasi,
 Käskyläisnä käyveššäsi,
 Istuva kovalla puulla,
 30 Sekä muiten seišovaki“.
 Tuotihin hopia tuoppi,
 Kultakannu kannettihin:
 „Juopa tuošta, orja rukka!
 Jo olet šoan pahemmaštaki,
 35 Orjuuvešša olleššasi.
 Käskyläisnä käyveššäsi,
 Juuva šuolta šuovesiä,
 Tajevesie tanhuelta“.
 Kulu aikoa vähäsen,
 40 Kuolevi iso isäntä.
 Tuli kolme Tuonen neittä,
 Kerättih hyö kuollehia,
 Löyvettih isän än šielu,
 Vietihin šurutupahan,
 45 Helvettihin heitettihin.
 „Šeiso tuoll, iso isäntä!
 Jo olet šoannu istuakin,
 Isäntänä olleššasi,
 Käskijänä käyveššäsi
 50 Isoissa šalituvisa,
 Kaunehissa kammareissa“.
 Tuotihin tulini tuoppi,
 Tervatuoppi temmattihin,
 Tulta-tervoa šisäššä,
 55 Čičiliuskuja, matoja.
 „Juopa tuošta, iso isäntä,
 Jo olet šoanun parahammaštaki,
 Isäntänä olleššasi,
 Käskijänä käyveššäsi.
 60 Jo olet šoanun olutta juuvva
 Kaunehista kannuloista,
 Pöyhkijänä pöyvän peäššä“.

- Проводили ее на небо.
 20 Открыли они маленькую дверь,
 Раскрыли золотые ворота,
 Впустили туда раба.
 Принесли ему серебряный стул,
 Золотую скамейку принесли:
 25 „Садись тут, бедняга-раб!
 Ведь худо тебе было,
 Пока был рабом,
 Когда ходил на посылках,
 Сидел на жестком месте,
 30 Стоял перед хозяином“.
 Принесли серебряную кружку,
 Принесли золотой кувшин:
 „Пей из кружки, бедняга раб!
 Ведь худо тебе было,
 35 Пока был рабом.
 Когда ходил в работниках,
 Пил воду из болота,
 Талую воду на дворе“.
 Прошло немного времени,
 40 Умер и большой хозяин.
 Пришли три девицы Туони,
 Уводили они души умерших,
 Нашли душу хозяина,
 Отнесли ее в избу печали,
 45 Бросили в ад.
 „Стой тут, большой хозяин!
 Ты достаточно насиделся,
 Пока был хозяином,
 Когда был повелителем
 50 В хоромах с большими палатами,
 В прекрасных комнатах“.
 Принесли огненную кружку,
 Кружку со смолой поднесли,
 В кружке кипящая смола,
 55 Ящерицы и черви.
 „Пей из нее, большой хозяин,
 Ты уже взял все лучшее,
 Пока был хозяином,
 Когда был повелителем.
 60 Ты уже попил пива
 Из прекрасных кувшинов,
 На почетном месте за столом“.

„Minkätähen tämä miulla?“
„Šentähen tämä siulla,
65 Pahoin maksoit orjan palkan,
Pahoin palkan, veärin vaivat,
Lyhysillä kyynärillä,
Šaralla hapannehella,
Pienimmillä kappasilla,
70 Ruumenisilla jyvillä“.
Kävelöy isännän sielu,
Kävelöy kivikatua,
Kivitietä kölläjääpi,
Pitkä arššina käjessä,
75 Verkapakka kainalošša.
„Ota, ota, orjaseni,
Verkoja šaran sijašta,
Kymmeniä kyynäröitä
Yhen kyynärän tilašta!
80 Ota — ota, orjani,
Vehniä rukehista,
Karpia kapan tilasta,
Ota, ota, orjaseni,
Kačo paraš karjastani!“
85 „En ota, isäntä raukka,
Mahoit silloin palkan makšoa,
Kun mie olin orjanasi,
Kun mie riheššä rimasin,
Alla paršien pamasin,
90 Olin olkihuonehešša.
Luulit rukihen ripsavakše,
Kun miun ripsai rintaluuni.
Luulit orren ohkavakše,
Kun miun ohki olkapeäni.
95 Luulit parren paukkavakše,
Kun miun paukkoi pallijani.
Nuopa annoit roattavakše:
Rannašta ravein karttu,
Šaunašta juoksein loukku,
100 Riihestä rivein riusa,
Šuurin taikko tanhuošta.
Nuopa annoit šyötäväkše:
Luut lihoista, peät kaloista,
Kuoret leivistä kovista,
105 Čiitolet sijan lihoista.

„За что мне все это?“
„За то тебе это,
65 Плохо платил рабу,
Обсчитывал за тяжелый труд,
Отмерял короткою мерою
Гнилую ткань,
Мерял малою мерою
70 Зерно с мякиной“.
Ходит душа хозяина,
Бродит по каменным улицам,
По каменной дороге носится,
Длинный аршин в руке,
75 Подмышкой тюк сукна.
„Возьми, возьми, мой раб,
Этого сукна вместо дерюги,
Десять мер возьми,
Вместо одной меры!
80 Возьми, возьми, мой раб,
Пшеницу вместо половы,
Вместо меры целый короб.
Возьми, возьми себе, мой раб,
Лучшую скотину из моего стада!“
85 „Не возьму, несчастный хозяин,
Вспомни, как ты платил,
Когда я был твоим рабом,
Когда я молотил на гумне,
Под навесом бил цепом,
90 В сарае, где была солома.
Ты думал, что жито молотят,
Когда хрипела моя грудь.
Считал, что жерди стонут,
Когда стонали мои плечи.
95 Думал, что бревна трескаются,
Когда свистели мои легкие.
Вот как я на тебя работал:
С берега бегом тащи корыто,
Из бани бегом носи мялку,
100 Из риги живо носи солоду,
Длинные вилы убирай с конюшни.
А вот, что ты давал мне кушать:
Кости без мяса, рыбы головы,
Черствого хлеба корку,
105 Остатки свиного жира“.

52. АННИ ОТВЕРГАЕТ ЖЕНИХА

- Osmotar orošta huusi,
Kalevani kaskesmoasta:
„Kašva neiti miussa mielin,
Elä muušša nuorisošša.
5 Kašva kaijoissa šomissa,
Veny verkavoattechissa.
Kašva leivän kannikalla,
Veny vehnä vtiplosilla!“
Anni tytti, ainut neiti,
10 Käypi itkien pihalla,
Kannatellen kartanolla.
Toattoh on veräjän šuulla
Kirvesvartta vuolomašša.
„Anni tytti, ainut neiti,
- 15 Mit' olet pahalla mielin,
Kuta kallella kypärin?“
„Kirpoi risti rinnaltani,
Sinilankat silmiltäni,
Kultalankat kulmiltani,
20 Hopijaiset vyöni peästä“.
„Anni tytti, ainut neiti,
El' ole pahalla mielin,
Kolm' on aittova mäjellä,
Män' avoa paraš aitta.
25 Siel' on arkku arkun peällä,
Lipaš lippahan lomašša.
Vyötiččete, voatiččete,
Šuoriele šovih šomih,
Parahih voattiehih!“
30 Anni tytti, ainut neiti,
Käypi itkien pihalla,
Kannatellen kartanoja.
Moamoh on vajojen peäššä,
Kesävoita šuoloave.
35 „Anni tytti, ainut neiti,
Mit' olet pahalla mielin?
Mit' olet pahalla mielin,
Kuta kallella kypärin?“
„Kirpoi risti rinnaltani,
40 Sinilankat silmiltäni,
Kultalankat kulmiltani,
- Осмотар кричал из чаши,
Калевайни с подсеки:
„Вырастай, девушка, для меня,
Но не для прочей молодежи.
5 Расты в узких одеждах,
Вырастай в суконных платьях.
Расты на кусках хлеба,
Вырастай на пшеничных ломтях!“
Анни-девушка, единственная дочь,
10 Идет плакать на улицу,
Идет сетовать к усадьбе.
Отец был около ворот,
Он тесал топорище.
„Анни-девушка, дочь моя единствен-
ная,
- 15 Что ты печалишься,
Почему голову склонила?“
„Упал крестик с моей груди,
Синие нити с моих очей,
Золотые нити с моих бровей,
20 Серебряный пояс с поясницы“.
„Анни-девушка, дочь единственная,
Ты напрасно не печалься,
Три клетушки на горушке,
Иди раскрой лучшую клеть.
25 Там сундук на сундуке,
Короб лежит на коробе.
Наряжайся, одевайся
В красивые одежды,
В лучшие платья!“
30 Анни-девушка, дочь единственная,
Идет плакать на улицу,
Идет сетовать на усадьбу.
Мать находилась около навеса,
Готовила летнее масло.
35 „Анни-девушка, дочь единственная,
Что же ты печалишься,
О чем печалишься,
Что ты голову склонила?“
„Упал крестик с моей груди,
40 Синие нити с моих очей,
Золотые нити с моих бровей,

Hopijaiset vyöni peästä".
 „El' ole pahalla mielin:
 Kolm' on aittova mäjellä,
 45 Män' avoa paraš aitta.
 Siel' on arkku arkun peällä,
 Lipaš lippahan lomašša.
 Vyötiččete, voatiččete,
 Šuoriele hyvih šomihe!“
 50 Anni tyttö, ainut neiti,
 Käypi itkien pihašša,
 Kannatellen kartanolla.
 Velleh on veräjän šuulla,
 Keihäsvartta vuolomašša.
 55 „Anni čikko, ainut čikko,
 Mit' olet pahalla mielin?“
 „Kirpoi risti rinnaltani,
 Sinilankat silmiltäni,
 Kultalankat kulmiltani,
 60 Hopijaiset vyöni peästä".
 „El' ole pahalla mielin,
 Kolm' on aittova mäjellä,
 Män' avoa parasi aitta,
 Siel' on arkku arkun peällä,
 65 Lipaš lippahan lomašša.
 Vyötiččete, voatiččete,
 Šuoriele hyvih šomih,
 Parahih voatteh!“
 Anni tytti, ainut neiti,
 70 Käypi itkien pihalla,
 Kannatellen kartanova.
 Ammöh on veräjän šuulla,
 Kesrövarrtah kiertelöve.
 „Mit' olet pahalla mielin,
 75 Kuta kallella kypärin?“
 „Sit' olen pahalla mielin,
 Kun Ošmotar orošta huusi.
 Kalevani kaskesmoašta:
 «Kasva neiti miussa mielin,
 80 Elä muušša nuorisošša!»
 „Ei ole ilma ikkunašša,
 Eik' ole vesi kattilašša,
 Eik' ole šulhaset Ošmolašša,
 Viel' on poika muuvallaki,
 85 Toki toisešša talošša!“

Серебряный пояс с поясницы".
 „Ты напрасно не печалься:
 Три клетушки на горушке,
 45 Иди, раскрой лучшую клеть.
 Там сундук на сундуке,
 Короб лежит на коробе.
 Наряжайся, одевайся
 В лучшие платья!“
 50 Анни-девушка, дочь единственная,
 Идет плакать на улицу,
 Идет сетовать на усадьбу.
 Брат находился около ворот,
 Копье он для себя тесал.
 55 „Анни, сестра моя единственная,
 О чем ты печалишься?“
 „Упал крестик с моей груди,
 Синие нити с моих очей,
 Золотые нити с моих бровей,
 60 Серебряный пояс с поясницы".
 „Ты напрасно не печалься,
 Три клетушки на горушке,
 Иди раскрой лучшую клеть.
 Там сундук на сундуке,
 65 Короб лежит на коробе.
 Наряжайся, одевайся
 В красивые одежды,
 В лучшие платья".
 Анни-девушка, дочь единственная,
 70 Идет плакать на улицу,
 Идет сетовать на усадьбу,
 Бабушка была около ворот,
 Она пряла пряжу.
 „О чем ты печалишься,
 75 Что ты голову склонила?“
 „О том я печалюсь,
 Что Осмотар кричал из чащи,
 Калевайни с подсеки:
 «Вырастай, девушка, для меня,
 80 А не для прочей молодежи!»
 Ведь ненастье еще не перед окном,
 Ведь вода еще не в котле,
 Ведь у меня нет женихов в Осмоле,
 Есть у меня жених в другом месте,
 85 В совсем другом доме!“

53. ПОИСКИ ГУСЯ

Aššuin mie ylistä tietä,
 Sikasen silittämöä,
 Poršahaisen polkemoa,
 Lampahaisen latottamo.
 5 Tulipa ojani vastah,
 Ojasella on mättähäini,
 Mättähäisellä kotani.
 Kolkkasin kovin ovia,
 Rämähytin räyssäpuuta.
 10 Impi itkien tulou.
 „Mitä itket, impiraukka?“
 „Velleni on šotah viety
 Ison polven korkuena,
 Emon värttinän pituona.
 15 Mitä miulla veijo tuopi,
 Kun heän tulovi šovašta?
 Tuopi rissin rinnallani,
 Šinilangat šilmillani,
 Kultalangat kulmillani,
 20 Hopijaiset vyöni päihe.
 Vielä tuopi veijo hanhuen.
 Kunne panen hanhuoni,
 Veijon tuoman vierahani?
 Panisin villa vakkahani,
 25 Jokohan villaset vanuttau.
 Panisin lievän lakkasehen
 Lämpyehen läkästymähän.
 Panisin pirtin räyštähällä,
 Joko kuu kumottanou,
 30 Eli päivä paistanou!
 Työntäsin läpi rukehen,
 Rukehešta lyötäheh,
 Tuuvošta toruttaneh.
 Miepä työnnän hanhuoni
 35 Vičikolla, varvikolla,
 Josta en kuule kuuna peänä,
 Enkä niä sinä ikinä“.

Шел я по верхней дороге,
 Свиньями проложенной,
 Поросятами вытопанной,
 Овцами протоптанной.
 5 Вижу, ручеек на пути,
 На ручейке бугорок,
 На бугорке домик.
 Крепко постучал в двери,
 Ударил по крыше.
 10 С плачем выходит девушка.
 „Что ты плачешь, милая девуш-
 ка?“
 „Брата отправили на войну:
 Вышиной с колено отца,
 Вышиной с веретено матери,
 15 Что мне братец принесет,
 Когда вернется с войны?
 Принесет крест на грудь,
 Синие ленты к глазам,
 Золотые нити к бровям,
 20 Серебро к концам пояса.
 Еще принесет он мне гуся.
 Куда положу гуся,
 Моего гостя, подарок брата?
 Положила бы в лукошко с шерстью,
 25 Да боюсь, свалает он шерсть.
 Положила бы слабого на чердак,
 Да там он в жаре задохнется.
 Положила бы на крышу избы,
 Да боюсь ослепит его месяц
 30 Или припечет солнце!
 Отправила бы его в рожь,
 Да боюсь во ржи его прибьют,
 В яровом хлебе обругают.
 Спрятала я своего гуся
 35 В кустарник, прутняк,
 Оттуда не услышу его целый месяц,
 А может быть, и весь век“.

54. ПОРТНОЙ КЕТТУ

- Venöähellä veikko šynty,
 Lapši käšvo Karjalašša,
 Kašvo vuotta kakšitoista,
 Alla varjon vanhempanša.
 5 „Šoatanpa Savošša käyvä,
 Käyvä rahti Paltamošša.
 Enšin peätäni elätin,
 Lapši mieššä laulamalla“.
 Paltamon parahat ämmöt
 10 Keitti liemen liukkahašta,
 Keviäštä keitto ruuvan.
 Loati virren laulannašta,
 Palkašta parahan laulun.
 „Tulin mieš mitä parempi,
 15 Puhkeši punaverini,
 Šormilta šoria poika,
 Varšin nopša vartalolta.
 Tulin pikkuisen pilalla,
 Noita kakši kakran peätä:
 20 Toini on tuohilla tukittu,
 Paperilla paikkaeltu;
 Tuohet keänty käппырällä,
 Paperit pahoin mänivät.
 Otin mielen miehen peäštä,
 25 Šoatoin miehen mieron tiellä
 Kuukše päiväкše kululla,
 Kešän kellošša ашуине,
 Putahalla puolen vuotta.
 Šieltä kieršin Kiiminkillä
 30 Vetäyvyyin Vešan kylällä,
 Lautamiehen lattialla“.
 Lautamieš puhuu lakitta,
 Puhuu peäštä pallahašta:
 „Mištä olet kotoišin vieraš,
 35 Koška olet kovin koria,
 Vieraš vikkелән näкöni?“
 Petteri pian šanovi,
 Rohepoika rohkiašta,
 Rohesuulla rohkialla:
 40 „Kaukoata on kotoišin vieraš,

- На Руси братец родился,
 Рос ребенок в Карелии,
 Рос до двенадцати лет,
 Старшие о нем заботились.
 5 „Пришлось мне итти в Саволаксу,
 Сходить на пристань Палтамо.
 Вначале я себя кормил —
 Себя, мальчишку, песнями“.
 Лучшие хозяйки из Палтамо
 10 Варили уху проворно,
 Варили легкую пищу.
 Сложил он руну с напевом,
 В благодарность им лучшую песню.
 „Из меня вышел самый лучший муж-
 чина,
 15 Цветущий, румяный,
 До пальцев красивый парень,
 Станом очень гибкий, проворный.
 Испортили меня немного
 Две бабы овсяные головы:
 20 Одна берестой заткнутая,
 Другая бумагой заплатанная;
 Бересту скоробило,
 Бумага истрепалась.
 Поумнел я тогда своей мужской голо-
 вой,
 25 Пустился бродить по миру —
 На месяц времени отправился,
 Прожил лето среди полей,
 В странствии полгода.
 Вернулся оттуда в Кийминки,
 30 Забрел в деревню Веса,
 К судье во двор“.
 Говорит судья без шапки,
 Говорит с непокрытой головой:
 „Откуда ты родом, гость,
 35 Такой красивый,
 На вид шустрый, гость?“
 Петри быстро говорит,
 Парень храбрый отвечает
 Смелой речью без страха:
 40 „Издадека родом гость,

- Šyntynyt rajan takoa,
 Pitäjästä Vuokkiniemen,
 Čenan kylästä kotoisin,
 Kettusien šukuperältä“.
- 45 „Luulin Oulusta olevan,
 Kaupunkista kauppamiehen.
 Mi on virka vierahalla?“
 Petteri pijan šanovi:
 „Olen ollut ompelija,
 50 Taitaja takin tekijä,
 Varšin šievä valmištaja,
 Leikkoon šeljät lyhyet,
 Viilen kōrtit pitkänlaiset,
 Noštan kairat kainaloihin,
 55 Verat verkojen nenähän“.
 Kannettih hyö kankašpakka,
 Kahen henken kannalmolla.
 „Šieppašin šakšeni šamašša,
 Kettuni keriččemenšä,
 60 Leikkain kankahan kahekše,
 Viilin viijekše palakše.
 Neuloin viikon toišta puolta,
 Pyhän tullesša pikemmin,
 Išon juhlan joutuešša“.
- 65 Pane parahat voattiet,
 Liijat on kirjat kintahissa,
 Varariikut vanttuhissa,
 Šulkkušet šukanšitimet,
 Hopijaišet houšunnapit,
 70 Vyölläon valkia kaluna,
 Neuloilla on nenäštä kiinni.
 Šata on roakšie šoappahissa,
 Kettu on kelpo voattehissa,
 Verašša Venöähen poika.
- 75 Tuota kaikki kaččelouve
 Ihmišet imehtelöy,
 Tuota šuurta šukkeluutta,
 Kepevyttä Kettu-pojan.
 Naišet kaččeli nakrošuulla,
 80 Miehet mielellä hyvällä,
 Tyttäret tykōnšä toivo
 Tuota mieštä mielehištä.
 Kettu kirkolla mänöy,
 Yli muitten ylpiaštä,

- Родился он за рубежом,
 На погосте Вокनावолок,
 Родом из деревни Чена,
 Из рода Кеттунена“.
- 45 „Я думал, что ты из Оулу,
 Купец из города.
 Какое мастерство знает гость?“
 Петри быстро отвечает:
 „Был я когда-то портным,
 50 Умело шил пиджаки,
 Красиво их изготовлял.
 Вырезал короткие спинки,
 Кроил длинные рубахи,
 В подмышки вставлял вставки,
 55 Клин к клину подводил концами“.
 Принесли они тюк ткани,
 Его двое несли с трудом.
 „Схватил я вмиг ножницы,
 Которыми стригли Кеттунены,
 60 Разрезал ткань надвое,
 Раскроил на пять кусков.
 Долго шил другую половину,
 Стал торопиться к празднику,
 Чтобы к большому празднику успеть“.
- 65 Вышла хорошая одежда,
 Рукавицы очень узорчатые,
 Похожие на разноцветную птицу;
 Повязки для чулок шелковые,
 Пуговицы к штанам серебряные,
 70 На поясу белая бляха,
 Концы пояса булавами застегнуты,
 Сапоги в сто наборок.
 Кетту в хорошей одежде,
 В сукне русский парень.
- 75 Все его осматривают,
 Дивятся люди
 Его проворству,
 Умению сына Кеттунена.
 Женщины глядели с улыбкой,
 80 Мужчины с приятным добродушием,
 Девушки желали быть рядом
 С этим приятным парнем.
 Кетту идет в кирку,
 На других свысока поглядывает,

85 Rohepoika rohkiašta,
 Kirkon penkillä perähän.
 Šiitä pappi paljo hoasto,
 Paljo taiši tarvita
 Varotušta vanhapoika,
 90 Mieš outo ojentamista.
 Kettu kirkolta palaši
 Aštuešša alavesalla,
 Lautamiehen lattialla.
 „Onkohan talošša täššä,
 95 Onko oivoja tyttäriä?
 Poiš lähen talošta täštä,
 Košha on tyttäret tyhjävät,
 Ei kun pilkkana pitävät,
 Ei kačo kalukše mieštä,
 100 Venäläistä ei vertaištanša.
 Viel' on tyttö muuallakin,
 Toki toišešša talošša“.
 Tallašin taluo kohti,
 Kohti Kilpošen kotia.
 105 Kakši oli pirttiä pihalla,
 Kakši tietä kartanolla.
 Mänin toišehen tupahan,
 Rohepoika rohkiašta,
 Pöyhkiäštä pöyvän peähä.
 110 „Onkohan talošša täššä,
 Onko oivoa ompelušta?“
 Šiitä vanhin vaštoapi:
 „Kyllä on talošša täššä,
 Kyllä on oivat ompelukšet“.
 115 Tyttärillä on enšin työtä
 Tehä takki taitavašta,
 Vihkivoate varšin viini.
 Jahka mä värkkinän vähennän,
 Ritämäni poiješ riišun,
 120 Käšken Marjani matalan
 Korjata koko ritämän,
 Panna arkun arttijoikše“.
 Mari kaččo karšinašta,
 Kaččo šilmällä kahella,
 125 Niin kuin heinän helphehellä.

85 Храбрый парень смело садится
 В кирке на заднюю скамейку.
 Там поп много говорил,
 Много ему надо было сказать,
 Предостеречь старого холостяка,
 90 Мужчину чужого исправить.
 Кетту вышел из кирки,
 Идет на нижнюю Весу,
 К судье во двор.
 „Есть ли в этом доме
 95 Прекрасные девушки?
 Уйду из этого дома,
 Потому что девушки здесь недоростки
 Любят только посмеяться,
 Не видят порядочного мужчину,
 100 Русского, им равного.
 Есть еще девушка на свете,
 Только в другом доме“.
 Пошел я к другому дому,
 Прямо к дому Килпонена.
 105 Во дворе были две избы,
 Две дороги вели в именье.
 Вошел во вторую избу
 Храбрый парень смело,
 Важно сел за стол.
 110 „Есть ли в этом доме
 Хорошее шитье для портного?“
 Отвечает тут старший:
 „Есть в этом доме,
 Есть хорошее шитье,
 115 Первое дело дочкам нужно
 Сшить искусно одежду,
 Хороший свадебный убор.
 Как только я освобожу веретено,
 Смотаю с него пряжу,
 120 Велю я маленькой Мари
 Убрать всю пряжу,
 Положить ее в сундук“.
 Мари смотрела из подполья,
 Смотрела обоими глазами,
 125 Глазами, как листочки травы.

А. М. Реттиева

55. РАБ ИЗ КРАЯ ВИРО

Oli ennen Virošša orja,
 Pajarissa karjan paimen.
 Pahoin palkka maksetti,
 Pahoin palkka, veärin vaiva.
 5 Lupa orjan annettihi,
 Lupa orjan, valta vankin,
 Luošša jouluna kotihi,
 Peä pyhänä peäššäkseh.
 Juoksi, juoksi orja-rukka
 10 Šuin šulahan, päin šulahan,
 Koprin ilmahan kovahan;
 Šiihe kuoli orja-rukka.
 Tuli kolme Tuonen neittä,
 Ne kovottih kuollehia,
 15 Löyvettih hyö orjan šielu,
 Talutettih taivahah.
 Tuotihi utuini tuoli,
 Kultatuoli kannettihi.
 „Issu tuošša, orja-rukka,
 20 Jo olet istun pahemmaššakin,
 Orjuvešša olleššaš,
 Käškyläisenä käyveššäš!“
 Kulu aikoa vähäni,
 Kuolipa iso isäntä.
 25 Tuli kolme Tuonen neittä,
 Ne kovottih kuollehia,
 Löyvettih isännän šielu,
 Talutettih helvettihi,
 Tuotihi tulini tuoli,
 30 Tervatuoli kannettihi.
 „Issu tuošša, isäntä-rukka,
 Jo olet islun paremmaššaki,
 Isäntänä olleššaš,
 Käskijänä käyveššäš!“

Был когда-то в Виро раб,
 У боярина пастух.
 Плохо ему платили,
 Обсчитывали за тяжелый труд.
 5 Разрешили рабу,
 Разрешение дали, позволили узнику
 Сбежать домой в Рождество,
 Успеть к великому празднику.
 Бежал, бежал бедняга раб,
 10 Бежал, разинув рот,
 С голыми руками в сильный мороз;
 Умер тут бедняга раб.
 Подошли три девицы Туони,
 Уводили они души умерших,
 15 Нашли они душу раба;
 Проводили ее на небо,
 Принесли облачный стул,
 Золотой стул принесли.
 „Сиди здесь, бедняга раб,
 20 Ты уже сидел на худшем,
 Когда был рабом,
 Когда ходил в работниках!“
 Прошло немного времени,
 Умер и большой хозяин.
 25 Пришли три девицы Туони,
 Уводили они души умерших,
 Нашли они душу хозяина,
 Проводили ее в ад,
 Принесли огненный стул,
 30 Смоляной стул принесли.
 „Сиди здесь, горе-хозяин,
 Ты уж насиделся на хорошем месте,
 Когда был хозяином,
 Когда был повелителем!“

56. ВЫКУП ДЕВУШКИ

Neitoni neitoni,
 Nellikymmen vuotini,
 Itköy ta huokuu

Девушка-девушка
 Сорокалетняя
 Плачет-надрывается,

Pitin meren rantoa
 5 Venäläisen veneheššä,
 Karjalaisen karpasušša.
 Kaččou ylöš, kaččou aleš,
 Ylähänä päivä paistau,
 Alahana veneh šoutau.
 10 „Kenen veneh šoutau?“
 „Toattoni veneh šoutau!“
 „Oi joi joi milma, toattoseni,
 Lunašša šie milma poikeš!“
 „Millä mie šiun lunaššan?“
 15 „Olihan šiulla ennen
 Kolme korieta hevoista,
 Pane paraš panttih!“
 „Ennen luovun tyttäreštäni,
 Kun parahašta heposeštani!“
 20 Neitoni neitoni,
 Nelikymmen vuotini,
 Itköy ta huokuu
 Pitin meren rantoa
 Venäläisen veneheššä,
 25 Karjalaisen karpasušša.
 Kaččou ylöš, kaččou aleš,
 Ylähänä päivä paistau,
 Alahana veneh šoutau.
 „Kenen veneh šoutau?“
 30 „Moamoni veneh šoutau!“
 „Oi joi joi, moamoseni,
 Lunašša šie milma poikeš!“
 „Millä mie šiun lunaššan?“
 „Olihan šiulla ennen
 35 Kolme korieta lehmeä,
 Pane paraš panttih!“
 „Ennen luovun tyttäreštäni,
 Ennen kuin parahašta lehmäštä!“
 Neitoni neitoni,
 40 Nellikymmen vuotini,
 Itköy ta huokuu
 Pitin meren rantoa
 Venäläisen veneheššä,
 Karjalaisen karpasušša.
 45 Kaččou ylöš, kaččou aleš,
 Ylähänä päivä paistau,
 Alahana veneh šoutau.

Едучи вдоль морского берега
 5 В лодке русского,
 В карбасе карела.
 Смотрит вверх, смотрит вниз,
 Наверху солнце печет,
 Внизу лодка плывет.
 10 „Чья это лодка плывет?“
 „Лодка моего отца плывет!“
 „Ой-ёй-ёй, мой отец,
 Выкупи ты меня отсюда!“
 „Чем же я тебя выкуплю?“
 15 „Было у тебя раньше
 Три прекрасных коня,
 Заложил лучшего из них!“
 „Скорее я откажусь от своей дочери,
 Чем от лучшей своей лошади!“
 20 Девушка-девушка
 Сорокалетняя
 Плачет-надрыгается,
 Едучи вдоль морского берега
 В лодке русского,
 25 В карбасе карела.
 Смотрит вверх, смотрит вниз,
 Наверху солнце печет,
 Внизу лодка плывет.
 „Чья это лодка плывет?“
 30 „Лодка моей матери плывет!“
 „Ой-ёй-ёй, моя матушка,
 Выкупи меня отсюда!“
 „Чем я тебя выкуплю?“
 „Было у тебя раньше
 35 Три хороших коровы,
 Заложил лучшую из них!“
 „Скорее я откажусь от своей дочери,
 Чем от лучшей своей коровы!“
 Девушка-девушка
 40 Сорокалетняя
 Плачет-надрыгается,
 Едучи вдоль морского берега
 В лодке русского,
 В карбасе карела.
 45 Смотрит вверх, смотрит вниз,
 Наверху солнце печет,
 Внизу лодка плывет.

- „Kenen veneh šoutau?“
 „Veikkoni veneh šoutau“.
 50 „Oi joi joi, veikkoseni,
 Lunašša šie milma poikeš!“
 „Millä mie šiun lunaššan?“
 „Olihan šiulla ennen
 Kolme korieta pyššyö
 55 Pane paraš panttih!“
 „Ennen luovun sisäreštäni,
 Ennen kun parahašta pyššyštäni!“
 Neitoni neitoni,
 Nellikymmen vuotini
 60 Itköy ta huokuu
 Pitin meren rantoa
 Venäläisen veneheššä
 Karjalaisen karpasuššä.
 Kaččou ylöš, kaččou aleš,
 65 Ylähänä päivä paistau,
 Alahana veneh šoutau.
 „Kenen veneh šoutau?“
 „Čikkoni veneh šoutau!“
 „Oi joi joi, čikkoseni,
 70 Lunašša milma poikeš!“
 „Millä mie šiun lunaššan?“
 „Olihan šiulla ennen
 Kolme korieta niekloa,
 Pane paraš panttih!“
 75 „Ennen luovun sisäreštä,
 Ennen kun parahašta nieklašta!“
 Neitoni neitoni,
 Nellikymmen vuotini,
 Itköy ta huokuu,
 80 Pitin meren rantoa
 Venäläisen veneheššä,
 Karjalaisen karpasuššä.
 Kaččou ylöš, kaččou aleš,
 Ylähänä päivä paistau,
 85 Alahana veneh šoutau.
 „Kenen veneh šoutau?“
 „Šulhasen veneh šoutau!“
 „Oi joi joi, tiettoseni,
 Lunašša šie milma poikeš!“
 90 „Millä mie šiun lunaššan?“
 „Olihan šiulla ennen

- „Чья это лодка плывет?“
 „Лодка моего брата плывет!“
 50 „Ой-ёй-ёй, мой братец,
 Выкупи меня отсюда!“
 „Чем я тебя выкупаю?“
 „Ведь было же у тебя раньше
 Три прекрасных ружья,
 55 Заложи лучшее из них!“
 „Скорее я откажусь от своей сестры,
 Чем от лучшего своего ружья!“
 Девушка-девушка
 Сорокалетняя
 60 Плачет-надрыгается,
 Едучи вдоль морского берега
 В лодке русского,
 В карбасе карела.
 Смотрит вверх, смотрит вниз,
 65 Наверху солнце печет,
 Внизу лодка плывет.
 „Чья это лодка плывет?“
 „Лодка моей сестрицы плывет!“
 „Ой-ёй-ёй, моя сестрица,
 70 Выкупи меня отсюда!“
 „Чем я тебя выкупаю?“
 „Было у тебя раньше
 Три прекрасных иглы,
 Заложи лучшую из них!“
 75 „Скорее я откажусь от сестры,
 Чем от лучшей своей иглы!“
 Девушка-девушка
 Сорокалетняя
 Плачет-надрыгается,
 80 Едучи вдоль морского берега
 В лодке русского,
 В карбасе карела.
 Смотрит вверх, смотрит вниз,
 Наверху солнце печет,
 85 Внизу лодка плывет.
 „Чья это лодка плывет?“
 „Лодка жениха плывет!“
 „Ой-ёй-ёй, мой милый,
 Выкупи меня отсюда!“
 90 „Чем я тебя выкупаю?“
 „Было у тебя раньше

Kolme korieta laivoa,
 Pane paraš panttih!“
 „Ennen luovun laivaštani,
 95 Kuin parahašta tietoštani!“
 Neitoni neitoni šanou:
 „Toattoni heposet hävikkäh
 Parahan kyntöaikana,
 Moamoni lehmät kuivakkah
 100 Parahana lypšyaikana,
 Velleni pyššyt ruoštukkah
 Parahana ammunta-aikana,
 Čikkoni nieklat katekkah
 Parahana ompeluaikana,
 105 Tiettoni laivat šeilakkah
 Parahana šota-aikana!“

Три прекрасных корабля,
 Заложи лучший из них!“
 „Скорее я откажусь от корабля,
 95 Чем от лучшей своей милой!“
 Девушка-девушка говорит:
 „Пусть у отца лошади пропадут
 В лучшее время пахоты,
 Пусть у матери коровы молока не дают
 100 В лучшее для доения время,
 Пусть у брата ружья поржавеют
 В лучшее время охоты,
 Пусть у сестры иглы поломаются
 В лучшее время шитья,
 105 Пусть корабли у милого плавают
 В лучшее время войны!“

Т. А Перттунен

57. ВЯЙНЯМЕЙНИ И ДЕВА-ЛОСОСЬ

Vaka vanha Väinämöini
 Läksi hevosen ajuh,
 Kuulokorvan kuuntelu.
 Aštu päivän, aštu toisen,
 5 Jopa päivän kolmannenki,
 Kuuloupa purren itköväkše,
 Venehen valittavakse.
 Niin še vanha Väinämöini
 Aštuupa rannalla meren,
 10 Kyšyypä venolä silä:
 „Mitä itet, purši uusi,
 Veneh hankala halajat?“
 „Enpä itkis puisuttani,
 Enkä hankahuttani halaja,
 15 Iten oman onneni kovutta:
 Kuin muut kaikki pahemmat purret
 Kolmičči tänä kešänä
 On käyty Šuomešša šotija,
 On tuotu täyteššä eloja,
 20 Mie olen yksi, purši uusi,
 Tähä lahon laššuillani,
 Vetyn veššokšuisillani!“
 Šiitä vanha Väinämöini

Степенный старый Вяйнямейни
 Отправился искать лошадь,
 Слушать чутким ухом.
 Идет день, идет другой,
 5 Уже на третий день
 Слышит — парус плачет,
 Лодка стонет.
 Старый Вяйнямейни
 Идет на берег моря,
 10 Спрашивает у той лодки:
 „Что ты плачешь, новый парус,
 Чего, лодка с уключинами, хочешь?“
 „Я не потому плачу, что я из дерева,
 И не потому, что я гребная,
 15 Оплакиваю я свою горькую судьбу:
 Все другие, худшие парусники,
 Трижды в это лето
 Ходили на войну в Суоми,
 Привозили много добра,
 20 А я один, новый парусник,
 Здесь гнию на своих щепках,
 Мокну на своих стружках!“
 Тогда старый Вяйнямейни

- Taitto vaššan vaškilaijan,
 25 Pyhki purren puhtahakše,
 Venehen valittamattomakše,
 Työnsipä venon vesillä,
 Kaksilaijan lainnehilla.
 Pani nuoret šoutamaha,
 30 Nuoret šouti, aivot notku;
 Vanhat šouti, peät vapisi.
 Panipa uistimen jälkehen,
 Šouvettihi uistinta.
 Loimahti lohi mereštä,
 35 Kala kirjo kimmertihi.
 Šiitä vanha Väinämöini
 Vetipä lohen mereštä.
 Šiih ei kärši käsin ruveta
 Ilman kirjokintahitta,
 40 Eikä rautarukkasitta.
 Šano vanha Väinämöini:
 „Nyt, pojat nuoret myö,
 Tulipa meillä kala šuuri
 Murkinaisikše muruikše,
 45 Oamusikše atrihoikše!“
 Šilloin loimahti lohi merehe,
 Kala kirjo kimmeltihe
 Vihurilla viijennellä,
 Oallolla yheksännellä,
 50 Šiellä peätänšä kohotti:
 „Voipa hullu mielinesi,
 Typeräini peäsi kautti,
 Enhän mie tullutkan šiulla
 Murkinaisikše muruikše,
 55 Oamusikše atrihoikše.
 Vainhan mie tuln šiula
 Ikusekše hoitajakše,
 Jalkoješi jakšajakše,
 Panijakše peänalasen“.
 60 Šiitä vanha Väinämöini
 Alla päin, pahalla mielin,
 Šoutau šepön Ilmorin pajah:
 „Kuule nyt, šepo Ilmorini,
 Tavo miula haravaini,
 65 Lapa tavo šatova šyltä,
 Varši kahta kalkuttele.
 Šiitä ois puoliss’ puuttunut
- Наломал веник из медных веток,
 25 Вычистил лодку начисто,
 Чтобы больше она не стонала,
 Стокнул лодку на воду,
 Двухбортную на волны.
 Посадил молодых грести,
 30 Молодые гребли, весла гнулись;
 Старые гребли, их головы тряслись.
 Позади пустили рыбацкую дорожку,
 Гребли, ехали с дорожкой.
 Всплеснулся лосось на море,
 35 Пестрая рыба встрепелулась.
 Тогда старый Вяйнямйёни
 Вытащил лосося из моря,
 До него нельзя дотронуться руками
 Без расшитых рукавиц,
 40 Без железных рукавиц.
 Говорит старый Вяйнямйёни:
 „Теперь мы — молодцы-ребята,
 Досталась нам большая рыба,
 Полакомимся за обедом,
 45 За утренним завтраком!“
 Выскользнул тут лосось в море,
 Рыба пестрая, сверкая,
 На пятый водоворот,
 На девятую волну,
 50 Подняла оттуда голову:
 „Ах ты, безумный дурак,
 Совершенно бестолковый,
 Ведь я пришла к тебе
 Не для лакомства на обед,
 55 Не для утренних завтраков.
 Ведь я пришла к тебе,
 Чтобы навеки быть твоей,
 Разувать твои ноги,
 Подкладывать под голову подушечку“.
 60 Тогда старый Вяйнямйёни
 Опустил голову, опечалился,
 Едет в кузницу кузнеца Ильморинена:
 „Слушай, кузнец Ильморинен,
 Скуй мне грабли,
 65 Колодку граблей скуй во сто сажень,
 Грабловище в два раза больше!
 Эта рыба была бы мне женой,

Т. А. ПЕРТТУНЕН.

Enpähän tietänyt tuota!“
 Niin mäni heän merehe.
 70 Šitä nyt harata pitäsi
 Mereštä šyväštä šieltä,
 Eipä löytynyn lohi mereštä,
 Kala kirjo oallon alta.

Но я этого не знал!“
 Так пошел он на море.
 70 Он хотел выгresti лосося
 Из того глубокого моря,
 Но не нашелся лосось в море,
 Рыба пестрая под волной.

58. ВЯЙНЯМЁЙНИ ОСВОБОЖДАЕТ СОЛНЦЕ

lče vanha Väinämöini
 Šoitti kauvan kanteletta.
 Šekä šoitti, että laulo,
 Että ilmanki iloičči.
 5 Šoitti kuun kumottamahan,
 Šekä päivän paistamaha.
 Louhi, Pohjolan emäntä,
 Pohjan akka, harva hammaš,
 Šiitpä heän kuun kiini šai,
 10 Päivähän kiini tavotti;
 Vei kuun kirjarintaha kivehe,
 Päivän rautakallivoho.
 Yö tuli Kalevalašša,
 Aivan pilkkosen pimiä,
 15 Šai tuvat tulettomikše,
 Pirtit valkiattomikše.
 Šiitä vanha Väinämöini
 Mänöy šepón Ilmorin pajah:
 „Kuule, šepo Ilmorini,
 20 Tavo kultani kuun kehä,
 Hopiaiini päivän terä!“
 Šiitä šepo Ilmorini
 Kulšaen kuun takovi,
 Hopiaišen päivän terän.
 25 Šiitä vanha Väinämöini
 Kuuta läksi noštamah,
 Päivövä ylentämäh.
 Heällä on hartiat hiješšä,
 Tuiki työššä työlähššä,
 30 Noštannašša vaikiašša.
 Šano vanha Väinämöini:
 „Louhi, Pohjolan emäntä,
 Još ei peäštä kuuta kumottamah,
 Eli päiveä paistamah,

Старый Вайнямёйни
 Играл долго на кантеле.
 То играл, то пел,
 То и так веселился.
 5 Он играл, чтобы месяц светил,
 Он играл, чтобы сияло солнце.
 Лоухи, хозяйка Похьолы,
 Старуха Похьолы редкозубая
 Поймала она тут месяц,
 10 Солнышко поймала,
 Спрятала месяц в пестром камне,
 Солнце — в железной скале.
 Ночь настала в Калевале,
 Совершенно черная темень,
 15 Оставила дома без огня,
 Избы без света.
 Тут старый Вайнямёйни
 Идет в кузницу Ильморинена:
 „Слушай, кузнец Ильморини,
 20 Скуй золотой круг месяца,
 Серебряный луч солнца!“
 Тут кузнец Ильморини
 Золотой месяц сковал,
 Серебряный луч солнца.
 25 Тут старый Вайнямёйни
 Пошел поднимать месяц,
 Солнышко водружать.
 У него плечи в поту
 От очень тяжелой работы,
 30 От трудного подъема.
 Говорит старый Вайнямёйни:
 „Лоухи, хозяйка Похьолы,
 Если не отпустит месяц светить
 И солнце сиять,

35 Heällä iskut annetah!
 Šiitä Pohjolan emäntä
 Peästi päivän paistamah.
 Šiitä heillä päivyt peäsi,
 Tuli päivä Kalevalah,
 40 Ihana elämä heillä.

35 Ее будут бить!
 Тогда хозяйка Похьолы
 Отпустила солнце сиять,
 Тут у них солнышко освободилось,
 Настал день в Калевале,
 40 Радостная для них жизнь.

59. ВЯЙНЯМЁЙНИ РАНИТ КОЛЕНО

Vaka vanha Väinämöini,
 Tietäjä ijän ikuini,
 Vešti vuorella venehtä,
 Kallivolla kalkutteli.
 5 Hiiši ponnešta piteli,
 Paha vartta voapahutti.
 Kirveš kilpešty kiveštä,
 Kaša koški kallivoh,
 Terä liuskahti lihah,
 10 Polvehe pojan pätöisen,
 Varpahaiseh Väinämöisen.
 Šen Lempo lihoilla liitti,
 Hiiši šuonilla kovitti,
 Peäši veri vuotomahe,
 15 Hurme huppelehtomahe.
 Heän loihti loihtomalla,
 Luki Šynnin šytä myöte,
 Luottehen lumia myöte,
 Vain ei muistan muutamia
 20 Rauvan šuuria šanoja:
 Mist' on rauta šyntynyn,
 Šyntynyn ja kašvanun.
 Panoupa virkun val'l'ahih,
 Ruskian rejen etehe;
 25 Iče reihahtih rekehe,
 Iče korjahan kohensī.
 Lyöpi virkkua vičalla,
 Helähyttäy helmispeällä.
 Virkku juoksi, matka joutu,
 30 Reki vierī, tie mureni.
 Ajova köröttelövi
 Ylimmäistä tietä myöte,
 Ylimäisehe talohe.
 Kyšyy kynnyksen takoata,

Степенный старый Вьяйнямёйни,
 Вековечный заклинатель,
 На горе тесал он лодку,
 На скале постукивал.
 5 К обуху прикоснулся Хийси;
 Бес направил топорище в камень,
 Топор отскочил от камня,
 Обух ударился в скалу,
 Острые врезалось в мясо,
 10 В колено степенного мужчины,
 В палец на ноге Вьяйнямёйнена.
 В мясо ему тот топор врезал Лемпо,
 Хийси жилы разрезал старцу,
 Кровь стала свободно течь,
 15 Вытекала красными сгустками.
 Он кровь заговорил заговором,
 Он произнес заклинания
 На снегах северо-запада.
 Только не помнил некоторые
 20 Большие слова о начале железа:
 Из чего родилось железо,
 Родилось и выросло.
 Запрягает лошадь в запряжку,
 В красные сани;
 25 Сам уселся в сани,
 Сам в санках выправился.
 Бьет лошадку прутom,
 Ударяет кнутовищем, жемчугом обшитым.
 Лошадка бежала, путь сокращался,
 30 Сани катились, дорога рассыпалась.
 Едет он, едет
 По верхней дороге,
 Подъезжает к верхнему дому.
 Останавливается у порога, спрашивает,

35 Anuu alta ikkunalta:
 „Onkohan talošša tässä
 Rauvan tiennun tietäjie,
 Veren tulvan tukkijie,
 Šalpoajie verišakian,
 40 Polvešta pojan pätöisen,
 Varpahašta Väinämöisen“.
 Ukko uunilta urisi,
 Akka laušu lattiešta.
 „Ei ole talošša tässä
 45 Rauvan tiennun tietäjie,
 Veren tulvan tukkijie,
 Šalpoajie verišakian
 Polvešta pojan pätöisen,
 Varpahašta Väinämöisen!“
 50 Ajova köröttelövi,
 Keškimäistä tietä myöte
 Keškimäisehe talohe.
 Kyšyy kynnyksen takoata,
 Anuu alta ikkunalta:
 55 „Onkohan talošša tässä
 Rauvan tiennun tietäjie,
 Veren tulvan tukkijie,
 Šalpoajie verišakian
 Polvešta pojan pätöisen,
 60 Varpahašta Väinämöisen?“
 Ukko uunilta urisi,
 Akka laušu lattiešta:
 „Ei ole talošša tässä
 Rauvan tiennun tietäjie,
 65 Veren tulvan tukkijie,
 Šalpoajie verišakian
 Polvešta pojan pätöisen,

 Varpahašta Väinämöisen!“
 Ajova köröttelövi
 70 Alimmaista tietä myöte,
 Alimmaisehe talohe.
 Kyšyy kynnyksen takoata,
 Anuu alta ikkunan:
 „Onkohan talošša tässä
 75 Rauvan tiennun tietäjie,
 Veren tulvan tukkijie,
 Šalpoajie verišakian.

35 Под окном задает вопрос:
 „Кто в этом доме знает,
 Откуда взялось железо,
 Кто может остановить кровь,
 Закрыть густую кровь,
 40 Которая течет из колена степенного мужа,
 Из пальца ноги Вяйнямёйнена?“
 Старик с печки проворчал,
 Женщина проговорила с пола:
 „Нет в этом доме
 45 Знающих, откуда взялось железо,
 Могущих остановить кровь,
 Закрыть густую кровь,
 Которая течет из колена степенного мужа
 Из пальца ноги Вяйнямёйнена!“
 50 Едет, едет он
 Средней дорогой
 К среднему дому.
 Останавливается у порога, спрашивает,
 Под окном задает вопрос:
 55 „Кто в этом доме знает,
 Откуда взялось железо,
 Кто может остановить кровь,
 Закрыть густую кровь,
 Которая течет из колена степенного мужа,
 60 Из пальца ноги Вяйнямёйнена?“
 Старик с печки проворчал,
 Женщина проговорила с пола:
 „Нет в этом доме
 Знающих, откуда взялось железо,
 65 Могущих остановить кровь,
 Закрыть густую кровь,
 Которая течет из колена степенного
 мужа,
 Из пальца ноги Вяйнямёйнена!“
 Едет, едет он
 70 Нижней дорогой
 К нижнему дому.
 Останавливается у порога, спрашивает,
 Под окном задает вопрос:
 „Кто в этом доме знает,
 75 Откуда взялось железо,
 Кто может остановить кровь,
 Закрыть густую кровь.

Eikä ole šitä noruva,
 Eikä ole vuorta korkiata,
 80 Joka ei ole tulvilla tulluh
 Polvešta pojan pätöisen,
 Varpahašta Väinämöisen!“
 Ukko uunilta urisi,
 Akka laušu lattiešta,
 85 Pieni lapsi pankon peäššä:
 „Onpahan talošša täššä
 Rauvan tiennun tietäjät,
 Veren tulvan tukkijat!“
 Šanoupa ukko šieltä:
 90 „Šälvattu on šuurimmatki,
 Jalommatki jaksattuna
 Jovet šuičči, järvet päicci,
 Lahet niemien neničči,
 Virrat niskoilta vihaiset,
 95 Kannaksen niemien neničči!“
 Niin šanovi vanha Väinämöini:
 „Iče mie tiijän rauvan šynnin
 Mist’ on rauta šyntynyt,
 Šyntynyt ja kašvanut.
 100 Etpä šilloin šuuri ollut,
 Etkä šuuri, etkä pieni,
 Etkä ollut kovan koria,
 Kunpa maitona makasit,
 Olit šuon šuuren šelällä,
 105 Tulen tunturin lähellä,
 Olit šuven aškelilla,
 Karhun kämmenien sijoilla.
 Nytpä šuurekse šukeutuit,
 Nytpä kašvoit kauhiekše,
 110 Kunpa vestit veljiesi,
 Laštusit emosi lašta
 Eikä ollut puuta purrakšeši
 Haukatakšeši hakoja!“

Нет той норы,
 Нет той высокой горы,
 80 Которая не покрылась бы кровью
 Из колена порядочного мужа,
 Из пальца ноги Вяйнямёйнена!“
 Старик с печи проворчал,
 Женщина с пола проговорила,
 85 Маленький ребенок с лежанки:
 „Есть в этом доме такие,
 Кто знает, откуда взялось железо,
 Кто может остановить кровь!“
 Говорит оттуда старик:
 90 „Останавливали еще и не такие потоки,
 Степенные старики умели останавливать
 Целые реки, целые озера,
 Заливы около мысов,
 Течение сердитых водопадов,
 95 Воды перешейков между мысами!“
 Говорит старый Вяйнямёйни:
 „Сам я знаю начало железа,
 Откуда произошло железо,
 Где родилось и где выросло.
 100 В те времена ты, железо, было
 Не большое и не маленькое,
 Не очень было ты красивое,
 Когда спало, как молоко,
 Когда лежало ты в болоте,
 105 Вблизи огня тундры,
 Было ты там, где тают следы
 На местах лап медведя.
 А теперь ты стало очень большим,
 Теперь ты выросло страшным,
 110 Когда ты рубануло своего брата,
 Ребенка земли-матери.
 Не появлялось ты раньше кусать дерево,
 Откусывать ветку хвойную!“

60. ВЯЙНЯМЁЙНИ И ИЛЬМОРИНИ СВАТАЮТСЯ В ПОХЬОЛЕ

Anni tytti, ainut neiti,
 Läksi voatteijen pešulla,
 Rāpāhijä rāimimāh
 Pitān laiturin nenāhā,

Анни-девушка, единственная дочь,
 Пошла стирать белье,
 Полоскать тряпки
 На конец длинного причала,

5 Nenähä utuisen niemen,
Peähä šoaren terhentyisen.
Iski šilmöä itähä,
Löi šilmänšä luotehella,
Kekši muştasen merellä,
10 Šinervöisen lainehilla.
Niinpä heän šanoja šoatto:
„Kun lienet lihani karja,
Niin šie lentoho levitö;
Kun lienet kalani karja,
15 Niin šie uimaha ujoissu,
Vesien peällä on vetähöš;
A kun purši Väinämöisen,
Niin perin näillä valkamoilla,

Kohin — muilla valkamoilla!“
20 Še oli purši Väinämöisen,
Perin — niillä valkamoilla,
Kohin — muilla valkamoilla.
Anni heän šanoja šoatto:
„Kunne läksit, Väinämöini,
25 Ulkenit, Umannon šulho?“
Šiitä vanha Väinämöini
Niinpä heän šanoja šoatto:
„Läksin lohta kuultomah,
Taimenta tavottamah,
30 Tuolta Tuonelan jovešta,
Manalan alantehešta“.
Anni heän šanoja šoatto:
„Toisin ennen miun isoni,
Toisin valta vanhempani,
35 Läksi lohta kuultomah,
Taimenta tavottamah,
Tuolta Tuonelan jovešta,
Manalan alantehešta:
Verkkvoja oli veneh täyši,
40 Laivan täyši laškemia,
Ašroamet alla koaren.
Šanohan tovet toteši,
Vannomattomat valaši:
Kunne läksit, Väinämöini,
45 Ulkenit, Umannon šulho?“
„Läksin jouččenei jorulla,
Pyhälinnun pyyväntäh,

5 На туманный край мыса,
На конец мглистого острова.
Посмотрела она на восток,
Посмотрела на северо-запад,
Видит — что-то чернеет на море,
10 Что-то синее на волнах.
Тогда она сказала такие слова:
„Если это стая мясистых пернатых, —
Пусть она разлетится;
Если это косяк рыб, —
15 Пусть он уплывет,
Пусть покроется водой;
А если эта лодка Вяйнямёйнена, —
Пусть обернется кормой к этому при-
чалу,

Носом к другим причалам!“
20 То был челнок Вяйнямёйнена,
Кормой стал к тому причалу,
Носом к другим причалам.
Анни сказала такие слова:
„Куда ты поехал, Вяйнямёйни,
25 Куда отправился, жених Уманто?“
Тогда старый Вяйнямёйни
В ответ сказал слова такие:
„Поехал я лососей ловить,
Тайменей добывать
30 В реке Туонелы,
В долине Маналы“.
Сказала Анни в ответ:
„Не так раньше мой отец,
Не так мой родитель-батюшка
35 Отправлялся лососей ловить,
Тайменей добывать
В реке Туонелы,
В долине Маналы:
Сетями была наполнена лодка,
40 Корабль был наполнен снастями,
Под сиденьями лодки были остроги.
Скажи мне всю правду,
Поклянись, что правду мне скажешь:
Куда ты поехал, Вяйнямёйни,
45 Куда отправился, жених Уманто?“
„Я поехал на крик лебедей,
На ловлю священной птицы,

Pitkäkaklan kaččeluh
 Tuolta Tuonelan jovešta,
 50 Manalan alantehešta!“
 Annipa šanova šoatto:
 „Toisin ennen miun isoni
 Läksi jouččenen jorulla,
 Pyhälinnun pyyväntäh,
 55 Pitkäkaklan kaččeluh:
 Oli koira kahlehisssa,
 Hyvä jouši koaren peäššä —
 Niinhän ennen miun isoni,
 Niinhän valtavanhempani,
 60 Läksi jouččeneh joruhu“.
 Annihan šanova šoatto:
 „Šanohan tovet totesi,
 Vannomattomat valasi!“
 Šanou vanha Väinämöini:
 65 „Läksin neittä kos's'omah
 Pimieštä Pohjolašta,
 Tarkašta Tapiolašta,
 Miehen šyöväštä kyläštä,
 Urohon upottajašta!“
 70 Anni koprin helmanša kokoši,
 Käsini keäri voattiehe,
 Šunna juoksi šuuret korvet,
 Oravina honkan okšat,
 Kärppinä lehot leviät.
 75 Mänöy šepo-veijon luokše:
 „Kuule, šepo-veijoseni,
 Kuin parennat pankasia,
 Košet korvarenkasia,
 Vyöliskoukkuja kohennat,
 80 Niin šanon hyvät šanomat!“
 Šepo juoššulla pajah,
 Niin parenti pankasia,
 Koški korvarenkasia,
 Vyöliskoukkuja kohenti.
 85 Mänöy juoššulla tupah:
 „Kuule, šepo-veikkoseni,
 Nyt viijäh šiun omaši,
 Vuošin kolmin kos's'ottuši,
 Šavoin markoin makšettuši,
 90 Tuhansin lunašsettuši!“
 „Kuule, Anni čikkoseni,

Смотреть поехал птицу с длинной шеей
 В реке Туонелы,
 50 В долинах Маналы!“
 Сказала Анни в ответ:
 „Не так раньше мой отец
 Отправлялся на крик лебедей,
 На ловлю священной птицы,
 55 Птицу с длинной шеей смотреть:
 Собаку имел он на цепи,
 Хороший лук был на сиденье —
 Так раньше мой отец,
 Так-то мой родитель-батюшка
 60 Устремлялся на крик лебедей“.
 Анни опять сказала:
 „Скажи мне чистую правду,
 Поклянись, что правду мне скажешь!“
 Говорит старый Вяйнямёйни:
 65 „Поехал я сватать девицу
 Из темной Похьолы,
 Из угрюмой Тапиолы,
 В деревню, где мужчин пожирают,
 Где топят героев!“
 70 Анни подобрала в горсть подол,
 Руками держит свое платье,
 Волком пробежала большие леса,
 Белкой по сучьям сосен,
 Горностаем по широким рощам.
 75 Приходит она к своему брату-кузнецу:
 „Слушай, братец мой, кузнец,
 Если ты перекуёшь мне запястье,
 Если сделаешь мне серьги,
 Починишь пряжки к поясу,
 80 Тогда скажу тебе важные вести!“
 Кузнец побежал в кузницу,
 Наладил запястье,
 Сделал серьги,
 Починил пряжки к поясу.
 85 Прибегает он обратно в избу:
 „Слушай, братец мой кузнец,
 Хотят увести твою суженую,
 К которой ты три года сватался,
 За которую сотни марок платил,
 90 Которую за тысячи выкупал!“
 „Слушай, сестрица Анни,

Lämmitä šalova šauna,
 Pian pirtti riuvuttele,
 Halkosilla hienosilla,
 95 Pienillä pilaštehilla;
 Kanna vettä, läikyttele,
 Kattilalla pienosella,
 Kahen šormen määntävällä,
 Peikalon mahuttavalla!“
 100 Lämmitti šalovan šaunan,
 Pian pirtin riuvutteli,
 Halkosilla hienosilla,
 Pienillä pilaštehilla.
 Kanto vettä, läikytteli,
 105 Kattilalla pienosella,
 Kahen šormen määntävällä,
 Peikalon mahuttavalla.
 Šiitä peiponi pešekše,
 Pulmuni puhaštelekše
 110 Tavonnoista talvisista,
 Sykyšyisistä šyšistä.
 Panou paijan palttinaisen
 Iholla alaštomalla,
 Hal'’akan šinisen peällä —
 115 Peällä paijan palttinaisen,
 Uššakan utusen vyöllä,
 Peällä hal'’akan šinisen.
 Viitiččihi, voatiččihi,
 Peäšomihi šuoriekše,
 120 Rautapantuihe paniekše,
 Teräš voihe tempuakše.
 Niinpä heän šanoja šoattau:
 „Luhtuhissa on mieš lujempi,
 Teräšvöissä tehtošampi,
 125 Rautapannoissa parempi!“
 Panou virkun val'’ahih
 Ruškien rejen eteh,
 Ičepä heän reuvahti rekeh,
 Iče korjahan kohosi;
 130 Lyöpi virkkua vičalla,
 Helähyttäy helmispeällä.
 Ajaupi köröttelöypi.
 Jo näkyypi Pohjon portti,
 Kivilinna kuumottaupi,
 135 Jopa haukkuu Pohjan halli,

Приготовь мне теплую баню,
 Скорее натопи баенку
 Мелкими дровишками,
 95 Маленькими щепками;
 Наноси воды, наливай
 Маленьким котелком,
 В который вмещается лишь два пальца,
 Заходит лишь большой палец!“
 100 Нагрела она потихоньку баню,
 Натопила скорее баенку,
 Мелкими дровишками,
 Маленькими щепками.
 Носила воду, наливала
 105 Маленьким котелком,
 В который вмещается лишь два пальца,
 Заходит лишь большой палец.
 В той бане наш зяблик умылся,
 В ней птенчик очистился
 110 От копоти кузнечной, зимней,
 От осенней сажи.
 Надевает он полотняную рубашку
 На голое тело,
 Надевает синий кафтан
 115 На полотняную рубашку,
 Кушак пушистый на поясицу
 Поверх синего кафтана.
 Собирался, снаряжался,
 В верхнюю одежду одевался,
 120 В железные доспехи облачался,
 Стальным поясом опоясывался.
 Потом он сказал такие слова:
 „В броне мужчина крепче,
 Со стальным поясом ему способнее,
 125 В железных доспехах ему лучше!“
 Запрягает жеребца
 В красные сани,
 Сам же он садится в сани,
 Сам он в саночки уселся;
 130 Ударяет жеребца прутom,
 Бьет жемчужным кнутовищем.
 Едет, понукая жеребца.
 Вот уже видны ворота Похьолы,
 Город каменный вдали виднеется,
 135 Уже лает и собака Похьолы,

Linnan lukku luškuttaupi,
 Niin šanovi Pohjan akka:
 „Mänei, renki, kaččomah
 Mitä haukkuu Halli koira,
 140 Linnanlukku luškuttaupi,
 Halli ei valehta hauku,
 Linnanlukku luškuttele,
 Eikä peni šyyttä šyyhättele!“
 Renki varšin vaštoave:
 145 „En jouva, emäntä kulta,
 Pino on šuuri pilkottava,
 Pino šuuri, halot hienot,
 Pilkkoja vähäväkini!“
 Niin šanovi Pohjan akka:
 150 „Mänei, piika, kaččomah,
 Mitä haukkuu Halli koira,
 Linnanlukku luškuttau,
 Halli ei valehta hauku,
 Peni šyyttä šyyvättele,
 155 Perin peltoho šyväten,
 Moaha hännin torkutellen!“
 „En jouva, emäntä kulta,
 Kivi on šuuri jauhottava,
 Kivi šuuri, jauhot hienot,
 160 Jauhoja vähäväkini!“
 Niin šanovi Pohjan akka:
 „Mäne, Anni, kaččomaha,
 Mitä haukkuu Halli koira,
 Linnanlukku luškuttau,
 165 Halli ei valehta hauku,
 Peni šyyttä šyyvättele,
 Perin peltoho šyvätellen,
 Moaha hännin torkutellen!“
 Anni juoššulla pihalla,
 170 Pellolla perimmäisellä,
 Leviällä pientarella.
 Šiellä kaččelekše, keäntelekše.
 Jo tuloupi naimakanša,
 Tulou kirjain kiitelijä,
 175 Tulou korjin kos's'olija.
 Šeppo korjalla ajau,
 Kirjavalla kiijattau.
 Jo tulouvi Väinämöini
 Moapuolen Šilošalosta,

Тявкает городской пес.
 Тогда говорит старуха Похьолы:
 „Иди, работник, посмотри,
 Что там лает собака Халли,
 140 Почему городской пес тявкает,
 Не напрасно Халли лает,
 Зря городской пес не тявкает,
 Без причины щенок не ворчит!“
 Но работник отвечает:
 145 „Некогда, славная хозяйка,
 Много дров надо наколоть,
 Много дров, дрова мелкие,
 А я дровосек слабосильный!“
 Тогда говорит старуха Похьолы:
 150 „Иди, служанка, посмотри,
 Что там лает собака Халли,
 Почему городской пес тявкает.
 Зря Халли не лает,
 Без причины щенок не ворчит,
 155 Задом стоя к полю,
 Ударяя по земле хвостом!“
 „Некогда, славная хозяйка,
 Велик жернов, на котором мелю я,
 Велик жернов, мука же мелкая,
 160 Молольщица я слабосильная!“
 Тогда говорит старуха Похьолы:
 „Иди, Анни, посмотри,
 Что там лает собака Халли,
 Почему сторож города тявкает,
 165 Зря Халли не лает,
 Без причины щенок не ворчит,
 Задом стоя к полю,
 Ударяя по земле хвостом!“
 Бегом выбегает Анни
 170 На заднее поле,
 На широкую межу.
 Там осматривается, поворачивается.
 Там уже подъезжают сваты,
 Едут в росписных санках,
 175 Едут сваты в саночках.
 Это кузнец едет в санях,
 На росписных скользит.
 Едет уже и Вяйнämёйни
 У опушки стройного леса,

180 Šelänpuolen Luuvehlahta.

Niin šanou Pohjan akka:
 „Kelläpäš mänet nyt, neiti,
 Mänetkö kirjoin kiitäjällä,
 Vain korjin kos's'ojalla,
 185 Vain laivoin laskijalla?“
 „En mäne kirjoin kiitäjillä,
 Enkä korjin kos's'ojilla,
 Mänen laivoin laiskijalla:
 Konstit korjilla ajaupi,
 190 Kirjavilla kiijattaui!“
 Niin tulou vanha Väinämöini,
 Tulou juoššulla tupaha:
 „Joko nyt Anni annetaha,
 Lempilintu liitetähä?“
 195 Niin šanoupi Pohjan akka:
 „Mie en anna Annieni,
 En liitä lempilintuoni,
 Ennen kun ammut tähet taivahilta,
 Pilkat pilvien lomišta,
 200 Šiitä kynnät kyišen pellow,
 Vakuolet moat matoset
 Oatralla tuli terällä,
 Voarnahilla vaškisilla,
 Käsini keärit keärmehet,
 205 Koprini kol'l'ahat mavot!“
 Šiitä vanha Väinämöini
 Mänöy juoššulla pihalla.
 „Oi, ukko ylijumala,
 Voari vanha taivahaini,
 210 Šua šie lunta šauvan varši,
 Keihäšvarši keikuttele
 Oččahan pyhän orihin,
 Pyhän Laukin lautasilla!“
 Heän ohjičči pyhän orihin,
 215 Pyhän Valkon val'l'asteli
 Šulkkusihi šuiččiloihi,
 Rautasihi rahkehihi.
 Ampu tähet taivahilta,
 Pilkat pilvien lomišta.
 220 Šiitä vanha Väinämöini
 Otti kintahat kiveštä
 Šomerista šormikkahat;

180 По открытой стороне северо-западного
 залива.

Тогда говорит старуха Похьолы:
 „За кого ты выйдешь, девица,
 За того ли, кто едет в росписных,
 Кто в саночках едет свататься,
 185 Или выйдешь за того, кто едет на лодке?“
 „Не выйду за того, кто едет в росписных,
 Кто на саночках едет свататься,
 Выйду за того, кто на лодке едет:
 Насмешник едет в санках,
 190 В пестрых санках скользит!“
 Входит старый Вяйнямёйни,
 Бегом вбегаёт в избушку:
 „Выдадут ли за меня Анни,
 Сочетают ли со мной милую птичку?“
 195 Так сказала старуха Похьолы:
 „Я не выдам замуж Анни,
 Милую птичку не сочетаю,
 Пока не собьёшь звезды с неба,
 Пятнышка между облаками,
 200 А потом вспаши змеиное поле,
 Взборозди землю со змеями
 Сохой с огненным присошником,
 С медными сошниками,
 Руками заверни в клубок змей,
 205 В горсть собери червей!“
 Тогда старый Вяйнямёйни
 Выбегает на двор.
 „Старик, бог всевышний,
 Небесный старый дед,
 210 Навали ты снегу высотой с палку,
 Наложил высотой с копье,
 До лба священного жеребца,
 На круп священного Лаукки!“
 Он обуздал священного жеребца,
 215 Священного Валко запряг,
 Наложил шелковую уздечку,
 Железные гужи.
 Подстрелил звезду на небе,
 Пятно между облаками.
 220 Потом старый Вяйнямёйни
 Взял каменные рукавицы,
 Из песку связал перчатки;

Šiitä kynti kyiſen pellon,
 Vakuoli moan matosen
 225 Oatralla tuliterällä,
 Voarnehilla vaſkisilla.
 Käſin keäri keärmehet,
 Koprin kul'l'ahti mavot,
 Šiitä mänöy juoſſulla tupah,
 230 Jopa heän ſanova ſoatto:
 „Joko Anni annetahe,
 Lempilintu liitetähe?“
 „En anna Annieni,
 Liitä lempilintuoni,
 235 Ennen kui ſoat ſuuren hauvin
 Tuonen muſſaſta joveſta,
 Manalan alanteheſtä!“
 Šiitä vanha Väinämöini
 Mänöypä juoſſulla pihalla,
 240 Šiitä ottau čirkun ſiivet,
 Elikä Lemmon lennittemet,
 Lentöä lepyttelöy.
 Liitih honkan latvasella,
 Kaččelekſe, keäntelekſe,
 245 Näköy kui loimahti lohi mereh,
 Kala kirjo kimmeltihe;
 Liitihpä lohen niſoilla,
 Vetipä vejeſtä lohen.
 Jo heällä vihoikſe piſti,
 250 Niin riſovi rintapäitä,
 Maistelou kalanmakua.
 Šiitä ottau čirkun ſiivet,
 Elikä Lemmon lennättimet.
 Lentävi lepittelöypi
 255 Šinne Pohjolan pihoilla.
 Šiitä viepi ſuuren hauvin
 Anopilla antimikſe,
 Murkinamuruikſe heällä.
 Niin ſanovi Pohjon akka:
 260 „Etpä ſie hyvällä ollut,
 Kun riſoitpa rintapäitä,
 Maistelit kalanmakua!“
 Šanou vanha Väinämöini:
 „Šoalista ei vijoitta ſoaha
 265 Paikoišta paremmiſtan,
 Šoatikka Tuonelan joveſta,

Вспахал змеиное поле,
 Взороздил землю со змеями
 225 Сохой с огненным присошником,
 С медными сошниками.
 Свернул змей руками в клубок,
 В горсть червей собрал,
 Потом вбегает в избушку,
 230 Там он говорит:
 „Выдадут ли теперь Анни,
 Сочетают ли со мной милую птичку?“
 „Я не выдам свою Анни,
 Не сочетаю свою милую птичку,
 235 Пока не поймашь большую щуку
 Из черной реки Туони,
 Из низовьев Маналы!“
 Тогда старый Вяйнямейни
 Выбегает на двор,
 240 Берет он крылья воробья,
 Крылья беса Лемпо,
 И летит на них, порхая.
 Опускается на верхушку сосны,
 Осматривается, поворачивается,
 245 Видит, как лосось в море всплеснулся,
 Как рыба пестрая повернулась;
 Налетел он на лосося,
 Вытащил лосося из воды.
 Тут он рассердился,
 250 Распорол он грудь у рыбы,
 Пробует на вкус эту рыбу.
 Потом берет он крылья воробья,
 Крылья беса Лемпо.
 Он летит, порхая,
 255 Туда, на двор Похьолы.
 Приносит он большую щуку
 Теще на выкуп,
 Чтобы у ней был кусок к обеду.
 Говорит старуха Похьолы:
 260 „Нехорошо ты сделал,
 Что поел ты грудь у рыбы,
 Что отведал эту рыбу!“
 Говорит старый Вяйнямейни:
 „Цельной не ловят добычу
 265 Даже в местах получше,
 Чем река Туонелы,

Manalan alantehešta!“
 Šanou vanha Väinämöini:
 „Joko nyt Anni annetah,
 270 Lempilintu liitetäh?“
 Niin šanovi Pohjon akka:
 „Kyllä Anni annetah,
 Lempilintu liitetäh!“
 Šiitä šepo Ilmorini
 275 Alla päin, pahalla mielin,
 Kaiken kallalla kypärin
 Kotihinša ajelemaha.
 Kotihisi mäntyö šepo
 Panoupa kultia tulehe,
 280 Hopijoita huopin täyven.
 Panou orjat lieččomaha,
 Palkkalaiset painamaha.
 Orjat ei hyvästi liečo,
 Eikä paina palkkalaiset.
 285 Rupesi iče lieččomaha,
 Kun lieččo kerran leimahutti,
 Jopa toisen leimahutti,
 Niin kerralla kolmannella
 Tunkekše miekka tulešta,
 290 Kuumarauta kuumennošta.
 On miekka hyvännäköni,
 Vain tuli pahatapani:
 Joka päivä miehen tappo,
 Kakšiki monikkahana.
 295 Panoupa kultia tulehe,
 Hopijoita huopin täyven;
 Panou orjat lieččomaha,
 Palkkalaiset painamaha.
 Ei orjat hyvästi liečo,
 300 Eipä paina palkkalaiset.
 Rupesipa iče lieččomaha,
 Lieččo kerran leimahutti,
 Jopa toisen leimahutti,
 Niin kerralla kolmannella
 305 Tunkekše orih tulešta,
 Kultaharja kuumennošta.
 Olis orih hyvännäköni,
 Vain tuli pahatapani:
 Joka päivä tamman tappo,
 310 Kakšiki monikkahana.

Чем низовья Маналы!“
 Спрашивает старый Вяйнямйни:
 „Выдадут ли теперь Анни,
 270 Сочетают ли со мной милую птичку?“
 Отвечает старуха Похьолы:
 „Теперь я выдам замуж Анни,
 Сочетаю с тобой милую птичку!“
 Тогда кузнец Ильморини,
 275 Опечаленный, склонил голову,
 Шлем свой на глаза надвинул,
 Уезжает он домой.
 И кузнец, вернувшись домой,
 Кладет в огонь золота,
 280 Серебра полную лопату.
 Поставил дуть рабов,
 Работать мехами поденщиков.
 Рабы плохо дуют,
 Поденщики не качают.
 285 Сам он начал дуть,
 Он раз дунул
 И другой раз дунул,
 А на третий раз
 Из огня вышел меч,
 290 Горячее железо из пламени.
 Был меч на вид хорош,
 Да плохой нрав он имел:
 Что ни день, убивал мужчину
 И бывало, что и двоих.
 295 Золота кузнец в огонь кладет,
 Серебра полную лопату;
 Ставит рабов дуть,
 Поденщиков накачивать меха.
 Рабы плохо дуют,
 300 Поденщики не качают.
 Сам он начал дуть,
 Раз он дунул
 И другой раз дунул,
 А на третий раз
 305 Конь из огня выходит,
 Златогривый из пламени.
 Был конь хорош на вид,
 Да имел плохой нрав:
 Что ни день, убивал кобылу,
 310 Часто даже двух кобыл.

Työnšipä kultia tulehe,
 Hopijoita huopin täyven;
 Panou orjat lieččomaha,
 Palkkalaiset painamaha.
 315 Orja ei hyvästi liečo,
 Eikä paina palkkalaiset.
 Rupesipa iče lieččomaha,
 Lieččopa kerran leimahutti,
 Jopa toisen leimahutti,
 320 Niin kerralla kolmanella
 Tunkekše neičut tulešta,
 Kultakašša kuumennošša.
 Ois neiti hyvännäköni,
 Vain eipä tapoja tiijä.
 325 Šiitä šepo Ilmorini
 Jopa yönnä enšimmäišnä
 Turkkihis turvoalekše,
 Vaippahaš varoalekše.
 Še on kylki kyllä lämmin,
 330 Mit' on vaššen villavaippa,
 Še on kylki kylmämäššä,
 Meren jeäkše jeätymäššä,
 Kivekše kovottumašša
 Mi on kylki neittä vašše.
 335 Šiitä šepo Ilmorini
 Jopa yönnä, toissa yönnä,
 Turkkihis turvoalekše,
 Vaippahaš varoalekše.
 Še on kylki kyllä lämmin,
 340 Mitä on vaššen villavaippa;
 Še on kylki kylmämäššä,
 Meren jeäkše jeätymäššä,
 Kivekše kovottumašša,
 Mi on kylki neittä vašše.
 345 Jopa yönnä kolmantena
 Turkkihis turvoalekše,
 Vaippahaš varoalekše,
 Še on kylki kyllä lämmin,
 Mit' on vaššen villavaippa;
 350 Še on kylki kylmämäššä,
 Meren jeäkše jeätymäššä,
 Kivekše kovottumašša,
 Mi on kylki neittä vašše.
 Šiitä šepo Ilmorini

Золота в огонь подбросил,
 Серебра полную лопату;
 Ставит рабов дуть,
 Поденщиков накачивать меха.
 315 Раб плохо дует,
 Поденщики не качают.
 Начал он сам дуть,
 Раз он дунул
 И другой раз дунул,
 320 А на третий раз
 Вышла из горна дева,
 С золотой косой, из пламени.
 Была дева хороша на вид,
 Но ее права он не знает.
 325 Тогда кузнец Ильморини
 Первой же ночью
 Накрылся шубами,
 Оделся одеялами.
 Тот бок согревается,
 330 Что был под шерстяным одеялом,
 А другой бок замерзает,
 Превращается в морскую льдину,
 И твердет, словно камень,
 Бок, который ближе к деве.
 335 Тогда кузнец Ильморини
 И на вторую ночь
 Накрылся шубами,
 Одевался одеялами.
 Тот бок согревается,
 340 Что был под шерстяным одеялом,
 А другой бок замерзает,
 Превращается в морскую льдину,
 И твердеет, словно камень,
 Бок, который ближе к деве.
 345 И в третью ночь
 Накрылся он шубами,
 Укрывался одеялами,
 Но тот бок согревается,
 Что был под шерстяным одеялом,
 350 А другой бок замерзает,
 Превращается в морскую льдину,
 И твердеет, словно камень —
 Бок, который ближе к деве.
 Тогда кузнец Ильморини

355 Niinpä heän šanoja šoatto:
 „Elkähät esieläjät,
 Elkähkä vaštaha tulijat,
 Neittä kullašta kuvata,
 Hopiešta huolitella:
 360 Vilull' huohtavi hopie,
 Kylmäll' kulta kuumentau, —
 Imehnini olla pitäy!“

355 Сказал такие слова:
 „Пусть никто из наших потомков,
 Никто из рождающихся навстречу жизни,
 Не будет делать деву из золота,
 Из серебра ее выделывать:
 360 Холодом веет от серебра,
 Золото в озноб бросает,
 Человеком должна быть девица!“

61. ВЯЙНЯМЁЙНИ ЧИСТИТ ЛОДКУ И ЕДЕТ НА НЕЙ

Vaka vanha Väinämöini
 Läksi hevosen ajohon,
 Kuulokorvan kuuntelohon,
 Ečči päivän, ečči toisen,
 5 Jopa päivän kolmannenkin;
 Niin päivänä kolmantenä,
 Kuuli purren itkövän,
 Venehen valittavan.
 Niin še vanha Väinämöini
 10 Niinpä heän šanoa šoatto:
 „Mitä nyt itet, purši, uuši,
 Vene hankava halajat?“
 „En mie itkis puisuuttani,
 Enkä hankahuuttani halajais,
 15 Iten oman onneni kovuutta,
 Kun muut kaikki pahemmat purret,
 Käyty on Šuomešša šotija,
 Tuotu täyteššä eloja,
 Mie olen yksi, purši uuši,
 20 Tähän lahon laššullani,
 Venyn veššokšuisillani.
 Ilkiemmät ilman linnut
 Peälläni pesöä pitävät,
 Matalimmat moan matoset,
 25 Alla kuoreni ašulat!“
 Niin on vanha Väinämöini,
 Taitto vaššan vaskilatvan,
 Tinalehen, vaskilatvan,
 Pyyhkipä purren puhtahakše,
 30 Venehen valittamattomakše.
 Työnsipä venon vesillä,

Степенный старый Вяйнямёйни
 Отправился искать лошадь,
 Слушать чутким ухом.
 Идет день, идет другой,
 5 Идет уже и третий день;
 Уже на третий день
 Слышит — парус плачет,
 Лодка стонет.
 Стал старый Вяйнямёйни
 10 Спрашивать у той лодки:
 „Что ты плачешь, новый челн,
 Чего, скрипучая лодка, хочешь?“
 „Я не потому плачу, что я деревян-
 ная,
 Не уключины мои скрипят,
 15 Оплакиваю я свою горькую судьбу:
 Все другие, худшие паруса,
 Ходили на войну в Суоми,
 Привезли много добра,
 А я один, новый парус,
 20 Здесь гнию со щепками,
 Мокну со стружками.
 Самые гадкие небесные птицы
 На моей корме гнезда свили,
 Самые низкие земные змеи
 25 Под моими кокорами извиваются!“
 Тогда старый Вяйнямёйни
 Наломал веник с медной ручкой,
 С листьями, как оловянные бляхи,
 Вычистил лодку начисто,
 30 Чтобы больше она не стонала.
 Стокнул лодку на воду,

Kakšilaijan lainehillä,
 Iče jo läksi laskemahan.
 Laski laivan Norjan rannan,
 35 Ruočin rannan ruijotteli,
 Šai eloja laivahanša;
 Kultie kokosi kovolla,
 Oli miestä mitähänä,
 Kun tulovi reissuстанša.

Двухборттовую на волны,
 Сам уселся на корме,
 Поехал на лодке к берегу Норвегии,
 35 Берега Швеции избороздил.
 Раздобыл добра в своей ладье,
 Золота собрал немало,
 Был он мужчиной, каких мало,
 При возвращении из похода.

62. ВЯЙНЯМЁЙНИ ДОБЫВАЕТ ОГОНЬ

Kälykset käpyä lyöpi,
 Sisärekset kezriä,
 Šiitä vanha Väinämöini
 Kutou nuotan kuutta syltä,
 5 Šoapi nuotan šatoa syltä.
 Hotašoupa Honkan meältä,
 Kiven kirsokse sivalti,
 Pani poajen tarpomekse.
 Niin heän virkko, noin pakasi:
 10 „Jotta tarvonko tarpehen mukah,
 Vain tarvon viän mukah?“
 Tarpo nuotan tappurakse,
 Vejen vellikse sevotti.
 Šoatihin lohi punani,
 15 Ei kärsi käsin ruveta,
 Ilman kirjakinahitta,
 Eli rautarukkasitta.
 Tulipahan kala
 Murkinaisikše muruikše,
 20 N'amusikse atrioikse,
 Perehellä peättömällä.

Свояченицы шишки для поплавок сби-
 вали,
 Сестры пряжу готовили,
 А старый Вайнямёйни
 Вяжет невод длиной в шесть сажень,
 5 Получился невод длиной в сто сажень.
 Хватает он сосну с горушки,
 Грузилом пристраивает камень,
 К боталу приделал глыбу.
 Тогда он говорит такие слова:
 10 „Ботать ли так, как надо,
 Или ботать изо всей силы?“
 Разботал он невод в клочья,
 Воду размешал, как кашу.
 Поймали красного лосося,
 15 Но не взялся за него голыми руками
 Без пестрых варежек,
 Без железных рукавиц.
 И вышла из той рыбы
 Закуска на обед,
 20 Лакомый кусок на ужин
 Для семьи безглавой.

63. ОСМОТАР ВАРИТ ПИВО

Šavu šuarella palau,
 Tuli niemen tutkamešša.
 Pieni on šovan šavukse,
 Šuuri on paimenen tulekše.
 5 Šiellä männäh kaččomahe,
 Ošmotar olutta keittäy.

Дым на острове курится,
 Огонь на мысу залива.
 Для военного дыма он слишком мал,
 Для пастушеского костра он велик.
 5 Туда идут смотреть,
 Как Осмотар варит пиво.

Ošmotar on oluven šepä,
 Kapo kal'l'an kiehuttaja,
 Olovi ajattelovi:
 10 „No kun ei tulle šyöjoäni,
 Šyöjöäni, juojoani,
 Ikuista iloiččijani,
 Potin poikki vanteheni,
 Tapin tammisen porotan,
 15 Tammisešta aštijašta!“
 Niin še vanha Väinämöini
 Ryypyn juopi, maistelovi,
 Niin heän mettä maistelovi,
 Šiitä heän šanovi niin:
 20 „Makia on mesi miehen,
 Keittämä Ošmottaren,
 Väkövämpi mieštä on!“

Осмотар — мастерица варить пиво,
 Хорошо варит брагу,
 Стоит и думает:
 10 „Ну, как не придут гости,
 Поесть и попить,
 Вечные весельчаки,
 Тогда я переломаю обручи,
 Дубовую затычку выдерну
 15 Из дубовой бочки!“
 Старый Вяйнямёйни
 Пьет из кружки, пробует,
 Тут он мед пробует,
 Отведав, он так говорит:
 20 „Сладок мед для человека,
 Что сварила Осмотар,
 Он сильнее человека!“

64. ЛЕММИНКЯЙНИ НА ПИРУ В ПЯЙВЁЛЕ

Iče lieto Lemminkäini,
 Tietäjä ijän ikuini,
 Niinpä heän šanuo šoatto:
 „Tuokoat miun šotišomani,
 5 Kahtoat vainovoattieni,
 Lähen Päivölän pitoihi,
 Hyvän joukon juominkih!“
 Emo kielti, vaimo käški,
 Epäsi kavehta kaksi,
 10 Eli kolme luonnotarta:
 „Elä lähe, poikuoni,
 Tuonne Päivölän pitoihi,
 Hyvän joukon juominkih!
 Monet on mutkat matkoillaš,
 15 Monet teilläši imehet!“
 „Mi on ehto enšimmäini?“
 „Enšin on tulini koški,
 Košessa tulini luoto,
 Luuvošša tulini koivu,
 20 Koivušša tulini kokko,
 Yöt še hammašta hivou,
 Päivät kynttä kyöčkyttäy
 Peän varalla Lemminkäisen,
 Eli Ahti Šuvantolaisen!“

Хитрый Лемминкяйни,
 Знахарь вековечный,
 Сказал такие слова:
 „Принесите мне военные доспехи,
 5 Несите ратные одежды,
 Я поеду на пир Пяйвёлы,
 На попойку доброй братчины!“
 Мать запрещала, жена посылала,
 Отговаривали две девицы,
 10 Три воздушных девы:
 „Не ходи, мой сынок,
 Туда — на пир Пяйвёлы,
 На попойку доброй братчины!
 Много препятствий на твоём пути,
 15 Много неожиданностей на дороге!“
 „Каково первое препятствие?“
 „Первое — огненный водопад,
 В водопаде огненный утес,
 На утесе — огненная береза,
 20 На березе — огненный орел,
 Целые ночи скрипит он зубами,
 А днем скребет когтями
 На гибель Лемминкяйнена
 Или Ахти Сувантолайнена!“

- 25 „Tiijän tien, tempun ošoan,
Temmon tetret kankahilta,
Mečot korvilta kokuolen,
Šyöksin šyöjällä kitah,
Iče iellähä mänen!“
- 30 Niinpä heän šanuo šoatto:
„Tuokoa miun šotišomani,
Kantoat vaino voattieni,
Lähen Päivölän pitoihi,
Hyvän joukon juominkihi!“
- 35 Emo kielti, vaimo käški,
Epäsi kavehta kakši,
Eli kolme luonnotarta:
„Elähän lähe, poikuoni,
Tuonne Päivölän pitoihi,
- 40 Hyvän joukon juominkihi!
Monet on mutkat matkoillaši,
Tielläš on monet imehet!“
„Mi on ehto, toini ehto?“
„Mäki on tiellä poikki puolin,
- 45 Šata šeiväštä mäjellä,
Yksi on šeiväs peättömänä,
Kaikki muut on peällisiä,
Se on peän varalla Lemminkäisen,
Eli Ahti Šuvantolaisen!“
- 50 „Tiijän tien, tempun ošoan,
Otan kul'l'un kuollehelta,
Peän mätäsen männehelta,
Šenki šeipähän nenäh,
Iče iellähä mäneni!“
- 55 Niinpä heän šanoa šoatto:
„Tuokoa miun šotišomani,
Kantoat vainovoattieni,
Lähen Päivölän pitoihi,
Hyvän joukon juominkihi!“
- 60 Emo kielti, vaimo käški,
Epäsi kavehta kakši,
Eli kolme luonnotarta:
„Elä lähe, poikuoni,
Tuonne Päivölän pitoihi,
- 65 Hyvän joukon juominkihi!
Monet on mutkat matkoillaši,
Monet tielläš imehet!“
„Mi on ehto, kolmaš ehto?“
- 25 „Знаю дорогу и знаю, что делать,
Нахватаю тетеревов с поляны,
Глухарей соберу в лесу,
Брошу в пасть хищной птицы,
А сам пойду дальше!“
- 30 Он сказал такие слова:
„Принесите мне военные доспехи,
Несите ратные одежды,
Поеду я на пир Пяйвёлы,
На попойку доброй братчины!“
- 35 Мать запрещала, жена посылала,
Отговаривали две девицы,
Три воздушных девы:
„Не ходи, мой сынок,
Туда — на пир Пяйвёлы,
- 40 На попойку доброй братчины!
Много препятствий на пути твоём,
Много неожиданностей на дороге“.
„Каково второе препятствие?“
„Гору встретишь поперек дороги,
- 45 Сто кольев на горе,
На один кол не воткнута голова,
Все остальные с головами,
Тот кол ждет головы Лемминкяйнена
Или Ахти Сувантолайнена!“
- 50 „Знаю дорогу и знаю, что делать,
Возьму череп умершего,
Сгнившую голову усопшего,
Надену на этот кол,
А сам пойду дальше!“
- 55 Он сказал такие слова:
„Принесите мне военные доспехи,
Несите ратные одежды,
Пойду на пир Пяйвёлы,
На попойку доброй братчины!“
- 60 Мать запрещала, жена посылала,
Отговаривали две девицы,
Три воздушных девы:
„Не ходи, мой сынок,
Туда — на пир Пяйвёлы,
- 65 На попойку доброй братчины!
Много препятствий на твоём пути,
Много неожиданностей на дороге!
„Каково третье препятствие?“

- „Šuвет on veräjän šuissa,
 70 Karhut rautakahlehitta
 Peän varalla Lemminkäisen,
 Eli Ahti Šувantolaisen!“
 „Tiijän tien, tempun ošoan,
 Kučun lautan lampahia,
 75 Kimpun kierä villašia,
 Šyöksin šyöjällä kitah,
 Iče iellähä mänen!“
 Mänöypä nurkašta tupah,
 Šoapi šisällä šalvokšešta.
- 80 Niin šanovi Pohjan akka:
 „Mipä šie lienet miehiäsi,
 Kuin ei šilma koirat hauku,
 Eikä haukkujat havaiče,
 Eikä virka villahännät?
 85 Oli meillä ennen koirat,
 Luun šyöjät, lihan purijat,
 Veren uuhella vetäjät!“
 Šanoupa lieto Lemminkäini:
 „Enhän mie koistani lähten
 90 Tavoittani, tiijoittani,
 Mahittani, muistittani,
 Šuuhu Untalmon šusien,
 Kitahan kirokapojen!“
 Šanou lieto Lemminkäini:
 95 „Tuokoat tuopilla olutta,
 Kal’l’oa kakšikorvasella!“
 Tuotihpa tuopilla olutta,
 Kal’l’oa kakšikorvasella,
 Mavot laijoilla lateli,
 100 Keärmehet kešellä kiehu.
 Ottipa onken taškuštah,
 Väkärauван väškyštäh.
 Šoan heän nošti, šammakkoita,
 Tuhannen muštija matoja,
 105 Niinpä heän šanoja šoatto:
 „Tuopin tuoјat Tuonelah,
 Kannun kantajat Manalla!“
 Niin šanou lieto Lemminkäini:
 „Mitelkämäi miekkoјan,
 110 Kačelkamai kalpoјan,

- „Волки ходят у ворот,
 70 Медведи на железных цепях,
 Таят в себе погибель Лемминкяйнена
 Или Ахти Сувантолайненена!“
 „Знаю дорогу, знаю, что делать,
 Позову отару овед,
 75 Гурт с курчавой шерстью,
 Их брошу в пасть хищников,
 А сам пойду дальше!“
 Через угол проникает он в избу,
 Сквозь стены избы во внутрь захо-
 дит.
- 80 Тогда говорит хозяйка Похьолы:
 „Кто ты такой, мужчина,
 Что на тебя собаки не лаяли,
 Что тебя лайки не заметили,
 Молчали псы с пушистыми хвостами?
 85 Были у нас раньше собаки,
 Кости они глодали, мясо грызли,
 Кровь ягнят лакали!“
 Говорит хитрый Лемминкяйни:
 „Ведь не ушел же я из своего дома
 90 Без колдовских знаний,
 Без умения и без памяти,
 В пасть волков Унталмы,
 В глотку проклятых волчиц!“
 Говорит хитрый Лемминкяйни:
 95 „Принесите в кружке пива,
 Квасу в двухручной посуде подайте!“
 Принесли в кружке пива,
 Квасу в двухручной посуде подали.
 По краям посуды черви копошились,
 100 Змеи посредине кишели.
 Взял он крючок из кармана,
 Из мешочка железный крюк.
 Сотню лягушек он им поднял,
 Тысячу черных червей,
 105 Тогда он сказал такие слова:
 „Пусть в Туонелу идет, кто кружку мне
 подал,
 В Маналу — тот, кто принес посуду!“
 Так сказал хитрый Лемминкяйни:
 „Давайте померяем мечи,
 110 Осмотрим свои клинки,

Kumman on miekka mieluhimpi,
 Kumman kalpa kaunihimpi,
 Šenpi iellä iskömähe!“
 Päivölän miekka oli parempi,
 115 Päivölän kalpa kaunehimpi,
 Päivölä iellä iskömähe.
 Iskipä kerran leimahutti,
 Iski toisen leimahutti,
 Vielä kohta kolmannenki,
 120 Ei lähten orvaškettukan.
 Šano lieto Lemminkäini:
 „Pihall ois veret paremmat,

Kakaroilla kaunehemmat!“
 Niin kun mäntihi pihalla,
 125 Šiitä lieto Lemminkäini
 Kuin rupesti lippuomaha,
 Lissi kun nakrehen n'apoja,
 Läksi kun noatti nakrehešta.

Чей меч лучше,
 Чей клинок красивее,
 Тот мечом ударит первый!“
 Меч Пяйвёлы был лучше,
 115 Клинок Пяйвёлы красивее,
 Пяйвёляйни первый ударит мечом.
 Размахнулся — один раз ударил,
 Размахнулся — второй раз ударил
 И третий раз ударил,
 120 Но и кожи не повредил.
 Сказал хитрый Лемминкяйни:
 „Выйдем биться из дому, где кровь све-
 жее,
 Где, как у детей, она красивее!“
 И когда они вышли из дому,
 125 Тогда хитрый Лемминкяйни
 Начал размахивать мечом,
 Махал, точно репу резал,
 Точно ботву у репы срезал.

65. БОЛЬШОЙ БЫК

Hämeheššä härkä šynty,
 Šuomeššä sikeyty šonni,
 Peä keikku Kemijovella,
 Häntä torkku Tornivošša.
 5 Päivän lenti piäčky lintu
 Härän šarvien väliä,
 Kuukauven orava puitti
 Härän häntäluuta myöte,
 Šarven juureššä yön makasi,
 10 Parahikši yökši piäsi.
 Tuli šepo Ilmorini
 Šen šuuren härän tappajakši,
 Löi heän pal'l'alla pahašti,
 Eipä härkä totellutka.
 15 Šepo oli šelvillänšä,
 Ečči heän pal'l'an paremman,
 Šiitäpä heän parenti šitä,
 Lyömistä lujemman oččaha,
 Härän Viroisen oččaha.
 20 Šiitä šiitä šoatih murkina
 Kaikilla Kalevan miehillä.

В Хяме родился бык,
 В Суоми бык зачался.
 Голова качается у реки Кеми,
 Хвост лежит в Торнио.
 5 День летела ласточка
 Между рогами быка,
 Месяц белка прыгала
 По хвосту быка,
 А ночевала у основания рога,
 10 К ночи как раз туда попевала.
 Пришел кузнец Ильморини
 Убивать этого большого быка.
 Ударил он раз молотом,
 Бык головы не повернул.
 15 Видит кузнец — дело неладно,
 Нашел он молот получше
 И этим дело исправил.
 Бил он сильнее в лоб,
 В лоб быка Виро.
 20 Тогда сварили обед из его мяса
 Для всех людей Калевы.

66. ОХОТА НА ЛОСЯ

Lysmykkö lylyjen šepmä,
 Капо kalpojen tekijä,
 Šykyšyn lylyjä vuoli,
 Talven kalvova kavelti.
 5 Šai lylын lykättäväkše,
 Kalvon kannon lyötäväkše,
 Lykkäsi lylын lumella,
 Pani kakši šauvova
 Kahen puolen kalvovištahe.
 10 Liikahutti jalkojahe
 Šilmän šiiämättömähe,
 Liikahutti toisen kerran
 Korvan kuulomattomahe,
 Jopa kerralla kolmannella
 15 Lyšmähti lyly jalasta,
 Kalvo taittu kannan tieštä
 Lapaluuhun hiitten hirven.
 Niin tal'ua taputtelou,
 Lyyvä helkähyttelöy,
 20 Niinpä heän šanoja šoatto:
 „Šopisipa tuošša moata
 Nuoren neitosen keralla,
 Vašta kašvavan kanasen.
 Vain en ennen tietän tuota,
 25 Oisinpä varannut vaimon,
 Nuoren neijon neššytellyt“.

Люсмюкко — лыжный мастер,
 Капо, делающий лыжи,
 Осенью лыжи стругал,
 Зимой лыжи вырезал.
 5 Сделал лыжи, чтобы на них ходить,
 Подбил к ним ремни,
 Выбросил он лыжи на снег,
 Воткнул в снег две палки
 По обе стороны лыж.
 10 Оттолкнулся своей ногой
 И скрылся с глаз,
 Второй раз оттолкнулся
 И ушам не слышно, где он,
 А уже на третий раз
 15 Лыжа с ноги соскользнула,
 Лыжа раскололась о пень,
 О лопатки лоса Хийси.
 Тут он по шкуре лоса похлопал,
 Звонко ударил по ней ладонью
 20 И такие слова он сказал:
 „Хорошо бы на ней поспать
 С молодой девушкой,
 С подрастающей курочкой.
 Но не ждал такой удачи,
 25 А то мог бы жену себе высмотреть,
 Соблазнить молодую девушку“.

Е. И. Лесонен

67. ВЯЙНЯМЁЙНИ СОСТЯЗАЕТСЯ В ПЕНИИ С ЁУКАХАЙНЕНОМ

Vaka vanha Väinämöini,
 Toin oli nuori Joukahaini,
 Ajetti tiellä vaššakkah.
 Puuttu vommel vempелеhe,
 5 Rahis rahkehen nenäh.
 Veri tippu vempелеstä,
 Rašva rahkehen nenästä.
 Šano nuori Joukahaini:
 „Kumpani on tiijolta parempi,
 10 Šen on tiellä šeisomine!“

Степенный старый Ваянямёйни
 И молодой Ёукахайни
 В дороге наехали друг на друга.
 Зацепилась дуга с дугой,
 5 Гуж с гужом.
 Кровь закапала из дуги,
 Жир с кончика гужа.
 Сказал молодой Ёукахайни:
 „У кого из нас знаний больше,
 10 Тот может остаться на дороге!“

- Šano vanha Väinämöini:
 „Enkä tiijä, enkä taija,
 Tiijän kuitenkin vähäsen.
 Omat on kolkot kuokkimani,
 15 Kalahauvat kaivamani,
 Ilman pielet pistämäni,
 Omat šuamani šanani,
 Tuhantehen tukkuomani!“
 Laulo nuoren Joukahaisen,
 20 Laulo šuoh šuoniloista,
 Kainaloista kankahah.
 Šano nuori Joukahaini:
 „Oi on, vanha Väinämöini,
 Pyörrytä pyhän šanasi,
 25 Peräytä laušuesi.
 Jo nyt tuškiksi tulou,
 Läyleniksi lankieu!“
 Šanou vanha Väinämöini:
 „Mitä annat lunnahiksi?“
 30 Šanou nuori Joukahaini:
 „Annan kultia kyperän,
 Hopijoita tuopin täyen!“
 Šanou vanha Väinämöini:
 „Kušen konna kultihis,
 35 Muaranin hopeihis,
 Jo on ruoštun Ruočin kulta,
 Šuaštun Šaksan hopiel!“
 Šano nuori Joukahaini:
 „Pyörrytä pyhät šanas,
 40 Peräytä laušuesi,
 Jo nyt tuškiksi tulou,
 Läyleniksi lankieu!“
 „Mitä annat lunnahiksi?“
 „Annan ainuon oroni“.
- 45 Šanou vanha Väinämöini:
 „Jo on miulla oro ičellä
 Kahta mointa kaunehempi,
 Viittä-kuutta kuulusampi:
 Juoššen juomaha mänöy,
 50 Juoššen juomašta tulou,
 Šelkie vesi selkäluilla,
 Vesilammit lautasilla!“
 Šanou nuori Joukahaini:

- Сказал старый Вьянямёйни:
 „Нет у меня знаний, нет умения,
 Но кое-что все же знаю.
 Сам я вскапывал окраины,
 15 Выкопал рыбные ямы,
 Поставил косяки воздуха,
 Сам доставал я слова,
 Тысячей в кучу складывал!“
 Загнал он молодого Ёукахайнена,
 20 Песней погрузил в болото,
 До подмышек погрузил его в трясину.
 Сказал молодой Ёукахайни:
 „Ой ты, старый Вьянямёйни,
 Верни свои священные слова,
 25 Возьми обратно свой наговор,
 Мне уже делается тяжело,
 Очень тошно становится!“
 Говорит старый Вьянямёйни:
 „Чем ты от меня откупишься?“
 30 Сказал молодой Ёукахайни:
 „Дам я тебе шлем золота,
 Серебра целую кружку!“
 Говорит старый Вьянямёйни:
 „Плевать мне на твое золото,
 35 На серебро вашей земли,
 Золото из Руоччи поржавело,
 Почернело немецкое серебро!“
 Говорит молодой Ёукахайни:
 „Верни свои священные слова,
 40 Возьми обратно свой наговор,
 Мне уже делается тяжело,
 Очень тошно становится!“
 „Чем ты от меня откупишься?“
 „Я дам тебе своего единственного
 жеребца“.
- 45 Говорит старый Вьянямёйни:
 „У меня есть свой жеребец,
 Вдвое красивее твоего,
 В пять-шесть раз знаменитее:
 Рысью бежит на водопой,
 50 Рысью бежит с водопоя,
 Прозрачна вода на крупе жеребца,
 Блестят пруды на бёдрах!“
 Говорит молодой Ёукахайни:

„Oi on, vanha Väinämöini,
 55 Pyörrytä pyhät šanasi,
 Peräytä laušuesi,
 Jo nyt tuškiksi tulou,
 Läyleniksi lankieu!“
 Šanou vanha Väinämöini:
 60 „Mitä annat lunnahiksi?“
 Šanou nuori Joukahaini:
 „Annan ainuan sisaren,
 Lainuan emoni lapšen
 Väinämöisellä varakši,
 65 Turvakši tutisijalla,
 Ilokši ikilopulla“.
 Noštau šuošta šuoniloista,

Niitušta nisulihoista,
 Kainaloista kankahašta.
 70 Läksi ajua karettelomah
 Alla päin, pahoilla mielin,
 Kaiken kallella kypärin.
 Emo vaštaha tulo.
 „Poikueni, ainuani,
 75 Mit' olet pahalla mielin,
 Kaiken kallella kyperin?“
 „Šit olen pahalla mielin,
 Kun annoin ainuon sisaren,
 Lainasin emoni lapšen
 80 Väinämöisellä varakši,
 Turvakši tutisijalla,
 Ilokši ikilopulla“.
 „Tuota vuotin tuon ikäni,
 Halki polveni halasin
 85 Vävykšeni Väinämöistä,
 Turvakši tutisijua,
 Ilokši ikiloppua!“

„Ой ты, старый Ваянямёйни,
 55 Верни свои священные слова,
 Возьми назад свой наговор,
 Мне уже делается тяжело,
 Очень тошно становится!“
 Говорит старый Ваянямёйни:
 60 „Чем ты от меня откупишься?“
 Говорит молодой Ёукахайни:
 „Я дам тебе свою единственную сестру,
 Отдам ребенка своей матери,
 Ваянямёйнену на дни старости,
 65 На опору дряхлому,
 На радость престарелому“.
 Поднимает он его за сухожилья из
 болота,

С луга за мышцы шеи,
 Подмышки из бора.
 70 И поскакал он на лошади,
 Повесив голову, опечаленный,
 Шлем надет криво.
 Мать идет навстречу:
 „Сынок мой единственный,
 75 Что ты голову повесил,
 Что ты шлем криво надел?“
 „Я о том печалюсь,
 Что отдал свою единственную сестру,
 Отдал ребенка своей матери
 80 Ваянямёйнену на дни старости,
 На опору дряхлому,
 На радость престарелому“.
 „Этого я ждала всю жизнь,
 Весь век свой желала
 85 Зятем иметь Ваянямёйнена,
 На опору иметь дряхлого,
 На радость престарелого!“

А. А. Корельская

68. ВЯЙНЯМЁЙНЕ ДЕЛАЕТ КАНТЕЛЕ И ИГРАЕТ НА НЕМ

Ongamoine verkot potki,
 Kal'ova kalat keritti,
 Šyndy tora totkuloilda,
 Artti ahvenmaimažilda.

Онгамойне поднял сети,
 Калева обобрал рыбу,
 Поднялся спор за остатки,
 Пошла ссора из-за мелких окуней.

- 5 Toreldih da tapeldih,
D'ai yksi Kal'ovan poiga
Izon vuakšan varrellini,
Emon polven korgevuže.
Yöt kirveštä hivouve,
- 10 Päivät vartta valmistauve.
Lähtöypi kašen ajohon.
Kerrall' leikkai viizi puuda,
Toižella kahekšan puuda,
Ynnähäs yhekšän puuda.
- 15 Istuuduu hiän kannon piähä,
Huhuolou da hail'ualou:
„Kugali iäneni kuulunou,
Šigali meččä kuadukkaha
Kal'ovan poiijan kažekše,
- 20 Nuoren miehen ajamakše!“
Šieldä kuuli kumman iänen,
Läksi läštä kuulomahe,
Tarkašti tavottamahe.
Šielä itki puini purži,
- 25 Veno veštämä d'umalan:
„Ilgiemmät ilman linnut
Piälläni pezäistä pietäh,
Kaikki korbikoppalaizet
Kokillani kokšatah,
- 30 Madalammat muan madozet
Alla kuarien ažitah!“
„Oi sie, purži, luojan luoma,
Veno vestämä d'umala,
Lähetgö työnnöttä vezillä,
- 35 Laškomatta lainehilla
Teräksizildä teloilda,
Vaškizešta valgamošta?“
Tuoba nuori D'ougamoine
Pani vanhat šoudamaha.
- 40 Vanhat šoudi, piä vabizi.
Tuob' on vanha Väinämöini
Iče virkki, noin pagazi:
„Kaikk on miehekše kyhätty,
Pandu parran kandajakše!“
- 45 Pani nuoret šoudamaha.
Nuoret šoudi, airot notku,
Pyirimet pyynä viheldi,
Tel'ot tedrinä kukerdi,
- 5 Спорили, дрались,
Остался один сын Калевы
Ростом с пядь отца,
Вышиною по колено матери.
Ночью он топор точит,
- 10 Днем топорище делает.
Пошел он рубить пожару.
Одним ударом срубил пять деревьев,
Другим — восемь,
Захватывал девять.
- 15 Садится он на пенек,
Кричит, покрикивает:
„Где голос мой слышен —
Там пусть лес валится,
На пожару сына Калевы,
- 20 На молодецкую расчистку!“
Он слышит странный голос,
Пошел он ближе послушать,
Внимательнее примечать.
Слышит — плачет челнок деревянный,
- 25 Лодка, вытесанная богом:
„Противные птицы воздуха
Свили гнезда на мне,
Глухари из дремучего леса
Прыгают по моему носу,
- 30 Самые последние черви земли
Живут под обшивкой!“
„О ты, парусник, создание творца,
Лодка, вытесанная богом,
Пойдешь ли ты без толчка на воду,
- 35 Без спуска на волны
Со стальных катков,
От медного причала?“
Вот молодой Еугамойне
Заставил стариков грести.
- 40 Старики гребли — их головы тряслись.
Тогда старый Вяйнämöйне
Сказал и так промолвил:
„Все вы только считаетесь мужами,
Зря носите бороды!“
- 45 Поставил молодых грести.
Молодые гребли — весла гнулись,
Уключины свистели рябчиками,
Скамейки ворковали тетеревами,

Nenä hanhena havazi.
 50 Puuttu purži, luojan luoma,
 Veno vestämä d'umala,
 Šelvällä meren šelällä,
 Ulgozella augiella,
 Ei kivellä, ei havolla,
 55 Hauvin šuuren hardejilla.
 Tuoba nuori D'ougamoine
 Vedi veičen viereldahä,
 Luun puroman puoleldaha.
 Iski miekalla merehe,
 60 Ei midä haugi totellun:
 Miekka — kolmekše palakše.
 Tuob' on vanha Väinämöine,
 Iče virkki, noin pagazi:
 „Kaikk' on miehekše kyhätty,
 65 Pandu parran kandaajakše!“
 Tuob' on vanha Väinämöine
 Vedi veičen viereldähä,
 Luun puroman puoleldaha.
 Iski miekalla merehe,
 70 Ei midä miekka totellun:
 Haugi — kolmekše palakše,
 Händämuru häilähteli,
 Keškimuru keilahteli.
 Šuadih piäpala kädehe,
 75 Kačellahe, kiänellähe:
 „Midä taštä nyt tulouve
 Šuuren hauvin hambahista?
 Luajimma täštä kandlehen
 Šuuren hauvin hambahista!“
 80 Tuob on nuori D'ougamoine
 Otti kandelen kázillä,
 Ilon iččijäh lähemmä.
 Šoitte lou, šovittelouve:
 Ei ilo ilolda tunnu,
 85 Šoitto šormien šoitannalla.
 Tuob' on vanha Väinämöine
 Iče virkki, noin pagazi:
 „Kaikk' on miehekše kyhätty,
 Pandu parran kandaajakše!“
 90 Tuob' oli vanha Väinämöine
 Otti kandelen kázillä,

Нос гусем гоготал.
 50 Остановился парусник, творцом создан-
 ный,
 Лодка, вытесанная богом,
 На прозрачном горбе моря,
 На открытой глади,
 Не на камне, не на коряге,
 55 А на спине огромной щуки.
 Молодой Ёугамойне
 Вынул нож, висевший на боку,
 Кости надвое рассекающий.
 Ударил мечом по морю,
 60 Щука ничего не почувала,
 А меч разбился на три куска.
 Но вот старый Вьянямёйне
 Сказал и так промолвил:
 „Все вы только считаетесь мужами,
 65 Зря носите бороды!“
 Тут старый Вьянямёйне
 Вынул нож, висевший на боку,
 Кости надвое рассекающий.
 Ударил мечом по морю,
 70 И с мечом ничего не случилось,
 Разрубил щуку на три куска,
 Хвост далеко отлетел,
 Серединная часть отскочила.
 Поймали головную часть,
 75 Смотрят, повертывают:
 „Что могло бы из этого выйти,
 Из зубов огромной щуки?
 Сделаем из них кантеле —
 Из зубов огромной щуки!“
 80 И вот молодой Ёугамойне
 Взял кантеле в руки,
 Отраду поближе к себе.
 Играет, настраивает,
 Но веселье не кажется весельем
 85 И игра не кажется игрою.
 Тогда старый Вьянямёйне
 Сам сказал и так промолвил:
 „Все вы только считаетесь мужами,
 Зря носите бороды!“
 90 Старый Вьянямёйне
 Взял кантеле в руки,

Ilon iččijeh lähemmä.
 Šoitte lou, šovittelouve,
 D'o ilo ilolda tunduu,
 95 Šoitto šormen šoitannalda.
 Mi liene mečäššä ollun
 Kakšin siivin lendäjiäje,
 Kaikki tuldih kuulomahe
 Väinämöizen šoitanduaie.
 100 Mi liene mečäššä ollun
 Nellin d'alloin d'uoksijuaje,
 Kaikki tuldih kuulomahe
 Väinämöizen šoitanduaie.
 Mi liene mereššä ollun
 105 Kuužin evin kulgiäje,
 Kaikki tuldih kuulomahe
 Väinämöizen šoitanduaie.
 Vede hine on vejen emändä
 Šai šara mättähällä,
 110 Šegi tuli kuulomaha
 Väinämöizen šoitanduaie.
 Nouzi lomkka luodehelda,
 Toine suurelda šuvelda,
 Kolmaš kohti koilizelda.
 115 Otti laijan, otti toižen.
 Tuob' on vanha Väinämöine
 Langei kämmenin merehe.
 Šielä kulgi kuuži vuotta,
 Kulgi kuužissa hagoina,
 120 Pedäjissä pehkopuina.
 Vедиhe vezihavoilla,
 Šai hiän šaramättähällä.
 Piäzi mualla manžingalla,
 Tiellä teräksizeldähe.
 125 Astuu muada manžingašta,
 Tiedä teräkšehistä.
 Tuli talo vaštahašše.
 Emändä on ehtojaine,
 Muori oli muštakulma,
 130 Mäni juoššen aittahašše,
 Keikutellen kellarihe.
 Toiba lohta luodazella,
 Puhtahalla purdilolla.
 Šyötti miehen kylläzekše,
 135 Haukkahutti halun alazen.

Отраду к себе поближе.
 Играет, настраивает,
 Уже веселье весельем стало,
 95 Игра игрою пальцев.
 Сколько было в лесу
 Летающих на двух крыльях,
 Все прилетели послушать
 Игру Вяйнямёйнена.
 100 Сколько в лесу было
 Бегающих на четырех ногах,
 Все прибежали послушать
 Игру Вяйнямёйнена.
 Сколько в море было
 105 Плавающих шестью плавниками,
 Все приплыли послушать
 Игру Вяйнямёйнена.
 Водяная хозяйка потоков
 Уселась на осоку на кочке,
 110 И та пришла послушать
 Игру Вяйнямёйнена.
 Поднялась глыба с северо-запада,
 Другая с большого юга,
 Третья прямо с северо-востока.
 115 Оторвали борт, оторвали другой.
 И вот старый Вяйнямёйне
 Упал ладонями в море.
 Проплавал сам шесть лет,
 Провалился в ельнике корягой,
 120 В сосняке валежником.
 Принесла его вода на коряге,
 Выбросила на кочку, покрытую осокой.
 Наконец попал на земляничную землю,
 На стальную дорогу.
 125 Шагнул он по земле земляничной,
 По дороге стальной.
 Встретился ему дом
 С приветливой хозяйкой,
 Чернобровой женщиной.
 130 Бегом побежала она в амбар,
 Попрыгивая — в погреб.
 Принесла лосося на блюде,
 В чистой посуде.
 Накормила мужчину досыта,
 135 Угостила проголодавшегося.

69. ВЯЙНЯМЁЙНЕ И ИЛЬМОЙЛЛИНЕ СВАТАЮТСЯ В ПОХЬОЛЕ

Tuob'oli vanha Väinämöine,
 Vešti tiijoilla venehtä,
 Luadi purtta laulannalla.
 Uubu kolmea šanua
 5 Parrašpuuda panneššah,
 Liittopuida liittyäješšä.
 Läksi Tuonešta orua,
 Manalašta viändimie.
 Huhuoilla häikähytti:
 10 „Tuo venehtä, Tuonen tyttö,
 Laivua, Manalan neidi!“
 „Veneh tiäldä tuodaneh,
 Kuin šyy šanottaneh,
 Mi on šiun Manalla šuattan?“
 15 „Läksin Tuonešta orua
 Manalašta viändimie“.
 D'o hiän šai laivan valmehekše,
 D'o hiän šai laivan valmehekše.
 Läks'hiän työnnottä vezillä,
 20 Laskematta lainehilla.
 Pani nuoret šoudamah,
 Nuoret šoudi, aivot notku.
 Anni tyttö, ainut neidi,
 Istu kaunehen niemen piäššä,
 25 Kačšo merellä:
 Mi merellä muššottau?
 Kuin ollet šie kalakarja,
 Niin šie uimah ulehu!
 A kuin ollet lindukarja,
 30 Niin šie lendoh levie!
 A kuin ollet vanha Väinämöini,
 Niin paginoilla painuštuate,
 Šanomoilla šuahuštuat!“
 „Kunne läkšit, vanha Väinämöine,
 35 Olgosit, Šuvennon šulho?“
 „Läksin lohta pyydämäh
 Tuonen muššašta jovešta,
 Manalan alandehešta“.
 „Tuošta tunnen tuongin miehen,
 40 Kekšin kielahan šanojah:
 Kuin ennen izoni kävi,
 Kävi valdavanhembani,

Старый Вяйнямёйне
 Делал лодку заклинаньем,
 Мастерил парус пением.
 Нехватило трех слов
 5 Для налаживания бортов,
 Для скрепления накладок.
 Он пошел в Туони за буравом,
 В Маналу за клещами.
 Там зычным голосом он крикнул:
 10 „Подай лодку, дочка Туони,
 Перевези меня, дева Маналы!“
 „Лодку подадим отсюда,
 Если нам скажешь причину,
 Что принесло тебя в Маналу?“
 15 „Я пришел в Туони за буравом,
 В Маналу — за клещами“.
 Затем он изготовил судно,
 Так он сделал лодку,
 Что лодка пошла без толчка в воду,
 20 Без спуска на волны.
 Посадил молодых грести,
 Молодые гребли — весла гнулись.
 Анни-дева, единственная дочь,
 Сидела на конце красивого мыска,
 25 Смотрела на море:
 „Что-то чернеет на море.
 Если ты рыба стая,
 Ты пусться плавать!
 Если же ты стая птиц,
 30 Разлетись в полет!
 Если же ты старый Вяйнямёйне,
 То подойди поговорить,
 Рассказать о новостях!“
 „Куда же ты поехал, старый Вяйнямёйне,
 35 Удалился, жених Суvento?“
 „Я поехал ловить лососей
 В черной реке Туони,
 В заливе Маналы“.
 „Я узнаю тебя, мужчина,
 40 Угадываю лжеца:
 Когда мой отец ходил прежде,
 Ходил туда мой отец родимый,

- Verkkuo oli venehne täyzi,
Laiva täyzi laškomista!“
- 45 Aina Annikki kyzyy,
Tinarinda riidelöy:
„Kunne läksit, vanha Väinämöine,
Olgosit, Šuvennon šulho?“
„Läksin jouččenen ajoh
5) Tuonen muššašta jovešta“.
„Tuošta tunnen tuongin miehen,
Kekšin kielahan šanojan.
Kuin ennen izoni kävi,
Kävi valdavanhembani:
55 Koira suur’oli kahlehišša,
D’ouzi suur’oli d’ändehešša“.
Aina Annikki kyzyy,
Tinarinda riidelöy:
„Kunne läksit, vanha Väinämöine?“
60 „Läksin neittä kos’s’omah
Ainijašta Pohjolašta,
Tarkašta Tapivolašta“.
Anni tyttö, ainut neidi,
Kogoi helmat kobrahanša,
65 D’uoksi hiän šepän pajah:
„Oi jot, šepä veikkoseni,
Tavo miula viijet vid’d’at,
Kolmet kolmirenkahat.
Mie šanon hyvät šanomat,
70 Pakajan hyvät pakinat“.
Šepo tako viijet vid’d’at,
Kolmed korvarenkahaizet.
„Oi jot, šepä veikkoseni,
D’o otetah šiun omas,
75 Kolmin vuozin kos’s’ottus,
Kakšin kaupoteltavaš
Pimijäštä Pohjolašta,
Tarkašta Tapijolašta“.
D’o kirboi pihet pivošta,
80 D’o vaibui vazara kiästä,
Tuonbahan šanoikse virkki:
„Pangua virkku val’l’ahih!“
Ajua karittelou
Alimmaista tiedä myöte.
85 D’o hiän piäzöy Pahjolan pihoilla.
Pohjolan izändä šanou

- Сетей была полна лодка,
Судно полно снастей!“
- 45 И Анни все спрашивает,
С оловянными монистами — спорит:
„Куда ты поехал, старый Вяйнямёйне,
Куда направился, жених Сувенто?“
„Я поехал ловить лебедей
50 На черной реке Туони“.
„Я узнаю тебя, мужчина,
Угадываю лжеца.
Когда мой отец ходил прежде,
Ходил мой отец родимый,
55 На цепи была большая собака,
Лук большой был с тетивой“.
А Анни все спрашивает,
С оловянным монистом — спорит:
„Куда ты поехал, старый Вяйнямёйне?“
60 „Я поехал сватать девицу
В темную Похьолу,
В скупую Тапиволашту“.
Анни-девушка, единственная дочь,
Собрала подол в руку,
65 Побежала она к кузнецу в кузницу:
„Кузнец, мой братец,
Выкуй мне пять цепочек,
Три пары сережек.
Я расскажу тебе важные вести,
70 Скажу важные слова“.
Кузнец сковал ей пять цепочек,
Три пары сережек.
„Кузнец, мой братец,
Хотят отнять у тебя суженую,
75 Ты сватал ее три года,
Два года ее выкупал
Из темной Похьолы,
Из скупой Тапиволашту“.
Упали клещи у него из рук,
80 Выпал молоток из рук,
Сказал такие слова:
„Запрягите мне резвого!“
Едет он, мчится
По нижней дорожке.
85 Вот он подъехал уже к двору Похьолы.
Хозяин Похьолы говорит

Pohjolan kazakalla:
 „Mäne sie kaččomah,
 Ei Valli valehta hauku,
 90 Linnan lukku luuškuttele!“
 „En jouva kaččomah,
 Pino on šuuri lad'd'attava,
 Pino on šuuri, halot hienot“.
 Pohjolan emändä šanou piijalla:
 95 „Mäne sie kaččomah,
 Ei Valli valehta hauku,
 Linnan lukku luuškuttele!“
 „En jouva kaččomah,
 Kivi on šuuri jauhottava,
 100 Kivi on šuuri, jauhot hienot“.
 D'o hiän piäzi Pohjolan pihalla,
 D'o hiän Pohjolan pirttiä piäzöy,
 Pohjolan izändä šanou:
 „Kumbani šanou šankon valmehekše“
 105 Sillä andiläš annetah!“
 Tuob on šepo Ilmolline,
 Tagoja ijän iguini,
 Hiän tago piänä,
 Ta tago toizena,
 110 D'oba piänä kolmandena
 D'o sai šankon valmehekše.
 A tuo oli vanha Väinämöine,
 Še otti vaimon varaštamalla.
 Pohjolan vanha emändä —
 115 Še läkši jälgeh tavottamah.
 Tavotti vanhan Väinämöisen,
 Ei ambun Väinämöistä,
 Ambu Väinämön hevoista
 Alapuolen längilöistä.
 120 Šiitä tuo vanha Väinämöine
 Langei kämmenin mereh,
 Morsien pois otettih.

Работнику Похьолы:
 „Ты сходи, посмотри,
 Валли напрасно не лает,
 90 Крепостной пес зря не тьякает!“
 „Мне некогда смотреть,
 Большую поленницу надо сложить,
 Поленница большая, дрова мелкие“.
 Хозяйка Похьолы говорит служанке:
 95 „Сходи ты, посмотри,
 Валли не лает напрасно,
 Крепостной пес зря не тьякает!“
 „Мне некогда смотреть,
 Большой жернов надо крутить,
 100 Жернов большой, мука мелкая“.
 Вот он уже въехал во двор Похьолы,
 Входит уже в избу Похьолы.
 Хозяин Похьолы говорит:
 „Кто из вас изготовит Сампо,
 105 За того выдадим девицу!“
 Тут кузнец Ильмойлине,
 Вековечный кователь,
 Он ковал день,
 Ковал второй
 110 И, наконец, на третий
 Сделал Сампо.
 А старый Вьянямёйне
 Увел себе жену украдкой.
 Старая хозяйка Похьолы
 115 Погналась за ним.
 Догнала старого Вьянямёйнена
 И не выстрелила в Вьянямёйнена,
 А выстрелила в коня Вьянямёйнена,
 Пониже хомута.
 120 От этого старый Вьянямёйне
 Упал руками вперед в море,
 Невесту у него отняли.

70. КУЛЛЕРВО УЗНАЕТ О СМЕРТИ РОДНЫХ

Kullervo, Kalervon poiga,
 Šoitti šuolla männeššäh,
 Kajahutti kangahalla.
 Šuo šorahti, mua jurahti,

Куллерво, сын Калерво,
 Играл, проходя по болоту,
 Наигрывал на бору.
 Болото зашумело, земля затряслась,

- 5 Kangaš vaštaha kajahti.
Šanomat jäleldä tuldih:
„Tuattoš koišša on kuolomašša!“
„Kuolloh kuolkahaš se;
Šuan mie šemmoišta tuattuo:
10 Vardalon — lahošta puušta,
Piän šuan suomättähäštä,
Korvat — lammin lumbehešta,
Šilmät — liinan šiemeneštä!“
Kullervo, Kalervon poiga,
15 Šoittau šuolla männeššäh,
Kajahuttau kangahalla.
Šuo šorahti, mua jurahti,
Kangaš vaštaha kajahti.
Šanomat jäleldä tullah:
20 „Min’n’äs koišša on kuolomašša!“
„Oi milma, poloista poigua,
Puudu miulda pudrostaušča,
Kado kakkaraveroni!“

- 5 Бор в ответ загудел.
Через малое время вести приходят:
„Твой отец дома при смерти!“
„Если умирает, так пусть умирает,
Найду я такого отца:
10 Туловище его — из гнилого дерева,
Голова — из болотной кочки,
Уши — из зелени на лесном озерке,
Глаза — из конопляных семян!“
Куллерво, сын Калерво,
15 Играет, проходя по болоту,
Наигрывает на бору.
Болото зашумело, земля затряслась,
Бор в ответ загудел.
Через малое время вести приходят:
20 „Невестка твоя дома при смерти!“
„О, я — несчастный парень,
Исчезла у меня миска с кашей,
Пропала закуска из калачей!“

71. ПОИСКИ ГУСЯ

- D’o tuolla veijo tulou,
Alda linnan airot likkuu,
Piäldä linnan piä vabizou.
„Midäbä miula veijo tuou?“
5 „Šormet täyvvet šormuksie“.
„Midäbä miula toine tuou?“
„Rinnan täyven ristizie“.
„Midäbä miula kolmaš tuou?“
„Tuoba miula hanhozen,
10 Tuou linduzen“.
„Kunne panen hanhozeni,
Kunne panen linduzeni?
Panen kaunehen kannon piähä,
Muštat linnut muistamah.
15 Olenba yödä, kakši, kolme,
Lähen hanhuo kaččomah,
D’o on männyn hanhozeni,
D’o on männyn linduzeni,
Lähen hanhuoni eččimäh,
20 Aššun tiedä temmingäistä,
Tulou aho vaštahani.

- Вот едет там мой братец,
Из-под крепости веслами машет,
Под крепостью голова мелькает.
„Что же мне братец привезет?“
5 „Кольца на все пальцы“.
„Что же мне второй привезет?“
„Крестов на всю грудь“.
„Что же мне третий привезет?“
„Привезет мне гусенка,
10 Привезет птичку“.
„Куда же дену я своего гусенка,
Куда же дену я свою птичку?
Посажу на красивый пенек,
Черную птицу на примету.
15 Пробуду я две-три ночи
И пойду поглядеть на гуся,
Уже ушел мой гусенок,
Уже улетела моя птичка.
Пойду искать я своего гусенка,
20 Иду я по прямой дорожке,
Передо мною пожара,

Aho täyz'on leikkuaajua,
 Veikkozeni ollah leikkuamašša".
 „Jumala abuh veikkoillani!“
 25 „Kunne matkuat, čikkozeni?“
 „Matkuan hanhuošta eččimäh.
 Ettägö nähнын hanhoistani,
 Ettägö nähнын linnuistani?“
 „Migä oli merkki hanhollasi?“
 30 „Kuba oli kullin kirjuteltu,
 Varbahat vazen valettu,
 Tina nenin tiukutettu“.
 „Tuošta lendi löyhytti,
 Šiibi taivasta tavoitti,
 35 Toini merdä kuopuaili“.
 Aššun muada manžingaista,
 Tiedä teräksistä,
 Tuli randa vaštahani,
 Čikkoni on pezemäššä.
 40 „Jumala abuh čikoillani“.
 „Kunne läkšit, čikkozeni?“
 „Läksin hanhoista eččimäh;
 Ettegö nähнын hanhoistani,
 Ettegö nähнын linnuistani?“
 45 „Midäbä oli merkki hanhollasi?“
 „Kuba oli kullin kirjutettu,
 Varbahat vazin valettu,
 Tina nenin tilkutettu“.
 „Tuošta lendiä löyhytteli,
 50 Šiibi taivašta tavoitti,
 Toini merdä kuopuaili“.
 Aššun muada manžingaista,
 Tiedä teräksistä,
 Tuli koda vaštahani,
 55 Kolahutin kovan ovie,
 Rämähytin räyššäspuuda.
 Šieldä hyppäi mušta Mučči,
 Puri poikki pohkieni,
 Haukkazi hauvislihani.
 60 Miebä en midä totellun,
 Iče ielläh kodah,
 Karhu kangasta kudou,
 Hanhozeni kiämittäy,
 Rebo rieškan taputtau,
 65 D'änis jauhuo sieglou,

На пожоге много жнецов,
 Мои братья там жнут“.
 „Бог в помощь, мои братья!“
 25 „Куда идешь, наша сестрица?“
 „Иду искать гусенка.
 Не видали ли моего гусенка,
 Не видали ли мою птичку?“
 „Какая примета у твоего гусенка?“
 30 „Зоб золотом расписан,
 Лапки из меди отлиты,
 Клюв из олова выкован“.
 „Вон там он летел, порхал,
 Крылом небо задевал,
 35 Другим море бороздил“.
 Иду по земляничникам,
 По стальной дорожке,
 Передо мною берег,
 Сестрица моя белье моет.
 40 „Бог в помощь, сестрица!“
 „Куда идешь, моя сестричка?“
 „Пошла я искать гусенка,
 Не видала ли моего гусенка,
 Не видала ли моей птички?“
 45 „Какая примета у твоего гусенка?“
 „Зоб золотом расписан,
 Лапки из меди отлиты,
 Клюв из олова выкован“.
 „Вон там он летел, порхал,
 50 Крылом небо задевал,
 Другим море бороздил“.
 Иду по земляничникам,
 По стальной дорожке,
 Передо мною избушка.
 55 Стукнула я сильно в дверь,
 Постучала по краю крыш,
 Оттуда выпрыгнул черный Муччи,
 Перекусил мою икру,
 Укусил он за мышцу икры,
 60 Но я не остановилась
 И пошла дальше в избу.
 Там медведь ткани ткёт,
 Мой гусенок наматывает цевки,
 Лиса тесто катает,
 65 Заяц муку сеет,

- Pälläri pärettä kiskou,
 Orava juoksou ortta myöte,
 Kärpäni pärettä myöte.
 „Otanba mie hanhozeni,
 70 A tapanba mie linduzeni!“
 Karhu siändy — kangahan katko,
 Rebo siändy — riešat poltti,
 Jänis siändy — jauhot kuado,
 Pälläri siändy — päriet katko,
 75 Orava siändy — orret kuzi,
 Kärpäne siändy — päriet kuzi.
 „Elä tapa, emändä raukka,
 Kynnän pellot kynzilläni,
 Vagoan varbahillani,
 80 Pirtin pyyhin perzielläni,
 Sinčit pyyhin šiivilläni,
 Kylvän kymmenen d'yväistä,
 Kazvaabi šada kevoista,
 Yhen kannon ymbärillä!“

- Иной зверек лучину щеплет,
 Белка бежит по жерди,
 Муха — по лучинке.
 „Возьму-ка я своего гусенка,
 70 Убью-ка я свою птичку!“
 Медведь рассердился, основу порвал,
 Лиса рассердилась, лепешки пожгла,
 Заяц рассердился, муку рассыпал,
 Зверек рассердился, лучинки поломал,
 75 Белка рассердилась, жердь обмочила,
 Муха рассердилась, лучинки обмочила.
 „Не убивай меня, хозяйюшка,
 Я вспашу тебе поле коготками,
 Проведу борозды лапками,
 80 Подмету избу своим хвостиком,
 Сени подмету своими крыльями,
 Посею десять зернышек,
 Вырастут сто стогов
 Вокруг одного пенька!“

72. МЫШЬ НА ЛЫЖАХ

- Läksi hiiri hiihtämäh,
 Lyhyt polvi lynttämäh.
 „Kunne hiihät hiirihyini?“
 „Läksin puidani pilkkomah,
 5 Halgoziani hakkuamah.“
 „A kun puu piälläs kuaduu?“
 „Mie putken juuren alla“.
 „A kun vaččaš painuu?“
 „Mie pistelen nieglazella“.
 10 „A kun veri lähtöy?“
 „Mie voijan voizimilla“.
 „Missägä šidä voizinda?“
 „Vanhan akan vakkazešša,
 Nuoren lehmän nännizešša“.
 15 „Missägä še on nuori lehmä?“
 „Vihannašša mättähäššä“.
 „Missägä še on vihanda mätäš?“
 „Viikate šen leiikai“.
 „Missägä on viikate?“
 20 „Viikate on kannon piäššä“.
 „Missägä še on kando?“

- Пошла мышь на лыжах,
 Коротконогая поехала.
 „Куда пошла на лыжах, мышка?“
 „Пошла я дрова заготовлять,
 5 Пошла дрова рубить“.
 „А если дерево на тебя упадет?“
 „Я шмыгну под корни дерева“.
 „А если тебе живот придавит?“
 „Я проколю свой живот иглами“.
 10 „А если кровь пойдет?“
 „Рану я намажу снадобьем“.
 „А где добудешь то снадобье“.
 „В ларце старой старухи,
 В сосцах молодой коровы“.
 15 „А где та молодая корова?“
 „На зеленой кочке“.
 „А где зеленая кочка?“
 „Коса-горбуша ее обкосила“.
 „А где коса-горбуша?“
 20 „Коса-горбуша на пне“.
 „А где тот пенек?“

„Šen tuli poltti“.
 „Missägä še on tuli?“
 „Šen vezi šammutti“.
 25 „Missägä še on vezi?“
 „Härgä šen ryyppäi“.
 „Missägä še on härgä?“
 „Šen hamara tappo“.
 „Missägä še on hamara?“,
 30 „Še on muzikalla vyön alla“.
 „Missägä on muzikka?“
 „Še on kuuvven meren tagana,
 Šulkkuu šuonniu,
 Langua lappua
 35 Morziemella tulomakše!“

„Его огнем спалило“.
 „А где огонь?“
 „Вода его залила“.
 25 „А где вода?“
 „Бык ее вылакал“.
 „А где бык?“
 „Его обух убил“.
 „А где тот обух?“
 30 „Он у мужчины за поясом“.
 „А где тот мужчина?“
 „Он за шестью морями,
 Там он шелк ищет,
 Нитки мотает,
 35 Ждет свою невесту“.

М. М. Панкратьева

73. ЛЕММИНГЯЙНЕ СВАТАЕТСЯ

Lemmingäine oli liedo poiga
 Kierdi rannan, kierdi järven,
 Kierdi mečät kiirehäizet
 Kohtah neijen kaunehen,
 5 Helamarjan hemmehen.
 Tuli pirtti ihistumah.
 „Midä issut, izän poiga,
 Issutko izännän hyvyttä,
 Vainko pirtin valgevutta?“
 10 „En issu izännän hyvyttä,
 Engö pirtin valgevutta,
 Issun imbien hyvyttä,
 Kanavarren kaunehutta“.
 „Mistäbä tiezit, Tiukamoini,
 15 Kuulitba kultani omena,
 Tämän neijon kazvannan,
 Imbien ylenennän?“
 „Šiidäbä tiezin, Tiukamoini,
 Kuulimba, kuldani omena:
 20 Šavu pakšušta pageni,
 Tuli niemen tutkamista,
 Šuuri oli šovan šavukše,
 Pieni paimenen palokše,
 Kuin oli viekkaine viettelemäh,

Леммингяйне — хитрый парень
 Обошел он берег, обошел озеро,
 Обошел кругом леса,
 Пришел к красивой девушке,
 5 К яркой яголке прелестной.
 Пришел он в избу посидеть.
 „Что сидишь тут, отцовский сын?
 Сидишь ли потому, что хозяин добр,
 Или ради чистоты избы?“
 10 „Сижу я не для доброго хозяина
 И не ради чистоты избы,
 Сижу я ради хорошей девушки,
 Ради красоты этой курочки“.
 „Откуда узнал ты, Тиукамойни,
 15 Услышал о золотом яблочке,
 Что растет здесь эта дева,
 Что вырастает здесь девица?“
 „Оттуда узнал я, Тиукамойни,
 Услышал о золотом яблочке:
 20 Густой дым поднимался,
 Костер был разложен на конце мыса;
 Он велик был для военного дыма,
 Мал для костра пастухов.
 Мастерница она была завлекать меня,

- 25 Kāpāš kättä andamah,
Kiivaš kihloja ottamah.
Jogo viikon vuotettu on, —
Valvatettava on valmis?“
„Vuotit viikon — vuota vielä,
30 Jo on jalga kengitetty,
Toin'on kengitettävänä;
Vuotit viikon, vuota vielä,
Jo on hiemua hiemotettu,
Toin on hiemotettavana;
35 Issuit viikon — issu vielä,
Puoli on piädä palmikoïdu,
Toin'on palmikoittavana.
Poiges, pojat! uloš, urohot,
Pihalla pitimmät miehet!
40 Jo on valmis valvattina,
Valmis valvatettavana;
Kačoš tästä kaunikeš,
Ongo omaš otettava?“
„Mäne šie myödäh, myödy neidi,
45 Kanžoin kaupattu kanani!“
Lemmingäine liedo poiga
Murraldi mučon regehe,
Löi hiän virkkuja vičalla,
Virkku juoksi, matka joudu,
50 Regi vieri, tie mureni.
„Mi on juoššun tieštä poikki?“
„Rebo on juoššun tieštä poikki“.
„Parembi olis reuhkujan revon jälissä,
Ei kuin Lemmingän reješšä!“
55 Elä huoli, Hiijen huori,
Vuota piäzemmä kodimiällä,
Kodimiällä korgiella,
Veššän veičettä lihat,
Juon veret kauhazetta,
60 Šyön luutoinda lihua,
Šuonetoina pohkiedasi!“
Sinčoin šillat šiirdeliydyy
Sinčoillista šiivojaista,
Pirtin šillat pyördeliydyy
65 Pirtillistä pyyhkijäistä.
Vahti haukkuu vajan piäššä
Valgeista ruokkijoista,
Kaži n'auguu karžinašta
- 25 Ловка руку подавать,
Быстра обручальные подарки брать.
Готова ли долгожданная,
Готова ли бодрствующая?“
„Ждал ты долго, жди еще,
30 Одна нога уже обута,
Другая должна быть обута;
Ждал ты долго, жди еще,
Один рукав уже одет,
Другой должен быть одет;
35 Сидел ты долго, сиди еще,
Полголовы в косы заплетено,
Другая половина должна быть заплетена.
Прочь, парни! Выйдите, герои,
На улицу, высокие мужчины!
40 Вот уже готова невеста,
Бодрствующая готова;
Смотри теперь красотку,
Свою ли ты берешь?“
„Слушайся его, проданная дева,
45 При всем народе купленная курочка!“
Леммингяйне — хитрый парень,
Усадил он жену в сани,
Ударил он резвого прутom,
Бежал резвый, дорога уходила,
50 Сани сломались в дороге.
„Что перебежало нам дорогу?“
„Лиса перебежала дорогу“.
„Лучше бы мне убежать за этой лисой,
Чем быть в санях у Леммингяйне!“
55 „Не беспокойся, дочь Хийси,
Подожди, попадем на родную гору,
На высокую, родную гору,
Состругаю без ножа твое мясо,
Выпью без ковша твою кровь,
60 Поем мяса без костей
И твоих икр без жил!“
В сенях половицы расступались
Перед подметающей сени,
В избе половицы перевертывались
65 Перед подметающей избу.
Собака лает из-под навеса
На нежно-белую хозяйку,
Кошка мяукает в подвале,

Kaunihaista kaččojaista.
π „Miero vuottau uutta kuuda,
Mie še vuotan veikkoistani,
Veikkoistani min'n'astani,
Uutta eläjäistäni.
Kägezi kägözen tuuva,
75 Helamarjan hellitellä.
Toi kylyn kryykän,
Šaunan šalvon,
Perehen torakapičan“.

Встречая красивую хозяйку.
70 „Мир весь ждет новолунья,
Я же жду своего брата,
Брата жду и невестку,
Пополнения семьи.
Обещал он привезти кукушку,
75 Ягодку нежную обещал,
А привез он банный крюк,
Банный сруб,
В семью вносящий раздор“.

ТУНГУДСКИЙ РАЙОН

Ф. А. Елагина

74. ВЯЙНЯМЁЙНЕ И ИЛЬМАРИНЕ СВАТАЮТСЯ В ПОХЬОЛЕ

Oli vanha Väinämöin'e,
Pyyhki pikku perttizen,
Vei ruhkie pihalla,
Tuli jälelläh.
5 Otti oron ohjakset olgapiällä,
Šuvikunnan šuičet vyöllä,
Šeižattuu kuulomah:
Ei ole itku lapsen itku.
„Midä itet, puin'e purži,
10 Veneh hangan'e halajat?“
„Šidä iten, puin'e purži,
Veneh hangani halajan,
Muut purret, pahemmat purret,
Kolmičči tänä kezänä
15 Täydenä eluo tuodih.
Mie purži, paraš purži,
Venyn veštämäizillähä,
Lahon laštuzieni piällä!“
Iče vanha Väinämöin'e
20 Leikkai vaššan leppäzen,
Katkai vaššan kadajaizen,
Pyyhki purren puhtahakše,
Venozen avullizekše.
Lykkäibä venon vezillä,
25 Lykkäi venon vezillä;
Pani vanhat šoudamah,
Vanhat šoudau, kiät vārizöy;
Pani nuoret šoudamah,

Был старый Вяйнямёйне,
Подмел он маленькую избушку,
Отнес мусор на двор,
Вернулся обратно.
5 Взял вожжи мерина на плечо,
На пояс узду Сувикунты,
Остановился слушать:
Это плач — не плач ребенка.
„Что плачешь, деревянная ладья,
10 Лодка с уключинами, чего хочешь?“
„То я плачу, деревянная ладья,
О том, лодка с уключинами, жалею,
Что другие лодки, похуже лодки,
Трижды за это лето
15 Полными добра приходили.
Я же лодка, лучшая лодка,
Лежу на своих отесках,
Гнию на своих щепках!“
Старый Вяйнямёйне
20 Срезал ольховый веник,
Наломал веник можжевеловый,
Подмел начисто лодку,
Лодочку себе в помощники.
И толкнул он лодку на воду,
25 Спустил он лодку на воду,
Стариков грести поставил.
Старики гребут — руки трясутся;
Поставил молодых грести,

- Nuoret šoudau, aivot notkuu,
 31 Hingat hanhena hačattau.
 Iče istuudu perähe
 Melan vaškizen varah;
 Hingat hanhena hačattau,
 Perä joiguu jouččenena.
 35 Matkuau päivän, matkuau toizen,
 Jo kohta kolmannen laškou.
 Anni tyttö, ainut neičyt,
 Kekši muštazen merellä,
 Lainehtijat lainehilla.
 40 Joukšou randatiellä,
 Poikkipuolin pordahalla:
 „Kunneba läksit, Väinämöin’e?“
 „Läksin šorzien ajoh,
 Kuonašuida korjuamah!“
 45 „Toizin ennen miun izäni —
 Läksä šorzien ajoh,
 Kuonašuida korjuamah:
 Verkkuo — venoni täyzi,
 Laiva täyzi laškiemie!“
 50 „Läksimbä mie šulhazikšc —
 Pimiehe Pohjozehe“.
 Anni tyttö, ainut neičyt,
 Juokšou šeprozen pajahe:
 „Oigo, veijoni Ilmorin’e,
 55 Tagoja ijän igun’e,
 Tavo miula viijet vit’t’at,
 Kuuvet kuldarengahaizet,
 Ni mie šanon tovet šanomat:
 Joba viedih vihjattuze,
 60 Otettihe ošsettuze,
 Šavoin markoin makšettuš,
 Tuhanzin lunašsettuš!“
 „Anni čikko, ainuo neičyt, —
 Lämmitä uduni kily,
 65 Šuaššuta šimoini šauna,
 Pijan pertti riuvuttele,
 Luajiba poruo vähäni,
 Šäikkyväistä, läikkyväistä,
 Kynnellä kygeneväistä!“
 70 „Mäne, piiga, kaččomahe,
 Midä haukkuu hallikoira,
 Linnan lukki luikuttelou!“

- Молодые гребут — весла гнутся,
 30 Уключины, как гуси, гогочут.
 Сам уселся на корме,
 За медный руль уселся;
 Уключины гусями гогочут,
 Корма лебедем кричит.
 35 Ехал день, ехал другой,
 Скоро третий день проходит.
 Анни-дева, единственная дочь,
 Смотрит — на море что-то чернеет,
 Колышется на волнах.
 40 Выбежала она на берег,
 На ступеньки настила:
 „Куда едешь, Вяйнямейне?“
 „Еду за утками поохотиться,
 Плосконосых собирать!“
 45 „Не так когда-то мой отец
 Ездил на охоту за утками,
 Плосконосых собирать:
 Сетей была полная лодка,
 Целое судно полно снастей!“
 50 „Поехал я женихом
 В темную Похьолу“.
 Анни-дева, единственная дочь,
 Побежала в кузницу к кузнецу:
 „Ой, мой братец Ильморине,
 55 Кователь вековечный,
 Скуй мне пять цепочек,
 Шесть колечек из золота,
 Я сообщу тебе верные вести:
 Уже увезли твою нареченную,
 60 Взяли выкупленную тобою,
 За сто марок купленную,
 Выкупленную за тысячу!“
 „Анни-дева, единственная сестра,
 Затопи баню с паром,
 65 Приготовь медовую баню,
 Избу быстренько затопи.
 Разведи щелоку немного,
 Искриться и плескаться
 Стал бы он на ноге!“
 70 „Иди, служанка, посмотри,
 Что лает собака Халли,
 Тявкает крепостной пес!“

- „En jouva, emänd'ä raukka,
Kivi on šuuri pyöritettävä,
75 Kivi šuuri, jauhot hienot,
Jauhoja olen vähävägin'e“.
„Mäne, kazakka, kaččomah!“
„En jouva, emänd'ä raukka,
Pino on šuuri pilkottava,
80 Pino šuuri, halot hienot,
Pilkkoja olen hil'l'anlain'e!“
Iče hyppäi kaččomah,
Kekši muštazen merellä,
Lainehtijan lainehilla.
85 „Tuoba, piiga, vettä kattilalla,
Tuoba vettä šieglazella!“
Iče Pohjazen emänd'ä
Tuoba vettä kattilalla,
Varzin vaštahan mänöy,
90 Ičekšeh laulelou:
„Tuoda vuotin tuo igäni,
Halgi polveni halazin,
Šuvukseni šuurda mieštä,
Vävykseni Väinämöistä“.
95 Šiida tuldi pertti,
Ando tyttären Pohjazen emänd'ä.
Istuuvutti venozehehe,
Šouvettihe palani matkua.
Ičebä vanha Väinämöin'e
100 Karjuu iänellä korgiella:
„Älä tule vaštahani, —
Još šie tulet vaštahani, —
Šiukšou veri veneheštä,
Razva hangojen šijoista!“
105 Šouvetti vähäni matkua,
Ičebä moržien nuorikkoni
Lykkäi kirjakindahaizet.
Virkki vanha Väinämöin'e:
„Mikše lykkäit kindahat?“
110 Lykkäi kirjakindahaizet,
Iče hyppäzi merehe,
Katkai venehen kahekše,
Piäzi venoh Ilmorizen,
Ei jännyt kuin venehen n'okko.
115 Nokkah nouzi Väinämöine,
Šieldä huhuo Ilmozella:
- „Занята я, хозяйка родная,
Большой жернов крутить надо,
75 Жернов большой, мука мелкая,
Молольщица я малосильная“.
„Иди, работник, посмотри!“
„Занят я, хозяйюшка родная,
Поленницу большую наколоть надо,
80 Поленница большая, дрова мелкие,
Дровосек я не из быстрых!“
Выбежала сама смотреть.
Смотрит — на море что-то чернеет,
Качается на волнах.
85 „Принеси, служанка, воды в котле,
Принеси воды в решете!“
Сама хозяйка Похьолы
Несет воду в котле,
Спешит его встречать,
90 Про себя напевает:
„Такого ждала я всю жизнь,
В свое колено желала,
В свой род великого мужа,
Зятем своим Вьянямёйна“.
95 Тут вошли они в избу.
Выдала хозяйка Похьолы свою дочь.
Уселись они в лодку,
Проехали часть пути.
Старый Вьянямёйне
100 Кричит зычным голосом:
„Не попадайся мне навстречу,
Если ты попадешь мне навстречу,
Потечет кровь из твоей лодки,
Жир с тех мест, где уключины!“
105 Погребли еще немного,
Невеста молодая
Выбросила расшитые рукавички.
Говорит старый Вьянямёйне:
„Зачем ты выбросила рукавички?“
110 Выбросила расшитые рукавички,
Сама прыгнула в море,
Сломала лодку пополам,
Поднялась в лодку Ильморинена,
Осталась лишь корма лодки.
115 На корму поднялся Вьянямёйне,
Оттуда кричит Ильмонену:

„Kenen taivaš tähittäjä,
Kembä suon on mättähittän,
Kanavat ken kaivannuh,
120 Kenen taivaš tähittäjä?“

„Кто усеял небо звездами,
Кто кочки на болоте сотворил,
Кто выкопал канавы,
120 Кто усеял небо звездами?“

75. ВЯЙНЯМЕЙНЕ ДЕЛАЕТ КАНТЕЛЕ И ИГРАЕТ НА НЕМ

Oli vanha Väinämöin'e
Aina ongella olija,
Kevätyksellä aina käyjä.
Puuttu purži Väinämöizen.
5 „Kivellägö, vain havolla,
Vaingo hauvin hard'ehilla?“
Ei kivellä, ei havolla,
Eigä hauvin hard'ehilla.
Noštiba kalan venozeh,
10 Kaččelou, kiändelöye:
„Šiliähkö šiigazekše,
Kujehehko kujazekše,
Luobuza lohikalakše,
Rinnatoin on neidozekše.
15 Oisko kuokkane taguo,
Eli kilbi, kirvehyine,
Eli talvitapparain'e,
Lohiviibloin viilläkšeni,
Lohipärstöin pannakšeni,
20 Lohiziksə lounahikse!“
Lohi loiskahti mereh,
Kalan kirja kimmertihe
Uallolla yheksännellä,
Kuvehella kummallagi.
25 Äšen piädäh kohotti:
„En mie šiula tullungana
Lohizikse lounahikse,
Lohiviibloin viilläkšeže,
Lohipärstöin pannakšeže;
30 Miebä šiula tuline
Iguzekše puolizokše,
Piän alukšen panijakše,
Jalgojen jakšattajakše!“
Iče vanha Väinämöin'e
35 Allapäin, pahalla mielin,
Šoudi šeprozen pajahan,

Был старый Вяйнямейне,
Все удил он удочкой,
Ходил на весеннюю добычу.
Застряла лодка Вяйнямейнена:
5 „На камне или на коряге,
Или на спине щуки?“
Не на камне она, не на коряге,
И не на спине щуки застряла.
Поднял он рыбу в лодку,
10 Рассматривает, поворачивает ее:
„Для сига она гладка,
Для судака резва,
Для лосося изменчива,
Нет груди, чтоб быть ей девицей.
15 Была бы мотыга,
Или щит, или топор,
Или был бы бердыш,
Я бы лосося на ломти раскрыл,
Лосося на куски бы разрезал.
20 Лососину приготовил бы на обед!“
Лосось выскользнул в море,
Пестрая рыба взметнулась
На волну девятую,
По обе стороны вала,
25 И выставила голову:
„Я пришла к тебе
Не лососем на обед,
Чтоб тебе кроить лосося на ломти,
На куски лосося резать;
30 Я к тебе приходила
Быть подругой на всю жизнь,
Под голову подушку взбивать,
Ноги твои разувать!“
Старый Вяйнямейне
35 Голову повесил, опечалился,
Приплыл к кузнице кузнеца,

Tago haravan da haravan varren.
 Šadua šyldä varži pitkä,
 Piit kahta šadua kapšutteli.
 40 Haravoičči rannanraijat,
 Rannanraijat, ruuvon juuret;
 Löydi ruodua muruzen,
 Kalan luuda kappalehen.
 Kaččeloue, kiändelöye:
 45 „Mibä tästägi tulize
 Hyvän mahtavan kázissä?“
 Tulis kappo kandelvoini.
 Košessa, kiven tagana,
 Šoittau šotka kandelotta,
 50 Vezilindu vel'uttelou,
 Ei ole ilo ilolla,
 Ei ole šoitto šoitollahe.
 Iče vanha Väinämöin'e
 Otti šoitun šormillahe,
 55 Kázilläh sen kandelvoizen:
 Šormin šoitti kandlehta,
 Kielin kandeheh pagizi.
 Ičepä tuo vein emänd'ä
 Šinišukkaha šidoudu,
 60 Punapaglaha paneudu,
 Lepän lengolla yleni,
 Koivun kangelolla kohozi
 Šoitandua kuulomah,
 Šoitandua Väinämöizen,
 65 Viuluo Uvandolaizen.
 Iče vanha Väinämöine
 Šoittelou da kaččeloue,
 Šoittelou da kaččeloue.
 Ei ni neido nouššukkana.

Выковал грабли и грабловище,
 В сто сажень длиною грабловище,
 Зубья по двести выковал.
 40 Выгрбал он береговой тальник,
 Береговой тальник, корни камышей;
 Нашел крошку рыбьей кости,
 Рыбьей кости кусочек.
 Рассматривает, поворачивает его:
 45 „Что бы из этого вышло
 В руках хорошего мастера?“
 Из кусочка вышло бы кантеле.
 В водопаде за камнем
 Играет утка на кантеле,
 50 Птица водяная наигрывает,
 Да не весело веселье
 И игра не звучит игрой.
 Сам старый Вяйнямёйне
 Взял кантеле пальцами,
 55 В руки взял кантеле:
 Пальцами играл на кантеле,
 Словно языком, кантеле заговорило.
 Сама хозяйка воды
 С синими чулочками на ногах,
 60 Красными онучами перевязалась,
 Поднялась на ольховые ветки,
 На березовые приподнялась
 Послушать ту игру —
 Игру Вяйнямёйнена,
 65 Игру Увандолайнена.
 Сам старый Вяйнямёйне
 Играет, да посматривает,
 Играет, да посматривает,
 Но не поднялась та девушка.

76. ЛЕММИНГЯЙНЕ НА ПИРУ В ПЯЙВЁЛЕ

Savu šuarella palauve,
 Tuli niemen tutkamissa.
 Ošmotar oloista keittäy,
 Kabo kahjua rakendau.
 5 Regilöjä luajitaha,
 Vembelie veissetähe.
 Iče vanha Väinämöin'e

Дым на острове курился,
 Огонь — на конце полуострова.
 Осмотар варила пиво,
 Кабо квас готовила.
 5 Сани там мастерили,
 Дуги для упряжки тесали.
 Старый Вяйнямёйне

Hiero linduzene kuldarinnan
 Kahen kämmenen välissä:
 10 „Mäne šinne, kunne työnin,
 Šinizen joven šivuilla:
 Šielä karhut tappeloue,
 Orihitte šoin pidäy.
 Kuču rujot, kuču rammot,
 15 Šogiet venehin šouva,
 Elä yhtä Lemmingäistä!“

Lemmingäine on liedo poiga,
 Juokšouba kodihe kohti:
 „Oi, emoni vanhembani,
 20 Tuoba šie šodišobani;
 Kanna, vaimo, vuattieni,
 Pidoloissa piettäväte,
 Häissä häilytelläväte.
 Raudapaijoissa on parembi,
 25 Tinavöissä tilkkahempi!“
 Emo kielläy, vaimo käšköy.
 „Elä lähe, poigaženi,
 Tuonne Päivölän pidoihe,
 Hyvän joukon juomingihe.
 30 Kolme on šurmua matalla!“
 „Oi, emoni vanhembani,
 Šano šurma enzimmäine!“
 „Tulouba tulin'e koški,
 Košešša on tulin'e koivu,
 35 Koivušša on tulin'e kokko,
 Kokolla on tulizet kynnet,
 Yötbä hammašta hivoue,
 Päivät kynttä kiukuttaue
 Lemmingäizen piän varalla!“
 40 „Oi, emoni vanhembani,
 Ei ole šiinä miehen šurma,
 Eigä vieläi aigamiehen,
 Lemmingäizen liijatengin:
 Otan kul'l'un kuollehelda,
 45 Šyötän šyöjällä kidahe,
 Šillä šen šovien vajeltah,
 Iče ielläh mänene,
 Kullervoitan kangahilla,
 Šoitän šoilla männeššäni.
 50 Oi, emoni vanhembani,

Натер птичку с золотой грудью
 Между двух ладоней:
 10 „Лети туда, куда пошлю,
 К побережью синей реки:
 Там медведи разодрались,
 Жеребцы резвятся буйно.
 Зови убогих, зови хромых,
 15 Пусть слепые на лодках гребут,
 Не приглашай одного лишь Леммингяй-
 нена!“

Леммингяйне, хитрый парень,
 Подбегает к своему дому:
 „О, мать моя старая,
 20 Принеси мне военные доспехи;
 Неси, жена, мою одежду,
 Что на пирах ношу,
 Что я на свадьбах надеваю.
 Лучше быть в железных доспехах,
 25 Удобнее иметь оловянный пояс!“
 Мать запрещает, жена посылает.
 „Не езди, мой сынок,
 Туда — на пир Пяйвёлы,
 На пир хорошей братчины,
 30 Три смерти в пути ты встретишь!“
 „О, мать моя старая,
 Расскажи мне про первую смерть!“
 „Увидишь огненный водопад,
 На том водопаде — огненная береза,
 35 На березе — огненный орел,
 У орла — огненные когти,
 По ночам он зубы точит,
 Днем когтями скрипит
 На гибель Леммингяйнена!“
 40 „О, мать моя старая,
 Нет тут смерти для мужчины,
 Да еще для взрослого мужчины.
 Для Леммингяйнена давно:
 Возьму я череп мертвеца,
 45 Брошу в пасть людоеду,
 Так я этой опасности избегну,
 Сам пойду дальше,
 Как Куллерво, по борам,
 Заиграю в пути на болоте.
 50 О, мать моя старая,

Šano šurma, toin'e šurma!
 „Tulouba tuline aida
 Čičiliuškuilla on šivottu,
 Kiärmehillä on kiännytetty,
 55 Niillä on hännät häilymäššä,
 Piäkerät kehäjämäššä
 Lemmingäizen piän varalla!“
 „Oi, emoni vanhembani,
 Ei ole šiinä miehen šurma,
 60 Eigä aiga miehen šurma,
 Lemmingäizen liijätengin:
 Otan kul'l'un kuollehelda,
 Šyötän šen šyöjän kidahe,
 Šillä šen šovien vajellan,
 65 Iče ielläh vajellan,
 Kullervoitan kangahilla,
 Šoitан šuolla männeššäni
 Tuonne Päivölän pidoihe.
 Oi, emoni vanhembani,
 70 Šano vielä kolmaš šurma!“
 „Tulou tulizet seibähäte
 Muašta šuate taivahahe,
 Taivahašta muahe šuate,
 Yksi on šeiväš piättä jännyt
 75 Lemmingäizen piän varalla!“
 „Ei ole šiinä miehen šurma,
 Eigä vieläi aigamiehen,
 Lemmingäizen liijätengin:
 Otan kul'l'un kuollehelda,
 80 Šyötän šyöjällä kidahe,
 Šillä šen šovien vajellan,
 Iče ielläh mänene,
 Kullervoitan kangahilla,
 Šoitан šoilla männeššäni
 85 Tuonne Päivölän pidoihe,
 Hyvän joukon juomingihe!“
 Šano Päivölän emändä:
 „Mibä šie olet miehijäzi,
 Kuga kumma urohijäzi,
 90 Kun ei šilma koirat hauku,
 Eigä virka villahännät?“
 „En mie tänne lähtengänä
 Tiijoittani, tavoittani,
 Mahittani, mallittani,

Расскажи мне про вторую смерть!“
 „Увидишь огненную изгородь,
 Она ящерицами повита,
 Змеями обвязана,
 55 У них хвосты извиваются,
 Жала у них шипят
 На гибель Леммингяйнена!“
 „О, мать моя старая,
 Нет тут смерти для мужчины,
 60 Нет смерти для взрослого мужчины,
 Для Леммингяйнена подавно:
 Возьму череп мертвеца,
 Брошу в пасть людоеду,
 Так избегну этой опасности,
 65 Сам пойду дальше,
 Как Куллерво, по борам,
 Заиграю, пойду по болотам,
 Туда — на пир Пяйвёлы.
 О, мать моя старая,
 70 Расскажи про третью смерть!“
 „Увидишь огненные колы
 С земли они до самого неба
 И с неба до самой земли,
 Один лишь кол без головы,
 75 Ждет головы Леммингяйнена!“
 „Нет тут смерти для мужчины,
 Да еще для взрослого мужчины,
 Для Леммингяйнена подавно:
 Возьму я череп мертвеца,
 80 Брошу в пасть людоеду,
 Так я избегну этой опасности,
 Сам пойду дальше,
 Как Куллерво, по борам,
 Заиграю, пойду по болотам,
 85 Туда, на пир Пяйвёлы,
 На пир хорошей братчины!“
 Сказала хозяйка Пяйвёлы:
 „Ты что за мужчина,
 Кто ты, чудной герой,
 90 Что на тебя не лаяли собаки,
 Молчали пушистохвостые?“
 „Хоть не пришел я сюда
 Без знаний мудрости,
 Без могущества и без умения,

- 95 Engä liene mielivieraš,
Kun ei härғыä tapeta,
Eli oinašta oteta?“
Iče Päivölän emänd'ä
Keikkuu keškilattiella:
- 100 „Šyödy šyömät, juodu juomat,
Pietty pivot parahat,
Tuopit tukkuh lykäty,
Pigarit pinoh pandu!“
Šano Päivölän izändä:
- 105 „Kaččokka myö kalbojana,
Mitelgä myö miekkojana;
Kumman on parembi miekka,
Kumman kalba kaunehembi,
Šebä iellä iskömähä!“
- 110 Lemmingäin'e, liedo poiga,
Päivän on parembi miekka,
Päivän kalba kaunehembi,
Päivö iellä iskömähe.
„Lemmingäin'e, liedo poiga,
- 115 Läkkä myö pihalla:
Täššä tuopit turmelemma,
Peššyt penkit hierelemmä!“
Lähettih ulos pihalla;
Iski iellä Päivö poiga,
- 120 Lemmingäin'e ei kuullutkana.
Šiidä iski Lemmingäin'e,
Läksi kuin n'uatti nagrehešta.
Lemmingäin'e, liedo poiga,
Juokšouba kodiehe kohti:
- 125 „Oi, emoni vanhembani,
Missä ennen izäni šäily,
Missä šäily, missä piili?“
„Mäne männykše miällä,
Koivukše kovalla mualla!“
- 130 „Oi, emoni vanhembani,
Mäginä mändy halgoloikse hakatah,
Kodini koivu valitah vaššaksikše!“
„Mäne makšakše meri matikan!“
„Oi, emoni vanhembani,
- 135 Matikkaini pyyvetäh,
Nuottazilla nošsetahe!“
„Mäne niemeh nimettömähe,
Šuarehe šanattomahe,
- 95 Но видно я — неугодный гость,
Раз для меня быка не режут,
Или ягненка не берут на заклание!“
Сама хозяйка Пяйвёлы
Расхаживает посреди дома:
- 100 „Съедена пища, выпиты напитки,
Пир давно кончился,
Кружки в кучу брошены,
Чарки в ряды сложены!“
Сказал хозяин Пяйвёлы:
- 105 „Осмотрим свое оружие,
Измерим свои мечи;
Чей меч лучше,
Чье оружие красивее,
Тот ударит первым!“
- 110 Леммингяйне, хитрый парень,
Увидел, что меч у Пяйвы лучше,
Что оружие Пяйвы красивее,
Пяйве начинает поединок.
„Леммингяйне, хитрый парень,
- 115 Выйдем-ка мы из дому:
Здесь мы кружки испортим,
Чистые скамкейки запачкаем!“
Вышли они из дому;
Сперва ударил сын Пяйвёлы,
- 120 Но Леммингяйне и не почувал удара.
Тогда ударил Леммингяйне,
Снес ему голову, как ботву от репы.
Леммингяйне, хитрый парень,
Бежит к своему дому:
- 125 „О, мать моя старая,
Где прежде мой отец скрывался,
Где скрывался, сохранял себя?“
„Обернись сосной на горшке
Или березой на твердой земле!“
- 130 „О, мать моя старая,
Сосну на горшке на дрова срубят,
А березу изрежут на веники!“
„Будь же печенью морского налима!“
„О, мать моя старая,
- 135 Того налима выловят,
Неводом поймают!“
„Иди на безымянный полуостров,
На остров без названия,

Šielä ennen izäs šäily,
 140 Šäily šielä, jotta piili!
 Nouže poiges, poigaženi!
 Jo käin kummenen kyla:
 Ei ollut sidä kyla,
 Kušša ei kymmendä taluo;
 145 Ei ollut sidä taluo,
 Kušša ei kymmendä urošta,
 Ei ollut sidä urošta,
 Ku ei miekkua hivone
 Lemmingäizen piän varalla!“
 150 Muamo eččiy puuda.
 Šuaren neidozet šanou,
 Tinarinnat riehattau:

 „Ei ois zuali purren puuda,
 Zuali on purren puun alaista!“

 155 Emo laški laivoja merellä,
 Niin kuin šotka poigijahe.

Там раньше твой отец скрывался,
 140 Там скрывался, там сохранялся!
 Вставай скорее, мой сыночек!
 Уже я побывала в десяти деревнях,
 И нет той деревни,
 Где не было бы десяти домов;
 145 И нет того дома,
 Где не было бы десяти героев,
 Где не было бы того героя,
 Кто бы свой меч не точил
 На гибель Леммингяйнена!“
 150 Мать ищет дерево для мачты.
 Девушки на острове говорят,
 Девы с оловянными монистами мол-
 вят:
 „Не жаль нам дерева для мачты,
 А жаль того, кто будет сидеть под
 мачтой!“
 155 Мать снарядила в море корабли,
 Как утка снаряжает своих утят.

А. П. Миронова

77. ИВАН НА ПИРУ В ПЯЙВЁЛЕ

Iivan rukka, miän izändä,
 Kylvigö kymmenen juväistä,
 Kasvogo kahekšan kevoista.
 Šiidägö Ošmoni olutta keitti,
 5 Päivän poigago leivät paisto.
 „Oi ongo, muamo, šanou, kandaženi,

 Lämmitägö kyly uduni,
 Luaži poruo šaikkani,
 Täyven šaikan šaikkajäistä,
 10 Kynnen piällä šeizojaista!“

 „Kunnega šie, poigazen, lähet?“
 „Lähengö Vetikön pidoh!“
 „Oi on, poigaženi,
 Kolme šurmua on vaššašša!“
 15 „Oi joi, muamoženi,

Бедный Иван, наш хозяин,
 Посеял десять зернышек,
 Росли они восемь вёснушек.
 Из них Осмони пиво сварил,
 5 Целый день сыночек хлебы пек.
 „Ой ты, маменька, говорит, моя ро-
 дительница,
 Истопи-ка баню с паром,
 Разведи шайку щелоку,
 Целую шаечку кипящего,
 10 Такого густого, чтобы он держался на
 ногте!“
 „Куда же ты, сыночек мой, пойдешь?“
 „Пойду на пир к водяному!“
 „Ой ты, сыночек мой,
 Есть три смерти на пути!“
 15 „Ой ты, моя маменька,

- Ne on akkojen, ei mužikkojen šurmat“.
- Matkaingo miän, matkaingo toizen,
Matkaingo puolen kolmattagi,
Tuligo tulini hauda
- 20 Muaštago taivahah šuate:
Noidago kuumie kivija,
Noidago palavie puateroida.
„Oi on, tuatto taivahaine, .
Muamo mualline jumala,
25 Nošša tuučča koillizešta,
Vihmu yögö, vihmu päivä,
Šammuta tuline hauda!“
Matkain miän, matkain toizen
Matkain puolen kolmattagi,
30 Tuligo tuline aida
Muašta taivahah šuate.
„Oi on, tuatto taivahaine,
Muamo muahine jumala,
Nošša tuučča koillizešta,
35 Vihmu yögö, vihmu päivä,
Šammuta tuline aida!“
Matkain miän, matkain toizen,
Matkain puolen kolmattagi,
Tuligo tuline jogi
40 Muašta taivahah šuate:
Tulizella jovella tuline luodo,
Tulizella luuvolla tuline koivu,
Tulizella koivulla tulizet okšat,
Tulizella okšalla tuline kokko.
45 „Oi on, tuatto taivahaine,
Muamo muahine jumala,
Nošša tuučča koillizešta,
Vihmu yögö, vihmu päivä,
Šammuta tuline jogi:
50 Tulizelda jovelda tuline luodo,
Tulizelda luovolda tuline koivu,

Tulizelda koivulda tulizet okšat,
Tulizelda okšilda tuline kokko,
Vet'ikön kun šuah:
55 Šogietgo venot šoudakkah,
Rammatgo hevot ajakkah!“
- Они для женщин, то не мужские смерти“.
- Я прошел гору, прошел и другую,
Прошел уже и половину третьей,
Встретилась огненная пропасть
- 20 От земли до самого неба:
Там раскаленные камни,
Там горячие столбы.
„Ой ты, отец небесный,
Мать, земная богиня,
25 Подними тучу с востока,
Лей дождем день и ночь,
Потуши огненную пропасть!“
Прошел я гору, прошел другую,
Прошел уже и половину третьей,
30 Встретилась огненная изгородь
От земли до неба.
„Ой ты, отец небесный,
Мать, земная богиня,
Подними тучу с востока,
35 Лей дождем день и ночь,
Потуши огненную изгородь!“
Прошел я гору, прошел другую,
Прошел уже и половину третьей,
Встретилась огненная река
40 От земли до неба:
На огненной реке — огненный остров,
На огненном острове — огненная береза,
На огненной березе — огненные сучья,
На огненном суку — огненный орел.
45 „Ой ты, отец небесный,
Мать, земная богиня,
Подними тучу с востока,
Лей дождем день и ночь,
Потуши огненную реку:
50 На огненной реке — огненный остров,
На огненном острове — огненную бе-
резу,
На огненной березе — огненные сучья,
На огненном суку — огненного орла,
Чтобы до водяного дойти:
55 Слепые на лодке пусть плывут,
Хромые на лошади пусть едут!“

78. МОРСКИЕ ЖЕНИХИ

- Istuu neidoni kivellä,
 Kaunehella kallivolla.
 Noužou mužikka mereštä,
 Lauda šuušša, lauda kiäššä,
 5 Laudakihlat kormanošša:
 „Tule, neidozen', miehellä!“
 „Engä ole šiändyn,
 Engä ole kiändyn,
 Engä ole koistani toivotettu!“
 10 Istuu neidoni kivellä,
 Kaunehella kallivolla.
 Noužou mužikka mereštä.
 Rauda šuušša, rauda kiäššä,
 Raudakihlat kormanošša:
 15 „Tule, neidozen', miehellä!“
 „Engä ole šiändyn,
 Engä ole kiändyn,
 Engä ole koistani toivotettu!“
 Istuu neidoni meren rannalla,
 20 Kirjavalla kivellä,
 Kaunehella kallivolla.
 Noužou mužikka mereštä,
 Tina šuušša, tina kiäššä,
 Tinakihlat kormanošša:
 25 „Tule, neidozen', miehellä!“
 „Engä ole šiändyn,
 Engä ole kiändyn,
 Engä ole koistani toivotettu!“
 Istuu neidoni kivellä,
 30 Kaunehella kallivolla.
 Noužou mužikka mereštä,
 Vaški šuušša, vaški kiäššä,
 Vaškikihlát kormanošša:
 „Tule, neidozen', miehellä!“
 35 „Engä ole šiändyn,
 Engä ole kiändyn,
 Engä ole koistani toivotettu!“
 Istuu neidoni meren rannalla,
 Kirjavalla kivyöllä,
 40 Kaunehella kallivolla.
 Noužou mužikka mereštä,

- Сидит девушка на камне,
 На прекрасной скале.
 Поднимается мужчина из моря,
 Во рту доска, в руке доска,
 5 Доска, обручальный подарок, в кармане:
 „Выходи, девушка, замуж!“
 „Я на себя не сердита,
 От себя еще не отвернулась
 И из своего дома я не обещаю!“
 10 Сидит девушка на камне,
 На прекрасной скале.
 Поднимается мужчина из моря,
 Железо во рту, железо в руке,
 Железо, обручальный подарок, в кармане:
 15 „Выходи, девушка, замуж!“
 „Я на себя не сердита,
 От себя еще не отвернулась
 И из своего дома я не обещаю!“
 Сидит девушка на берегу моря,
 20 На пестром камне,
 На прекрасной скале.
 Поднимается мужчина из моря,
 Олово во рту, олово в руке,
 Олово, подарок обручальный, в кармане:
 25 „Выходи, девушка, замуж!“
 „Я на себя не сердита,
 От себя еще не отвернулась
 И из своего дома я не обещаю!“
 Сидит девушка на камне,
 30 На прекрасной скале.
 Поднимается мужчина из моря,
 Медь во рту, медь в руке,
 Медь, подарок обручальный, в кармане:
 „Выходи, девушка, замуж!“
 35 „Я на себя не сердита,
 От себя еще не отвернулась,
 Из своего дома я не обещаю!“
 Сидит девушка на берегу моря,
 На пестром камне,
 40 На прекрасной скале.
 Поднимается мужчина из моря,

Hobie šuušša, hobie kiäššä,
Hobiekihlät kormanošša:

„Tule, neidozen', miehellä!“
45 „Engä ole šiändyn,
Engä ole kiändyn,
Engä ole koistani toivotettu!“
Istuu neidoni meren rannalla,
Kirjavalla kivellä,
50 Kaunehella kallivolla.
Noužou mužikka mereštä
Kulda šuušša, kulda kiäššä,
Kulda⁴kihlät kormanošša:

„Tule, neidozen', miehellä!“
45 „Engä ole šiändyn,
Engä ole kiändyn,
Engä ole koistani toivotettu!“
Istuu neidoni meren rannalla,
Kirjavalla kivyöllä,
60 Kaunehella kallivolla.
Noužou mužikka mereštä
Paikka šuušša, paikka kiäššä,
Paikkakihlät kormanošša:

„Tule, neidozen', miehellä!“
65 „Engä ole šiändyn,
Engä ole kiändyn,
Engä ole koistani toivotettu!“
Istuu neidoni meren rannalla,
Kirjavalla kivellä,
70 Kaunehella kallivolla.
Noužou mužikka mereštä,
Leibä šuušša, leibä kiäššä,
Leibäkihlät kormanošša:
„Tule, neidoni, miehellä!“
„Olen šiändyn, olen kiändyn,
75 Olen koistani toivotettu!“
Tyttö lähtöy miehellä.

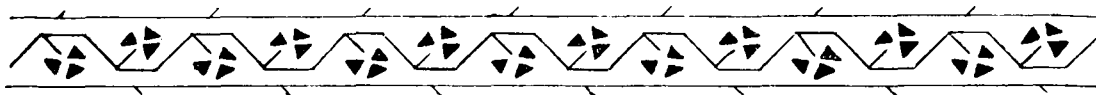
Серебро во рту, серебро в руке,
Серебро, подарок обручальный, в кар-
мане:

„Выходи, девушка, замуж!“
45 „Я на себя не сердита,
От себя еще не отвернулась,
Из своего дома я не обещана!“
Сидит девушка на берегу моря,
На пестром камушке,
50 На прекрасной скале.
Поднимается мужчина из моря,
Золото во рту, золото в руке,
Золото, подарок обручальный, в кар-
мане:

„Выходи, девушка, замуж!“
55 „Я на себя не сердита,
От себя еще не отвернулась,
Из своего дома я не обещана!“
Сидит девушка на берегу моря,
На пестром камушке,
60 На прекрасной скале.
Поднимается мужчина из моря,
Платок во рту, платок в руке,
Платок, подарок обручальный, в кар-
мане:

„Выходи, девушка, замуж!“
65 „Я на себя не сердита,
От себя я ещё не отвернулась,
Из своего дома я не обещана!“
Сидит девушка на берегу моря,
На пестром камушке,
70 На прекрасной скале.
Поднимается мужчина из моря,
Хлеб во рту, хлеб в руке,
Хлеб, подарок обручальный, в кармане:
„Выходи, девушка, замуж!“
„Я рассердившаяся, от себя отвернув-
шаяся,
75 Из своего дома я обещана!“
Девушка выходит замуж.

РУГОЗЕРСКИЙ РАЙОН

Е. В. Елагина

79. ВЯЙНЯМЁЙНИ СОСТЯЗАЕТСЯ В ПЕНИИ С ЁУГАМОЙНЕНОМ

Šattu tiellä vaššakkah
Rahis rahkehen nenäh,
Vembel vembelen luokši.
„Kumbani muissilda parembi,
5 Šen i tiellä šeisottua;
Kumbani muissilta pahembi,
Šen tiellä pois lähtiel“
Še oli nuori Jougamoini
Korvista šuate šuoho laulo.
10 Še še oli vanha Väinämöini,
Hiän siellä pois piäzi.
Šebo oli vanha Väinämöini,
Laulo lammin kalattoman,
Aivan ahvenettoman.
15 Ualdo hänen piädä lyöy
Rannalla kiviä vašše.
„Oi on, vanha Väinämöini,
Piäššä milma tiellä pois!“
„Midäbä sie miula annat?“
20 „Miula on kolme hevoista koissa,
Yksi on juokšušša kebie,
Toin’e on äijän vedäjä,
Kolmaš sidä mugua“.
Šebo oli vanha Väinämöini:
25 „Niidä miula on koissa äijä,
Kullat lapšien kukkazina,
Hobiet käzi helyinä“.
„Oi on, vanha Väinämöini,

Встретились они на дороге,
И дуга наскочила на дугу,
И гуж сцепился с гужом.
„У кого из нас память лучше,
5 Тот останется стоять на дороге;
У кого же память хуже,
Тот уступит дорогу другому!“
Один из них был молодой Ёугамойни,
Он напел другого до ушей в болото.
10 Но силен был и старый Вайнямёйни,
Он освободился оттуда.
Этот старый Вайнямёйни
Напел его в безрыбное озеро,
Где совершенно нет окуней.
15 Волна его голову покрывает
На берегу против камней.
„Ой, старый Вайнямёйни,
Освободи меня отсюда!“
„Что же ты мне дашь за это?“
20 „У меня дома — три коня,
Один из них легко бежит,
Другой много везет,
Третий — тот и так хорош“.
Сказал старый Вайнямёйни:
25 „Их у меня и дома много,
Как золотых цветков у детей,
Как серебряных ручных игрушек“.
„Ой, старый Вайнямёйни

Piäššä milma tiäldä pois,
 30 Paha miula tiälä olla,
 Ualdo milma piäldä lyöy
 Rannalla kiviä vašše!“
 „Midäbä šie miula lubuat?“
 „Miula on kolme venoista koissa,
 35 Yksi on šouvušša kebie,
 Toini äijän kannattava,
 Kolmaž sidä mugua“.
 „Niidä miula on koissa äijjä,
 Kullat lapšien kukkazina
 40 Hobiet käzihelyinä“.
 „Oi on, vanha Väinämöini,
 Piäššä milma tiäldä pois.
 Paha miula tiälä on olla
 Lammissa kalattomašša;
 45 Ualdo miula piäldä lyöy
 Rannalla kiviä vašše“.
 „Oi on, nuori Jougamoini,
 Midä miula lubuat?“
 „Annan ainuon šizoni,
 50 Kulda kangahan kudojan,
 Mezileivän leibojan,
 Annan vanhalla varakši,
 Homehella huolijakši“.

Jougo mänöy muamalluo.
 55 „Oi on, poiguon' nuorembuoni,
 Midä ollet pahalla mielin?“
 „Oi on, muamo kandažaini,
 Nyt annoin ainun šizoni,

Annoin vanhoilla varakši,
 60 Homehella huolijakši,
 Turvakši tutisijalla“.

Освободи меня отсюда,
 30 Плохо мне находиться здесь,
 Волна мне голову покрывает
 На берегу против камней!“
 „Что же ты мне обещаешь за это?“
 „У меня три лодки дома,
 35 На одной легко грести,
 На другой можно много грузу везти,
 Третья — та и так хороша“.
 „Их у меня и дома много,
 Как золотых цветков у детей,
 40 Как серебряных ручных игрушек“.
 „Ой, старый Ваянямёйни,
 Освободи меня отсюда,
 Плохо мне находиться здесь,
 В лесном озерке, где нет рыб;
 45 Волна мне голову покрывает
 На берегу против камней“.
 „Ой, молодой Ёугамойни,
 Что же ты мне обещаешь?“
 „Выдам единственную сестрицу,
 50 Что золотые ткани ткёт,
 Что медовые хлебцы печет,
 Будет она старому подспорьем,
 Будет заботиться о заплесневшем
 старце“.

Еуго идет к своей матери.
 55 „Ой, младший мой сынок,
 Что же ты так опечален?“
 „Ах, мать моя родная,
 Теперь я выдал свою единственную сес-
 трицу,
 Будет она старому подспорьем,
 60 Будет заботиться о заплесневшем старце,
 Будет опорой трясущемуся“.

80. ВЯЙНЯМЕЙНИ И ИЛЬМОРИНИ СВАТАЮТСЯ В ПОХЬОЛЕ

Anni tytti, ainut neidi,
 Pezi pikku poukuštah,
 Rābāhāizie rāyškütteli
 Pitān pordahan nenässä.
 5 Keksi muštazet mereldä —
 Piäldä päin sinerdävät.

Анни-девушка, единственная дочь,
 Мыла мелкую одежду,
 Тонкое белье полоскала
 На конце длинных мостков.
 5 Заметила — на море что-то чернеет,
 С верхней стороны что-то синее:

- „Kuin ollet lindukarja —
Levähä sie lendohoš.
A kuin ollet kalakarja —
19 Ulaha šie uimahaš.
Kuin ollet vanha Väinämöini —
Šuavuštavuvu šanomilla,
Painu miulluo paginoilla!“
Anni ainagi kyžyy,
15 Tinarinda riidelöy:
„Kunnebo läksit, Väinämöini,
Ulgonit, Šuvennon šulho!“
„Läksin Pohjolan perällä,
Pohjan lohta pyydämäh“.
20 „Oi tunnen valehtelijan.
Toizin ennen miun izoni,
Toizin valdavanhembani:
Verkkuo oli venoni täyzi,
Laiva täyzi laškomista!“
25 Anni ainagi kyžyy,
Tinarinda riidelöy:
„Kunne läksit, vanha Väinämöini,
Olgazit, Šuvennon šulho?“
„Läksin Pohjan perällä,
30 Pohjan meččuo ambumah“.
„Dai tunnen valehtelijan:
Toizin ennen miun izoni,
Toizin valdavanhembani.
Pohjan meččuo ambuješša:
35 Oli pissali olgapiällä,
Kakši koirua jälessä!“
Anni ainagi kyžyy,
Tinarinda riidelöy:
„Kunnebo läksit, Väinämöini,
40 Ulgonit, Šuvennon šulho?“
„Läksin Pohjan perällä
Pohjan neittä kaččomah“.
Anni juokšulla pajah —
Helmazet kobrah keräi:
45 „Oi on, šepä veijozeni,
Tagoja ijan iguni,
Tavo miula viijet vit't'at,
Kolmet korvarengahaizet,

- „Если ты птичья стая —
То рассыпья в полете.
А если ты косяк рыбы —
10 Уплывай отсюда.
Если ты старый Вяйнямёйни —
Привези мне вести,
Подойди ко мне для разговоров!“
Анни все спрашивает,
15 С грудью, украшенной оловом, вопро-
шает:
„Куда поехал, Вяйнямёйни,
Отправился, жених Суvento?“
„Поехал на край Похьолы
Северного лосося ловить“.
20 „Ой, вижу я лжеца.
Не так ездил раньше мой отец,
Не так родитель старый:
Сетей была полная лодка,
Судно полно снастей!“
25 Анни все спрашивает,
С грудью, украшенной оловом, спорит:
„Куда поехал, старый Вяйнямёйни,
Отправился, жених Суvento?“
„Поехал на край Похьолы,
30 Северных глухарей стрелять“.
„И тут узнаю лжеца.
Не так ездил раньше мой отец,
Не так родитель старый
Северных глухарей стрелять:
35 Ружье было на плече,
Две собаки сзади!“
Анни все спрашивает,
С грудью, украшенной оловом, спо-
рит
„Куда же поехал, Вяйнямёйни,
40 Отправился, жених Суvento?“
„Поехал на край Похьолы,
Девушку Похьолы высматривать“.
Анни бегом в кузницу,
Подол в руку забрала:
45 „Ой ты, кузнец, мой братец,
Кователь вековечный,
Скуй мне пять ожерелий,
Три пары сережек!

Е. В. ЕЛАГИНА.

Mie šanon hyvät šanomat,
 50 Pagajan hyvät paginat!
 Tago päivän, tago toizen,
 Joba piänä kolmandena šano:
 „Oi hoi, Anni čikkozeni,
 Šano nyt hyvät šanomat,
 55 Pagaja hyvät paginat!
 „Oi on, šepä veijoeni,
 Jo viijäh šiun omaš
 Kakšin vuozin kačottuš,
 Kolmin vuozin kos's'ottuš,
 60 Tuhanzin lunaššettuš!
 „Oi on, Anni čikkozeni,
 Lämmitä kyly uduni
 Uduzillaš halgozillaš,
 Luaži poro poukkuzeh,
 65 Šaikkyväini, läikkyväini,
 Mie hoti piädäni pežen,
 Pölyjäni puistelen.
 Tuo šie paida paltinaini,
 Kuadiet puoli pidozet
 70 Häissä häilyteldävät,
 Pidoloissa piettävät.“
 Šiellä neittä kos's'otah,
 Taimenda tavotetah.
 Še šano Pohjolan emändä:
 75 „Midä haukkuu Halli koira,
 Linnan lukku luškuttau?
 Haukkuugo šuvella hännin,
 Vaingo kohta taivozella?
 Mäne šie, kazakka, kaččomah,
 80 Midä haukkuu Halli koira?“
 „En mie jouva kaččomah:
 Pino on šuuri, hallot hienot“.
 „Mäne, piiga, kaččomah,
 Midä haukkuu Halli koira,
 85 Linnan lukku luškuttau?“
 „En jouva kaččomah:
 Liävä on šuuri liävittävä,
 Lehmyä äijä kačottava!“
 „Mäne, min'n'a, kaččomah,
 90 Midä haukkuu Halli koira,
 Haukkuugo šuvella hännin,
 Vaingo kohti taivozella?“

Я скажу добрые вести,
 50 Заведу хороший разговор!“
 Ковал он день, ковал другой,
 Уже на третий день сказал:
 „Ой ты, Анни, моя сестрица,
 Скажи теперь добрые вести,
 55 Заведи хороший разговор!“
 „Ой ты, кузнец, мой братец,
 Уведут твою дорогую,
 Два года смотренную,
 Три года сватанную,
 60 За тысячи выкупаемую!“
 „Ой ты, Анни, моя сестрица,
 Истопи баню с горячим паром,
 Истопи дровами пожарче,
 Сделай щелоку кадушечку,
 65 Искристого, пенистого,
 Я хоть свою голову вымою,
 Пыль с нее отмою.
 Принеси ты рубашку полотняную,
 Штаны мало ношенные,
 70 В которых на свадьбах ходят,
 На пиры одевают“.
 Там девушку сватают,
 Тайменя ловят.
 Говорит хозяйка Похьолы:
 75 „Что лает собака Халли,
 Городской пес тьякает?
 Лает ли она, сидя на юг хвостом,
 Или прямо в небо?
 Иди, работник, посмотри,
 80 Что лает собака Халли?“
 „Некогда мне смотреть:
 Поленица большая, дрова мелкие“.
 „Иди, служанка, посмотри,
 Что лает собака Халли,
 85 Городской пес тьякает?“
 „Некогда мне смотреть:
 Хлев большой надо убрать,
 Коров много для ухода!“
 „Иди, невестушка, посмотри,
 90 Что лает собака Халли,
 Лает ли она, сидя на юг хвостом,
 Или прямо в небо?“

„En mie jouva kaččomah:
Kivi on šuuri, jauhot hienot“.
95 Še oli vanha Väinämöini —
Uinotti Pohjan ukon,
Uinotti Pohjan akan,
I kogo Pohjolan perän.
Še oli Pohjolan emänd'ä,
100 Šen hiän huomazi unissah.
Lendoh hiän revahtih,
Lendi mašton nenäh.
Še oli vanha Väinämöini,
Tabaudu hiän taglohoissa,
105 Turvaudu hiän tuluksihiassa.
Šidä hiän ambu
Läbi lämbijen lihojen.
Joi vei šen tyttären.

„Некогда мне смотреть:
Жернов велик, мука мелка“.
95 То был старый Вяйнямёйни:
Усыпил старика Похьолы,
Усыпил старуху Похьолы
И весь народ Похьолы.
То была хозяйка Похьолы,
100 Она очнулась от сна.
Полетела она, вспорхнула,
Прилетела на конец мачты.
То был старый Вяйнямёйни,
Схватил он огниво,
105 Прибегнул к помощи кремня.
И тут он выстрелил
Сквозь теплое тело.
И увез он ту девушку.

А. И. Ананина

81. ВЯЙНЯМЁЙНИ СОСТЯЗАЕТСЯ В ПЕНИИ С ЕУКАХАЙНЕНОМ

Yksi on nuori Joukahani,
Toini on vanha Väinämöini
Ajettih tiellä vaššakah,
Puuttu vommel vempoleh,
5 Rahis rahkehen n'enäh.
Veri t'ippu vempeleštä,
Rašva rahkehen n'enäštä.
Šano nuori Joukahani:
„Oi on, vanha Väinämöini,
10 Kumpi on tiijolta parempi,
Šempä on tiellä šeisomini!“
Tuop on vanha Väinämöini,
Hiänpä tuon šanoiksi virkki:
„Enkä tiijä, enkä taija,
15 Tiijän kuitenkin vähäsen.
Omat on kolkat kuokkimani,
Kalahauvat kaivamani,
Ilman pielet pistämäni,
Omani on šuamani šanani,
20 Tuhanteni tukkuomani“.
Tuopa vanha Väinämöini

Молодой Ёукахайни
И старый Вяйнямёйни
Наехали на дороге друг на друга,
Зацепились дуга за дугу,
5 Гуж за конец гужа.
Кровь текла из дуги,
Из конца гужа — жир.
Сказал юный Ёукахайни:
„Ой ты, старый Вяйнямёйни,
10 Кто из нас больше ведает,
Тому остаться на дороге!“
Тогда старый Вяйнямёйни
Говорит такие слова:
„Ничего я не знаю и не умею —
15 Все же немного знаю.
Свои поля я мотыгой разделал,
Рыбам ямы выкопал,
Свод небесный мною сделан,
Мною добыты слова,
20 Тысячи собраны мною“.
Старый Вяйнямёйни

Laulo nuoren Joukahasen,
 Laulo šuoho šuoniloista,
 Niittyhyh nišulihoista,
 25 Kainaloista kankahah.
 Šano nuori Joukahani:
 „Oi šie, vanha Väinämöini,
 Pyörrytä pyhät šanasi,
 Perävytä laušovasi,
 30 Jo nyt tuškiksi tulou,
 Läyleniksi lankielou!“
 „Mitä annat lunnahiksi?“
 „Annan kultia kypärän,
 Hopioita tuopin täyven!“
 35 „Ruoštunut on Ruočin kulta,
 Šuaštunut on Šakšan hopie“.
 Šanou nuori Joukahani:
 „Pyörrytä pyhät šanasi,
 Perähytä laušovasi;
 40 Jo nyt tuškaksi tulou,
 Läyleniksi lankielou!“
 „Mitä annat lunnahiksi?“
 „Annan oron lunnahiksi“.
 „On miula oro ičellä
 45 Kahta mointa kaunehempi,
 Viittä kuutta kuulusampi:
 Juoššen juomahan mänöy,
 Juoššen juomašta tulou.
 Šelkie vesi on šelkäluilla,
 50 Vesi lammit lautasilla,
 Hetteheštä heinät šyöpi,
 Vejet pilvistä vetäy!“
 Šanou nuori Joukahani:
 „Pyörrytä pyhät šanasi,
 55 Perähytä laušovasi,
 Jo nut tuškiksi tulou,
 Läyleniksi lankielou!“
 „Mitä annat lunnahiksi?“
 „Annan ainuon sisären,
 60 Lainuan emoni lapšen,
 Väinämöisellä varakši,
 Turvakši tut'isijalla,
 Iloksi ikilopulla“.
 Tuopa vanha Väinämöini
 65 Nošti nuoren Joukahasen, .

Юного Ёукахайнена силой песни
 Погрузил в болото по пояс,
 В луг по бедра,
 25 В бор песчаный до подмышек.
 Сказал юный Ёукахайни:
 „Ой ты, старый Вяйнямёйни,
 Ты верни свои святыя слова,
 Возврати сказанное тобою,
 30 Мне уже тяжело приходится,
 Уже душно становится!“
 „Что дашь на выкуп?“
 „Дам золота целый шлем,
 Серебра целую кружку!“
 35 „Шведское золото ржавое,
 Немецкое серебро темное“.
 Говорит юный Ёукахайни:
 „Ты верни святыя слова,
 Возврати сказанное тобою,
 40 Мне уже тяжело приходится,
 Уже душно становится!“
 „Что дашь на выкуп?“
 „Дам жеребца на выкуп“.
 „Жеребца я сам имею,
 45 В два раза лучше твоего,
 В пять, шесть раз знаменитее:
 • Бегом он на водопой бежит,
 Бегом с водопоя возвращается,
 Светлая вода у него на спине,
 50 Лесные озерки блестят на бедрах,
 С болота траву ест,
 Пьет воду из туч!“
 Говорит юный Ёукахайни:
 „Ты верни святыя слова,
 55 Возврати сказанное тобою,
 Мне уже тяжело приходится,
 Уже душно становится!“
 „Что дашь на выкуп?“
 „Выдам единственную сестру,
 60 Одолжу дитя моей матери
 Вяйнямёйнену на утеху,
 Опорой трясущемуся,
 На радость кончающему свой век“.
 Тут старый Вяйнямёйни
 65 Поднял юного Ёукахайнена.

Löipä kahta kämmentäh,
 Niinkuin kahta kantelehta,
 Kolmia kanan ovia.
 Läksi ajoa karettelemah
 70 Alla päin, pahoilla mielin,
 Kaiken kallella kypärän.
 Emo piäty ikkunašša:
 „Mitä olet, poikueni,
 Alla päin, pahoilla mielin,
 75 Kaikin kallella kypärin?“
 „Šitä olen, muamošeni,
 Annoin ainuon sisären,
 Lupasin emoni lapšen,
 Väinämöisellä varakši,
 80 Turvakši tutisijalla,
 Ilokši ikilopulla!“
 „Tuota vuotin tuon ikäni,
 Halki polveni halasin,
 Vävykšeni Väinämöistä,
 85 Šuvukšeni šuurta mieštä,
 Lankokšeni laulajua“.

Он ударил ладонью по ладони,
 Словно по двум кантеле,
 Словно по трем дверям курятника.
 Поехал он быстренько,
 70 Опустил голову, пригорюнился,
 Даже шлем на лоб надвинул.
 Мать выглянула в окно:
 „Почему ты, мой сынок,
 Опустил голову, пригорюнился,
 75 Даже шлем на лоб надвинул?“
 „Потому я такой, мать моя,
 Что выдал единственную сестру,
 Обещал дитя моей матери
 Вьяннямёйнену на утеху,
 80 Опорой трясутемуса,
 На радость кончающему свой век!“
 „Этого я всю жизнь ждала
 И всю жизнь свою хотела
 Иметь зятем Вьяннямёйни,
 85 В своем роду великого мужа,
 Песнопевца зятем“.

82. АННИ ОТВЕРГАЕТ ЖЕНИХА

Anni tyttö, ainut neiti,
 Läksi luutija mečäštä,
 Vaššan panta varvikošta.
 Katkai vaššan tuatollah,
 5 Toisen katkai muamollah,
 Kolmatta kohottelihe
 Vanhimmalla vellelläh.
 Virkki Ošmotar orošta,
 Kalevaini kaššešmuašta:
 10 „Kašva neiti miušša mielin,
 Elä vain muissa nuorisoišša!“
 „Enkä šiušša, enkä kessä,
 Kašvan kaijoišša šomissa,
 Venyn verkavuattehissa.
 15 Kašvan leivän kannikoilla,
 Venyn vehnäviipalosilla“.
 Aina Anni itkien mänöy;
 Piättyy veikko veräillä
 Keihašvartta vuolomašša:

Анни-девушка, единственная дочь,
 Пошла за прутиками в лес,
 За вениками в кустарничек.
 Наломала веник для отца,
 5 Другой наломала для матери,
 Третий она доламывала
 Для старшего своего брата.
 Промолвил Осмотар из рощи,
 Калевайни с земель подсечных:
 10 „Расти, девушка, мне по мысли,
 Только не по мысли молодежи!“
 „Не для тебя и не для кого
 Расту я в узкой одежде,
 Расту в одежде из сукна,
 15 Расту хлебными горбушками,
 Лежу на пшеничных ломтях“.
 Единственная Анни идет и плачет;
 Сидит брат в воротах,
 Древко копья вытесывает:

20 „Mitä itet, Anni čikkoni?“
 „Sitä iten, veikko rukka,
 Kirpoi kullat kulmiltani,
 Hopijaizet huuliltani,
 Šinilankat šilmiltäni,
 25 Hyvä risti rinnaltani,
 Hyvä šormuš šormeštani,
 Punalankat vyöni päistä,
 Vašet varpahien nenistä“.
 Aina Anni itkien mänöy,
 30 Piätty izä ikkunašša
 Kirvešvartta vuolomašša:
 „Mitä itet, Anni tyttö?“
 „Sitä iten, tuatto rukka,
 Kirpoi kullat kulmiltani,
 35 Šinilankat šilmiltäni,
 Hopijaizet huuliltani,
 Hyvä šormuš šormestani,
 Hyvä risti rinnaltani,
 Punalankat vyöni piästä,
 40 Vašet varpahien nenistä“.
 Aina Anni itkien mänöy,
 Piätty čikot šillan päissä
 Šillan piätä šiivuomašša,
 Kultavöitä kutomašša:
 45 „Mitä itet, Anni čikkon’?“
 „Kirpoi kullat kulmiltani,
 Šinilankat šilmiltäni,
 Hopijaizet huuliltani,
 Hyvä risti rinnaltani,
 50 Hyvä šormuš šormestani,
 Punalankat vyöni piästä,
 Vašet varpahien nenistä“.
 Aina Anni itkien mänöy.
 Emä aitan kynnyksillä
 55 Kešävoita pyöhičöy:
 „Mitä itet, Anni tytön’?“
 „Sitä iten, muamo rukka,
 Kirpoi kullat kulmiltani,
 Šinilankat šilmiltäni,
 60 Hopijaizet huuliltani,
 Hyvä risti rinnaltani,
 Hyvä šormuš šormeštani,
 Punalankat vyöni päistä,

20 „Что плачешь, Анни-сестрица?“
 „То я плачу, брат родимый, —
 Упало золото с бровей,
 Серебро с моих губ,
 Нити синие с моих глаз,
 25 Хороший крест с моей груди,
 Красивое кольцо с моего пальца,
 Красные кисти с моего пояса,
 Медь с конца пальцев ног“.
 Единственная Анни идет и плачет,
 30 Сидит отец у окна,
 Топорище вырезает:
 „Что ты плачешь, Анни-девушка?“
 „То я плачу, отец родимый, —
 Упало золото с бровей,
 35 Нити синие с моих глаз,
 Серебро с моих губ,
 Красивое кольцо с моего пальца,
 Хороший крест с моей груди,
 Красные кисти с моего пояса,
 40 Медь с конца пальцев ног“.
 Единственная Анни идет и плачет,
 Встречается сестра у крыльца,
 У крыльца за работой,
 Она тклет золотой пояс:
 45 „Что ты плачешь, сестрица Анни?“
 „Упало золото с моих бровей,
 Нити синие с моих глаз,
 Серебро с моих губ,
 Хороший крест с моей груди,
 50 Красивое кольцо с моего пальца,
 Красные кисти с моего пояса,
 Медь с конца пальцев моих ног“.
 Единственная Анни идет и плачет.
 Мать на пороге клетки
 55 Масло сливочное сбивает:
 „Что ты плачешь, Анни, доченька?“
 „То я плачу, мать моя родимая, —
 Упало золото с бровей моих,
 Нити синие с глаз моих,
 60 Серебро с моих губ,
 Хороший крест с моей груди,
 Красивое кольцо с моего пальца,
 Красные кисти с моего пояса,

- Vašet varpahien nenistä“.
- 65 „Elä šie ole Anni milleškänä,
Eläkä ole kulleškana,
Mäne šie aittah mäjellä,
Syö šielä vuoši voita,
Toini sijan lihua,
- 70 Kolmaš kuoreh kakkarua!“
Anni māni aittah mäellä,
Kaččelekše, kiāntelekše;
Siel oli arrku arkun piällä,
Lipaš lippahan lomašša.
- 75 Avasi alisen arkun,
Löysi paklua palasen,
Tuoho Anni kuristuu,
Kuristuu ta kuakistuu,
Oven šuuhi, orren alla,
- 80 Kahen kattilan välillä.
Mänöy emo kaččomah
Kolmen vuuvven oltuo.
Jo on Anni kuristun,
Kuristun ta kuakistun,
- 85 Oven šuuhi, orren alla,
Kahen kattilan välillä.
Rupei emo itkömäh,
Kolmen vuuvven oltuo.
„Vierkyä, vierkyä, kyynelyöni,
- 90 Vierkyä, vetrehet vetyöni,
Ihaloilla ihanoilla,
Pihasilla paikan päillä.
Vierkyä, vierkyä, kyynelyöni,
Vierkyä, vetrehet vetyöni,
- 95 Rikkivillä rinnoillani,
Hempuvilla helmoillani.
Vierkyä, vierkyä, kyynelyöni,
Vierkyä, vetrehet vetyöni,
Kaunehilla kauto kenkilläni
- 100 Šinišillä šukillani.
Vierkyä, vierkyä, kyynelyöni,
Vierkyä, vetrehet vetyöni,
Muaha makšan karvazeh.
Šiitä rodih kolme koškie
- 105 Yhen emon kyynelistä.

- Медь с конца пальцев ног моих“.
- 65 „Не будь ты, Анни, печальною,
Не убивайся напрасно,
Иди ты в амбар на горушку,
Первый год питайся маслом,
Другой год ешь свинину,
- 70 Третий — блины в сметане!“
Анни пошла в амбар на горушку,
Посматривает, повертывается;
Там ларец на ларце,
Сундук на сундуке.
- 75 Открыла нижний ларец,
Нашла там кусочек онучей,
На нем Анни и повесилась,
Повесилась и удавилась,
Около двери под жердью
- 80 Между двух котлов.
Идет мать смотреть
Через три года.
Анни уже повесилась,
Повесилась и удавилась,
- 85 Около двери под жердью,
Между двух котлов.
Стала мать тут плакать
По прошествии трех лет.
„Катитесь, катитесь, мои слезы,
- 90 Катитесь, крупные, водой
По моим бедным щекам,
На концы головного платка.
Катитесь, катитесь, мои слезы,
Катитесь, крупные, водой
- 95 На истерзанную грудь,
На мой чистый подол.
Катитесь, катитесь, мои слезы,
Катитесь, крупные, водой
На мои прекрасные сапожки,
- 100 На мои синие чулки.
Катитесь, катитесь, мои слезы,
Катитесь, крупные, водой
В землю бурую, как печень.
Разлились тремя водопадами
- 105 Слезы одной матери.

83. ВЯЙНЯМЁЙНИ И ИЛЬМОЙЛЛИНИ СВАТАЮТСЯ В ПОХЬОЛЕ

Anni tyttö, ainuot neiti,
 Pesi pikku paukuistaki,
 Valkasi valantehella,
 Luojan laiturin nenäššä,
 5 Pitän portahan piäššä.
 Keksi muštaset merellä,
 Šinervöiset lainehilla.
 „Kuin on lienet šie lintukarja,
 Šie on lentohon levie;
 10 Kuin lienet kalani karja,
 Šiepä uimahan ulevu;
 Kuin lienet vesikivoni,
 Vesi piällä vierköhöt;
 Lienetkö Väinämöisen purjehpuu,
 15 Šanomilla šuahuštuole,
 Pakinoilla paivuštuole!“
 Aina Annikki kyšyy,
 Tinarinta riitelöy:

„Kunna läksit, Väinämöini,
 20 Ulkonit, Šuvannon šulho?“
 „Läksin lohta kuulottamah
 Tuonen muššašta jovešta,
 Manalan alantehešta“.
 „Tuošta tunnen valehtelijan,
 25 Melkein kekšin kielaštajan.
 Toisin ennen miun isoni,
 Toisin valtavanhempani,
 Kuin läksi lohta kuullattamah:
 Verkkuo oli venehen täyši,
 30 Laivan täyši laškomista,
 Asruomet oli alla kuoren“.
 Aina Annikki kyšyy,
 Tinarinta riitelöy:
 „Kunna läksit, vanha Väinämöini,
 35 Ulkonit Šuvannon šulho?“
 „Läksin jouččenien ajoh
 Tuonen muššašta jovešta,
 Manalan alantehišta“.
 „Tuošta tunnen valehtelijan,
 40 Keksini melkein kielaštajan.
 Toisin ennen miun isoni,

Анни-девушка, единственная дочь,
 Умывала мелкую одежду,
 Белила, отбеливала,
 У западного конца пристани,
 5 У конца длинной ступени.
 Посмотрела на море — что-то чернеет,
 Что-то синее на волнах.
 „Если это птичья стая,
 Разлетитесь вы широко;
 10 Если это рыба стая,
 Оттуда уплывайте;
 Если это подводный камень,
 Волны через него перекатывайтесь;
 Если это мачта Вяйнямёйнена,
 15 Пусть идет словами улаживать,
 Разговорами развлекать меня!“
 Анники спрашивает,
 С грудью, оловом украшенной, вопро-
 шает:

„Куда едешь, Вяйнямёйни,
 20 Куда отправился, жених Суванто?“
 „Я поехал ловить лососей
 В черной речке Туони,
 В низинах Маналы“.
 „Узнаю я в тебе лжеца,
 25 Почти настоящего лжеца.
 Не так прежде мой отец,
 Не так делал старший в роду,
 Когда ездил ловить лососей:
 Сетей был полный челн,
 30 Лодка, полная снастей,
 Остроги были под упругами“.
 А Анники все спрашивает,
 С оловянными монистами вопрошает:
 „Куда едешь, старый Вяйнямёйни,
 35 Куда отправился, жених Суванто?“
 „Я поехал ловить лебедей
 В черной речке Туони,
 В низинах Маналы“.
 „Узнаю я в тебе лжеца,
 40 Почти настоящего лжеца.
 Не так раньше мой отец,

Toisin valtavanhempani,
 Kuin läksi jouččenen ajoh:
 Šuuri koira kahlehisssa,
 45 Ravie jouši jäntemissä".
 Aina Annikki kyšyy,
 Tinarinta riitelöy:
 „Kunna läksit, vanha Väinämöini,
 Ulkonit, Šuvannon šulho?"
 50 „Läksin neittä kos's'omah,
 Taimenta tavottamah
 Pimieštä Pohjolašta,
 Tarkašta Tapiolašta".
 Anni tytti, ainuot neiti,
 55 Koprin helmaset kokoi,
 Käsini kiäri vuattehuot,
 Mäni juoššen jyrkät paikat,
 Astuen alavat muat,
 Mäni šeppien pajah:
 60 „Oi, on šepä veikkoseni,
 Takoja ijänikuni,
 Jo on viety šiun omaš
 Pimieštä Pohjolašta,
 Tarkašta Tapiolašta".
 65 Jo kirpoi pihet pivčšta,
 Jo vaipu vašara kiäštä.
 Pani hiän varšan val'l'ahih
 Ruškien korjan peräh,
 Iski Virkkuo vičalla,
 70 Helähytti helmispiällä.
 Virkku juoksi, matka joutu,
 Reki vierä, tie lyheni.
 Rupei Hal'l'i haukkumah.
 Šanou niän tuo Pohjan akka:
 75 „Mäne šie, piika, kaččomah!"
 „En jouvva, ainuo emäntä,
 Šuuri on kivi jauhottava,
 Kivi šuuri, jauhot hienot".
 Šano hiän tuo Pohjan akka:
 80 „Mäne, kazakka, kaččomah,
 Mitä haukkuu Hal'l'i koira,
 Linnan lukku luikuttau?
 Ei Hal'l'i valehta hauku,
 Šuaren lukku luiskuttele.
 85 Mäne, piika kaččomah

Не так делал старший в роду,
 Когда ездил ловить лебедей:
 Большая собака у ног,
 45 И лук с тугой тетивой наготове".
 А Анники все спрашивает,
 С оловянными монистами вопрошает:
 „Куда едешь, старый Вяйнямёйни,
 Куда отправился, жених Суванто?"
 50 „Я поехал девушку высматривать,
 Рыбу Тайменя ловить
 В темной Похьоле,
 Из самой Тапиолы".
 Анни-девушка, единственная дочь,
 55 В руку собрала подол,
 В руки свернула одежду,
 Бегом пробежала крутые места,
 Шагом прошла низкие земли,
 В кузницу к кузнецу вошла:
 60 „Ой ты, кузнец, мой братец,
 Кователь вековечный,
 Уже увезена твоя суженая
 Из темной Похьолы,
 Из самой Тапиолы".
 65 Выпали клещи из рук,
 Зажатый в руке молоток упал.
 Он заложил жеребенка в упряжку,
 В оглобли красных саночек,
 Ударил резвого кнутом,
 70 Подстегнул его жемчужной рукояткой.
 Резвый бежал, путь свободен,
 Санки катились, дорога уходила.
 Стала Халли лаять.
 Говорит старуха Похьолы:
 75 „Иди ты, служанка, посмотри!"
 „Недосуг мне, единственная хозяйка,
 Я большим жерновом мелю,
 Жернов велик — мука мелка".
 Говорит старуха Похьолы:
 80 „Иди, батрак, посмотри,
 Что лает собака Халли,
 Города замок потягивает?
 Не зря Халли лает,
 Острова замок повизгивает.
 85 „Иди, служанка, посмотри,

Kačo košen loukkosista
 Pilkettele pikkusista!“
 Mäni piika kaččomah.
 Kaččo košen loukkosista:
 90 Pilketteli pikkusista:
 Yksi on vanha Väinämöini,
 Toini šөppä Ilmarini,
 Takoja ijänikäni,
 Tultih neittä kos's'omah,
 95 Taimie tavottamah.
 Šano hiän tuo Pohjan ukko,
 Pohjan ukko, Pohjan akka:
 „Äšen tästä annetah,
 Kuin šuatta Sampon valmehekši“.
 100 Tuopa šөppä Ilmarini,
 Takoja ijänikuni,
 Tako päivän, tako toisen,
 Jopa piänä kolmantena,
 Iltana erähäntenä,
 105 Jo šuatih Sampo valmehekši.
 Eikä heillä annettu Ainikkie,
 Eikä annettu Slavnikkie.
 Tuopa vanha Väinämöini
 Keksi siitä kepposet,
 110 Rupesi hiän laulamah. .
 Laulo päivän, laulo toisen,
 Jo piänä kolmantena,
 Iltana erähäntenä
 Uinahettih Pohjan ukko,
 115 Pohjan ukko, Pohjan akka,
 Koko Pohjolan pereh.
 Jopa piänä kolmantena
 Tuopa akka Pohjolan,
 Umpi silmä Ulmolan,
 120 Havaččih hiän huomaččih:
 Jo on viety Ainikki,
 Tuaton muamon Slavnikki.
 Šiitä hiän läksi lentämäh,
 Lenti päivän, lenti toisen,
 125 Jopa piänä kolmantena,
 Iltana erähäntenä
 Koški siipi vanhan Väinämöisen —
 Purjehpuuhu siipi koški.

Смотри в щелочки,
 Поглядывай в маленькие!“
 Пошла служанка смотреть.
 Смотрела в щелочки,
 90 Поглядывала в маленькие:
 Один — старый Вяйнямёйни,
 Другой — кузнец Ильмарини,
 Кователь вековечный,
 Приехали невесту смотреть,
 95 Рыбу тайменя ловить.
 Сказал он, старик Похьолы,
 Старик Похьолы, старуха Похьолы:
 „Тогда только ее выдадут,
 Если изготовите Сампо“.
 100 Кузнец Ильмарини,
 Вековечный кователь,
 Ковал день, ковал другой,
 И уж на третий день,
 В некоторый вечер,
 105 Сампо было готово.
 Не выдали им Анникки,
 Не выдали им Славникки.
 Старый Вяйнямёйни,
 Чтоб отшутить шутку,
 110 Начал он петь.
 Пел он день, пел другой,
 И уж на третий день,
 В некоторый вечер,
 Заснул старик Похьолы,
 115 Старик Похьолы, старуха Похьолы
 И вся семья Похьолы.
 И только на третий день
 Старуха Похьолы,
 Закрытоглазая Улмолы,
 120 Проснулась она, посмотрела:
 Уж уведена Анникки,
 У отца-матери Славникки.
 Тогда она полетела,
 Летела день, летела другой
 125 И уж на третий день,
 В некоторый вечер,
 Коснулась крылом старого Вяйнямёй-
 нена,
 Мачты крылом коснулась.

Vaha vanha Väinämöini
130 Turvasih hiän tulukših.

Степенный старый Вяйнямёйни
130 Защищался он огнем.

84. ВЯЙНЯМЁЙНИ ВЫСЕКАЕТ ОГОНЬ

„Missä tulta tuuветettu,
Valkieta viivytetty?“
Yli taivosen yheksän,
Kuldaseš a häkkyöššä;
5 Kätyt kuldani kulazi,
Hopiaiset hihnat liikku,
Vaškini koukku kalizi
Tuonen tulta tuuvittuašša,
Valkiesta viihyttyäššä.
10 Kirbosi tulen kipuna
Läpi kolmen kirjo kannen,
Läpi nel'p'än nieglan šilmän,
Läpi reppänän retusen,
Läpi lapšen kätkyöštä.
15 Rikko rinnat neitosella,
Poltti parmahat emolta,
Kirpos tuli kipuna.
Šai neiti Manalla männä,
Ei neiti Manalla jouva.
20 „Kunne tulen työnnytämmä,
Šen vuavitamma?“
Tuli tupšahti mereh,
Valgieni vuakahah.
Tuopa oli šiloššiika,
25 Nieli hiän tuli kipunan.
Tuli tuška nielijällä,
Pakko paljon šyöjälläh.
Uiksenteli, käyksenteli,
Joka šuari šai šanoman,
30 Joka niemi neuvon pisti.
Ei ole kurjan nielijua,
Vaimolan vajottajua?
Tuapa oli halie hauki,
Nieli hiän šilien šiijan;
35 Tuli tuška nielijällä,
Pakko paljon šyöjällä,
Vaimolan vajottajalla.

„Где огонь добывали,
Где светлый высекали?“
Выше неба девятого,
В золотой клеточке.
5 Колыбель золотая качалась,
Серебряные ремешки дрожали,
Медный крюк стучал
При высекании огня Туони,
При разжигании светлого пламени.
10 Упала огненная искра
Сквозь три пестрые крышки,
Сквозь четыре игольных ушка,
Сквозь черную отдушину для дыма,
Сквозь колыбель малютки.
15 Повредила она грудь у девушки,
Пожгла сосцы у матери,
Упала огненная искра.
Нужно девушке в Маналу итти,
Да недосуг девушке итти в Маналу.
20 „Куда мы огонь отошлем,
Куда его отправим?“
Упал огонь в море,
Пламя — в воду пенистую.
Тут был гладкий сиг,
25 Проглотил он огненную искру.
Проглотившего взяла тоска,
Сильная боль съевшего искру.
Плавал он, нырял,
Каждый остров с ним говорил,
30 Каждый полуостров давал совет.
Кто проглотит несчастного,
Кто горемычного скроет?
Была светлая щука,
Проглотила она гладкого сига;
35 Нашла тоска на проглотившую,
Сильная боль на съевшую,
Горе на спрятавшую сига.

Uiksenteli, käyksenteli,
 Joka šuari šai šanoman,
 40 Joka niemi neuvon pisti.
 Ei ollun kurjan nielijua,
 Vaimolan vajottajua.
 Tuon oli lohie lohi,
 Nieli hiän halien hauvin.
 45 Tuli tuška nielijällä,
 Pakko paljon šyöttäjällä.
 Uiksenteli, käyksenteli,
 Joka šuari šai šanoman,
 Joka niemi neuvon pisti.
 50 Lohi loiskahti merehen,
 Kela nerjo kimmerti.
 Tuopa vanha Väimämöini
 Löysi Tuonen toukan,
 Muan matosen löysi.
 55 Tuonpa hiän tuhkiaksi tuhoi,
 Tuonpa porohakši poltti.
 Šiitä kašvo pelvaš peltoh,
 Liina liijan karvallini.
 Vellet verkkuo kuto,
 60 Sisärekset kesrätäh.
 Šuatih nuotta valmehekši.
 Työnsi nuoret nuotalla,
 Verövät vetelömäh.
 Käytiä päivä, käytiä toini,
 65 Ei tullun sitä kalua,
 Kuta vašše on nuotta tehty.
 Iče vanha Väinämöini,
 Jo hiän nuotalla mänöy.
 Mänöy nuoret šoutamah,
 70 Verövät vetelömäh.
 Nuoret šouti, airot notku,
 Perä kruačku kuarnehina,
 Nenä joiku jouččenina,
 Tel'l'ot tetrenä kukerti.
 75 Vetä abajan pitkin vettä,
 Toisen veti poikki vettä,
 Ei tullut sitä kalua,
 Kuta vašše on nuotta tehty.
 Laški nuotan vaštah vettä,
 80 Šotki nuotan tappurakši,
 Vejen velliksi ševotti.

Плавала она, ныряла,
 Каждый остров с ней говорил,
 40 Каждый полуостров давал совет.
 Некому проглотить несчастную,
 Горемычную скрыть.
 Был крупный лосось,
 Проглотил он светлую щуку.
 45 Нашла тоска на проглотившего,
 Сильная боль на съевшего.
 Плавал он, нырял,
 Каждый остров с ним говорил,
 Каждый полуостров давал совет.
 50 Лосось плеснулся в море,
 Быстрый вал пробежал.
 Старый Вяйнямёйни
 Нашел древесную личинку,
 Дождевого червя нашел.
 55 Он в золу его превратил,
 Порохом его сжег.
 От этого вырос лен на поле,
 Конопля обильная волокном.
 Братья сети вяжут,
 60 Сестры нити прядут.
 Изготовили невод.
 Послал он молодых с неводом,
 Полнокровных невод водить.
 Ловили день, ловили другой,
 65 Не попалась та рыба,
 Для которой невод вязали.
 Сам старый Вяйнямёйни,
 Сам идет неводить.
 Ставит молодых грести,
 70 Полнокровных невод водить.
 Молодые гребли, весла гнулись,
 Корма вороном каркала,
 Нос лебедем кричал,
 Скамейки тетеревами ворковали.
 75 Провел тоню по течению,
 Другую провел поперек течения,
 Но не поймал он рыбу,
 Для которой невод связан.
 Пустил невод против течения,
 80 Истребал невод, как паклю,
 Воду смутил в жижу.

Šiitä tuli lohi verkkoh;
 Ei sitä käsih oteta,
 Eikä rautarukkasitta,
 85 Eikä kirjokintahitta,
 Eikä vaškivantusitta.
 Tuopa vanha Väinämöini,
 Šai hiän rautarukkaset,
 Šai hiän kirjarukkaset,
 90 Šai hiän vaškivantuset,
 Avai lohienlohen vačan,
 Šiell'oli halie hauki.
 Avai hiän halien hauin,
 Šiell'oli šilie šiika.
 95 Avai šilien šiijan,
 Šiell'oli tuli kipuna.
 „Kunne tulen työnnytän,
 Valkiesen vuavutan?“
 Tulen tuikahti mereh,
 100 Valkiesen vuakahah.

Тут только попался лосось в невод;
 Руками его не брали,
 Не берут без пестрых варежек,
 85 Не берут без железных рукавиц,
 Без медных обручей.
 Тот старый Вяйнямёйни
 Достал он железные рукавицы,
 Достал он пестрые варежки,
 90 Достал он медные щитки.
 Раскрыл у лосося широкий живот,
 Там была светлая щука.
 Раскрыл он светлую щуку,
 Там был гладкий сиг.
 95 Раскрыл он гладкого сига,
 Там была огненная искра.
 „Куда огонь я пошлю,
 Светлый куда отправлю?“
 Огонь взметнулся в море,
 100 Светлый в пенистые воды.

85. КЕЙРЕТУЙНИ УЗНАЕТ СЕСТРУ

Poika tuhma Tuiretuizen,
 Lapši kehjo Keiretyizen,
 Läksi viemähän vetoja,
 Muarahoja makšamahan.
 5 Rekehensä reutoakšen,
 Kohentelih korjahan.
 Ajua karettelou,
 Matkojanša miärittelöy,
 Nämill' Pohjan kankahilla,
 10 Lapin muan šaloilla.
 Neiyo vastahan tulou,
 Hivus kulta hiihtelöy,
 Nämill' Pohjan kankahilla,
 Lapin leveillä šamoilla.
 15 Poika tuhma Tuiretuizen,
 Lapši kehjo Keiretyizen,
 Jo tuoš piättelöy,
 Šuuta hiän šovittelou:
 „Tule korjahan, koria,
 20 Hyvä lahja, laitohoni!“
 Neiyo šuksilla šanou,

Сын глупого Туйретуйнена,
 Недогадливое дитя Кейретуйни,
 Поехал отвезти подати,
 За землю деньги уплатить.
 5 В дровни укладывался,
 Усаживался в сани.
 Едет, постукивает,
 Путь отмеривает
 На этих борах Похьолы,
 10 В дремучих лесах земли Лаппи.
 Девушка навстречу идет,
 Золотоволосая на лыжах бежит
 На этих северных борах Похьолы,
 В дремучих лесах земли Лаппи.
 15 Сын глупого Туйретуйнена,
 Недогадливое дитя Кейретуйни,
 Уже здесь оказался,
 Рот свой прилаживает:
 „Иди в санки, красавица,
 20 Хороший подарок, в мой возочек!“
 Девушка с лыж ему отвечает,

Hiihtäy huima hiijoavi:
 „Surma šiull’ korjahäši,
 Manala rekyehesi!“
 25 Poika tuhma Tuiretyizen,
 Lapši kehjo Keiretuizen,
 Šiit iski virkkuo vičalla,
 Šiit helähytti helmivyyöllä.
 Virkku juoksi, matka joutu,
 30 Tie vieri, reki raččazi.
 Ajuapi jöröttelöy,
 Matkojansa miärittelöy,
 Šelvällä meren šelällä,
 Meren ulapalla aukialla.
 35 Neižo vaštah hänell’ tulou,
 Tinarinta riitelöy,
 Šelvällä meren šelällä,
 Meren ulapalla, aukialla.
 Poika tuhma Tuiretuizen,
 40 Lapši kehjo Keiretyizen,
 Matkanša piättelöy,
 Šuuta hiän šovittelou:
 „Tuleš, neižo, korjahani,
 Muan valio matkoihini!“
 40 Neižo vastahan šanou,
 Tinarinta riitelöy:
 „Tuoni šiun tulkah korjah,
 Manala tulkah matkoihisi!“
 Poika tuhma Tuiretuizen,
 50 Lapši kehjo Keiretyizen,
 Šiit iski virkkuo vičalla,
 Šiit helähytti helmisvyyöllä.
 Virkku juoksi, matka joutu,
 Reki vieri, tie lyheni.
 55 Ajaapi karettelou,
 Matkojanša miärittelöy,
 Nämill’ Väinön kankahillä,
 Ammuin ruatuilla ahoilla.
 Neižo vaštahan tulou,
 60 Kaunokenkä kualelou,
 Nämill’ Väinön kankahilla,
 Ammoin ruatuilla ahoilla.
 Poika tuhma Tuiretuizen,
 Lapši kehjo Keiretyizen,
 65 Hevoizen hiän piättelöy,

Едет, озорница, бредет:
 „Смерть тебе в санки,
 Манала тебе в возок!“
 25 Сын глупого Туйретуйнена,
 Недогадливое дитя Кейретуйни,
 Ударил Резвого прутом,
 Стегнул жемчужным кнутом.
 Резвый бежал, путь сокращался,
 Дорога катилась, сани скрипели.
 30 Едет, бормочет,
 Путь свой отмеряет
 Вдоль чистой поверхности моря,
 Вдоль безбрежной морской равнины.
 35 Девушка навстречу попадаетя,
 С оловянными монистами, поругивается
 На чистой поверхности моря,
 На безбрежной морской равнине.
 Сын глупого Туйретуйнена,
 40 Недогадливое дитя Кейретуйни,
 Останавливается на дороге,
 Рот свой прилаживает:
 „Иди в санки, красавица,
 Избранница земли, в путь со мной!“
 45 Девушка ему отвечает,
 С оловянными монистами, поругивается:
 „Туони пусть придет в твои сани,
 Манала тебе в спутники!“
 Сын глупого Туйретуйнена,
 50 Недогадливое дитя Кейретуйни,
 Ударил Резвого прутом,
 Стегнул его жемчужным кнутом.
 Резвый бежал, путь сокращался,
 Сани катились, дорога бежала.
 55 Едет, бормочет,
 Путь свой отмеряет
 На этих борах Вяйнёлы,
 Давно обработанных полянах.
 Девушка навстречу попадаетя,
 60 Прекраснообутая бредет,
 На этих борах Вяйнёлы,
 Давно обработанных полянах.
 Сын глупого Туйретуйнена,
 Недогадливое дитя Кейретуйни,
 65 Лошадь он приостановил,

Šuuta hiän šovittelou:
 „Tule, neijo, korjahani,
 Armaš alla vilttizeni!“
 Neijo vaštahan šanou,
 70 Kauttokenkä kantelehi:
 „Vilu on šiun viltin alla,
 Kolkko korjašša eliä!“
 Poika tuhma Tuiretuizen,
 Lapši kehjo Keiretyizen,
 75 Avazi parahan arkun,
 Kimmahutti kirjakannen,
 Noštelovi, näyttelövi,
 Kačcelovi, kiäntelövi,
 Kultazie šuamazie,
 80 Vyöhyzie hobiejoida.
 Niin tuli rekehen neijo,
 Korjahan kohentelekšen,
 Iče laitohon lasekšen,
 Alla viltin vieretäkšen.
 85 Poika tuhma Tuiretuizen,
 Lapši kehjo Keiretyizen
 Jo tucš lepäjelövi
 Nuoren neitozen keralla.
 Kiäs orihen ohjakšet,
 90 Toini neitozen nännilöiss’.
 Šiitä neitozen kizaili,
 Tinarinnan riskajeli,
 Nämill’ Väinön kankahilla,
 Ammoin ruatuilla ahoilla.
 95 Niin neijo šanoiksi virkki:
 „Lienetko rotuo šuurta,
 Šuurta tuaton alua?“
 Poika tuhma Tuiretuizen,
 Lapši kehjo Keiretyizen,
 100 Iče tuon šanoiksi virkki:
 „En ole rotuo šuurta,
 Enkä šuurta, enkä pientä,
 Olen kerran keškimäistä, —
 Poika tyhjä Tuiretuizen,
 105 Lapši köyhä Keiretyizen.
 Vain mitä šiun rotu on?
 Šano siun rotusi,
 Jos olet rotuo šuurta,
 Šuurta tuaton aloa“.

Рот свой прилаживает:
 „Иди, девушка, в санки,
 Любимая, под войлочек!“
 Девушка в ответ говорит,
 70 Прекраснообутая отвечает:
 „Холодно под твоим войлочком,
 Зябко в саночках сидеть!“
 Сын глупого Туйретуйнена,
 Недогадливое дитя Кейретуйни,
 75 Открыл лучший сундук,
 Распахнул расписную крышку,
 Поднимает, показывает,
 Рассматривает, поворачивает
 Золотые украшения,
 80 Серебряные пояски.
 Тут пришла в дровни девушка,
 В саночки, охорашиваясь,
 Сама на бортик села,
 Под войлочек прилегла.
 85 Сын глупого Туйретуйнена,
 Недогадливое дитя Кейретуйни,
 Уже отдыхает
 С молодой девушкой.
 В руке вожжи жеребца,
 90 Другая рука у девушки на груди.
 Ту девушку себе взял,
 С оловянными монистами, испортил
 На этом бору Вяйнёлы,
 На давно обработанных полянах.
 95 Так девушка к слову промолвила:
 „Будешь ли знатного рода,
 Высокого положения отца?“
 Сын глупого Туйретуйнена,
 Недогадливое дитя Кейретуйни,
 100 Сам такие слова промолвил:
 „Не знатного я роду,
 Не высокого, не низкого,
 Так себе — среднего:
 Сын пустого Туйретуйнена,
 105 Дитя бедного Кейретуйнена.
 А ты какого рода?
 Скажи о своем роде,
 Знатного ли ты рода,
 Высокого ли положения отца?“

110 Neijo tuon šanoiksi virkki:
 „En ole suurta rotuo,
 Enkä suurta, enkä pientä
 Olen kerran keškimäistä, —
 Tytär tyhjä Tuiretuizen,
 115 Lapši kehjo Keiretyizen!“
 Korjasta kohottelekšen:
 „Voi, poloini, päiviäni!
 Kun piin sizäryeni,
 Lannutin emoni lapšen,
 120 Nämill' Väinön kankahilla,
 Ammoin ruatuilla ahoilla“.
 Veičellä länget levitti,
 Rauvall' rahnoi rahkehet,
 Hyppäzi hyvän selällä,
 125 Ajo päin sinistä mertä,
 Kohti kuohuja kovia,
 Alla ualtojen syvien,
 Piällä mustien murien.

110 Девушка на те слова ответила:
 „Не знатного я рода,
 Не высокого и не низкого,
 Так себе — среднего:
 Дочь пустого Туйретуйнена,
 115 Дитя бедного Кейретуйнена!“
 Из саней он выскакивал:
 „Ой, несчастный день рождения!
 Опозорил я свою сестру,
 Обесчестил дочь своей матери
 120 Я в этом бору Вяйнёлы,
 На давно обработанных полянах“.
 Ножом хомут изрезал,
 Железным обрубил гужи,
 Вскочил резвому на спину,
 125 Поскакал к синему морю,
 Прямо в бурлящие камни,
 Под глубокие волны
 На мрачном море.

86. ЛЕММИНКЯЙНИ НА ПИРУ В ПЯЙВЁЛЕ

Šavu šuarella palavve,
 Tuli niemen tutkaimešša;
 Pieni on šovan šavukši,
 Šuuri paimozen palokši.
 5 Ošmotar olutta keitti,
 Kapu kal'l'ua rakenti
 Noiksi Päivölän pivoiksi,
 Hyvän joukon juomingiksi,
 Ristirahvahan remuksi.
 10 Ei ottan olut hapata,
 Kal'l'a kultani kujussa.
 Emäntä oli hyvä tapani,
 Hiero kahta kämmentäh,
 Hykerti molompiah,
 15 Hiero kärpän kämmenistä,
 Oravan šuustan šukasi.
 „Vuota neuvon neijoistani,
 Opaššan oravaistani,
 Mäne kunne käškenen,
 20 Yheksän meren yličči.
 Siellä on kolme korpikuušta,

Дым на острове поднялся,
 Огонь — на конце полуострова;
 Мал он для дыма войны,
 Велик для костра пастуха.
 5 Осмотар варила пиво,
 Капу готовила квас
 Для пира Пяйвёлы,
 Для попойки доброй братчины,
 На веселье крещеному народу.
 10 Не стало пиво бродить,
 Квас золотой — играть.
 Хозяйка была хорошего нрава,
 Стала она потирать свои ладони,
 Натирала обе ладошки,
 15 Натерла горностая из ладоней,
 Из своего рта белку выплюнула.
 „Погоди, посоветую своей девице,
 Научу свою белочку.
 Иди, куда велю:
 20 Через девять морей.
 Там три старые ели,

Kakši on vaipoilla katettu,
 Kolmaš ilman kattamatta.
 Tuopa kuušesta käpyä,
 25 Petäjästä helpehiä!“
 Toi hiän kuušesta käpyä,
 Petäjästä helpehiä.
 Pani Ošmotar olutta,
 Kapu pani kal'l'ahah,
 30 Noiksi Päivölän pivoiksi,
 Hyvän joukon juomingiksi.
 Šai olut hapanneksi,
 Mesi miesten juotavakši.
 Emäntä hyvä tapani
 35 Hiero kahta kämmentäh,
 Hykerti molompiah.
 „Vuota neuvon neijoistani,
 Opaššan oravaistani.
 Mäne sinne kunne käšken,
 40 Yheksän meren yličči,
 Meri puolen kymmeničči,
 Kuču Ahti, kuču Kauvo,
 Kučo vain Veitikki verävä,
 Elä vain kuču Lemminkäistä!“
 45 „Muamoseni, kantaјani,
 En tiijä Ahin kotie,
 Enkā Kavon kartanuo,
 Veitikin elosijua!“
 „Ahti šuarella ашу,
 50 Kauvo niemen kainalošša,
 Veitikki nenässä niemen.
 Elä vain kuču Lemminkäistä!“
 Lemminkäini, lieto poika,
 Mäni hiän uloš ušta myöti,
 55 Pihalla pärettä myöti,
 Šeisattih hiän šeinän alla,
 Kuuli ilon illeneldä,
 Jyryn järvien takuate,
 Pistih pikku pertisehes.
 60 „Muammošeni, kantaјani,
 Tuo voinavuattijani,
 Tuopa šie šotišobani,
 Pitoloissa piettäväni,
 Häissä häilyteltäväni,
 65 Lähen Päivölän pitoh,

Две вершинами покрыты,
 Третья осталась непокрытой.
 Принеси с ели шишек,
 25 С сосны иглы и чешуйки коры!“
 Принесла она с ели шишек,
 Иглы, чешуйки с коры сосны.
 Наварила Осмотр пива,
 Капу приготовила квас
 30 Для той пирушки Пяйвёлы,
 Для попойки хорошей братчины.
 Это пиво выбродило,
 Мед для питья мужчинам.
 Хозяйка хорошего нрава
 35 Потирала свои ладони,
 Потирала обе ладони.
 „Погоди, посоветую своей девице,
 Научу свою белочку.
 Иди туда, куда велю:
 40 Через девять морей,
 Через половину десятого,
 Пригласи Аhti, проси Кауко,
 Пригласи Вейтикку полнокровного,
 Но не зови лишь Лемминкяйнена!“
 45 „Мать моя, меня родившая,
 Не знаю я, где Аhti живет,
 Не знаю, где усадьба Кауко,
 Где жилище Вейтики!“
 „Аhti живет на острове,
 50 Кауко на перешейке полуострова,
 Вейтикка на конце полуострова.
 Но не зови лишь Лемминкяйнена!“
 Лемминкяйни, хитрый парень,
 Вышел на улицу через дверь,
 55 На двор вышел по лучинке,
 Остановился у стены,
 Слышал он веселый шум,
 За озером услышал грохот,
 Вошел в свою маленькую избу.
 60 „Мать моя, выносившая меня,
 Принеси бранную одежду,
 Подай мои военные доспехи,
 Что я на праздниках ношу,
 В чем на свадьбах гуляю,
 65 Пойду я на пир Пяйвёлы,

- Hyvän joukon juominkih,
Ristirahvahan remuh!“
Emo kielti lapšutta,
Naini miestähän epäsi:
70 „Poikuoni, ainuoni,
Elä lähe Päivölän pitoh:
Kolme on šurmua matalla“.
„Muammošeni, kantažani,
Šano šurma ensimäni!“
75 „Poikuoni, ainuoni,
Mänet matkua vähäsen,
Kulet tietä pikkarasen,
Tulou on tulini koški.
Košešša on tulini luoto,
80 Luuvošša on tulini koivu,
Koivušša on tuliset okšat,
Okšilla on tulini kokko.
Kokko kynsijä hivou,
Hampahie hiän hiskuttau.
85 Še on šyönyh šuan urošta,
Tuhonnuh tuhannen miestä,
Še on šyömäh Lemminkäistä,
Lemminkäisen piän varalla“.
Lemminkäini, lieto poika,
90 Hiänpä tuon šanoiksi virki:
„Eikä še ole miesten šurma,
Eikä kuolema urohon.
Šano šurma keškimäini!“
„Poikuoni, ainuoni,
95 Mänet matkoja vähäsen,
Kulet tietä pikkarasen,
Tulou mato poikki tiestä,
Pitempi on pirtin hirtä,
Pakšumpi on pirtin pačašta.
100 Še on šyönyh šuan urošta.
Tuhonnuh tuhannen miestä,
Še on šyömäh Lemminkäistä,
Lemminkäisen piän varalla“.

Lemminkäini, lieto poika,
105 Hiänpä tuon šanoiksi virki:
„Eikä še ollut miesten šurma,
Eikä kuolema urohon.
Šano šurma viimeiniki!“

- На попойку доброй братчины,
На веселье крещеного народа!“
Мать удерживала своего сыночка,
Женщина мужнину предостерегала:
70 „Сын мой, единственный,
Не ходи на пир Пяйвёлы:
Три смерти есть на пути“.
„Мать моя, выносившая меня,
Скажи мою первую смерть!“
75 „Сын мой, единственный,
Пройдешь немного пути,
Прошагаешь недолго по дороге,
Встретишь огненный водопад,
В водопаде стоит огненная скала,
80 На скале — огненная береза,
На березе — огненные ветви,
На ветвях — огненный орел.
Орел когти точит,
Зубами скрипит.
85 Он съел сто героев,
Уничтожил тысячу мужей,
Съест он и Лемминкяйнена,
Он охотится за головой Лемминкяйнена“.
Лемминкяйни, хитрый парень,
90 Он сказал такие слова:
„Эта смерть не для мужчин,
И не смерть для героев.
Скажи мою среднюю смерть!“
„Сыночек, мой единственный,
95 Пройдешь немного пути,
Прошагаешь по дороге немного,
Проползет змея через дорогу,
Длиннее бревна в избе,
Толще столба в доме.
100 Она съела сто героев,
Уничтожила тысячу мужчин,
Съест она и Лемминкяйнена,
Она охотится за головой Лемминкяйнена“.

Лемминкяйни, хитрый парень,
105 Он сказал такие слова:
„Эта смерть не для мужчин,
И не гибель для героев.
Скажи мою последнюю смерть!“

„Mänet Päivölän kujoilla,
 110 Aita on rauvašta rakennettu,
 Čičiliuskoilla sivottu,
 Kiärmehillä kiämitetty,
 Muašta šuate taivahah,
 Taivahašta muaha šuate,
 115 Šusit šuiččirengahissa,
 Karhut vaškikahlehisssa“.
 Lemminkäini, lieto poika,
 Hiänpä tuon šanoiksi virki:
 „Eikä še ole miesten šurma,
 120 Eikä kuoloma urohon.
 Tuo šie voinavuattieni,
 Tuopa šie šotišobani,
 Pitoloissa piettäväni,
 Häissä hälyteltäväni!“
 125 Läksi Päivölän pitoh.
 Mäni matkoja vähäsen,
 Kulki tietä pikkarasen,
 Tuli on tulini koški,
 Košešša on tulini luoto,
 130 Luuvošša on tulini koivu,
 Koivussa on tuliset okšat,
 Okšilla on tulini kokko.
 Kokko kynsiä hivou,
 Hampahie hiän hiskuttau,
 135 Še on šyöнын šuan urošta,
 Tuhonnuh tuhannen miestä,
 Še on šyömäh Lemminkäistä,
 Lemminkäisen piän varalla.
 Lemminkäini, lieto poika,
 140 Tempasi lehosta tetren —
 Koppalisen koivikošta,
 Tuompa šyöksi šyöjän šuuhu,
 Partahan pahan purijan,
 Leukahan lesottelijan.
 145 Iče ielläh aštumah.
 Mäni matkoja vähäsen,
 Kulki tietä pikkarasen,
 Tuli on mato poikki tiestä,
 Še oli pitempi pirtin hirttä,
 150 Pakšumpi pertin pačašta,
 Še oli šyönyh šuan urošta,
 Tuhonnuh tuhannen miestä,

„Пройдешь по закоулкам Пяйвёлы,
 110 Изгородь там сделана из железа,
 Ящерицами обвязана,
 Змеями обвита,
 От земли до небес,
 От неба до земли,
 115 Волки на узде на кольцах,
 Медведи там на медных цепях“.
 Лемминкяйни, хитрый парень,
 Он сказал такие слова:
 „Эта смерть не для мужчин,
 120 И не смерть для героев.
 Принеси мою бранную одежду,
 Подай мои военные доспехи,
 Что на праздниках я ношу,
 В чем я гуляю на свадьбах!“
 125 Пошел он на праздник Пяйвёлы,
 Прошел немного пути,
 Пошагал он по дороге,
 Подошел он к огненному водопаду,
 В водопаде — огненная скала,
 130 На скале — огненная береза,
 На березе — огненные ветви,
 На ветвях — огненный орел.
 Орел когти точит,
 Зубами он скрипит,
 135 Он съел уже сотню героев,
 Уничтожил тысячу мужей,
 Он съест и Лемминкяйнена,
 Он охотится за головой Лемминкяйнена.
 Лемминкяйни, хитрый парень,
 140 Схватил с кустарника тетерку,
 Глухаря с березняка,
 Бросил их в пасть хищника,
 В зев клюющей птицы,
 В зоб злобствующего орла.
 145 Сам шагал дальше.
 Прошел он немного пути,
 По дороге немножко прошел,
 Видит — змея поперек дороги,
 Длиннее бревна, что в избе,
 150 Толще столба в доме.
 Она съела сто героев,
 Уничтожила тысячу мужей,

Še on šyömäh Lemminkäistä,
 Lemminkäisen piän varalla.
 155 Lemminkäini, lieto poika,
 Tempasi lehošta tetren,
 Koppalisen koivikošta,
 Tuompa šyöksi šyöjän šuuhu,
 Partahan pahan purijan,
 160 Leukahen lesottelijan.
 Iče ielläh aštumah.
 Mäni Päivölän kujoilla;
 Aita rauvašta rakennettu,
 Čičiliuskoilla sivottu,
 165 Kiärmehillä kiämitetty,
 Muašta šuate taivahah,
 Taivahašta muaha šuate,
 Šusit šuiččirengahissa,
 Karhut vaškikahlehisssa.
 170 Laulo leppäsen urohon,
 Iče ielläh aštumah.
 Mäni Päivölän pihoilla,
 Jo on pivotki pietty,
 Jo on häitä häilytetty,
 175 Pivorit pinoilla on pantu.
 Pistih pikku pertiseh,
 Šeisattih hiän oven šuuhu,
 Oven šuuhu, orren alla,
 Kahen kattilan välillä,
 180 Kolmen koukun kiäntimillä.
 Päivätytär — hyvä emäntä,
 Toi hiän tuopilla olutta,
 Kanto kakšivartisella,
 Kino alla, vuahti piällä,
 185 Kešellä tulikipuna.
 Otti onnen maššistah,
 Veti veičen vierestäh,
 Tupeštah hiän tuiman rauvan.
 „Ruhka muana tuotaneh,
 190 Ruoka šuuhu šyötäneh!“
 Joi hiän oluon onnekšeh,
 Muššan mejen mielekšeh.
 Šano Ahti Suarelaini:
 „Mitä tulit kučutta pitoh?“

195 Lemminkäini, lieto poika,

Съест она и Лемминкяйнена,
 Она охотится за головой Лемминкяйнена.
 155 Лемминкяйни, хитрый парень,
 Схватил из кустарника тетерева,
 Глухаря с березняка,
 Бросил их в пасть хищника,
 Под жало жалящей змеи
 160 И перед злобствующим гадом.
 Сам он зашагал дальше.
 Пришел на проулок Пяйвёлы;
 Там стоит железная изгородь,
 Ящерицами она перевязана,
 165 Змеями перевита,
 От земли до неба,
 От неба до земли,
 Волки на узде на кольцах,
 Медведи на медных цепях.
 170 Напел он из ольхи героя,
 Сам зашагал дальше.
 Пришел на двор Пяйвёлы,
 Там пир уже окончился,
 Уже и свадьба сыграна,
 175 Бочки уложены в ряд.
 Зашел он в маленькую избушку,
 Стал он у дверей,
 У дверей, под полкой,
 Промеж двух котлов,
 180 Среди трех крюков.
 Пяйвятар — добрая хозяйка,
 Принесла в кружке пива,
 В кружке с двумя ручками,
 Плесень внизу, пена сверху,
 185 В середине — искра.
 Взял он из кошелька свое счастье,
 Выхватил нож, который был сбоку,
 Из ножен вынул жесткое железо.
 „Грязь на землю бросается,
 190 Пища в рот кладется!“
 Выпил он то пиво на здоровье,
 Черный мед себе в прок и удовольствие.
 Сказал Аhti Суарелайни:
 „Зачем ты пришел без приглашения на пир?“

195 Лемминкяйни, хитрый парень,

Hiänpä varšin vaštuaeli:
 „Korie on kučuttu vieraš,
 Koriempi on kuččumatoin!“
 Tuopa on Ahti Šuarelaini,
 200 Lauło valkien jänön
 Nokiloita šortamah,
 Karštoja karistamah,
 Tuon on piällä Lemminkäisen.
 Lemminkäini, lieto poika,
 205 Lauło ruškien oravan,
 Nokiloita šortamašta,
 Karštoja karistamašta,
 Šyömäh jänön lihia.
 Tuopa Ahti Šuarelaini
 210 Lauło lammin lattiella.
 Lemminkäini, lieto poika,
 Lauło lampiseh härän.
 Härkä lammin laikohutti.
 Lemminkäini, lieto poika,
 215 Hiänpä tuon šanoiksi virkki:
 „Pistävyymä uloš pihalla,
 Mittaičemma miekkojan,
 Kaččelemma kalvojan,
 Kumpašen miekka mielyisempi,
 220 Kumpašen kalvo kaunehempi!“
 Pistävyttih uloš pihalla,
 Lemminkäisen miekka oli mielyisempi,
 Lemminkäisen kalvo oli kaunehempi.
 Šano Ahti Šuarelaini:
 225 „Kuulin vielä kummempie,
 Näin vielä imehempie,
 Hämeheššä käyvessäni:
 Orih kuušešša makasi,
 Oravalla kynnetti,
 230 Kattiloilla leikatti,
 Kirvehellä keiteti!“
 Lemminkäini, lieto poika,
 Hiänpä tuon šanoiksi virkki:
 „Kuulin vielä kummempie,
 235 Näin vielä imehempie,
 Hämeheššä käyvessäni,
 Hämeheššä oli härkä šuuri,
 Šonni Šuomessa lihava,
 Piä keikku Kemin jovella,

Он ответил очень метко:
 „Важен приглашенный гость,
 Но без приглашения он важнее!“
 Тот Ахти Суарелайни
 200 Песней сотворил он белого зайца,
 Чтобы он сажу сыпал,
 Копоти насыпал бы
 На Лемминкяйнена.
 Лемминкяйни, хитрый парень,
 205 Песней сотворил рыжую белку,
 Чтобы она сажу отсыпала,
 Копоть отсыпала бы от него,
 Чтобы заячье мясо съела.
 Тот Ахти Суарелайни
 210 Силой песни он разлил на пол озерко.
 Лемминкяйни, хитрый парень,
 Песней он создал быка в озерке.
 Бык выпил это озерко.
 Лемминкяйни, хитрый парень,
 215 Он сказал такие слова:
 „Пойдем-ка на двор,
 Померяемся своими мечами,
 Проверим свои клинки,
 У кого меч прекраснее,
 220 У кого клинок красивее!“
 Вышли они на двор,
 У Лемминкяйнена меч прекраснее,
 Его клинок красивее.
 Говорит Ахти Суарелайни:
 225 „Слышал я получше новости,
 Видел я более чудесные виды,
 Когда бывал я в крае Хяме:
 Жеребец спал на ели,
 На белке там пахали,
 230 Котлами хлеб пахали,
 Топором варили!“
 Лемминкяйни, хитрый парень,
 Он сказал такие слова:
 „Слышал я новости получше,
 235 Видал я чудес поболее,
 Когда я посещал край Хяме:
 В Хяме был большой бык,
 Бык Суоми располневший,
 Голова находилась у реки Кеми,

240 Häntä tarttu Tornivošša.
Päivän lenti piäčky lintu
Härän šarvien välie,
Eikä vielä piähä piäššyn;
Päivän juokši kevyöt orava
245 Härän häntälu ta myöti,
Elkä vielä piähä piäššyt.
Kučuttih ukko tappamah,
Pivori pitelemäh,
Viilakanta viilömäh.
250 Härkä piätäh häilähytti,
Mul'ahutti muššat silmät;
Ukko kuušehe kašahti,
Pivori pihlajan nenäh,
Viilakanta kannon piähä.
255 „Kuin mie tullen toisen kerran!“
Tulou ukko i toisen kerran,
Iski härän häilähytti;
Mul'avutti muššat silmät.
Verta piäsi šeiččemen venehtä,
260 Šata šyltä makkarua,
Tuhat puutua lihua!

240 Хвост зацепился за Торнио.
День летала ласточка
Между рогами быка,
Да не долетела до конца;
Целый день бегала белка
245 По хвосту быка,
Да не добежала до конца.
Пригласили старца резать быка,
Пивори удерживать быка,
Вийлаканта — разрезать его на куски.
250 Бык качнул головой,
Моргнул черными глазами,
Старик на ель полетел,
Пивори на верхушку рябины,
Вийлаканта на пеню.
255 „Приду я еще и второй раз!“
Пришел старик второй раз,
Ударил он быка — покачнулся,
Бык закатил свои черные глаза.
Крови вышло семь лодок,
260 Сто сажень колбасы,
Тысяча пудов мяса!

87. КОЁНИ СВАТАЕТСЯ

„Jouten jouvuin, jouten kašvoin,
Još ois männä Joukozella,
Jouten Joukoni pitäis,
Joki vejellä juottelis“.
5 Piäty Jouko kuulomašša,
Alla sillan šeisomašša,
Ikkunalla istumašša.
Kušša kuuli, šiinäi kos's'o,
Kušša kos's'o, šiinäi kihlo.
10 Murti muijain hiän rekeh;
Iski Virkkuo vičalla,
Helähytti helmispiällä.
Virkku juoksi, matka joutu,
Reki vieri, tie lyheni;
15 Kaččou muijoi reistä:
„Mi oli juoššun tiestä poikki?“
„Jänö on juoššun tiestä poikki“.
„Parempi ois miun, polozen,
Jänön jäyhkävän jälellä,

„На досуге я мужала, мужая росла,
Если выйти за Ёуконена,
Работать Ёукони не заставлял бы,
Речной водичкой поил бы“.
5 Оказалось, Ёукони услышал,
Он под мостиком стоял,
Под окошечком сидел.
Где он слышал, там и сосватал,
Где сосватал, там и сговорил.
10 Усадил жену он в сани;
Ударил Резвого кнутом,
Подстегнул концом жемчужным.
Резвый бежал, путь свободен,
Санки катились, дорога убегала.
15 Смотрит жена из саней:
„Кто бежал через дорогу?“
„Заяц бежал через дорогу“.
„Лучше бы мне, горемычной,
Бежать по извилистому заячьему следу,

- 20 Ei kun korjašša Kojozen!
 „Vuota, vuota, Hiijen huora,
 Piäššemmä Kojon kotih,
 Kojon miällä korkiella,
 Veššämmä veičettä lihua,
 25 Ryypimmä vertä kauhazetta!
 Mučoini mečäššä itki,
 Heinäteillä hellerteli,
 Kaivojovellä kaiverteli.
 „Ken šilma pahoin piteli,
 30 Ukkoko pahoin pitäy?“
 „Ei ukko pahoin pie,
 Ukko on kuin oma tuatto“.
 Mučoini mečäššä itki,
 Heinäteillä hellerteli,
 35 Kaivoteillä kallerteli.
 „Ken šilma pahoin pitäy,
 Akkako pahoin pitäy?“
 „Ei akka pahoin pitäis,
 Akka on kuin oma muamo“.
 40 Mučoini mečäššä itki,
 Heinäteillä hellerteli,
 Kaivoteillä kallerteli.
 „Ken šilma pahoin pitäy,
 Kytykö pahoin pitäy?“
 45 „Ei kyty pahoi pijä,
 Kyty on kuin oma veikko“.
 Mučoini mečäššä itköy,
 Heinäteillä hellerteli,
 Kaivoteili. kallerteli.
 50 „Kenpä šilma pahoin pitäy,
 Natoko pahoin pitäy?“
 „Ei nato pahoin pitäis,
 Nato on kui oma čikko“.
 Mučoini mečäššä itki,
 55 Heinäteilla hellerteli,
 Kaivoteillä kallerteli.
 „Kenpä šilma pahoin pitäy,
 Šulhoko pahoin pitäy?“
 „Še, še, šitovina,
 60 Vilun kylын kylvettäjä.
 Tukkien tuulilla jakaja,
 Laučan päiššä lahottaja,
 Vajan päiššä valvottaja“.

- 20 Чем сидеть в санях у Коёнена!
 „Погоди, погоди, блудница Хийси,
 Приедем в дом Коёнена,
 На высокую гору Коёнена,
 Нарубим твоего мяса без ножа,
 25 Попьем твоей крови без ковша!“
 Жenuшка в лесу плачет,
 На луговой дорожке стонет,
 На колодезной тропинке причитает.
 „Кто тебя обижает,
 30 Старик тебя обижает?“
 „Нет, старик не обижает,
 Старик, как отец родной“.
 Жenuшка в лесу плачет,
 На луговой дорожке стонет,
 35 На колодезной тропинке причитает.
 „Кто тебя обижает,
 Старуха тебя обижает?“
 „Нет, старуха не обижает,
 Старуха, как родная мать“.
 40 Жenuшка в лесу плачет,
 На луговой дорожке стонет,
 На колодезной тропинке причитает.
 „Кто тебя обижает,
 Деверь тебя обижает?“
 45 „Нет, деверь не обижает,
 Деверь, как родной брат“.
 Жenuшка в лесу плачет,
 На луговой дорожке стонет,
 На колодезной тропинке причитает.
 50 „Кто же тебя обижает,
 Золовка тебя обижает?“
 „Нет, золовка не обижает,
 Золовка, как родная сестра“.
 Жenuшка в лесу плачет,
 55 На луговой дорожке стонет,
 На колодезной тропинке причитает.
 „Кто же тебя обижает,
 Муж ли тебя обижает?“
 „Он, он, проклятый,
 60 В холодной бане парит,
 Волосы по ветру распускает,
 На конце лавки сидеть заставляет,
 Под навесом стоять велит“.

88. ЗАПРОДАННАЯ ДЕВУШКА

Läksin piennä paimeneh,
 Lašša lampahien ajoh,
 Mie hypin kivi kiveltä,
 Mie harpin hako havolta;
 5 Lehmät šarkuu šoita myöte,
 Paimenet paloja maita.
 Yhtyy Yrjö karjahani,
 Lešen poika lehmihini.
 „Mistä, Yrjö, tänne yhtyi?“
 10 „Yrjö yhtyi šiun koista“.
 „Mistä tiesi miun koiksi?“
 „Rissit oli riihen ikkunalla,
 Katajikko oli kaivotienä,
 Petäjikkö pertin ieššä“.
 15 „Mitä ruattih miun koissa?“
 Tyttärijah annettih,
 Poikijah naitettih“.
 „Ketä kellä annettih,
 Kullapa kurjua kaupattih?“
 20 „Šilmaš miulaš annettih,
 Miula kurja kaupattih“.
 „Mitä annoit tuatollani?“
 „Tuatollaš šinioroni“.
 „Mitäpä annoit muamollani?“
 25 „Muamollaš mahermo lehmä“.
 „Vähänpä šie hyväštä annoit,
 Pikkaraisen kaunehuošta,
 Kun otit oluonki tuojan,
 Kannun kantajan kavotit.
 30 Mitäpä annoit vellelläni?“
 „Veikollaš veno punani“.
 „Vähänpä šie hyväštä annoit,
 Pikkaraisen kaunehuošta,
 Kun otit oluonki tuojan,
 35 Kannun kantajan kavotit;
 Mitäpä annoit čikollani?“
 „Čikollaš šinervo u hi“.
 „Vähänpä šie hyväštä annoit,
 Pikkaraisen kaunehuošta,
 40 Kun otit oluonki tuojan,
 Kannun kantajan kavotit“.
 „Kun lienet vähän hyväštä antan,

Пошла я, маленькая, пасти
 Близ овечьих пастбищ,
 Я прыгаю с камня на камушек,
 Я шагаю с колоды на колоду;
 5 Коровы идут по болоту,
 Пастухи по горелой земле.
 Пристал Урьё к моему стаду,
 Вдовый сын к коровам.
 „Откуда, Урьё, сюда пристал?“
 10 „Урьё пришел из твоего дома“.
 „Откуда знаешь мой дом?“
 „Кресты были на окошке овина,
 Можжевельник — дорогой к колодцу,
 Сосняк перед избой“.
 15 „Что делали у нас дома?“
 „Дочерей своих выдавали,
 Сыновей женили“.
 „Кого за кого выдавали,
 Кому несчастных продавали?“
 20 „Тебя за меня выдали,
 Мне беденькую продали“.
 „Что ты дал моему отцу?“
 „Отцу дал вороного коня“.
 „Что ты дал матери?“
 25 „Матери дал яловую корову“.
 „Мало ты дал за хорошую,
 За красоту маленькой,
 Взял ты ту, что носит пиво,
 Но потерял кувшины носящую.
 30 Что ты дал моему брату?“
 „Брату твоему лодку красную“.
 „Мало ты за хорошую дал,
 За красоту маленькой,
 Взял ты пиво приносящую,
 35 Но потерял кувшины несущую;
 Что ты дал моей сестре?“
 „Сестре твоей дал черную ярочку“.
 „Мало ты за хорошую дал,
 За красоту маленькой,
 40 Взял ты ту, что носит пиво,
 Но потерял кувшины носящую“.
 „Если я мало за хорошую дал,

Niin tuatton' šini oroni
 Šortoteillä šortukkah,
 45 Lankoteillä lankekkah;
 Kun lienet vähän hyvästä antan,
 Niin muamon mahermo lehmä
 Važahaizeh viipykkäh,
 Vuonnizeh vaipukkah;
 50 Kun lienet vähän hyvästä antan,
 Niin veikkonni veno punani,
 Košešša kolahlakkah;
 Kun lienet vähän hyvästä antan,
 Cikkonni šinervö uuhi
 55 Villohiohes viipykkäh,
 Vuonnihihes vaipukkah!“

То вороной конь твоего отца
 Пусть пропадет у вас пропадом,
 45 На гати пусть падет;
 Если я мало за хорошую дал,
 То яловая корова твоей матери
 При отеле пусть падет,
 С теленком пусть околеет;
 50 Если я мало за хорошую дал,
 То красная лодка твоего брата
 Пусть разобьется в пороге;
 Если я мало за хорошую дал,
 То черная ярочка сестры
 55 Пусть в шерсти запутается,
 Оягнившись, подохнет!“

89. МОРСКИЕ ЖЕНИХИ

Neiti istuu Turun korolla,
 Turun koron korvašella,
 Aijoin istu, toisin itki;
 Vuotti mieštä mielehistä,
 5 Šulhaista šulašanaista.
 Kultamieš mereštä nouši,
 Kulta šuušša kulta kiäššä,
 Kulta kihlat kormanoissa:
 „Tule miula, neitošeni!“
 10 „En tule, en ni käkie,
 Ei ole šiätty, eikä kiätty,

Eikä koista toivotettu,
 Eikä lašša kašvatettu,
 Eikä pienen' tuuvitettu“.
 15 Neiti istu Turun korolla,
 Turun koron korvašella,
 Aijoin istu, toisin itki.
 Vuotti mieštä mielehistä,
 Mieštä mielen myötähistä,
 20 Šulhaista šulašanaista.
 Hopiemieš mereštä nouši,
 Hopie šuušša, hopie kiäššä,
 Hopie kihlat kormanošša:
 „Tule miula, neitošeni!“
 „Enkä tule, en ni käkie,

Девушка сидит на камне Туру,
 На краешке камня Туру,
 То посидит, то поплачет;
 Ждет мужа по мысли,
 5 Жениха с ласковыми речами.
 Золотой муж из моря поднялся,
 Золото в устах, золото в руках,
 Золотые подарки в кармане:
 „Выходи за меня, девушка!“
 10 „За тебя не пойду, тебе не обещаюсь,
 Не для тебя хранена, с тобой не обру-
 чена,

Из дому не тебе обещана,
 Не для тебя коса рощена,
 Не для тебя маленькой качали“.
 15 Девушка сидит на камне Туру,
 На краешке камня Туру,
 То посидит, то поплачет,
 Ждет мужа по мысли,
 По мысли мужа, по нраву,
 20 Жениха с ласковыми речами.
 Серебряный муж из моря поднялся,
 Серебро в устах, серебро в руках,
 Серебряные подарки в кармане:
 „Выходи за меня, девушка!“
 25 „За тебя не пойду, тебе не обещаюсь,

Ei ole šättty, ei ole kiättty,

Eikä koista toivotettu,
Eikä lašša kašvatettu,
Eikä pienen tuuvitettu“.

30 Neiti istu Turun korolla,
Turun koron korvažella,
Aijoin istu, toisin itki;
Vuotti mieštä mielehistä,
Mieštä mielen myötähistä,
35 Šulhaista šulašanaista.

Leipämieš mereštä nousi.
Leipä šuušša, leipä kiäššä,
Leipä kihlat kormanošša:
„Tule miula, neitošeni!“

40 „Šiula tulen, šiula käkien,
Šiul'on koissa toivotettu,
Šiul'on lašša kašvatettu,
Šiul'on pienen tuuvitettu“.

Не для тебя хранена, с тобой не обру-
чена,

Из дому не тебе обещана,
Не для тебя коса рощена,
Не для тебя маленькой качали“.

30 Девушка сидит на камне Туру,
На краешке камня Туру,
То посидит, то поплачет;
Ждет мужа по мысли,
По мысли мужа, по нраву,

35 Жениха с ласковыми речами.
Хлебный муж из моря поднялся.
Хлеб в устах, хлеб в руках,
Хлеб — подарки в кармане:
„Выходи за меня, девушка!“

40 „За тебя выхожу, тебе обещалась,
За тебя дома обещана,
Для тебя коса рощена,
Для тебя маленькой качали“.

90. ОКЛЕВЕТАННАЯ ДЕВУШКА

Nellä neittä, kolme urošta,
Yhen niemen nenäššä.

Šynty lapsi nuorimmalla,
Nuorimmalla pienimmällä,

5 Pienimmällä, tuhmimmalla.
„Mi hänellä nimekši pannah?“

Vuohikki, hyvä nimikki;
Läksi vejen kannantah,
Otti korvon ollallah,

10 Kauhan käsivarrellah,
Mäni miän, mäni toizen,
Kaččelekše, kiäntelekše,
Jo on kaivo kuivahtan,
Tinapohjah tilkahtan,

15 Vaški laiijalla valuu;
Kaččelekše kiäntelekše,
Šielä purjeh purjehtiu,
Šadalaite lainehtiu.

Neiti purki purren laiijan,

20 Halki huapani venehen.
„Millä šiitä ommellah?“
„Orazella ommellah,

Четыре девушки, трое мужчин
На конце одного мыса.

Родился ребенок у младшей,
У младшей, у меньшей,
5 У меньшей, у глупейшей.

„Как его назвать?“
Было бы красивое имя Вуохикки.
Пошла мать за водой,
Взяла ушат на плечо,

10 Ковшик через руку,
Прошла гору, прошла другую,
Посматривает, повертывается,
Уже колодец высох,
Олово на дно капнуло,

15 Медь по краям сочитя;
Посматривает, повертывается,
Вдали парус виднеется,
Сторбортное судно мчитя.

Девушка разбила паруснику борт,

20 Расколола осиновою лодку.
„Чем же у лодки борт зашивают?“
„Шильцем зашивают,

- Teräzellä temmotah".
 Vei hiän vettä tuatollah,
 25 Tuatto kirvešvarrella:
 „Olkuoš tästä portto pois,
 Tuonemma, tulini lautta,
 Et ollun vejen ečošša,
 Olit šulhoši ečošša,
 30 Punapaklan pyyelyššä,
 Kauto kenkän kaččelušša!“
 Vei hiän vettä vellellä,
 Velli keihäšvarrella:
 „Olkuoš tästä portto pois,
 35 Tuonemma, tulini lautta,
 Et ollun vejen ečošša,
 Olit šulhojen ečošša,
 Punapaklan pyyelyššä,
 Kautokenkän kaččelušša!“
 40 Vei hiän vettä muamollah,
 Muamo kirjakuošalilla:
 „Olkuoš tästä portto pois,
 Tuonemma tulini lautta.
 Et ollun vejen ečošša,
 45 Olit šulhojen ečošša,
 Punapaklan pyyelyššä,
 Kautokenkän kaččelušša!“
 Vei hiän vettä čikollah,
 Čikko kirjapiälyöllä:
 50 „Olkuoš tästä portto pois,
 Tuonemma, tulini lautta.
 Et ollun vejen ečošša,
 Punapaklan pyyelyššä,
 Kautokenkien kaččelušša!“
 55 Vei hiän vettä ämmölläh,
 Ämmö kirjakivenpuulla:
 „Tuota vuotin tuon ikäni,
 Halki polveni halasin
 Nuoren vettä juvvakšeni“.
 60 Rupei nuori kuolomah,
 Veröväini vierömäh,
 Piäkašša katuomah,
 Mäni tuatto noštamah:
 „Nouše, nuori, kuolomašta,
 65 Veröväini vierömäštä,

- Стальным затягивают“.
 Отнесла она воды своему отцу,
 25 Отец ее — топорищем:
 „Отойди, блудница, прочь,
 Подальше, огненный плот,
 Ты не воду искала,
 Искала себе мужа,
 30 Красноонучего ловила,
 Прекраснообутого высматривала!“
 Отнесла она воды брату,
 Брат ее — ручкой копья:
 „Отойди, блудница, прочь,
 35 Подальше, огненный плот,
 Ты не воду искала,
 Искала мужа себе,
 Красноонучего ловила,
 Прекраснообутого высматривала!“
 40 Отнесла она воды своей матери,
 Мать ее — расписной прялкой:
 „Отойди, блудница, прочь,
 Подальше, огненный плот,
 Ты не воду искала,
 45 Искала мужа себе,
 Красноонучего ловила,
 Прекраснообутого высматривала!“
 Отнесла она воды своей сестре,
 Сестра ее — расписным вершником:
 50 „Отойди, блудница, прочь,
 Подальше, огненный плот,
 Ты не воду искала,
 А красноонучего ловила,
 Прекраснообутого высматривала!“
 55 Отнесла она воды бабушке,
 Бабушка стояла с расписной ручкой от
 жернова:
 „Этого ждала я весь век,
 С самого рождения желала
 У молодой девушки воды испить“.
 60 Стала молодая помирать,
 Кровиночка укладываться,
 Головка с косами стала клониться,
 Пришел отец поднимать:
 „Поднимись, не помирай, молодая,
 65 Кровиночка, не укладывайся,

Piäkašša katuomašta!
 „En nouše, en ni käkie,
 Miksi polit portoikšeni,
 Lašit mieron laitakšeni?“
 70 Rupei nuori kuolomah,
 Veröväini vierömäh,
 Piäkašša katuomah,
 Mäni veikko noštamah:
 „Nouše, nuori, kuolomašta,
 75 Veröväini vierömäštä,
 Piäkašša katuomašta!“
 „En nouše, en ni käkie,
 Miksi polit portokšeni,
 Lašit mieron laitakšeni?“
 80 Rupei nuori kuolomah,
 Veröväini vierömäh,
 Piäkašša katuomah,
 Mäni muamo noštamah:
 „Nouše, nuori, kuolomašta,
 85 Veröväini vierömäštä,
 Piäkašša katuomašta!“
 „En nouše, en ni käkie,
 Miksi polit portokšeni,
 Lašit mieron laitakšeni?“
 90 Rupei nuori kuolomah,
 Veröväini vierömäh,
 Piäkašša katuomah,
 Mäni čikko noštamah:
 „Nouše, nuori, kuolomašta,
 95 Veröväini vierömäštä,
 Piäkašša katuomašta!“
 „En nouše, en ni käkie,
 Miksi polit portokšeni,
 Lašit mieron laitakšeni?“
 100 Rupei nuori kuolomah,
 Veröväini vierömäh,
 Piäkašša katuomah,
 Mäni ämmö noštamah:
 „Nouše, nuori, kuolomašta,
 105 Veröväini vierömäštä,
 Piäkašša katuomašta!“
 „Šiula noušen, šiula käkien,
 Etkä polken portoikši,
 Et lašken mieron laitakši“.

Головка с косами не клонись!“
 „Не поднимусь и не встану!
 Зачем назвал блудницей,
 Пустил по миру славу?“
 70 Стала молодая помирать,
 Кровиночка укладываться,
 Головка с косами стала клониться,
 Пришел брат поднимать:
 „Поднимись, не помирай, молодая,
 75 Кровиночка, не укладывайся,
 Головка с косами, не клонись!“
 „Не поднимусь, не встану!
 Зачем назвал блудницей,
 Пустил по миру славу?“
 80 Стала молодая помирать,
 Кровиночка укладываться,
 Головка с косами, стала клониться,
 Пришла мать поднимать:
 „Поднимись, не помирай, молодая,
 85 Кровиночка, не укладывайся,
 Головка с косами, не клонись!“
 „Не поднимусь и не встану!
 Зачем назвала блудницей,
 Пустила по миру славу?“
 90 Стала молодая помирать,
 Кровиночка укладываться,
 Головка с косами стала клониться,
 Пришла сестра поднимать:
 „Поднимись, не помирай, молодая,
 95 Кровиночка, не укладывайся,
 Головка с косами, не клонись!“
 „Не поднимусь и не встану!
 Зачем назвала блудницей,
 Пустила по миру славу?“
 100 Стала молодая помирать,
 Кровиночка укладываться,
 Головка с косами стала клониться,
 Пришла бабушка поднимать:
 „Поднимайся, не помирай, молодая,
 105 Кровиночка, не укладывайся,
 Головка с косами, не клонись!“
 „Для тебя поднимусь, для тебя встану,
 Ты не называла блудницей,
 Не пускала по миру славы“.

91. ПЕТР I ПОД ВЫБОРГОМ

Petra, kuulusa kuningaš,
 Šotaherra Suomen niemen,
 Miekotti tuhannen miestä,
 Šatuloitti šuan hevoista,
 5 Yhtenä kesäissä yönä,
 Šykyšyissä yöpimienä.
 Laški laivoja merellä,
 Niin kuin šotka poikineh,
 Tavi luoja lapšineh.
 10 Ajo hiän alla Viipurin,
 Työnši linnalla šanoja:
 „Onko voita Valmorilla,
 Olutta Olkočulla,
 Tulovalla vierahalla,
 15 Šuavalla käkievällä?“
 Julma Juntti Puntukkaini,
 Viisaš Viipurin isäntä,
 Hiänpä tuon šanoiksi virkki:
 „Hevot on kuštu tynnyrih
 20 Tulovalla vierahalla,
 Šuavalla käkievällä,
 Akka vanha apotettu
 Ivanalla iltasekši,
 Venyäläisellä verokši!“
 25 Petri, kuulusa kuningaš,
 Tuošta šuuttu, tuošta šiänty,
 Tuošta viikokši vihaštu,
 Pani palkalla parahat,
 Toi hiän luotat luoninkilla,
 30 Ampu räyštähät rämykši,
 Tuohikatot tuulen viijä.
 Julma Juntti Puntukkaini,
 Viisaš Viipurin isäntä,
 Hiänpä tuon šanoiksi virkki:
 35 „Oi on, Petri, veikkoseni,
 Tehkä myö šula šovinto,
 Šuuret rauhat rapšakka myö!“
 „Mitäpä annat lunnahiksi?“
 „Annan kultie kypärän,
 40 Hopioita mieleş täyši!“
 „Ruoštunut on Ruočin kulta,
 Šuaštunun Šakšan hopiel!

Петр, знаменитый царь,
 Военачальник финского полуострова,
 Вооружил мечами тысячу мужей,
 Оседлал сто лошадей.
 5 В одну летнюю ночь,
 В ночь темную, осеннюю
 Снарядил на море корабли,
 Словно уток с утятами,
 Словно чирок с чирятами.
 10 Подъехал он под Выборг,
 Послал в город грамоту:
 „Есть ли масло в Валмори,
 Пиво у Олочки
 Для приезжего гостя,
 15 Для обещавшего приехать?“
 Грозный Юнтти Пунтуккайни,
 Хитрый хозяин Выборга,
 Он сказал такие слова:
 „Лошади помочились в бочку
 20 Для приезжего гостя,
 Для обещавшего приехать.
 Старуха старая приготовлена
 Ивану на ужин,
 Русскому на съедение!“
 25 Петр, знаменитый царь,
 На это рассердился, разъярился,
 За это надолго разгневался,
 Взял он лучших стрелков,
 Подкатил он ядра к пушкам,
 30 В щепки стрехи перестрелял,
 Крыши берестяные, как ветром, разнесло.
 Грозный Юнтти Пунтуккайни,
 Хитрый хозяин Выборга,
 Он такие сказал слова:
 35 „Ой ты, Петр, мой братец,
 Установим большую дружбу,
 Мир великий заключим!“
 „Что же ты дашь на выкуп?“
 „Дам золота в шлеме,
 40 Серебра, сколько пожелаешь!“
 „Шведское золото заржавело,
 Потемнело немецкое серебро,

Antanet ainuon linnaseš,
 Vihellyttänet Viipuris!“
 45 Anto hiän ainuon linnaseh,
 Vihellytti Viipurih;
 Šiitä tehtih šula šovinto,
 Šuuret rauhat rapšattih.

Сдай свой единственный город,
 Уступи свой город Выборг!“
 45 Сдал он свой единственный город,
 Уступил Выборг;
 Установили большую дружбу,
 Заключили великий мир.

М. К. Архипова

92. ВЯЙНЯМЁЙНИ ЕДЕТ В ТУОНЕЛЕ

Tuoba oli vanha Väinämöini,
 Vešti tiijolla venehtä,
 Luadi purtta laulannalia.
 Uubu kolmija šanoja
 5 Parrašpuida pannešša,
 Liitokšia liittyjessä.
 Läksi Tuonelda oria,
 Manalalda viändimiä,
 Huhuolie heijahutti:
 10 „Tuo venehtä, Tuonen tytti,
 Laivua, Manalan neidi!“
 „Veneh tiäldä tuodaneh,
 Kuin šyy šanottaneh,
 Mi šyy Manalla šuatto?“
 15 „Še miun Manalla šuatto:
 Veššin tiijolla venehen,
 Luajin purtta laulannalla,
 Uuvuin kolmia šanoja
 Parrašpuida panneššani,
 20 Liitokšia liittyäissäni.
 Läksin Tuonelda oria,
 Manalalda viändimiä“.
 Toi venehen Tuonen tytti,
 Laivan Manalan neidi.
 25 Kävi hiän Tuonelda orot,
 Manalalda viändimet.
 Kivellä hiän kilkuttau,
 Kallivolla kalkuttau.
 Ei kirveš kivehe kčše,
 30 Eigä kaža kallivovoh.
 D'o on valmiš veno jumala,
 Puržipuu on Väinämöizen.

Был старый Вяйнямёйни,
 Заклинаньем делал лодку,
 Пением делал челнок.
 Нехватило трех слов,
 5 Чтобы борты наладить,
 Чтобы накладки наложить.
 Пошел в Туони за шилом,
 В Маналу за сшивками,
 Громким голосом крикнул:
 10 „Пригони лодку, дочь Туони,
 Перевези на судне, дева Маналы!“
 „Пригонят отсюда лодку,
 Если скажешь причину,
 Какая привела тебя в Маналу?“
 15 „То привело меня в Маналу:
 Делал лодку заклинаньем,
 Пением делал челнок,
 Нехватило мне трех слов,
 Чтобы борты наладить,
 20 Чтобы накладки наложить.
 Пошел я в Туони за шилом,
 В Маналу за сшивками“.
 Пригнала лодку дочь Туони,
 Перевезла на судне дева Маналы.
 25 Сходил он к Туони за шильями,
 К Манале за сшивками.
 На камне он постукивает,
 На утесе поколачивает.
 Топор не задевает за камень,
 30 Пятка топора за утес.
 Уже готова божья лодка,
 Мачту вставил Вяйнямёйни.

A mistä on šuaha šoudajaizet?
 Kolme on poigua pirulla:
 35 Yksi rujo, toini on ramba,
 Kolmaš on veri šogie.
 Tuuvvah rujot, tuuvvah rammat,
 Tuuvvah on verišogiet.
 Verišogiet venehin šoudau,
 40 Rammat räččähien ajella,
 Pandin vanhat šoudamah,
 Vanhoilda jo piät vabizi,
 Airon pyyrimet purehti,
 Tel'l'ot tedrinä kukerdi,
 45 Nenä joigu joččenekše,
 Perä kuori kuarnehekše.
 Pandih nuoret šoudamah,
 Nuoret kerda viälletti
 Korvan kuulomattomakše,
 50 Nuoret toini viälletti
 Šilman šiidämättömäkše;
 Nuoret kolmaš viälletti,
 Puuttu purzi Väinämöizen,
 Takeldu veno jumala —
 55 Kivellä, vai havolla?
 Ei kivellä, ei havolla,
 Hauvin šuuren hard'ehilla,
 Merikoiran koukkaluilla.
 Tuoba oli nuori Jougamoini,
 60 Vedi miekallah meryttä,
 Alla laijan langetteli.
 Ei on haugi i totellut,
 Miekka mäni kolmekše palakše.
 Tuoba oli vanha Väinämöini,
 65 Vedi miekalla meryttä,
 Alla laijan langetteli.
 Eibä miekka ei totellut,
 Haugi mäni kolmekše palakše.
 Händämuru häilähteli,
 70 Keškimuru keikahteli,
 Piäpala kädeh šai.
 Kačellah hyö, kiännelläh:
 „Mibä tästägi tulou?“
 Viijäh on šepän pajah,
 75 Ikkunattomah, ovettomah.
 Tuoba oli šepo Ilmoillini,

Откуда взять гребцов?
 Три сына есть у чорта:
 35 Один калека, другой хромой,
 А третий совсем слепой.
 Привели калек, привели хромых,
 Привели совсем слепых.
 Слепые в лодке гребут,
 40 Хромы едут верхом.
 Посадили старых грести,
 У старых головы тряслись,
 Уключины у весел скрипели,
 Скамьи тетеревами ворковали,
 45 Нос лебедем кричал,
 Корма вороном каркала.
 Посадили молодых грести,
 Взмахнули разом молодые
 И совсем их не стало слышно;
 50 Молодые взмахнули второй раз
 И совсем уже их не видно;
 Молодые третий раз взмахнули —
 Застряла лодка Вяйнямёйнена,
 Засела божья лодка,
 55 На камень или на корягу?
 Не на камень и не на корягу,
 На спину большой щуки,
 На ключицы водяной собаки.
 Тут юный Ёугамойни
 60 Мечом по морю ударил,
 Под борт лодки махнул.
 Щука даже не почувала удара,
 Меч сломался на три части.
 Тогда старый Вяйнямёйни
 65 Мечом по морю ударил,
 Под борт лодки махнул,
 Меч остался невредим,
 Щука разрубилась на три части.
 Хвостовая часть ускользнула,
 70 Средний кусок выбился,
 Часть с головой в руках осталась.
 Рассматривают они ее, поворачивают:
 „Что из этого можно сделать?“
 Снесли ее к кузнецу в кузницу
 75 Без окон и без дверей.
 То был кузнец Ильмойллини,

Tagoja ijäniguni,
Luadi šoiton šormillah,
Šoitellou, šovittelou,
30 Kaččelou hiän, kiändelöy.

Вековечный кователь,
Своими руками сделал он кантеле,
Играет на нем, настраивает его,
60 Осматривает он, поворачивает его.

93. ВЯЙНЯМЁЙНИ И ИЛЬМОЙЛЛИНИ СВАТАЮТСЯ В ПОХЬОЛЕ

Anni tyttö, aino neidi,
Pezi piendä poukuštah
Uduzen niemen n'okašša,
Piäššä niemen pörhäzen.
5 Kekši muštazet mereldä,
Sinerväizet ualdoloilda,
Iče hiän šanoiksi virkki:
„Kun šie ollet lindukarja,
Ni šie lendohon levie;
10 Kuin ollet kalani karja,
Ni šie uimahan uleuvu;
Kuin ollet vezikiveni,
Vezi piälläzi vedäkkäh;
Kuin ollet vanha Väinämöini,
15 Eli velleni venoni —
Sanomilla šuahuštuat,
Paginoilla painuštuat!“
Tuoba oli vanha Väinämöini
Šanomilla šuahuštih,
20 Paginoilla painuštih.
„Kunne läksit, vanha Väinämöini,
Ulgonit, Šuvennon šulho!“
„Laksin lohta pyydämäh
Tuonen muššašta jovesta,
25 Manalan alandehešta.“
„D'o tunnen valehtilijan,
Kekšin kielahin šanojan.
Toizin ennen miun tuattani,
Tuonen muššašta jovešta,
30 Manalan alandehešta:
Verkkuo oli venehen täyži,
Laivan oli täyzi laškemista,
Alla laiijan azruomet!“
Aina Annigi kyzyy,
35 Tinarinda riidelöy:
„Kunne läksit, vanha Väinämöini,

Анни-девушка, единственная дочь,
Стирала мелкое белье
На конце туманного мыса,
На конце косматого мыса.
5 Видит — что-то чернеет на море,
Что-то синеет на волнах,
Сама она слово промолвила:
„Если ты птичья стая,
То ты рассыпся в полете;
10 Если ты рыба стая,
То ты отправься плыть;
Если ты подводный камень,
Пусть тебя вода закроет;
Если ты старый Вайнямёйни
15 Или брата моего челнок —
Для беседы приплыви поближе,
Подойди для разговоров!“
То был старый Вайнямёйни,
Для беседы он приблизился,
20 Подошел для разговоров.
„Куда поехал, старый Вайнямёйни,
Куда отправился, жених Суванто?“
„Поехал лосося ловить
В черной реке Туони,
25 В низинах Маналы.“
„Уже узнаю лжеца,
Замечаю говорящего неправду.
Не так ездил мой отец
На черную реку Туони,
30 В низины Маналы:
Сетей была полна лодка,
Челн был полон снастей,
Под бортами остроги были!“
Анни опять спрашивает,
35 С оловянными монистами вопрошает:
„Куда поехал, старый Вайнямёйни,

Ulgozit, Šuvennon šulho?“
 „Läksin d'ouččenien ajoh
 Tuonen muššašta jovešta,
 40 Manalan alandehešta“.
 „D'o tunnen valehtelijan,
 Kekšin kielahin šanojan.
 Toizin ennen miun tuattoni,
 Toizin valdavanhembani,
 45 Kuin läksi d'ouččenien ajoh:
 Koira šuuri oli kahlehešša,
 D'ouži šuuri oli jändehešša“.
 Aina Annigi kyzyy,
 Tinarinda riidelöy:
 50 „Kunne läksit, vanha Väinämöini,
 Ulgozit, Šuvennon šulho?“
 „Läksin neičyttä kos's'omah,
 Taimenda tavottamah
 Pimieštä Pohjolašta,
 55 Tarkašta on Tabivolašta“.
 Anni tytti, ainuot neidi,
 Kogozī helmat kobrah hiän,
 D'uoksi hiän šepän pajah,
 Iče hiän šanuo voigo:
 60 „Tavo miulla viijet čiepit,
 Kolmet tavo kaglaniitit,
 Mie šanon hyvät šanomat,
 Pagizen hyvät paginat!“
 Iče hiän šanuogi šuatto:
 65 „Otetah nyt šian omaži
 Kolmin vuožin kos's'ottuš,
 Kakšin kaupatelduohuoš“.
 D'o kirboi pihet pivošta
 Alla päin, pahalla mielin,
 70 Kaikien kallella kybärin,
 Iče hiän šanoikse virkii:
 „Pangua orih val'l'ahih,
 Ruškien kord'an edeh!“
 Lyöybä virkkuo vičalla,
 75 Helmispiällä häil'pyttäy.
 Virkku d'uoksou, matka d'ouduu,
 Kord'a vieröy, tie lyhenöy,
 Pimieh Pohjolah,
 Tarkkahah Tabivolah,
 80 Šiellä haukkuu Halli koira,

Куда отправился, жених Суванто?“
 „Поехал на охоту за лебедями
 На черную реку Туони,
 40 В низины Маналы“.
 „Уже узнаю лжеца,
 Замечаю говорящего неправду.
 Не так ездил мой отец,
 Не так родитель старый,
 45 Когда отправлялся охотиться на лебедей:
 Собака большая была на привязи,
 Лук большой был с тетивой“.
 Анни опять спрашивает,
 С оловянными монистами вопрошает:
 50 „Куда поехал, старый Ваянямёйни,
 Куда отправился, жених Суванто?“
 „Поехал девушку сватать,
 Рыбу тайменя ловить
 Из темной Похьолы,
 55 Из настоящей Табиолы“.
 Анни-девушка, единственная дочь,
 Собрала она в руки подол,
 Побежала она к кузнецу в кузницу,
 Сама она слово сказала:
 60 „Скуй мне пять цепочек,
 Скуй три ожерелья,
 Я скажу хорошие вести,
 Расскажу о важных делах“.
 Сама она речь продолжала:
 65 „Уводят уже твою дорожку,
 Которую ты три года сватал,
 Которую два года выкупал“.
 Уже упали клещи из рук,
 Уронил голозу, с тревогой в душе,
 70 Шлем надвинул набок,
 Сам он слова промолвил:
 „Запрягайте жеребца
 В красные саночки!“
 Бьет он резвого прутom,
 75 Помахивает жемчужной рукояткой.
 Резвый бежит, путь сокращается,
 Сани катятся, дорога убывает
 В темную Похьолу,
 В настоящую Табиолу.
 80 Там собака Халли лает,

- Linnan lukku lukšuttau.
 Ukko Pohjolan šanou:
 „Mäne, kazakka, kaččomah,
 Ei Hal’l’i sudrah hauku,
 85 Linnan lukku lukšuttele!“
 Kazakka varšin vaštuolou:
 „En mie jouvva kaččomah:
 Pino šuuri lad’d’attava,
 Pino šuuri, halot hienot,
 90 En mie jouvva kaččomah!“
 Hiän ajua karattelou
 Pimiähän Pohjolah.
 Šiellä haukkuu Halli koira,
 Linnan lukku lukšuttau.
 95 Akka Pohjolan šanou:
 „Mäne šie, piiga, kaččomah,
 Ei Halli sudra hauku,
 Linnan lukku lukšuttele!“
 Piiga varžien vaštualou:
 100 „En mie jouvva kaččomah:
 Kivi on šuuri jauhottava,
 Kivi šuuri, jauhoh hienot“.
 Hiän ajua karattelou
 Tarkkah Tabivolah, pimieh Pohjolah,
- 105 Siellä neičyttä kos’s’otah,
 Taimenda tavotetah.
 Ukko Pohjolan šanou:
 „Äžen tästä annetah,
 Kuin šuanet Šampo valmehekše“.
 110 Tuoba oli šepo Ilmoillini,
 Tagoja ijaniguni,
 Tago päivän, tago toizen,
 D’oba päivänä kolmandena —
 D’o šuau šampon valmehekše.
 115 Tuoba oli vanha Väinämöini,
 Uinotteli Pohjan ukon,
 Pohjan ukon, Pohjan akan,
 Kaikkien Pohjolan perukan.
 Šiellä neidi otetah.
 120 Unduvolan umbišilmä
 Havaččih hiän, huomaččih;
 D’o on tiäldä kaikki mändy,
 D’o on neidit otettu,

- Звякает замок города.
 Старик Похьолы говорит:
 „Иди, работник, посмотри,
 Не зря Халли лает,
 85 Замок города позвякивает!“
 Работник так отвечает:
 „Некогда мне смотреть:
 Поленницу большую кладу,
 Поленница большая, дрова мелкие,
 90 Некогда мне смотреть!“
 Он едет, постукивает,
 В темную Похьолу.
 Там лает собака Халли,
 Замок города позвякивает.
 95 Старуха Похьолы говорит:
 „Иди ты, работница, посмотри,
 Не зря Халли лает,
 Замок города позвякивает!“
 Работница так отвечает:
 100 „Некогда мне смотреть:
 Жернов большой верчу,
 Жернов большой, мука мелкая“.
 Он едет, постукивает,
 В настоящую Табиолу, в темную По-
 хьолу.
- 105 Там девушку сватают,
 Рыбу тайменя ловят.
 Старик Похьолы говорит:
 „Лишь тогда здесь ее выдадут,
 Если сделаешь Сампо“.
 110 Был кузнец Ильмойллини,
 Кователь вековечный,
 Ковал он день, ковал другой
 И только на третий день
 Изготовил он Сампо.
 115 То был старый Вяйнямёйни,
 Сном сковал он старика Похьолы;
 Старика Похьолы, старуху Похьолы,
 Весь народ Похьолы.
 Оттуда девушку берут.
 120 Ундавола, с закрытыми глазами,
 Проснулась, очнулась она;
 Уже оттуда все ушли,
 Уже и девушки все взяты,

D'о on Šampot otettu.
 125 Akka läksi lendämäh,
 Šimopiänä šiuvoottamah,
 Kanapiänä kauvoottamah.
 Uduizen niemen n'okašša,
 Piäššä niemen pörhäzen.
 130 Šiellä oli šuuri Jougamoini
 Ambuu vanhua Väinämöistä.
 Käzi kielläy, toini käšköy,
 Šormet šuonizet ebyäy,
 Ei ambuo vanhua Väinämöistä:
 135 Ilo ilmaida kadou,
 Lauulu mualda langieu.
 Hiän ambu vanhan Väinämöizen.
 Väinämöini mereh šordu,
 Šiellä kulgi kuuži vuotta,
 140 Šeilu seiččemän kezyä.
 Kulgi kuužišša hagona,
 Pedäijissä pölkyn päinä.
 D'о Väinämöini ilmoilla šuau,
 Koguou puida kogoh
 145 Kolmekymmendä regie,
 Koivuja kovija puida,
 Pihlajoida kiugovia.
 Pani hiän orihit lieččomah,
 Ei ottat orhi lieččoukšeh,
 150 Painolaini painuokseh.
 Rubei hiän iče lieččomah.
 Lieččo päivän, lieččo toizen,
 D'oba päivänä kolmandena
 D'о tulou neidi tulešta,
 155 Kuldakašša kuumokšešta.
 Iče hiän šanoikse virkki:
 „Elgyä pojat šuurekkona,
 Elgyä kolmannet urohot,
 Naista kullašta kuvakkua,
 160 Hobiešta huolitelgua!
 Še on kylgi kyllä kylmä,
 Ku on vaššen vaimuoni,
 Še on kylgi kyllä lämmin,
 Ku on vaššen vaippuogi“,
 165 Hiän läksi ajua karattelomah;
 Šattu tiellä vaššatušta,
 Yksi oli vanha Väinämöini,

Уже и Сампо взято.
 125 Старуха полетела
 Медовой головой порхать,
 Куриной головой удаляться.
 На конце туманного мыса,
 На конце мыса косматого
 130 Там был великий Ёугамойни,
 Стреляет он в старого Вьянямёйнена.
 Рука запрещает, другая велит,
 Пальцы жилистые не повинуются —
 Застрелить старого Вьянямёйнена:
 135 Веселье со свету исчезнет,
 Песни на земле пропадут.
 Он застрелил старого Вьянямёйнена.
 Вьянямёйни в море упал,
 Там проплавал шесть лет,
 140 Прокачался семь лет.
 В ельнике лежал корягой,
 В сосняке — концом бревна.
 Уже Вьянямёйни на свет вышел,
 Собирает деревья в кучу
 145 Тридцать возов вместе,
 Березы — твердого дерева,
 Огненной рябины.
 Поставил он жеребцов к мехам,
 Но не могут они качать меха,
 150 Тяжеловесные не в силах нажимать.
 Стал он сам дуть.
 Дул он день, дул другой,
 И только на третий день
 Выходит из огня девушка,
 155 С золотой косой выходит из жары.
 Сам он тут так сказал:
 „Не делайте вы и взрослые,
 Не делайте и трижды герои
 Жены себе из золота,
 160 Не готовьте из серебра!
 Тот бок весьма холоден,
 К которому прикасается жена,
 Тот бок очень теплый,
 Который прикрыт одеялом“.
 165 И поехал дальше в путь;
 Повстречались на дороге,
 Один был старый Вьянямёйни,

Toini oli nuori Jougamoini.
 Tuoba oli vanha Väinämöini —
 170 Rahis rahkehen nenäh —
 Iče hiän šanoikse virkki:
 „Kumbani tiedänöy enemmän,
 Še on tiellä šeizokkah;
 Kumbani tiedänöy vähemmän,
 175 Še on tiellä väistykkäh!“
 Tuoba oli vanha Väinämöini
 Laulo nuoren šuoniloista,
 Laulo šuoho šuoniloista,
 Kangahah hiän kainaloista.
 180 Iče hiän šanoikse virkki:
 „Omat on kolkat kuokkimani,
 Kalahauvat kaivamani,
 Ilman pielet pistämäni,
 Taivozet tähittämäni.
 185 Myöššytän pyhät šanani,
 Lašen poigeš laušieni,
 Piäššän poigeš Jougamoizen,
 Kuin andanet ainuon sizären,
 Uškallat emozi lapšen!“
 190 Hiän ando ainuon sizären,
 Uškaldi emoh lapšen.
 Piästi pois šuošta Jougamoizen.
 Lähettih ajua karattelemah.
 Yksi on vanha Väinämöini,
 195 Toini nuori Jougamoini.
 Jougamoini itkie hyryttelöy,
 Emo vaštah tulou:
 „Poiguoni, ainuoni,
 Midä šie nyt itet?“
 200 „Oi, on emo kandaizaizen’,
 Annoin ainuon sizären,
 Uškaldin emoni lapšen.
 Annoin vanhalla varakše,
 Turvakše tudosijalla,
 205 Ilokše igilopulla“.
 „Poiguoni, ainuoni,
 Älä šie šidä ite,
 Mie šidä igäni itin,
 Vävykšeni Väinämöistä,
 210 Ilokšeni igiloppuo,
 Langokšeni laulajaista!“

Другой был молодой Ёугамойни.
 У него и у старого Вьянямёйнена
 170 Гуж столкнулся с гужом,
 Сам он слово промолвил:
 „Кто ведает больше,
 Тот на дороге останется;
 Кто ведает меньше,
 175 Тот дорогу уступит!“
 То был старый Вьянямёйни,
 Песней взял молодого за жилы,
 Песней стал топить его в болоте,
 Песней утопил в бору до подмышек.
 180 Сам он сказал такие слова:
 „Сам я все участки мотыгой обработал,
 Рыбные ямы выкопал,
 Светила воткнул,
 Небо звездами усеял.
 185 Возвращу святыя слова,
 Освобожу наговорами,
 Отпущу Ёугамойнена,
 Если отдает единственную сестру,
 Обещает дитя своей матери!“
 190 Выдал он единственную сестру,
 Обещал дитя своей матери.
 Освободил из болота Ёугамойнена.
 Отправились в путь, постукивают,
 Один старый Вьянямёйни,
 195 Другой молодой Ёугамойни.
 Ёугамойни плачет, всхлипывает,
 Мать выходит ему навстречу:
 „Сынок мой, единственный,
 Что ты так плачешь?“
 200 „Мать ты моя родимая,
 Я выдал единственную сестру,
 Обещал дитя своей матери,
 Выдал старому на утеху,
 Опорой дрожащему,
 205 На забаву кончающему свой век“.
 „Сыночек, единственный мой,
 Ты об этом не плачь,
 Я этого весь век хотела —
 Зятем иметь Вьянямёйнена,
 210 Для веселья кончающего свой век,
 Зятем иметь песнопевца!“

П. Т. Ивачева

94. ВЯЙНЯМЁНИ РАНИТ КОЛЕНО

Vešti vuaralla venehtä,
 Kallivolla kolkutteli.
 Ei kirveš kiveh koškenne,
 Eigo kaža kallivoh.
 5 Kirboi kirveze kiveštä,
 Kaža hiedra kallivošta,
 Miun pädözen poijan pohkieh,
 Väinämözen varbahazeh.
 Puhki veri vuodamah,
 10 Humar hukkuroistamah.
 Tuo oli liedo Lemmingäni,
 Hiän on reuduzi regeh,
 Kuldazen perän nojah.
 Ajaue karettelou
 15 Päivättömäh Pohjazeh,
 Tarkkaha Tabivol'ah.
 Kyžy kynnyksien taguada,
 Aiheli ikkunojen alda:
 „Ongo täšš' izošš'talošša
 20 Tämän tulven tutkijua,
 Rauvan šuijen šulgijua?“
 „Eiole täššä izošš'talošša
 Tämän tulven tutkijua, \n
 Rauvan šuijen šulgijua!“
 25 Tuo oli liedo Lemmingäni,
 Hiän on reuduzi regeh;
 Kuldažen perän nojah.
 Ajaue karettelou
 Päivättömäh Pohjazeh,
 30 Tarkkaha Tabivol'ah,
 Ilmain kabien kaštumatta,
 Vuohužen liguomatta,
 Ilmain ruattuja ahoja.
 Kyžy kynnyksien taguada,
 35 Aiheli ikkunojen alda:
 „Ongo täšš' ižošš'talošša
 Tämän tulven tutkijua,
 Rauvan šuijen šulgijua?“
 Vuari oli vanha taivallini,
 40 Hiän on virkki tuon šanoikse:

Тесал на горе лодку,
 На скале постукивал.
 Не коснулся топор камня,
 Железо не коснулось скалы,
 5 Отскочил топор от камня,
 Отскочило железо от скалы,
 Коснулось ноги моего любимого сына,
 Ранило Вайнямёнена в палец ноги.
 Забила кровь, потекла,
 10 В ямку стала теряться.
 То был хитрый Леммингяни,
 Он дотащился до саней,
 До сиденья золотого задка.
 Едет, постукивает
 15 На бессолнечный север,
 Прямо в Табиволу.
 Спрашивает у порога,
 Взывает под окнами:
 „Есть ли в этом большом доме
 20 Кто остановит эту течь,
 Кто закроет эту рану от железа?“
 „Нет никого в этом большом доме,
 Кто остановит эту течь,
 Кто закроет рану от железа!“
 25 То был хитрый Леммингяни,
 Он дотащился до саней,
 До сиденья золотого задка.
 Едет, постукивает
 На бессолнечный север,
 30 Прямо в Табиволу,
 Копытцев не замочил,
 Передка не увлажнил
 На необработанных полянах.
 Спрашивает у порога,
 35 Взывает под окнами:
 „Есть ли в этом большом доме,
 Кто остановит эту течь,
 Кто закроет рану от железа?“
 Старый небесный старец
 40 Сказал такие слова:

„Tulvehembi on tutkiettu,
 Rauvan šuida šullettu,
 Šuoni koškeloja on šullettu.
 Neičud Muaria emoni,
 45 Pyhä piiga taivollini,
 Tulež tänne, kuin kučun
 As's'alla avul'p'izekše,
 Työllä tarbehellizekše;
 Ota kulda kuozališša,
 50 Hobijani rukkizešša,
 Kezryäle kulda lingua!“
 Mehijani on meijan lindu,
 Hiän lendäy löyhöttelöy,
 Šiibi taivašta tabuau,
 55 Toini merda kuobuau.
 Kuuzi on kuppija šylissä,
 Šeiččemän šelän tagua.
 Kušš' on mettä, kušš' on vettä,
 Kušš' on void'eida hyvie
 60 Kiviehizillä voidimikse.
 Šada on luumuruo,
 Tuhatt on šuonen šolmun päidä.
 „Kušta on lihat liikkuuot,
 Šiihi lihat liittelen;
 65 Kušt' on šuonet šordunuot,
 Šiihi šuonet šolmielen;
 Kušt' on veret vieretty,
 Šiihi veret vierettelen,
 Alda ainoz tervehekše,
 70 Keželdä kivuttomakše,
 Piäldä piärmiettömäkše,
 Jos ei kuuluis kunaigi piänä,
 Pakottaiz ei sinä igänä!“

„Течи останавливали побольше этой,
 Раны от железа закрывали,
 Потоки крови останавливали.
 Дева-мать Муари,
 45 Святая служанка небесная,
 Приди сюда, я тебя зову
 В помощники этого дела,
 Зову для необходимой работы,
 Возьми золотую кудель
 50 И серебряную прялку,
 Пряди золотую нить!“
 Пчела летит, как птица,
 Она летит, попархивает,
 Крыло неба касается,
 55 Другое — море бороздит.
 Шесть чаш у нее спереди,
 Семь чаш за спиной.
 В одних — мед, в других — вода,
 В других — хорошие мази,
 60 Смазывать больные места.
 Сто осколков кости,
 Тысяча концов сухожилий.
 „С какого места мясо сдвинуто,
 На то место наращу новое мясо;
 65 Где жилы оборваны,
 Там жилы перевяжу;
 Где кровь вытекла,
 Туда крови налью,
 Смотри, всегда будь здоровым,
 70 Чтоб не болело нутро,
 Чтоб на коже не было рубцов,
 Чтобы не слышно было ни в какой день,
 Не было бы боли вовек!“

95. ВЯЙНЯМЁНИ СОЗДАЕТ МИР

Hiän on liedo Lemmingäni,
 Hiän on virkki tuon šanoikse:
 „Elä on ammu Väinämöstä:
 Kuin on ammut Väinämözen,
 5 Ilot ilmalda lankezi,
 Laulut mualda langietah.
 Iloiss' ilmalla parembi,

Был хитрый Леммингяни,
 Он сказал такие слова:
 „Не стреляй по Вяйнямёнену:
 Если застрелишь Вяйнямёнена,
 5 Веселье со свету пропадет,
 Песни с земли пропадут.
 С весельем на свете лучше,

- Lauluśš' olis mualla luaskavembi!“
 Kuitengi ambu Väinämözen.
 10 Ei ožannut Väinämözeh,
 Ožai Väinämön hebozeh
 Läbi laukin landehista,
 Läbi lämbimien lihojen.
 Šormin on mereh šordu,
 15 Kāzin kiāndy landehilla;
 Šielä kulgi kuuži vuotta,
 Šelu šeiččemān kežyā,
 Kulgi kuužina hagogina,
 Pedājāzinā pölkynpäinā.
 20 Ehtinyttä ečittih,
 Kadonutta kaiveldih,
 Kežällä venoin keboin,
 Talvella lylyin livoin, —
 Ei o l'öytty Väinämöstä.
 25 Tuo oli šotka šorža lindu,
 Ečči on pežān šijua,
 Liideliekše luadeliekše
 Väinämözen polven piähä,
 Pani hiān ših d'aičät.
 30 Mi d'aičäštā alini puoli —
 Alizekše muaemäkše;
 Mi d'aičäštā ylini puoli —
 Ylizekše taivazekše;
 Mi d'aičäštā šoruja piāzöy —
 35 Tähtilöikše taivahalla;
 Mi d'aičäštā valgeida piāzöy —
 Kuudamakše paistamah;
 Mi d'aičäštā ruškeida piāzöy —
 Päivāzekše paistamah.

- С песнями на земле поласковее!“
 Но все же выстрелил в Ваянямёнена.
 10 Не попал в Ваянямёнена,
 Попал в лошадь Ваянямёнена
 Сквозь мягкие бедра,
 Сквозь теплое мясо.
 Он упал в море пальцами вперед,
 15 Руками повернулся на волнах;
 Там проплавал шесть лет,
 На спине семь лет
 Проплавал еловой корягой,
 Сосновым обрубленным бревном.
 20 Заблудившегося искали,
 Потерявшегося разыскивали
 Летом на легкой лодочке,
 Зимой на скользких саночках.
 Не нашли Ваянямёнена.
 25 Была утка, водяная птица,
 Искала место для гнезда,
 Кружилась, прилаживалась
 На колено Ваянямёнена,
 Снесла она тут яйцо.
 30 Нижняя половина яйца
 Стала нижней матерью-землею;
 Верхняя половина яйца
 Стала верхним небом;
 Отколовшиеся кусочки
 35 Звездочками на небе стали;
 Отделившийся белок
 Стал светить луной;
 Отделившийся желток
 Солнцем стал сиять.

Ф. И. Борисова

96. ПОИСКИ ГУСЯ

- Istuu neido, itköy neido,
 Kudou, kullasta kangasta,
 Hobiesta huoltittelou.
 „Midä itet, neido parga?“
 5 „Omba šyydä itkijällä:
 Velli on lähten, toine lähten,

- Сидит девушка, плачет девушка,
 Ткет золотую основу,
 Серебряную готовит.
 „Что ты плачешь, девушка-дружок?“
 5 „Есть причина плакать:
 Брат уехал, другой уехал,

Kolmaš kogo ijäkse lähten“.
 „Elä ite, neido parga,
 Jo tuolla vellet nävytäh:
 10 Yksi tuou siulla rissin rindah,
 Toine tuou šormušta šormeh,
 Kolma tuobi hanhen!“
 „Kunne panen hanhen?“
 Pani kylyn kukkurah,
 15 Läksi hanhutta kaččomah,
 Ei ole siellä hanhutta.
 Mäni miän, mäni toizen,
 Mäni kohta kolmatta,
 Tuldih hallon leikkuajat.
 20 „Ettögö nähnyt hanhuttani?“
 „Mi oli merkki hanhuollaš?“
 „Tinapiä, tinanenä,
 Varbahat vašen valettu“.
 „Tästä lendi leyhytteli,
 25 Siibi taivašta tabazi!“
 Tuldih vaštah niittäjät.
 „Mi on merkki hanhuollaš?“
 „Tinapiä, tinanenä,
 Varbahat vašen valettu“.
 30 „Tästä lendi leyhytteli,
 Siibi taivašta tabazi“.
 Tuli koda vaštah,
 Kondie kodan čupušša,
 Neido kangasta kudou,
 35 Hanhuoni kiämittä.
 Otti hanhuon, vei kodih.

Третий совсем навеки уехал“.
 „Не плачь, девушка-дружок,
 Вот уже братья видны:
 10 Один принесет тебе крест на шею,
 Другой принесет перстни на пальцы,
 Третий принесет гуська!“
 „Куда гуська мне деть?“
 Посадила на конек крыши бани,
 15 Пошла смотреть гуська,
 А гуська там уже нет.
 Прошла гору, прошла другую,
 Идет уже по третьей —
 Попадаются навстречу дровосеки.
 20 „Не выдали ли моего гуська?“
 „Какая примета у твоего гуська?“
 „Оловянная голова, оловянный клюв,
 Лапки из меди отлиты“.
 „Здесь летел, здесь помахивал,
 25 Крылом небо задевал!“
 Попадаются навстречу косцы.
 „Какая примета у твоего гуська?“
 „Оловянная голова, оловянный клюв,
 Лапки из меди отлиты“.
 30 „Здесь летел, помахивал,
 Крылом небо задевал“.
 Стоит на дороге избушка,
 Медведь в углу избушки,
 Девушка став ткет,
 35 Гусек цевки мотает.
 Взяла она гуська, домой отнесла.

М. В. Эракко

97. КУЛЛЕРВО УЗНАЕТ О СМЕРТИ РОДНЫХ

Kullervan, Kallervan, poiga,
 Läksi šoitelleh šodah,
 Ilotellen tappeluh.
 Šoitti šuolla männešsähe,
 5 Kajahutti kangahalla.
 Šuo vaštah šorahtih,
 Kangaš vaštah kajahtih:
 „Tuattoš on koissa kuolomašša!“

Куллерво, сын Каллервы,
 Пошел, наигрывая, на войну,
 С шуточками в бой.
 Заиграл, по болоту идучи,
 5 Загудел в бору.
 Болото в ответ зашумело,
 Бор в ответ загудел:
 „Отец дома при смерти!“

- „Suan mie mugoman tuaton
 10 Ruočin šuurešta šovašta,
 Muakunnan markkinoišta“.
 Kullervan Kallervan poiga
 Läksi šoitellen šodah,
 Ilotellen tappeluh.
 15 Šoitti šuolla männeššähe,
 Kajahutti kangahalla.
 Šuo vaštah šorahlih,
 Kangaš vaštah kajahtih:
 „Muamoš koissa on kuolomašša!“
 20 Šuan mie mugoman muamon
 Ruočin šuurešta šovašta,
 Muakunnan markkinoišta“.
 Kullervon, Kallervon poiga,
 Läksi šoitellen šodah,
 25 Ilotellen tappeluh.
 Šoitti šuolla männeššähe,
 Kajahutti kangahalla.
 Šuo vaštah šorahlih,
 Kangaš vaštah kajahtih:
 30 „Naiseš on koissa kuolomašša!“
 „Voi poloista, milma poigua,
 Puudukkah puhtahat šovat,
 Kadokkah kakkara verot!“

- „Достану я такого отца
 10 В великой шведской битве,
 Куплю на ярмарке“.
 Куллерво, сын Каллервы,
 Пошел, наигрывая, на войну,
 С шуточками в бой.
 15 Заиграл, по болоту идучи,
 Загудел в бору.
 Болото в ответ зашумело,
 Бор в ответ загудел:
 „Мать дома при смерти!“
 20 „Достану мать я такую
 В великой шведской битве,
 Куплю на ярмарке“.
 Куллерво, сын Каллервы,
 Пошел, наигрывая, на войну,
 25 С шуточками в бой.
 Заиграл, по болоту идучи,
 Загудел в бору.
 Болото в ответ зашумело,
 Бор в ответ загудел:
 30 „Жена дома при смерти!“
 „О, несчастный я человек,
 Пусть не будет чистой одежды,
 Пусть пропадут блины со стола!“

98. МОРСКИЕ ЖЕНИХИ

- Nouzi mieš mereštā,
 Uroš uallošta yleni.
 Kulda šuušša, kulda kiäššä,
 Kuldakahlat kukkarošša:
 5 „Jogoš, neido, miulla tulet?
 Jog' on kiätty, jog' on šiätty,
 Jog' on lašta liekutettu,
 Vagahaišta vuaputettu?“
 „Eig' ole kiätty, eig' ole šiätty,
 10 Eigä lašta liekutettu“.
 Nouzi mieš mereštā,
 Uroš uallošta yleni.
 Hobie šuušša, hobie kiäššä,
 Hobiekihlat kukkarošša:

- Вышел человек из моря,
 Мужчина из волны поднялся,
 Золото в устах, золото в руке,
 Золотые обручальные подарки в ко-
 шельке:
 5 „Выйдешь ли за меня, девушка?
 Обещана ли уже, сбережена ли,
 Ребенком для кого убаюкивали,
 Дитяtko для кого укачивали?“
 „И не обещана и не сбережена,
 10 И ребенком не баюкали“.
 Вышел человек из моря,
 Мужчина из волны поднялся,
 Серебро в устах, серебро в руке,
 Серебряные обручальные подарки в
 кошельке:

- 15 „Jogoš, neido, miulla tulet?
Jog' on kiätty, jog' on šiätty,
Jog' on lašta liekutettu,
Vagahaišta vuaputettu?“
„Eig' ole kiätty, eig' ole šiätty,
20 Eigä lašta liekutettu“.
Nouzi mieš mereštä,
Uroš uallcšta yleni,
Leibä kiäššä, leibä šuušša,
Leibäkihlät kukkarošša.
25 „Jogoš, neido, miulla tulet?
Jog' on kiätty, jog' on šiätty,
Jog' on lašta liekutettu,
Vagahaišta vuaputettu?“
„Jo on kiätty, jo on šiätty,
30 Jo on lašta liekutettu,
Vagahaišta vuaputettu“.

- 15 „Выйдешь ли за меня, девушка?
Обещана ли уже, сбережена ли,
Ребенком для кого убаюкивали,
Дитяtko для кого укачивали?“
„И не обещана, и не сбережена,
20 И ребенком не баюкали“.
Вышел человек из моря,
Мужчина из волны поднялся,
Хлеб в руке, хлеб в устах,
Хлеб — обручальный подарок в кошельке.
25 „Выйдешь ли за меня, девушка,
Обещана ли уже, сбережена ли,
Ребенком для кого убаюкивали,
Дитяtko для кого укачивали?“
„Уже обещана и сбережена,
30 Ребенком для тебя убаюкивали,
Дитяtko для тебя укачивали“.

99. ВЫКУП ДЕВУШКИ

- Istuu neidi meren rannalla,
Helmeheššä heiniköššä.
Kerran kaččou ylöš päi,
Toizen kaččou alaš päi —
5 Ylähänä päivä paistau,
Alahana veneh šoudau.
„Kenen šielä veneh šoudau?“
„Tuattoni šielä veneh šoudau“.
„Tule, tuattoni, lunnahilla!“
„Min mie panen lunnahikši?“
„Onhai šiula kolme kullaista kodie,
Pane paraš lunnahikši!“
Istuu neidi meren rannalla,
Helmeheššä heiniköššä.
15 Kerran kaččon ylöš päi,
Toizen kaččou alaš päi —
Ylähänä päivä paistau,
Alahana veneh šoudau.
„Kenen šielä veneh šoudau?“
20 „Muamoni šielä veneh šoudau“.
„Tule, muamoni, lunnahilla!“
„Min mie panen lunnahikši?“
„Onhai šiula maholehmä,

- Сидит девушка на берегу моря,
В жемчужной траве.
Посмотрит вверх,
Посмотрит вниз —
5 Вверху солнышко светит,
Внизу лодочка плывет.
„Чья там лодочка плывет?“
„Отца там лодочка плывет“.
„Приходи, отец мой, выкупи меня!“
10 „Чем я тебя выкупаю?“
„Есть у тебя три золотых дома,
Заложил лучший на выкуп!“
Сидит девушка на берегу моря,
В жемчужной траве.
15 Посмотрит вверх,
Посмотрит вниз —
Вверху солнышко светит,
Внизу лодочка плывет.
„Чья там лодочка плывет?“
20 „Матери там лодочка плывет“.
„Приходи, матушка моя, выкупи меня!“
„Чем я тебя выкупаю?“
„Есть у тебя яловая корова,

Pane šegi lunnahiksi!“
 25 „Ennen luovun tyttäreštäni,
 Kuni maho lehmäštäni!“
 Istuu neidi meren rannalla,
 Helmeheššä heiniköššä.
 Kerran kaččou ylöš päi,
 30 Toizen kaččou alaš päi —
 Ylähänä päivä paistau,
 Alahana veneh šoudau.
 „Kenen šielä veneh šoudau?“
 „Veikkoni šielä veneh šoudau“.
 35 „Tule, veikkoni, lunnahilla!“
 „Min mie panen lunnahiksi?“
 „Onhai šiula šodioro,
 Pane šegi lunnahiksi!“
 „Ennen luovun sizäreštä,
 40 Kuni šodioristani!“
 Istuu neidi meren rannalla,
 Helmeheššä heiniköššä,
 Kerran kaččou ylöš päi,
 Toizen kaččou alaš päi —
 45 Ylähänä päivä paistau,
 Alahana veneh šoudau.
 „Kenen šielä veneh šoudau?“
 „Neveskäni veneh šoudau!“
 „Tule, neveskä, lunnahiksi.“
 50 Onhai šiula kivini staučča,
 Pane šegi lunnahiksi!“
 „Ennen luovun navoštani,
 Kuni kivi staučaštani.“
 Istuu neidi meren rannalla,
 55 Helmeheššä heiniköššä.
 Kerran kaččou ylöš päi,
 Toizen kaččou alaš päi —
 Ylähänä päivä paistau,
 Alahana veneh šoudau.
 60 „Kenen šielä veneh šoudau?“
 „Čikkoni veno šielä šoudau“.
 „Tule, čikkoni, lunnahilla!“
 „Minbä mie panen lunnahiksi?“
 „Onhai šiula uuvivuonna,
 65 Pane šegi lunnahiksi!“
 „Ennen luovun čikoštani,
 Kuni uuvivuonnaštani!“

Заложь ее для выкупа!“
 25 „Лучше откажусь от своей дочери,
 Чем от яловой коровы!“
 Сидит девушка на берегу моря,
 В жемчужной траве.
 Посмотрит вверх,
 30 Посмотрит вниз —
 Вверху солнышко светит,
 Внизу лодочка плывет.
 „Чья там лодочка плывет?“
 „Брата там лодочка плывет“.
 35 „Приходи, брат мой, выкупи меня!“
 „Чем тебя я выкупаю?“
 „Есть у тебя боевой конь,
 Заложь его для выкупа!“
 „Лучше откажусь от своей сестры,
 40 Чем от боевого коня!“
 Сидит девушка на берегу моря,
 В жемчужной траве.
 Посмотрит вверх,
 Посмотрит вниз —
 45 Вверху солнышко светит,
 Внизу лодочка плывет.
 „Чья там лодочка плывет?“
 „Невесткина там лодочка плывет“.
 „Приходи, невестка, выкупи меня.“
 50 Есть у тебя каменная миска
 Заложь ее для выкупа!“
 „Лучше откажусь от своей золовки,
 Чем от каменной миски“.
 Сидит девушка на берегу моря,
 55 В жемчужной траве.
 Посмотрит вверх,
 Посмотрит вниз —
 Вверху солнышко светит,
 Внизу лодочка плывет.
 60 „Чья там лодочка плывет?“
 „Сестры там лодочка плывет“.
 „Приходи, сестра, выкупи меня!“
 „Чем тебя я выкупаю?“
 „Есть у тебя ягненок,
 65 Заложь его для выкупа!“
 „Лучше откажусь от своей сестры,
 Чем от ягненка!“

Istuu neidi meren rannalla,
 Helmeheššä heiniköššä.
 70 Kerran kaččou ylöš päi,
 Toizen kaččou alaš päi —
 Ylähänä päivä paistau,
 Alahana veneh šoudau.
 „Kenen šielä veneh šoudau?“
 75 „Babuškan šielä veneh šoudau“.
 „Tule, babuška, lunnahikši!“
 „Min mie panen lunnahikši?“
 „Onhai šiula šinikerä,
 Pane šegi lunnahikši!“
 80 Babuška sinizen kerän kerä,
 Kerän sizässä oli sinilindu.
 „Panen šengi lunnahikši!“
 „Tuattoni kolme kullaista kodie
 Tulenregeh tuizahtakkah,
 85 Kuni ei tulluh lunnahilla,
 Eigä piäni pelgahilla.
 Muamoni maholehmä
 Renginpiäh riidukkah,
 Važoihešše vaibukkah.
 90 Veikkoni šodioro
 Šoditeillä šordukkaha,
 Vaibuteillä vaibukkaha.
 Neveskäzen kivistaučča,
 Kiven kohin kirvokkahe,
 95 Kandoh kohin kuadukkahe,
 Juomingissa juoššesšähe.
 Čikkoni uuvisvuonna
 Villoihešše viibykkähe,
 Vuonnihišše vaibukkahe!“

Сидит девушка на берегу моря,
 В жемчужной траве.
 70 Посмотрит вверх,
 Посмотрит вниз —
 Вверху солнышко светит,
 Внизу лодочка плывет.
 „Чья там лодочка плывет?“
 75 „Бабушки там лодочка плывет“.
 „Приходи, бабушка, выкупи меня!“
 „Чем тебя я выкупаю?“
 „Есть у тебя синий клубочек,
 Заложи его для выкупа!“
 80 Бабушка синий клубочек размотала,
 Внутри клубочка была синяя птица.
 „Заложу ее для выкупа!“
 „Три золотых дома отца
 Пусть скроются в огненном зареве,
 85 Коли не приезжал меня выкупать,
 Головушку мою освободить.
 У матери яловая корова
 Над ведром пусть ослабеет,
 При отделе пусть падет.
 90 У брата боевой конь
 На пути к битве пусть падет,
 В пути устанет и падет.
 У невестки каменная миска
 Пусть о камень ударится,
 95 Пусть об пень разобьется,
 Когда пойдет она за голубикой.
 У сестры молодой ягненок
 Пусть в шерсти запутается,
 Когда ягнится — пусть падет!“

М. К. Неволainen

100. АХТИ ЖЕНИТСЯ И УХОДИТ НА ВОЙНУ

Tuoba Ahti Šuarelaine
 Šuat šuappuat kulutti
 Šuaren neidie šuaheššähe,
 Kyllikkistä šuaheššah.
 5 Vannotah igivaloja:

Ei Ahti šodah šua käyvä,

Тот Ахти Островитянин
 Сотни сапог истрепал,
 Доставая девушку с острова,
 Малую Кюлиikki добывая.
 5 Клялись они друг другу вечными клят-
 вами,

Что не пойдет Ахти на войну,

- Eigä Kyllikin kyläššä.
Jo on Kyllikki kyläššä,
Veräjillä vierahilla.
- 10 Virkki Ahti Šuarelaine:
„Tuogua on šodišobani!“
Kyllä Kyllikki šanoubi:
„Armaš Ahti Šuarelaine,
Elä lähe šie šodahe!“
- 15 Šanou Ahti Šuarelaine:
„Toko lähen, en tottele“.
Kyllä Kyllikki šanoubi:
„Elä lähe šie šodahe,
On meillä rahoja koissa“.
- 20 „En huoli kodirahoista,
Min rahan šovašta šuanen,
Parembana šen pidelen!“
Lykkäzi lylyn lumehe,
Läksi šodah hiihtämähe.
- И в деревню не пойдет Кюллики.
Но пошла Кюллики в деревню
К чужим воротам.
- 10 Сказал Аhti Островитянин:
„Принесите военные одежды!“
А Кюллики говорит:
„Милый Аhti Островитянин,
Не ходи ты на войну!“
- 15 Говорит Аhti Островитянин:
„Все равно пойду, не послушаюсь“.
А Кюллики говорит:
„Не ходи ты на войну,
И дома есть у нас деньги“.
- 20 „Не дорожу я домашними деньгами;
Что я на войне добуду,
Тем я больше дорожу!“
Бросил он свои лыжи на снег
И поехал на войну.

101. МОЛОДАЯ ЖЕНА ЖАЛУЕТСЯ НА МУЖА

- Kullervo, Kallervon poiga,
Šollervon šoittau.
Šuot šorahettiheh,
Kangahat kajahettiheh.
- 5 „Midä mučoi mečäss' itköy,
Vai on hällä bat'koi paha?“
„Bat'koi on kui oma tuatto,
Bat'koi on kui oma tuatto“.
Kullervo Kallervon poiga,
- 10 Šollervo, šoittau,
Šuot šorahtettiheh,
Kangahat kajahtettiheh.
„Midä mučoi mečäss' itköy,
Vai on hällä muatkoi paha?“
- 15 „Muatkoi on kui oma muamo,
Muatkoi on kui oma muamo“.
Kullervo, Kallervon poiga,
Šollervon šoittau.
Šuot šorahtettiheh,
- 20 Kangahat kajahtettiheh.
„Midä mučoi mečäss' itköy,
Vai on hällä šulhoi paha?“
- Куллерво, сын Каллерво,
На Соллерво играет.
Болота зашумели,
Боры загудели.
- 5 „Что невестка в лесу плачет,
Или у ней свекор плохой?“
„Свекор — как отец родной,
Свекор — как отец родной“.
Куллерво, сын Каллерво,
- 10 На Соллерво играет.
Болота зашумели,
Боры загудели.
„Что невестка в лесу плачет,
Или у нее свекровь плохая?“
- 15 „Свекровь — как мать родная,
Свекровь — как мать родная“.
Куллерво, сын Каллерво,
На Соллерво играет.
Болота зашумели,
- 20 Боры загудели.
„Что невестка в лесу плачет,
Или у нее муж плохой?“

Sulhoi on kui mušta mado,
Kengittä hiän kävelyttäy,
25 Pitkällä viçalla pergaičcou.

„Муж — как черная змея,
Необутою ходить заставляет,
25 Длинным прутом стегает“.

Т. А. Коккина

102. МОРСКИЕ ЖЕНИХИ

Anni tynni, Turulan neido,
Istu Suomen sillan piässä,
Vuotti šulhaista šulošanaista,
Miestä vielä mieluhista.
5 Nouzi mies merestä,
Kulda šuušša, kulda kiässä.
„Tule, neidoni, miulla!“
„Engä tule, engä kägie“.
Anni tynni, Turulan neido,
10 Istu Suomen sillan piässä,
Vuotti šulhaista šulašanaista,
Miestä vielä mieluhista.
Nouzi mies merestä,
Hobie šuušša, hobie kiässä,
15 Hobiekihlat kormanošša.

„Tule, neidoni, minulla!“
„Engä tule, engä kägie“.
Anni tynni, Turulan neido,
Istu Suomen sillan piässä,
20 Vuotti šulhaista šulašanaista,
Miestä vielä mieluhista.
Nouzi mies merestä,
Leibä šuušša, leibä kiässä,
Leibäkihlat kormanošša.
25 „Nyt mie tulen, nyt mie kägien“.

Анни-девушка, девица Турулы,
Сидела у конца финского моста,
Ждала жениха с ласковыми речами,
Жениха себе по мысли.
5 Поднялся муж из моря,
Золото во рту, золото в руке.
„Выходи, девушка, за меня!“
„Не выйду и не обещаю“.
Анни-девушка, девица Турулы,
10 Сидела у конца финского моста,
Ждала жениха с ласковыми речами,
Жениха себе по мысли.
Поднялся муж из моря,
Серебро во рту, серебро в руке,
15 Серебряный обручальный подарок в
кармане.
„Выходи, девушка, за меня!“
„Не выйду и не обещаю“.
Анни-девушка, девица Турулы,
Сидела у конца финского моста,
20 Ждала жениха с ласковыми речами,
Жениха себе по мысли.
Поднялся муж из моря,
Хлеб во рту, хлеб в руке,
Хлеб — подарок обручальный в кармане.
25 „Теперь я выйду, теперь я обещаюсь“.

103. ВЫКУП ДЕВУШКИ

Iro istuu heinikössä,
Helijässä heinikössä,
Kaunehešša kazlikošša.
Aijan itki, toizen istu.
5 Kaččo ylös päi päiviä paistau,

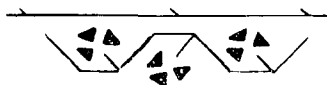
Иро сидит в муравушке,
В звенящей травушке,
В прекрасных камышах.
То поплачет, то посидит.
5 Смотрит вверх — солнце светит,

- Kaččou alaš:veno šoudau.
 „Kenenbä tuo venoi šoudau?“
 „Tuatonba tuo veno šoudau.“
 „Hyvä tuatto, rakaš tuatto,
 10 Lunnašša milma tiäldä!“
 „Hyvä tytär, rakaš tytär,
 Millä mie siun lunnaššan,
 Kuin on vähä varua?“
 „On hai siulla kolme ruunua,
 15 Pane paraš pantikse!“
 „Enbä jouva, tytär rukka,
 Kala kaldani kudou,
 Mähnä vaškini valuu,
 Hobijaini huolittau“.
 20 Iro istuu heinikössä,
 Helijässä heinikössä,
 Kaunehešša kazlikošša.
 Aijan itki, toizen istu.
 Kaččo ylös päi:päiviä paistau,
 25 Kaččou alas päi:veno šoudau.
 „Kenenbö tuo veno šoudau?“
 „Muamonba tuo veno šoudau“
 „Hyvä muamo, rakaš muamo,
 Lunnašša milma tiäldä!“.
 30 „Hyvä tytär, rakaš tytär,
 Millä mie siun lunnaššan,
 Kuin on vähä varua?“
 „Onhai siulla kolme lehmiä,
 Pane paraš pantikse!“
 35 „Enbä jouva, tytär rukka,
 Kala kuldani kudou,
 Mähnä vaškini valuu,
 Hobijaini huolittau“.
 Iro istuu heinikössä,
 40 Helijässä heinikössä,
 Kaunehešša kazlikošša.
 Aijon itki, toizen ist .
 Kaččo ylös päi:päiviä paistau,
 Kaččou alas:veno šoudau.
 45 „Kenenbö tuo veno šoudau?“
 „Čikongo tuo veno soudau“
 „Hyvä čikko, rakaš čikko,
 Lunnašša milma tiäldä!“
 „Hyvä čikko, rakaš čikko,

- Смотрит вниз — лодочка плывет.
 „Чья это лодочка плывет?“
 „Отца это лодочка плывет“.
 „Добрый отец, милый отец,
 10 Выкупи меня отсюда!“
 „Хорошая дочь, милая дочь,
 Чем я тебя выкуплю,
 Коли добра мало?“
 „Есть у тебя три мерина,
 15 Отдай лучшего в залог!“
 „Некогда мне, доченька родная,
 Золотая рыба мечет,
 Икра медная течет,
 Серебряная готовится“.
 20 Иро сидит в муравушке,
 В звенящей травушке,
 В прекрасных камышах.
 То поплачет, то посидит.
 Смотрит вверх — солнышко светит,
 25 Смотрит вниз — лодочка плывет.
 „Чья это лодочка плывет?“
 „Это лодочка матери плывет“
 „Добрая маменька, милая маменька,
 Выкупи меня отсюда!“
 30 „Хорошая дочь, милая дочь,
 Чем я тебя выкуплю,
 Коли добра мало?“
 „Есть у тебя три коровы,
 Отдай лучшую в залог!“.
 35 „Некогда мне доченька родная,
 Золотая рыба мечет,
 Икра медная течет,
 Серебряная готовится“.
 Иро сидит в муравушке,
 40 В звенящей травушке,
 В прекрасных камышах.
 То поплачет, то посидит.
 Смотрит вверх — солнышко светит,
 Смотрит вниз — лодочка плывет.
 45 „Чья это лодочка плывет?“
 „Это лодочка сестры плывет.“
 „Добрая сестра, милая сестрица,
 Выкупи меня отсюда!“
 „Хорошая сестра, милая сестра,

50 Millä mie siun lunnaššan,
 Kuin on vähä varua?“
 „Onhai siulla kolme uuguo,
 Pane paraš pantikses!“
 Iro istuu heinikössä,
 55 Heliässä heinikössä,
 Kaunehišša kazlikošša
 Aijon itki, toizen istu.
 Kaččou ylös päi : päiviä paistau,
 Kaččou alas : veno šoudau.
 60 „Kenenbö tuo veno šoudau?“
 „Velkonba veneh šoudau.“
 „Hyvä veikko, rakaš veikko,
 Lunnašša milma tiäldä!“
 „Hyvä čikko, rakaš čikko,
 65 Millä mie siun lunnaššan,
 Kuin on vähä varua?“
 „Onhai siulla kolme miekkua,
 Pane paraš pantikse!“
 (Siidä rodn'at ei lunnaššettu,
 70 Šulhani händä lunnašti.)
 „Tuaton ruunat töllökkäh
 Parahalla kyndöaijalla,
 Muamon lehmät töllökkäh
 Parahalla lypsöaijalla,
 75 Čikon uugot töllökkäh
 Parahalla keričysaijalla,
 Veikon meikat katekkah
 Parahana šodiaigana,
 Šulhasen kodi hyödykkäh
 80 Kolmena halla vuodena!“

50 Чем я тебя выкупаю,
 Коли добра мало?“
 „Есть у тебя три ярочки,
 Отдай лучшую в залог!“
 Иро сидит в муравушке,
 55 В звенящей травушке,
 В прекрасных камышах.
 То поплачет, то посидит.
 Смотрит вверх — солнышко светит,
 Смотрит вниз — лодочка плывет.
 60 „Чья это лодочка плывет?“
 „Это лодочка брата плывет“.
 „Добрый братец, милый братец,
 Выкупи меня отсюда!“
 „Хорошая сестра, милая сестра,
 65 Чем же я тебя выкупаю,
 Коли добра мало?“
 „Есть у тебя три меча,
 Отдай лучший в залог!“
 (Никто из родных не выкупил,
 70 Муж ее выкупил).
 „У отца мерины пусть падут
 В лучшее время пахоты,
 У матери коровы пусть падут
 В лучшее дойное время,
 75 У сестры ярочки пусть падут
 В лучшее время стрижки,
 Мечи брата пусть ломаются
 В лучшее время битвы,
 Дом мужа пусть богатеет три года.
 80 Несмотря на холодные утренники!“

СЕГОЗЕРСКИЙ РАЙОН

А. М. Васьюкова

104. АННИ ОТВЕРГАЕТ ЖЕНИХА

<p>Anni t'yt't'ön', ainova neido,
Läksi vaššan karžindah.
Kazzi vassan moomollah,
Karži toižen tootollah,
5 Kolmatta kohendeli veikollah.
Kirgu Kalevazie kaššeksuošša,
Oravani orrokšuošša:
„Kažva miušša mielin, miušša huolin,
Vuoži šyö šijan lihoo,
10 Toini moini kakkaroo,
Kolnaš arkužie ažettele!“
Anni t'yt't'ö, ainova neido,
Läksi it'kien kodih.
Ižä peedy ikkunašša,
15 Kirvešvartta vuolomašša:
„Anni t'yt't'ön', ainova neido,
Midä olet pahalla mielin?“
„Šidä olen pahalla mielin:
Kirboi risti rinnaldani,
20 Paraš šormuš šormeštani,
Kuldalangat kulmildani,
Šinilangat šilmildäni.“
Veikko peedy veräjillä,
Keihäšvartta vuolomašša.
25 „Anni t'yt't'ön', ainova neido,
Midä olet pahalla mielin?“
„Šidä olen pahalla mielin:
Kirboi risti rinnaldani,</p> | <p>Анни-девушка, единственная дочка,
Пошла веники ломать.
Наломала веник матери,
Наломала другой отцу,
5 Третий связала брату.
Закричал Калева в пожарах,
Белочка на изгороди:
„Для меня одного расти, обо мне думай,
Год ешь свиное мясо,
10 Второй — вдвое больше блинов,
Третий — сундуки налаживай!“
Анни-девушка, единственная дочка,
В слезах пошла домой.
Отец сидел у окна,
15 Топорище тесал:
„Анни-девушка, единственная дочка,
Что такая невеселая?“
„Потому я невеселая:
Упал крест с моей шеи,
20 Лучшее кольцо с моей руки,
Золотые нити с бровей,
Синие нити с глаз“.
Брат сидел у ворот,
Рукоять копья тесал:
25 „Анни-девушка, единственная сестра,
Что такая невеселая?“
„Потому я невеселая:
Упал крест с моей шеи,</p> |
|--|--|

- Paraš šormuš šormeštani,
 30 Kuldalangat kulmildani,
 Šinilangat šilmildäni".
 Moomo peedy aitan kynnyksillä:
 „Anni t'yt't'ö'n', ainova neido,
 Midä olet pahalla mielin?"
 35 „Šidä olen pahalla mielin:
 Kirboi risti rinnaldani,
 Paraš šormuš šormeštahi,
 Kuldalangat kulmildani,
 Šinilangat šilmildäni!"
 40 Ando vaššan moomollah,
 Toižen ando tootollah,
 Kolmannen veikollah.
 Iče māni aittah,
 Šidohiže šilmykšeh,
 45 Panihiže kaglukšeh,
 Pani arkun arkun peellä,
 Ojendihiže ordeh.
 Kai ruvettih it'kömäh,
 Kai d'ovet d'uoššah,
 50 Pandaiš kuni kuužen alla,
 Kuni ei kuuži kumahtaiš,
 Anniženi pöl'l'äštyiš.
 Pandaiš Anni koivun alla,
 Kuni ei koivu komahtaiš,
 55 Anniženi pöl'l'äštyiš.

- Лучшее кольцо с моей руки,
 30 Золотые нити с моих бровей,
 Синие нити с моих глаз".
 Мать сидела на пороге клетки:
 „Анни-девушка, единственная дочка,
 Что такая невеселая?"
 35 „Потому я невеселая:
 Упал крест с моей шеи,
 Лучшее кольцо с моей руки,
 Золотые нити с моих бровей,
 Синие нити с моих глаз!"
 40 Один веник отдала матери,
 Другой — своему отцу,
 Третий — своему брату.
 Сама вошла в клеть,
 Завязала петлю,
 45 Положила на шею,
 Поставила сундук на сундук,
 Повисла на перекладине.
 Стали все плакать,
 Даже реки слез текут,
 50 Положили бы ее под ель,
 Да как бы ель не свалилась,
 Как бы Анни не испугалась.
 Положили бы Анни под березу,
 Да как бы береза не свалилась,
 55 Как бы Анни не испугалась.

105. КОЁНИ СВАТАЕТСЯ

- Ištuu neidon'e koššen korvalla,
 Ajoin it'köy, toižin šulkuišta vyödä
 kudou,
 Vuottau mieštä mielen myyäistä,
 Šulhaišta šulašanaista.
 5 Nouži mieš še mereštä,
 Rauda šuušša, rauda keeššä,
 Raudarahat kormanošša.
 „D'ogo, neido, miula tulet?"
 „Eigo šiätty, eigo kiätty,
 10 Eigo koissa toivotettu,
 Elgo pienenä liekutettu".

- Сидит девушка у водопада,
 То плачет, то шелковый пояс ткёт,
 Ждет мужчину по мысли,
 Жениха с ласковыми речами.
 5 Поднялся мужчина из моря,
 Железо в устах, железо в руке,
 Железные деньги в кармане.
 „Девушка, выйдешь ли за меня?"
 „Не для тебя бережена, не для тебя
 сговорена,
 10 Я тебе не обещана,
 Не для тебя меня баюкали".

- Ištuu neidon'e koššen korvalla,
 Aijoin it'köy, toižin šulkuišta vyödä
 kudou,
 Vuottau mieštä mielen myyäištä,
 15 Šulhaišta šulašanaišta.
 Nouži mieš še mereštä,
 Vaški šuušša, vaški keeššä,
 Vaškirahat kormanošša.
 „D'ogo, neido, miula tulet?“
 20 „Eigo šiähty, eigo kiähty,
 Eigo koissa toivotettu,
 Eigo pienenä liekutettu“.
 Ištuu neidon'e koššen korvalla,
 Aijoin it'köy, toižin šulkuišta vyödä
 kudou,
 25 Vuottau mieštä mielen myyäištä,
 Šulhaišta šulašanaišta.
 Nouži mieš še mereštä,
 Hobie šuušša, hobie keeššä,
 Hobierahat kormanošša.
 30 „D'ogo, neido, miula tulet?“
 „Eigo šiähty, eigo kiähty,
 Eigo koissa toivotettu,
 Eigo pienenä liekutettu“.
 Ištuu neidon'e koššen korvalla,
 35 Aijoin it'köy, aijoi šulkuišta vyödä
 kudou,
 Vuottau mieštä mielen myyäištä,
 Šulhaišta šulašanaišta.
 Nouži mieš še mereštä,
 Kulda šuušša, kulda keeššä,
 40 Kuldarahat kormanošša.
 „D'ogo, neido, miula tulet?“
 „Eigo šiähty, eigo kiähty,
 Eigo koissa toivotettu,
 Eigo pienenä liekutettu“.
 45 Ištuu neidon'e koššen korvalla,
 Aijoin it'köy, aijoin šulkuišta vyödä
 kudou,
 Vuottau mieštä mielen myyäištä,
 Šulhaišta šulašanaišta.
- Сидит девушка у водопада,
 То плачет, то шелковый пояс ткет,
 Ждет мужчину по мысли,
 15 Жениха с ласковыми речами.
 Поднялся мужчина из моря,
 Медь в устах, медь в руке,
 Медные деньги в кармане.
 „Девушка, выйдешь ли за меня?“
 20 „Не для тебя бережена, не тебе сго-
 ворена,
 Я тебе не обещана,
 Не для тебя меня баюкали“.
 Сидит девушка у водопада,
 То плачет, то шелковый пояс ткет,
 Ждет мужчину по мысли,
 25 Жениха с ласковыми речами.
 Поднялся мужчина из моря,
 Серебро в устах, серебро в руке,
 Серебряные деньги в кармане.
 30 „Девушка, выйдешь ли за меня?“
 „Не для тебя бережена, не тебе сго-
 ворена,
 Я тебе не обещана,
 Не для тебя меня баюкали“.
 Сидит девушка у водопада,
 35 То плачет, то шелковый пояс ткет,
 Ждет мужчину по мысли,
 Жениха с ласковыми речами.
 Поднялся мужчина из моря,
 Золото в устах, золото в руке,
 40 Золотые деньги в кармане.
 „Девушка, выйдешь ли за меня?“
 „Не для тебя бережена, не тебе сго-
 ворена,
 Я тебе не обещана,
 Не для тебя меня баюкали“.
 45 Сидит девушка у водопада,
 То плачет, то шелковый пояс ткет,
 Ждет мужчину по мысли,
 Жениха с ласковыми речами.

Nouži mieš še mereštā,
 50 Leibā šuušša, leibā keešša,
 Leibārahat kormanošša.
 „D’ogo, neido, miula tulet?“
 „Šiula šiaty, šiula kiatty,
 Šiula koissa toivotettu,
 55 Šiula pienenā liekutettu“.
 Iššuttih korjan kokalla.
 Helähytti helmypeedā,
 Ružahutti rynnāspeetā.
 „Kenbā tāštā tieštā poikki proidinun?“
 60 „Hiiri tāštā tieštā poikki proidinun“.
 Helähytti helmypeedā,
 Ružahutti rynnāspeedā.
 „Kenbā tāštā tieštā poikki proidinun?“
 „D’ānis tāštā tieštā poikki proidinun“.
 65 Helähytti helmypeedā,
 Ružahutti rynnāspeedā.
 „Kenbā tāštā tieštā poikki proidinun?“
 „Hukka tāštā tieštā poikki proidinun“.
 Helähytti helmypeedā,
 70 Ružahutti rynnāspeedā.
 „Kenbā tāštā tieštā poikki proidinun?“
 „Kondie tāštā tieštā poikki proidinun“.
 Ajo appelan šarajalla,
 Lihāt ličcai lippahāžeh,
 75 Veren koodo korjan alla,
 Loodi appelah kurnikan
 Ol’onaižen olgaluišta,
 Mooriežen makšazišta,
 Palagaižen oččapaloišta.
 80 Loodi appelah kurnikan,
 Työndi orjaišta myöte.
 „Tiedāzitu, mistä on tämä
 Kurnikka kukittu,
 Itkizit iččeš ičettömākši,
 85 Piāš kibiākši!“
 „Šano, šano, orjaženi,
 Rahoin šoodu roodajaženi,
 Miā anan kuukši lebyö!“
 „En šano, emänd’āženi,
 90 Itet iččeš ičettömākši,
 Piān kibiākši“.
 „Šano, šano, orjaženi,

Поднялся мужчина из моря,
 50 Хлеб в устах, хлеб в руке,
 Хлебные деньги в кармане.
 „Девушка, выйдешь ли за меня?“
 „Для тебя бережена, за тебя сговорена,
 Тебе дома обещана,
 55 Для тебя меня баюкали“.
 Сели и поехали в саночках.
 Погладил ей жемчужную головку,
 Потрогал высокую грудь.
 „Кто же здесь дорогу перебежал?“
 60 „Мышка дорогу перебежала“.
 Погладил ей жемчужную головку,
 Потрогал высокую грудь.
 „Кто здесь дорогу перебежал?“
 „Заяц дорогу перебежал“.
 65 Погладил ей жемчужную головку,
 Потрогал высокую грудь.
 „Кто здесь дорогу перебежал?“
 „Волк дорогу перебежал“.
 Ударил ее по жемчужной головке,
 70 Вырвал с мясом ее высокую грудь.
 „Кто здесь дорогу перебежал?“
 „Медведь дорогу перебежал“.
 Въехал к тестю во двор,
 Мясо молодой жены положил в сундук,
 75 Кровь вылил под санки,
 Приготовил тестю мясной пирог
 Из Олёнушкиного плеча,
 Из Марьюшкиной печени,
 Из Палагушкиных кусочков лба.
 80 Приготовил мясной пирог теще
 И послал через раба.
 „Знала бы ты, из чего
 Этот пирог сделан,
 Плакала бы ты до бесчувствия,
 85 До головной боли!“.
 „Скажи, скажи, мой раб,
 На деньги добытый работничек,
 Я дам месяц отдыха!“
 „Не скажу, хозяйюшка,
 90 Будешь плакать до бесчувствия,
 До головных болей“.
 „Скажи, скажи, мой раб,

Rahion šoodu roodajaženi,
Miä anan kahekši kuukši lebyö!“
95 „En šano, emänd'äženi,
Itet iččes ičettömäksi,
Piän kibiäksi!“
„Šano, šano, orjaženi,
Rahan šoodu roodajaženi,
100 Miä anan puolekši vuotta lebyö!“
„Ol'onaižen olgaluišta,
Mooriežen maksazišta,
Palagaižen oččapaloišta!“
Ukko, akka itkömäh,
105 Kanažet kaakattamah,
Koirat ulvomah.

На деньги добытый рабочий,
Я дам два месяца отдыха!“
95 „Не скажу, хозяйшка,
Будешь плакать до бесчувствия,
До головной боли!“
„Скажи, скажи, мой раб,
На деньги добытый рабочий,
100 Я дам полгода отдыха!“
„Из Аннушкиного плеча тот пирог,
Из Марьюшкиной печени,
Из Палагушкиных кусочков лба!“
Муж с женой стали плакать,
105 Курочки кудахтать,
Собаки стали выть.

А. К. Стафеева

106. АННИ ОТВЕРГАЕТ ЖЕНИХА

Anni, ainud neido,
Läkši vaššan karžindaha.
Karži vaššan tootollah,
Karži vaššan moomollah,
5 Rubei kohta kolmatt' karžimah.
Kirgu Ošmon'e orošta,
Kal'ovain'e kasšeksišta.
„Anni, ainud neidi,
Piäkkö muišša mieli,
10 Elä muušša nuorizošša,
Kažva kaijašša šovašša,
Vil'l'aviiblošša ylene!“
Anni neido, aino neido,
Läkši itkijen kodihe.
15 Peezi izän veräjällä,
Kirvesvartta kirjuttau.
„Midä itet, Annizeni?“
„Oi, tootto rodit'el'a,
Elinaijan abeidani:
20 Šinilangani šilmildä kirbozi,
Kaunis langa kaššan peeštä.
Kirgu Ošmon'e orošta,
Kal'ovain'e kaššannošta,
Kyzu: «Anni, ainud neido,

Анни, единственная дочь,
Пошла вязать веники.
Приготовила веник отцу,
Приготовила веник матери,
5 Стала уже третий вязать.
Закричал Осмоне из чащи,
Калёвайне с подсеки.
„Анни, единственная дочь,
Ты обо мне лишь думай,
10 Не о прочей молодежи,
Вырастай в одеждах тонких,
Вырастай на ломтях хлеба!“
Анни девушка, единственная дочь,
В слезах пошла домой.
15 Отец сидел у ворот,
Топорище он тесал.
„Что ты плачешь, моя Анни?“
„О, отец, родитель мой,
Вечно у меня обиды:
20 Синие нити упали с ресниц,
Красивые ленты с косы.
Кричал мне Осмоне из чащи,
Калёвайне с подсеки,
Говорил: «Анни, единственная дочь,

25 Tule miulla meihellä,
 Piä mieli, miušša mieli,
 Älä muušša nuorizošša,
 Kažva kajoišša šovišša,
 Kiiblo vil'l'avoottehišša!“
 30 Peetty emä veräjällä,
 Kežävuida pieksämässä,
 Pettämaidoo peestämässä,
 Kyzy: „Anni, ainud neidi,
 Midä itet Annizeni?“
 35 „Oi, moomo rodit'el'ani,
 Elinaijan abeidani:
 Šinilangani šilmildä kirbozi,
 Kaunis langa kaššan peestä.
 Kirgu Oron'e ojašta,
 40 Kalevain'e kaššannošta,
 Kyzy: «Anni, ainud neidi,
 Tule miulla miehella,
 Piä mieli, miušša mieli,
 Elä muišša nuorizošša,
 45 Kažva kajoišša šovišša,
 Viiblo villavoottehišša!“
 „Elä ite, Annizeni,
 Šyöbä voida vuoži, toini,
 Kolmaš kuorekakkaroida!“

25 Выходи за меня замуж,
 Ты обо мне лишь думай,
 Не о прочей молодежи,
 Вырастай в тонких одеждах,
 Вырастай в шерстяных одеждах!“
 30 Встретилась мать у ворот,
 Летнее масло взбивала,
 Творог она готовила,
 Спросила: „Анни, единственная дочь,
 Что плачешь, моя Анни?“
 35 „О, мать, моя родительница,
 Вечно у меня обиды:
 Синие нити упали с ресниц,
 Красивые ленты с косы.
 Кричал мне Осмоне из чащи,
 40 Калёвайне с подсеки,
 Говорил: «Анни, единственная дочь,
 Выходи за меня замуж,
 Ты лишь обо мне думай,
 Не о прочей молодежи,
 45 Вырастай в тонких одеждах,
 Вырастай в шерстяных одеждах!“
 „Не плачь, моя Анни,
 Ешь масло года два,
 Третий год — пирог с корюшкой!“

107. МОРСКИЕ ЖЕНИХИ

Itköy neidi Turun sillan korvalla,
 Aijoin itköy, toizin pajattelou.
 Tulou mieš mereštä,
 Tulou kulda šuušša, kulda käissä,
 5 Kuldarahat kormanošša.
 „Tuletgo, neidon'e, miulla miehellä?“
 „Eigö šeetty, eigö keetty,
 Eigö lapšena loojitettu,
 Eigö vagahaizena vooputettu,
 10 Eigö šulkkuliinoišša šuikkutettu!“
 Mieš ielleh mereh proidi.
 Itköy neido Turun sillan korvalla,
 Aijoin itköy, toizin pajattau.
 Tulou mieš mereštä,

Плачет девушка около моста Турку,
 То поплачет, то попоет.
 Подымается из моря мужчина,
 Выходит с золотом в устах, с золотом
 в руках,
 5 С золотыми монетами в кармане.
 „Пойдешь ли за меня, девушка?“
 „Не сулили за тебя, не обещали меня,
 И в детстве не для тебя меня готовили,
 Малолетнюю не хотели неволить,
 10 К шелковым платкам не приучали!“
 Мужчина прошел дальше в море.
 Плачет девушка около моста Турку,
 То поплачет, то попоет.
 Подымается из моря мужчина,

- 15 Hobia šuušša, hobia käissä,
Hobiarahat kormanošša.
„Tuletgo, neidin’e, miulla miehella?“
„Eigö šeetty, eigö keetty,
Eigö lapšena loojitettu,
20 Eigö vagahaizena vooputettu,
Eigö šulkkuliinoilla šuikutettu!“
Mieš ielleh mereh proidi.
Itköy neido Turun sillan korvalla,
Aijoin itköy, aijoin pajattau.
25 Tulou mieš mereštä,
Vaški šuušša, vaški käissä,
Vaškirahat kormanošša.
„Tuletgo, neidin’e, miulla miehella?“
„Eigö šeetty, eigö keetty,
30 Eigö lapšena loojitettu,
Eigö vagahaizena vooputettu,
Eigö šulkkuliinoišša šuikutettu!“
Mieš ielleh mereh proidi.
Itköy neidi Turun sillan korvalla,
35 Aijoin itköy, aijoin pajattau.
Tulou mieš mereštä,
Leibä šuušša, leibä käissä,
Leibätaškut kormanoišša.
„Tuletgo, neidin’e, miulla miehella?“
40 „Šiulla šeetty, šiulla keetty,
Šiulla lapšena loojitettu,
Vagahizena voolitettu,
Šulkuliinoišša šuikutettu!“

- 15 Серебро в устах, серебро в руках,
Серебряные монеты в кармане.
„Пойдешь ли за меня, девушка?“
„Не сулили за тебя, не обещали меня,
И в детстве не для тебя меня готовили,
20 Малолетнюю не хотели неволить,
К шелковым платкам не приучали!“
Мужчина прошел дальше в море.
Плачет девушка около моста Турку,
То поплачет, то попоет.
25 Выходит из моря мужчина,
Медь в устах, медь в руках,
Медные монеты в кармане.
„Пойдешь ли за меня девушка?“
„Не сулили за тебя, не обещали меня,
30 И в детстве не для тебя меня готовили,
Малолетнюю не хотели неволить,
К шелковым платкам не приучали!“
Мужчина прошел дальше в море.
Плачет девушка около моста Турку,
35 То поплачет, то попоет.
Выходит мужчина из моря,
Хлеб в устах, хлеб в руках,
Хлебные куски в кармане.
„Пойдешь ли за меня девушка?“
40 „За тебя сулили, тебе обещали,
Для тебя в детстве готовили,
Малолетнюю за тебя сговаривали,
К шелковым платкам приучали!“

ПЕТРОВСКИЙ РАЙОН

Т. Г. Ильина

108. ЛЕММИНГЯЙНЕ НА ПИРУ ПЯЙВЁЛЫ

Lemmingäne liedo poiga
Pyrgiy pyhässä naimah.
„Elä lähe, poiguoni,
Elä lähe, ainuoni,
5 Kolme surmua siun matalla,
Ne on kaikki siuda vartel!“
„Oi, emoni kandajaine,
Tuo nyt sodisovat,
Vanhat vaino vuattiet!“
10 Astuu matkal vähäzen
Lemmingäne liedo poiga
Polgi teidä pikkaraizen;
Tulou tuline tammi vastah.
Tammes on tuline kokko,
15 Kokos on tulizet sullat,
Höyhtenet tulen sadau.
„Lasse matkah matkamiestä,
Lemmingästä liijaten!“
Piäzi matkah matkamies,
20 Lemmingäne liijaten,
Astuu matkoja vähäzen,
Polgi teidä pikkuruizen;
Tuli vastah tulini tammi,
Tammes on tulini kokko,
25 Kokon on tulizet sullat.
„Oi, kokkoni linduoni,
Lasse matkah matkamiestä,
Lemmingästä liijaten!“

Леммингяйне, хитрый парень,
Задумал в пост жениться.
„Не ходи, сыночек,
Не ходи, единственный,
5 Три смерти на твоём пути,
Они все для тебя!“
„Матушка, родительница,
Подай мне военную одежду,
Старую одежду воина!“
10 Идет, не спеша, дорогой,
Леммингяйне, хитрый парень,
Топчет дорожку помаленьку;
Встречается ему огненный дуб.
На дубе огненный орел,
15 У орла огненные перья,
Пух огнем мечет.
„Пропусти путника,
Леммингяйнена, добром!“
Прошел путник,
20 Леммингяйне, идет дальше,
Идет, неспеша, дорогой,
Топчет дорожку помаленьку;
Встречается ему огненный дуб,
На дубе огненный орел,
25 У орла огненные перья.
„Эй, орел-птица,
Пропусти путника,
Леммингяйнена, добром!“

Piäzibä matkah matkamies,
 30 Lemmingäne liijaten,
 Astuubi matkoja vähäzen,
 Polgi teidä pikkaraizen;
 Tuli vastah tulini luodo,
 Luvvos on kuumia kiviä,
 35 Palavoja puadoroja.
 „Oi, ukko Ylijumala,
 Sua nyt lunda sauvarvarzi,
 Kiehittele keihäs varzi!“
 Piäzibä matkah matkamies,
 40 Lemmingäne liijatengi,
 Mänöy Katerinan luoksi,
 Svuaadboh vaivu männes.
 „Katerina, kaunis vaimo,
 Tuo nyt tuopilla olutta,
 45 Kanna kaksikorvazella!“
 Katerina kando tuopilla olutta,
 Kando kaksikorvazella.
 Lemmingäne liedo poiga
 Mavon pilkko paloikse,
 50 Da joi oluen onnekse.
 Piäzi Päivölän pidoh,
 Juomaliston juomingoh,
 Piäzi Katerinan luokse.

Прошел путник,
 30 Леммингяйне, идет дальше,
 Идет, не спеша, дорогой,
 Топчет дорогу помаленьку;
 Встречается ему огненный остров,
 На острове раскаленные камни,
 35 Горячие валуны.
 „О, старик, всевышний создатель,
 Пошли снегу высотой с посох,
 Замети высотой с копьё!“
 Пошел в дорогу путник,
 40 Леммингяйне, идет дальше,
 Приходит к Катерине,
 Приходит на свадьбу уставший.
 „Катерина, красивая дева,
 Принеси в кружке пива,
 45 В кружке с двумя ручками!“
 Катерина принесла пиво в кружке,
 В кружке с двумя ручками.
 Леммингяйне, хитрый парень,
 Змею изрубил на куски,
 50 Да на счастье пиво выпил.
 Пировал на пиру Пяйвёлы,
 На попойке братчины,
 Достиг он Катерины.

109. ПРИГЛАШЕНИЕ В БАНЮ

„Darjani, Marjani,
 Tuattos kučču kylyh!“
 „Endo lähe kylyh:
 Dorogane on liveččan’e,
 5 Yö on pimeččan’e,
 Vezi on viluččan’e,
 Löylyö on vähäččän’e,
 Vasta on kovaččan’e“.
 „Darjani, Marjani,
 10 Muamos kučču kylyh!“
 „Engo lähe kylyh:
 Doroga on liveččan’e,
 Yö on pimeččan’e,
 Vezi on viluččan’e,
 15 Löylyö on vähäččän’e,

„Дарьяни, Марьяни,
 Отец зовет в баню!“
 „Не пойду я в баню:
 Дорожка скользкая,
 5 Ночь темная,
 Вода холодная,
 Пару мало,
 Веник жесткий“.
 „Дарьяни, Марьяни,
 10 Мать зовет в баню!“
 „Не пойду я в баню:
 Дорога скользкая,
 Ночь темная,
 Вода холодная,
 15 Пару мало,

Vasta on kovaččan'e!
 „Darjani, Marjani,
 Veikkos kučču kylyh!“
 „Engo lähe kylyh:
 20 Doroga on liveččan'e,
 Yö on pimeččan'e,
 Vezi on viluččan'e,
 Löylyö on vähäččan'e,
 Vasta on kovaččan'e!“
 25 „Darjani, Marjani,
 Čikkos kučču kylyh!“
 „Engo lähe kylyh:
 Doroga on liveččan'e,
 Yö on pimeččan'e,
 30 Vezi on viluččan'e,
 Löylyö on vähäččan'e,
 Vasta vn kovaččan'e!“
 „Darjani, Marjani,
 Sulhan'e kučču kylyh!“
 35 „Doroga on korčakkan'e,
 Yö on valgeččan'e,
 Löylyö on äijäččan'e,
 Vezi on palavaččan'e,
 Vasta on pehmiččan'e“.

Веник жесткий“.
 „Дарьяни, Марьяни,
 Брат зовет в баню!“
 „Не пойду я в баню:
 20 Дорога скользкая,
 Ночь темная,
 Вода холодная,
 Пару мало,
 Веник жесткий“.
 25 „Дарьяни, Марьяни,
 Сестра зовет в баню!“
 „Не пойду я в баню:
 Дорога скользкая,
 Ночь темная,
 30 Вода холодная,
 Пару мало,
 Веник жесткий“.
 „Дарьяни, Марьяни,
 Жених зовет в баню!“
 35 „Дорога гладкая,
 Ночь светлая,
 Пару много,
 Вода горячая,
 Веник мягкий“.

А. П. Ларионова

110. ВЫБОРГСКИЙ МОЛОДЕЦ УЗНАЕТ О СМЕРТИ РОДНЫХ

Briha, briha Viiburissa,
 Kangahilla soittau.
 „Kiänny, briha, järilläh,
 Muamois kuoli!“
 5 „Kuoli ga kuolgah,
 On Romoissa muamua!“
 Briha, briha Viiburissa,
 Kangahilla soittau.
 „Kiänny, briha, järelläh,
 10 Tuattozi kuoli“.
 „Kuoli ga kuolgah,
 On Romoissa tuattua!“
 Briha, briha Viiburissa,
 Kangahilla soittau.

Парень, парень из Выборга,
 В бору играет.
 „Вернись, парень, обратно,
 Мать твоя померла!“
 5 „Померла, так пусть померла,
 Есть еще на свете матери!“
 Парень, парень из Выборга,
 В бору играет.
 „Вернись, парень, обратно,
 10 Отец твой помер!“
 „Помер, так пусть помер,
 Есть на свете отцы!“
 Парень, парень из Выборга,
 В бору играет.

- 15 „Kiänny, briha, järelläh,
Čikkosi kuoli“.
„Kuoli ga kuolgah,
On Romoissa čikkua!“
Briha, briha Viiburissa,
20 Kangahilla soittau.
„Kiänny, briha, järelläh,
Veikkozi kuoli“.
„Kuoli ga kuolgah,
On Romoissa veikkua“.
25 Briha, briha Viiburissa,
Kangahilla soittau.
„Kiänny, briha, järelläh
Mučcomezi kuoli.
Oi, siuda, siuda,
Polonaista poigua“.

- 15 „Вернись, парень, обратно,
Сестра твоя померла!“
„Померла, так пусть померла,
Есть на свете сестры!“
Парень, парень из Выборга,
20 В бору играет.
„Вернись, парень, обратно,
Брат твой помер!“
„Помер, так пусть помер,
Есть на свете братья!“
25 Парень, парень из Выборга,
В бору играет.
„Вернись, парень, обратно,
Жена твоя померла!
Ой, ты, несчастный,
Горемычный парень!“

111. МОЛОДАЯ ЖЕНА ЖАЛУЕТСЯ НА МУЖА

- Istu muččon'e mečässä,
Kaunis nain'e kasseksessa.
Piädy vieras kuulomah,
Seinän alla seizomah:
5 „Midä, hyvä muččo, ited,
Buat'uškazko pahottau?“
„Buatušk' on kui hyvä tuatto!“
Istu muččon'e mečässä,
Kaunis nain'e kasseksessa.
10 Piädy vieras kuulomah,
Seinän alla seizomah:
„Midä ited, hyvä muččo,
Muatuškazko pahottau?“
„Muatušk' on kui hyvä muamo!“
15 Istu muččon'e mečässä,
Kaunis nain'e kasseksessa.
Piädy vieras kuulomah,
Seinän alla seizomah:
„Midä, hyvä muččo, ited,
20 Nadozgo siuda pahottau?“
„Nado on kui oma čikko!“
Istu muččo mečässä,
Kauniz nain'e kasseksessa.
Piädy vieras kuulomah

- Сидит молодуха в лесу,
Красавица плачет на пожог.
Довелось чужому слышать,
Около стены он стоял:
5 „Что ты, хорошая невестка, плачешь,
Или свекор у тебя плохой?“
„Свекор у меня — как добрый отец!“
Сидит молодуха в лесу,
Красавица на пожог.
10 Довелось чужому слышать,
Около стены он стоял:
„Что ты, хорошая невестка, плачешь,
Или свекровь у тебя плохая?“
„Свекровь у меня — как добрая мать!“
15 Сидит молодуха в лесу,
Красавица на пожог.
Довелось чужому слышать,
Около стены он стоял:
„Что ты, хорошая невестка, плачешь,
20 Или золовка у тебя плохая?“
„Золовка — как своя сестра!“
Сидит молодуха в лесу,
Красавица плачет на пожог.
Довелось чужому слышать,

25 Seinän alla seizomah:
 „Midä, hyvä muččo, ited,
 Kyvyzgö siuda pahottau?“
 „Kydy on ku oma veikko!“
 Istu muččon'e mešässä,
 30 Kauniz nain'e kasseksessa.
 Piädy vieras kuulomah,
 Seinän alla seizomah:
 „Midä, hyvä muččo, ited,
 Sulhoigo siuda pahottau?“
 35 „Sehän on miun ikkunan korviss' itet-
 täjä,
 Laučan päissä laulajattaja,
 Soimen päissä soitattaja,
 Čiilahaizill' čupsuttau,
 Ohtahaizill rapsuttau,
 40 Luut purou, lihah läkästyü,
 Veret juomalla juou“.

25 Около стены он стоял:
 „Что ты, хорошая невестка, плачешь,
 Или деверь у тебя плохой?“
 „Деверь — как брат родной!“
 Сидит молодуха в лесу,
 30 Красавица на пожогe.
 Довелось чужому слышать,
 Около стены он стоял:
 „Что ты, хорошая невестка, плачешь,
 Или муж у тебя плохой?“
 35 „Да, это он доводит меня до слез у
 окошка,
 На худой скамейке заставляет ему петь,
 В хлеву заставляет играть,
 Крапивой бьет,
 Чертополохом стегают,
 40 Кости сжимает, мясо щиплет,
 Кровь мою пьет“.

П. М. Артамонова

112. ССОРА БРАТЬЕВ И МЕСТЬ СЫНА КАЛЕВЫ

Kylvi kagrazen Kaleva
 Undamon kodan perähe,
 Undamon'e verkot laski,
 Kalevan kalat keritti.
 5 Kovin siändy Undamon'e,
 Hävitti rovun Kalevan.
 Jäi yksi Kalevan poiga,
 Virkki tuo kätkyvessä:
 „Kazvazin suuremmakse,
 10 Maksazin muamoni mahlat!“
 Saibo tiediä Undamo.
 „Millä työllä tämän panemma?“
 Pandih riihen puindoihi.
 Pui riidet raumenikse,
 15 Ei tällä työllä sobinuh.
 „Pangua lehmien paimenikse!“
 Pandih lehmien paimenikse.
 Paissetti paimenella evästä:
 Kagran alla, kagran piällä,
 20 Kesellä kiven paissetti.

Калева овес посеял
 За жилищем Ундамо,
 Ундамо сети закинул,
 Калева с них рыбу собрал.
 5 Сильно рассердился Ундамоне,
 Уничтожил род Калевы.
 Остался один сын Калевы,
 Сказал он в колыбели:
 „Вырос бы я скорее,
 10 Отомстил бы за свою мать!“
 Узнал об этом Ундамо:
 „На какую работу его поставим?“
 Послали на гумне молотить.
 Все гумно он, как мякину, разнес,
 15 Не подошел он к этой работе.
 „Поставьте его коров пасти!“
 Послали его пасти коров.
 Спекли пастуху закуску:
 Овес сверху, овес снизу,
 20 А внутри запекли камень.

Läksi paimo paimenih,
 Otti kontttihi evästä,
 Viäldi veiçellä kiveh:
 „Millä kosten naizen nagron,
 25 Paimenen pahoin pijännän?“
 Laski kondiet emännän piällä,
 Kondiet syödih emännän.

Пошел пастух пасти,
 Взял в котомку закуску,
 Сломал свой нож о камень:
 „Чем отомщу за женскую насмешку,
 25 За плохое обхождение с пастухом?“
 Напустил он медведей на хозяйку,
 Медведи хозяйку съели.

А. С. Мартынова

113. АННИ ОТВЕРГАЕТ ЖЕНИХА

Anni tyttö, aino tyttö,
 Läksi luudia mečästä,
 Vassan päidä varvikosta.
 Taitto vassan tuatollah,
 5 Taitto toizen muamollah,
 Taitto vassan kolmanneni
 livanalla vellelähä.
 Osmari orosta virkki,
 Kalevaini kasseksesta:
 10 „Kazva, neidi, miussa mielin!“
 „Engä siussa, engä muissa,
 Venyn Ven'an vuattejissa,
 Tuaton leibäkannikossa“.
 Anni itkien kodihi,
 15 Izä piädy veräjillä,
 Kirjuttamassa kirvesvartta:
 „Midä itet, Anni tyttö?“
 „Omba syydä itkijällä:
 Sormus sormesta šolahti,
 20 Kauniz langa kassastani“.
 Piädy muamo veräjillä:
 „Midä itet, Anni tyttö?“
 „Omba syydä itkijällä,
 Sormus sormesta šolahti,
 25 Kauniz langa kassastani!“
 Astu aittaha mäjellä,
 Nosti arkun arkun piällä,
 Lippahan pani lizäksi.
 Mäni muamo kaččomaha:
 30 Jo Anni ripustauvui.
 Rubei muamo itkömähe.

Анни-девушка, единственная дочь,
 Пошла за прутьями в лес,
 За вениками в перелесок.
 Сделала веник своему отцу,
 5 Второй веник — своей матери,
 Сделала третий веник
 Своему брату Ивану.
 Осмари молвил ей из чащи,
 Калевайни с пожоги:
 10 „Вырастай, девушка, для меня!“
 „Ни для тебя и ни для прочих,
 Расту я в русских одеждах,
 На хлебах своего отца!“
 Анни с плачем идет домой,
 15 Отец был около ворот,
 Он топорище вырезал:
 „Что ты плачешь, Анни-девушка?“
 „Есть у меня причина плакать:
 Кольцо с пальца упало,
 20 Красивая лента с моей косы!“
 Мать оказалась около ворот:
 „Что ты плачешь, Анни-девушка?“
 „Есть у меня причина плакать,
 Кольцо упало с пальца,
 25 Красивая лента с моей косы!“
 Прошла в амбар на горушке,
 Подняла сундук на сундук,
 Сверху поставила короб.
 Пошла мать посмотреть:
 30 Там Анни уже удавилась.
 Стала мать ее оплакивать.

114. ПЕТР I ПОД ВЫБОРГОМ

Pedri, kuuluza kuningas,
 Moskovan hyvä moločča,
 Laitto kirjat kiirehesti,
 Paberit on pakon perällä.
 5 „Hoi on, Matti, Laurin poiga,
 Viizas Viiburin izändä,
 Ongo linnalla lihoja,
 Ongo voida Volvarilla?“
 Vastai Matti Laurin poiga:
 10 „Mulloi kuoli musta ruuna,
 On sidä lihua linnalla“.
 Pedri, kuuluza kuningas,
 Kovin suuttu Viiburin piällä,
 Läksi Viiburin vihoilla,
 15 Ambu kerran alače,
 Toizen ambu piäliče,
 Kolmannen kohti ambu.
 Linnan seinät liikutteli,
 Kirpičat kalizemahe.

Петр, знаменитый царь,
 Добрый молодец московский,
 Поспешно грамоты готовит,
 Рассылает указы.
 5 „Эй ты, Матти, сын Лаури,
 Хитрый хозяин Выборга,
 Имеется ли мясо в городе,
 Есть ли масло в Волвари?“
 Ответил Матти, сын Лаури:
 10 „В прошлом году пал черный мерин,
 Осталось то мясо в городе“.
 Петр, знаменитый царь,
 Очень рассердился на Выборг,
 Пошел войной на Выборг,
 15 Один раз выстрелил — недолет,
 Второй раз выстрелил — перелет,
 Третий раз попал в цель.
 Стены крепости развалились,
 Кирпичи загромыхали.

С. П. Маркова

115. ИВАН ЛАППАЛАЙНЕ СТРЕЛЯЕТ В ВЯЙНЯМЁЙНЕНА

Iivana on ihalu poigu,
 Lappalain' on laihu poigu,
 Kauniz verel, čoma näväl,
 Oli hyvä meččymies.
 5 Lähtöy maile soittamah,
 Levei očč' on lepikös,
 Hieno helmu heinikös.
 Korbimualoil kajaittau,
 Kangasmualoil kajaittau.
 10 Tuobo vanhu Väinämöine
 Ajau hevol, karittelou,
 Sulua selviä merdy myöte.
 Hyppiy oksil oravaine,
 Juoksou orih olgiorih,
 15 Ilmai kabien kastumatta,
 Vuohizien vajuomatta;
 Razvu rahkehis valuu,

Иван был красивый парень,
 Лаппалайне был стройный парень,
 Красив на вид, хорош собою,
 Был он меткий охотник.
 5 Пошел он на землю играть на рожке.
 Видит — мелькает лоб в ольшанике,
 Тонкий подол — в траве.
 В лесах дремучих отдается эхо,
 В роще звенит его голос.
 10 То был старый Вяйнямёйне,
 Едет спокойно на коне,
 По талому, ясному морю.
 Прыгает на ветвях белка, —
 Бежит жеребец, желто-пегий жеребец,
 15 Так, что и копыта не мокнут,
 И не пенится пена у рта,
 Жир по гужам течет,

Tina rinnuksis tippuu.
 Iivana on Lappalainen,
 20 Nosti kurkan kolmel sormel,
 Iče sanoi oravaizel:
 „Minä olen mečän kävyi,
 Uroi korven kolkuttai,
 Menin meččäh mielelläni,
 25 Koirat keränny viertih.
 Oi jo, sinä, oravaine,
 Mečän orih valgijaine,
 Oijendelie oksie myöte,
 Levittelie lehvie myöte,
 30 Kuču koiru haukkumas,
 Poigumies on ambumas!“
 Sordui vanha Väinämöine,
 Kiändih kammenin mereh.
 Tuosbo kubli kuuzi vuotta,
 35 Keilui seiččemen keziä.

Олово капает с супони.
 Иван был Лаппалайне,
 20 Поднял курок тремя пальцами,
 Сам он говорит белке:
 „Я — охотник,
 Герой дремучих лесов,
 Пошел в лес на охоту,
 25 Собаки шарами катились.
 Ой, уж ты, белочка, —
 Белый жеребец,
 Скачи ты по ветвям,
 Беги по веточкам,
 30 Пусть собака-щенок лает,
 Парень холостой стреляет!“
 Упал старый Вяйнямёйне,
 Повернулся руками в море,
 Там он плавал шесть лет,
 35 Качался семь лет.

116. СЕСТРА В ГОСТЯХ У БРАТА

Kazvoi muamol tytär-lapsi,
 Kazvoi nuori Väinämäine.
 Lapsi oli laulavaine,
 Pieni oli voimatoi,
 5 Silmät kiini ainos painoi.
 Lauloi Väinöi lapsembaite,
 Pieksi kielder pinembäite,
 Konza velli mučoin otti:
 „Veikkoizeni vereväine,
 10 Kägeit tuuvva kägöihyön,
 Toit vai torakukoihuon!“
 Rodih andua aigomaine
 Tytär-lapsi Väinämäine.
 Mäni Väinöi mieholah,
 15 Muamon muadu igävöičči,
 Kuului kelloine niemes,
 „Smiettizin ku muamo tulou,
 Luadizin sinizen sillan,
 Selgoipuut seizattazin,
 20 Pačaspuun panettazin
 Muamoidani vastuajes“.
 Goštih muamoin luo häi lähtöy.

Дочь у матери росла,
 Вяйнямййне молодая.
 Дитятко любило петь,
 Малое и хилое создание
 5 Глазки постоянно закрывало.
 Вяйнёй пела в детстве,
 Молодая, она злословила,
 Когда брат взял себе жену:
 „Братец единокровный мой,
 10 Хотел ты привезти кукушку,
 Привел же ты драчливую сороку!“.
 Стало время замуж выдать
 Деву Вяйнямййне.
 Замуж вышла Вяйнёй,
 15 Но по матери сучала.
 На мысочке колокольчик зазвенел.
 „Кабы знала, что приедет мать,
 Синий мост построила бы я
 И настил поставила бы ей,
 20 Столбы бы вбить велела
 Для встречи маменьки!“
 Едет она в гости к матери.

„Ostan oršoin omas kyläs,
Sillan korvas val'l'astan,
25 Muamoin kodih ajallan“.
Vellen pihah ajoi häi,
Sadulie ei otettu,
Eigo hebuo lasketettu.
Pani iče heboizen
30 Sopembaizih soimuizih,
Tajembaizih tallizih.
Käski velled vastineh
Veriän umbeh vierettiä;
Eigo syöttän, eigo juottan,
35 Eigo toičči toivottanuh.
Lauloi vellen vastineh:
„Mustan suvun, mustan rovun,
Mustan helien heimokunnan,
Mis olet sinä rodivunnuh,
40 Kus olet sinä syndynh.
Etgo ole velled sizär,
Eigo ole sugulaine,
Olet vahnu Väinämäine“.

„Жеребца куплю в родной деревне,
Запрягу его я у моста,
25 К дому матери подъеду“.
К брату въехала она во двор,
Но седла никто не снял
И не распрягли лошадку.
Сама ведет лошадку,
30 К дальнему стойлу ведет,
В дальние конюшни.
Велела брату его жена
Двери наглухо закрыть,
Не накормила и не напоила
35 И впредь не звала в гости.
Невестка ей пропела:
„Помню род твой, помню племя,
Помню всю твою родню, —
Где ты уродилась,
40 Где родилась ты.
Не сестра ты брату своему,
Ты не родственница нам,
Старая ты Вяйнямайне“.

117. ЗАКОВАННЫЙ В ЦЕПИ КУЗНЕЦ

Muarie neičyt kuldamoine,
Pyhä piigu taivahile,
Hiihti hiilon kangahil,
Pyhän virran piendaril;
5 Siit muldie huuhteli,
Huuhteli, ponistelih,
Lähti tiedoih astumah.
Astui soida, astui maida,
Astui Hiijen kangahil,
10 Pyhän virran piendaril.
Tuli seppy hänel vastah;
Sihbo Muarie tavattih,
Syväh haudah kaivettih,
Puaksut kivet piäl pandih.
15 Sulai päivy pruavednoine
Puaksut kivet hauvan piäl.
Piäzi Muarie hauvas iäreh,
Mäni sepän pajah;
Seppy Muariel čieppie tagou.

Золотая девушка Муариэ,
Святая служанка неба,
Шла по обугленным борам,
По межам священных потоков;
5 Там, в мутной воде, полоскалась,
Полоскалась, умывалась
И отправилась к своему милому.
Шла по болотам, шла по сухой земле,
Шла по борам Хийси,
10 По межам священных потоков.
Повстречался ей кузнец;
Тут Муариэ схватили,
В глубокую яму закопали,
Мелкие камни сверху навалили.
15 Разрыло солнышко праведное
Мелкие камни из ямы.
Освободилась Муариэ из ямы,
Пошла в кузницу коваля;
Кузнец для Муариэ цепи кует.

20 „Mitys olloh Muariel kagly?“
 „Mitys olloh ičel kaglu,
 Moine ongi Muariel kaglu“.
 Oppiu seppy čieppie kaglah,
 Muarie čiepin umbek salbuau.

20 „Какова у Муариэ шея?“
 „Какова у тебя шея,
 Такая и Муариэ шея“.
 Примерил кузнец цепь на шее,
 Муариэ цепь наглухо замкнула.

Е. Г. Терентьева

118. ИЛЬМОЙЛЛИНЕ СВАТАЕТСЯ

Nouzi miežoi meressä,
 Kuldu hattu hardejilla,
 Kuldoi kirvoi vyön ual.
 Ombo kolme koivustu kazvanuh,
 5 Ladvat muah on painunuh.
 Leikkai koivun löyhkäšköitti,
 Luodehizeh lojahutti,
 Koivuizet halgoizet kogojeli;
 Leikkai toizen löyhkäšköitti,
 10 Luodehizeh lojahutti,
 Koivuizet halgoizet kogojeli;
 Sai jo kolmatta leikkuamah,
 Sih miežoil kirvoi murei.
 Iče miežoi itkiškāndi,
 15 Iče miežoi vonguškāndi,
 Ičego seppuo kirguškāndi:
 „Oi sinä, seppo Ilmoilline,
 Igihyvien tagojaine,
 Yli ilman ymmärdelijä,
 20 Näile ilmale vägevin,
 Tavos miežoilla kirvohut!“
 Seppo sanou:
 „Tavon — tavon kirvohuon,
 Andanet krasnoi Katerinan mučoiakse!“
 25 „Annan — annan — annan,
 Vai tavos miežoilla kirvohut!“
 Tagoi jos kirvoin kiirehešti.
 „Oi jos muamoi, kangajoine,
 Magien maijon andajoine,
 30 Lämmittle lemmääh kylyn,
 Peze piähyt, kui pelvoi pivoizekse,
 Kaglaine, kui kanan d’äiččy;

Поднялся муж из моря,
 Золотая одежда на плечах,
 Золотой топор за поясом.
 Тут три березки росли,
 5 Вершинки к земле пригнулись.
 Срубил березку, ветки раскачал,
 На северо-запад ее свалил,
 Собрал березовые дрова;
 Срубил другую, ветки раскачал,
 10 На северо-запад ее свалил,
 Собрал березовые дрова;
 Начал третью он рубить,
 Тут у него топор сломался.
 Сам муж заплакал,
 15 Сам старик закричал,
 Сам кузнецу закричал:
 „Ой, ты, кузнец Ильмойллине,
 Искусный, вечный кователь,
 Ты все в мире понимаешь,
 20 Ты на этом свете всех сильнее,
 Выкуй мужу топор!“
 Кузнец говорит:
 „Выкую, выкую топорик,
 Если выдашь за меня прекрасную Кате-
 рину!“
 25 „Выдам, выдам, выдам,
 Только выкуй мужу топор!“
 Кует он топор поспешно.
 „Эй ты, мать, что меня родила,
 Что сладким молоком меня вспоила,
 30 Истопи теплую баню,
 Вымой голову, чтоб была, как лен,
 Шею, — как куриное яичко;

Tuo paidaine, kui pellervöine,
 Kuadiehuot, kui lumikabuizet!“
 35 Šuorie seppo, šorahtelih.
 „Oi jos muamoi, kandaioine,
 Magien maijon andajoine,
 Val'l'astele vil'l'oi-varzoi,
 Kiinittele kirjavih korjih!“
 40 Ei jo voija rinnoidu riuhtaella;
 Kälä seppo rinnoin riuhtai,
 Toizela vyöhyön vyöstäideli.
 Lähtietti hyö sulhaizikse
 Sulua sinisty merdy myö ajamah
 45 Hiitroi suarih, hiitroi ukkoh,
 Katerin-neidoih, kaunoi-neudoih.

„Hiitroi suari, hiitroi ukko,
 Jogos annat krasnoin Katerinan mu-
 čaikse?“

„Annan-annan, voinet minun zagat-
 kan spruavie;

50 Mene kolme pitkiä pelduo kynnä!“

Kyndi jos pellon, kyndi toizen,
 Sai jos kolmatta kyndämäh,
 Piädyi mado muanalaine
 Kulgijan kulon ual,
 55 Kirjavan kiven ual, —
 Sih jo sepolla jallan pani.
 Iče seppo itkiškāndi,
 Iče seppo vonguškāndi,
 Iče jo vellie kirguškāndi.

60 Vahnin on velli ijillä vahnin,
 Nuorin velli sanoilla vägevin,
 Puhui jo jallan puhtahašti,
 Krieppii jallan kiirehešti.
 Lähti ielleh jo ajamah

65 Sulua sinisty merdy myö.

„Oi jos, hiitroi ukko-suari,
 Jogos annat krasnoin Katerinan mu-
 čaikse?“

„Annan-annan-annan,
 Kui voinet minun zagatkan spruavie:

70 Mene sulua sinisty merdy myö
 Kolme d'unuo d'uoksel!“

Принеси рубашку чесаного льна,
 Штаны белые, как комочек снега!“

35 Одевается кузнец, наряжается.

„Ой ты, мать, что меня родила,
 Сладким молоком меня вспоила,
 Запряги быstroногого жеребенка,
 Заложь его в пестрые санки!“

40 Не могут супонь затянуть;

Кузнец одной рукой супонь затянул,
 Другой — пояском опоясался.

Поехали они женихами,

По растаявшему синему морю поехали

45 К хитрому царю, к хитрому старику,
 К девушке Катерине, к прекрасной де-
 вушке.

„Хитрый царь, хитрый старик,
 Выдашь ли прекрасную Катерину?“

„Выдам, выдам, если сможешь три
 загадки разгадать;

50 Иди три долгих поля распаши!“

Вспахал он поле, вспахал другое,
 Начал третье пахать,
 Попалась змея подземная,
 Под ветошью ползающая,

55 Под пестрым камнем лежащая.

Тут она ногу кузнецу ужалила.

Сам кузнец плачет,
 Сам кузнец тут стонет,
 Сам он брата кличет.

60 Старший брат — годами старше,
 Младший брат — словами сильнее,

Вылечил он наговором ногу,

Вылечил он ногу поспешно.

Поехал он дальше вперед

65 По талому синему морю.

„Ой ты, хитрый, старый царь,
 Теперь выдашь ли прекрасную Катерину?“

„Выдам, выдам, выдам,

Если сможешь разгадать мою за-
 гадку:

70 Иди по растаявшему синему морю,
 Через три мели пробегь!“

- D'uoksi jo d'unon, d'uoksi toizen,
 Sai jo kolmatta d'uoksemah,
 Kirboi jo Kehnon ukolla kidah.
 75 Iče seppo itkiškāndi,
 Iče jo vellie kirguškāndi;
 Ei ole vellie, ei jos kedā.
 Parandi paidaizen pajakse,
 Sormišuarat piihtimikse,
 80 Rystyöt pani vazaroikse,
 Polvet pani alužimikse,
 Tagoi jo raudaizen pilaizen,
 Sai jo Kehnon ukolla
 Kylgi-ruodie pilimāh.
 85 Iče jo ukko itkiškāndi,
 Iče jo ukko vonguškāndi,
 Iče jo seppuo kirguškāndi:
 „Oi jo, seppo Ilmoilline,
 Igihyvien tagojaine,
 90 Yli ilman ymmärdelijä,
 Näile ilmale vägevin,
 Kudamassa loukos tulit,
 Siit jo iāreh mene!“
 „Luajin minä loukkuo kohtakse,
 95 Ičel istuo ikkunpielet!“
 Lähtöy jo seppo ukolla kijassa iāreh.
 Sulua sinisty merdy myö —
 Hiitroih suarih, Hiitroih ukkoh,
 Katerin-neidoih, krasnoih neidoih.
 100 „D'ogos annat krasnoin Katerinan
 mučoiakse?“
 „Annan — annan, annan — annan!“
 Piettih svuad'bo iāreh;
 Lähtiettih jo ajaminah
 Sulua sinisty merdä myö,
 105 Sihbo heidä yö tabai.
 Lauloi seppo suaruizet,
 Tagoi raudaizen uudimuon.
 Viertih sinne muate hyö,
 Rodih Kat'al igävāine.
 110 „Oi sinä, seppo Ilmoilline,
 Igihyvien tagojaine,
 Nämien ilmoin ymmärdelii,
 Näile ilmale vägevin,
- Пробежал через луду, пробежал через
 другую,
 Уже бежит через третью,
 Упал старику Кехно в глотку.
 75 Сам кузнец плачет,
 Сам он брата кличет;
 Нет брата, нет никого.
 Сделал из рубашки кузницу,
 Пальцы служили клещами,
 80 Суставы пальцев молотками,
 Колени — наковальнями,
 Выковал железную пилу,
 Начал у стари Кехно
 Кости-ребра пилить.
 85 Сам старик плачет,
 Сам старик воет,
 Сам кузнецу кричит:
 „Ой ты, кузнец Ильмойллине,
 Искусный вечный кователь,
 90 Ты все на свете понимаешь,
 Ты на этом свете всех сильнее,
 В какое отверстие сюда вошел,
 В то выходи обратно!“
 „Сделаю я отверстие поближе,
 95 Чтob самому сидеть, как у окошка!“
 Выходит кузнец из глотки старика,
 По растаявшему синему морю
 Едет к хитрому царю, к хитрому старику,
 К Катерине-девушке, к прекрасной девице.
 100 „Выдашь ли теперь прекрасную Кате-
 рину?“
 „Выдам, выдам, выдам, выдам!“
 Тут они свадьбу сыграли;
 Тут они обратно поехали
 По талому синему морю,
 105 Застала их ночь.
 Кузнец песней сделал островок,
 Выковал железный полог.
 Легли они туда спать,
 Стало Катерине скучно.
 110 „Ой ты, кузнец Ильмойллине,
 Искусный, вечный кователь,
 Ты все на свете понимаешь,
 На всем свете ты всех сильнее;

Lai hoz kiäbräizen synnyttävy
 115 Loukkoine uudimuoh!“
 Sinne Kat'a iäreh uidii.
 „Oi sinä, Katerin-neidoi, kauniz nei-
 doi,
 Tules jo sepon ker elämäh!“
 „Engos tule, engos ole,
 120 Elägö minuh niškoi eläl!“
 Kiroi seppo Kat'an kajajikse
 Vastu rannal vangumah,
 Kivikkö rannoil kil'l'umah,
 D'oga abajah puutoksekse.

Чтобы вылетела муха,
 115 Сделай в пологе дырку!“
 В нее Катерина обратно убежала.
 „Ой ты, Катерина-девушка, прекрасная
 девица,
 Иди к кузнецу жить!“
 „Не приду, никогда не буду,
 120 Не живи надеждой на меня!“
 Заклял кузнец Катерину чайкой
 На дальнем берегу стонать,
 На каменистых берегах кричать,
 Помехой для рыбаков.

119. КУЗНЕЦ СВАТАЕТСЯ

Olibo se aiga ukko,
 Olibo se aiga akka,
 Suadih kolme poigaista.
 „Panen jo poijille iče nimet:
 5 Yksi poiga Yhtämöine,
 Toine poiga D'ogamoine,
 Kolmas on jo ukko-seppä!“
 Tagoi-tagoi jos kirskutti,
 Hiilavua raudua hirskutti.
 10 „Hoi jos, tuatoi, kallis tuatoi,
 Läkkiä nuordu vastinehtu eččimäh!“
 „Emmö lähte, emmö lähte,
 Äijäl olet nuori poiga!“
 Tagou-tagou, kirskuttau,
 15 Hiilavua raudua hirskuttau.
 „Hoi jos, tuatoi, kallis tuatoi,
 Läkkiä nuordu vastinehtu eččimäh!“
 „Emmö lähte, emmö lähte,
 Äijäl olet nuori poiga!“
 20 Tagou-tagou, kirskuttau,
 Hiilavua raudua hirskuttau.
 „Oi jos muamoi-kandajoine,
 Magien maijon andajoine,
 Läkkiä nuordu vastinehtu eččimäh!“
 25 „Aigu on lähtie, poigu-rukku,
 Nellikymmen vuotta on!“
 „Oi jos, muamoi-kandajoine,
 Magien maijon andajoine,

Жил-был старик,
 Жила-была старуха,
 Породили они трех сыновей.
 „Дам сыновьям имена сама:
 5 Один сын пусть будет Юхтямойне,
 Другой пусть будет Дёгамойне,
 А третий пусть будет муж-кузнец!“
 Ковал, ковал да постукивал,
 Раскаленное железо расплавлял.
 10 „Ой ты, отец, дорогой отец,
 Пойдем искать молодую подругу!“
 „Нет, не пойдем, не пойдем,
 Ты, сын, еще мал!“
 Кует, кует постукивает,
 15 Раскаленное железо расплавляет.
 „Ой ты, отец, дорогой отец,
 Пойдем искать молодую подругу!“
 „Нет, не пойдем, не пойдем,
 Ты, сын, еще мал!“
 20 Кует, кует постукивает,
 Раскаленное железо расплавляет.
 „Ой ты, мать моя, родительница,
 Вкусным молоком меня вспоившая,
 Пойдем искать молодую подругу!“
 25 „Время направиться, милый сынок,
 Тебе же исполнилось сорок лет!“
 „Ой ты, мать, моя родительница,
 Вкусным молоком меня вспоившая,

Val'l'astele vil'l'oi-varzoi,
 30 Val'l'astele heli-kellot!
 Lähtietti jos ajamah
 Piiterin prišpektie myö,
 Moskovon jos uuliččoi myö.
 Tuli jos tubane vastah,
 35 Tuli akka pordahile.
 „Tuobos tyttöine kaččuo!“
 Toibos tyttöizen kaččuo;
 Silloi-toičči on silmie pessyh,
 Korvih eule ni kosketelluh.
 40 „Vie tämä tyttöine kylyn karzinoih,
 Lat'e-lahkot langettahez,
 Seinih sienet kazvettahez,
 Sini tämä tyttö siel olgah!“

Lähtietti jos ajamah
 45 Piiterin prišpekti myö,
 Moskovon uuliččua myö.
 Tuli tubane vastah,
 Tuli akka pordahile.
 „Tuobos tyttöine kaččuo!“
 50 Toi jos tyttöizen kaččuo;
 Silloi-toičči on silmie pessyh,
 Korvih eule ni kosketelluh.
 „Vie tämä tyttö kylyn karzinah,
 Lat'e-lahkot langettahez,
 55 Seinih sienet kazvettahez,
 Sini tämä tyttö siel olgah!“

Opadi lähtietti ajamah
 Piiterin prišpekti myö,
 Moskovon jos uuliččoi myö.
 60 Tulibos tubane vastah,
 Tuli akka pordahile.
 „Tuo jos tyttöine kaččuo!“
 Tämä tyttö on, Anni tyttö,
 Anni tyttö, aino tyttö,
 65 Čomikkain' on kaunikkaine:
 Veri vembelissa vuodau,
 Užve aižan n'okissa tippuu,
 Vaski val'l'ahuksissa valuu.
 Otти seppo mučoiakse,
 70 Otти ijäксе ičelleh.

Запрягай резвого жеребенка,
 30 Запрягай со звонкими колокольчиками!“
 Отправились в дорогу
 По питерским проспектам
 Да по московским улицам.
 Стоит на пути избушка,
 35 Вышла на крыльцо старуха.
 „Выведи девушку посмотреть!“
 Вывела, показала девушку:
 А она редко глаза умывала,
 А ушей совсем не касалась.
 40 „Сведи эту девушку в подполье бани,
 Пусть половицы провалятся,
 На стенах вырастут грибки,
 До тех пор пусть будет там эта де-
 вушка!“

Отправились опять в путь
 45 По питерским проспектам,
 По московским улицам.
 Стоит на пути избушка,
 Вышла на крыльцо старуха.
 „Выведи девушку посмотреть!“
 50 Вывела девушку, показала,
 А она редко глаза умывала,
 А ушей и совсем не касалась.
 „Сведи эту девушку в подполье бани,
 Пусть там половицы провалятся,
 55 На стенах вырастут грибки,
 До тех пор пусть будет там эта де-
 вушка!“

Отправились опять в дорогу,
 По питерским проспектам,
 По московским улицам.
 60 Стоит на пути избушка,
 Вышла старуха на крыльцо.
 „Выведи девушку показать!“
 Эта девушка, Анни-девушка,
 Анни-девушка, единственная дочка,
 65 Хорошенькая, красивенькая:
 Кровь из дуги течет,
 Сок из концов оглобель капает,
 Медь из запряжки течет.
 Взял кузнец ее в жены,
 70 Взял навечно себе.

120. ИЛЬМОЙЛЛИНЕ ОТПРАВЛЯЕТ СЫНА УЧИТЬСЯ

Oli seppo Ilmoilline,
 Olibo sil akka.
 Viijenkymmenen täyttiyizikse
 Suadih D'ohor poiga.
 5 „Kiikuta lastu, kiikuta lastu,
 Kird'oin kandajikse.
 Liikuta lastu, liikuta lastu,
 Linnoil vahnimikse.
 Heiluta lastu, heiluta lastu,
 10 Herroikse hyviks!“
 Kačeltih, kazvateldih,
 Kaheksa vuotta.
 Sepän akku sanan virkki:
 „Oi sinä, seppo Ilmoilline,
 15 Elä luaji omas poigua
 Iččeh moizekse:
 Reduruavon ruadajikse,
 Välis koščelin kandoisikse,
 Opasta sinä omas poigu
 20 Läbi linnois läikkyjikse,
 Kallehikse kaupungikse!“
 Lähti seppo omua poigua
 Opastumah viemäh,
 Tuli hänel učitel'a vastah:
 25 „Oi sinä, seppo Ilmoilline,
 Kunne menet, kunne matkuat?“
 „Omua poigua opastuksih viemäh“.
 „Minä olen vallan učitel'a
 Keskilinnan liikehillä,
 30 Anna poigu opastuksih minule!“
 Mendih učitel'an kodih;
 Syötteli i d'uotteli,
 Yöhyöt magavutteli.
 „Oi sinä, seppo Ilmoilline,
 35 Igihyvien tagojoini,
 Hiilossa ravvan hiiluttaju,
 D'ätä kolmekse vuotta
 Opastuksih omua poigua!“
 D'ätti seppo kolmekse vuotta opa-
 stumah.
 40 Tuli sepän akan luo kodih.
 Elettih i igävöidihes,

Был кузнец Ильмойллине,
 Была у него жена.
 К пятидесяти годам
 Родился сын Дёхор.
 5 „Качай ребенка, качай ребенка,
 Пусть он будет грамотеем.
 Качай ребенка, качай ребенка,
 Пусть он будет начальником городов.
 Качай ребенка, качай ребенка,
 10 Пусть он будет большим человеком!“.
 Смотрели, растили
 Восемь годов.
 Жена кузнеца слово молвила:
 „Ой ты, кузнец Ильмойллине,
 15 Не вырасти своего сына
 Похожим на себя:
 Ты грязную работу работаешь,
 В промежутках суму таскаешь.
 Учи ты своего сына
 20 По городам разъезжать
 Дорогим купцом!“
 Собрался кузнец своего сына
 Отвезти в ученье,
 Идет навстречу учитель:
 25 „Эй ты, кузнец Ильмойллине,
 Куда идешь, куда путь держишь?“
 „Своего сына учиться везу“.
 „Я — присяжный учитель,
 Живу в многолюдном городе,
 30 Отдай сына мне в ученье!“
 Пришли в дом учителя,
 Он их напоил, накормил,
 На ночь уложил.
 „Эй ты, кузнец Ильмойллине,
 35 Вековечный, искусный кователь,
 В горне ты раскаляешь железо;
 Оставь на три года
 Мне своего сына в ученье!“
 Оставил кузнец сына на три года,
 40 Пошел домой к своей жене.
 Жили и скучали.

Proidii kolme vuodoittu,
 Sepän akku sanan virkoi:
 „Oi sinä, seppo Ilmoilline,
 45 Tuo, sinä oma poigu kodih!“
 Lähti seppo poigua tuomah,
 Lähti seppo poštua myö
 Da punaldelih d'uamua myö,
 Sihbo häi i köntästy.
 50 Oigeil olgupiäle
 Kärböi-linduine lendi:
 „Oi bos, tuatoi, armas tuatoi,
 Minä sinul sanomat sanon:
 Ei miän oma učitel'
 55 Teil omie poigie ozuta,
 Puolevil huondeksil,
 Ulgozil uuličoil.
 Kaksitoistu d'oučen-linduo
 Työndäy učitel'.
 60 Kudai siivet ryöhähtyttäy,
 Händy huavuu n'uokata!“
 Mäni učitel'an kodih;
 Syötteli i d'uotteli,
 Da yöhyöt magavutteli.
 65 Huolevil huondeksil,
 Ulgozil uuličoil
 Työndäy kaksitoistu d'oučen-linduo.
 Kaččelibö seppo-rukku,
 Kudai siivet ryöhähtytti,
 70 Händy huavai n'uokata:
 „Tämä on minun poigu!“
 „Eule se iččes tiijändiä myö,
 Se on poiijan n'evvondua myö.
 Oi sinä, seppo Ilmoilline,
 75 Ighyvien tagojoini,
 Hiilossa ravvan hiiluttaju,
 Elä luaji omua poigua
 Ičen moizekse:
 Redu r avon ruadajikse,
 80 Välis koščelin kandajikse,
 Opasta sinä omas poigu
 Läbi linnois läikkyjikse,
 Kallehikse kaupungikse.
 D'ätä vie kolmekse vuottu!“
 85 D'ätti seppo-rukka vie

Проходит три года,
 Жена кузнеца слово промолвила:
 „Ой ты, кузнец Ильмойллине,
 45 Приведи своего сына домой!“
 Пошел кузнец за сыном,
 Пошел кузнец по большой дороге,
 Да свернул он по ямской,
 Тут он споткнулся.
 50 На правое плечо ему
 Муха-птичка залетела:
 „Ой, отец, милый отец,
 Я тебе весть скажу:
 Не покажет наш учитель
 55 Вам своих сыновей,
 Завтра рано поутру,
 На показ, на улицу
 Двенадцать лебедей-птиц
 Выпустит учитель.
 60 Который крылья опустит
 И захочет клонуть, того заприметь!“
 Пришел в дом учителя;
 Он его накормил и напоил,
 На ночь уложил.
 65 Назавтра ранним утром
 Выпускает на улицу учитель
 Двенадцать лебедей-птиц.
 Посмотрел бедный кузнец,
 Который крылья опустит
 70 И захочет его клонуть:
 „Вот мой сын!“
 „Не своим умом дошел,
 Это сын тебя научил.
 Ой ты, кузнец Ильмойллине,
 75 Вековечный, искусный кователь,
 В горне ты раскаляешь железо,
 Не расти своего сына
 Похожим на себя:
 Ты грязную работу работаешь,
 80 В промежутках суму таскаешь,
 Учи ты своего сына
 По городам разъезжать
 Дорогим купцом.
 Оставь его еще на три года!“
 85 Оставил бедный кузнец

Kolmekse vuvvekse poijan opastumah.
 Tuli sepän akan luo kodih:
 „Oi sinä, sepon akku-rukku,
 Ei täs poijas poigua roih meil!“
 90 Elettih, igävöidihes,
 Proidii kolme vuoduttu,
 Sepän akku sanan virkkau:
 „Oi sinä, seppo Ilmoilline,
 Mäne omua poigua kodih tuomah!“
 95 Lähti seppo poštua myö,
 Punaldelih d'uamua myö,
 Sih häi köntästy.
 Oigeilla olgupäillä
 Kärböi-linduine lendi:
 100 „Oi sinä, tuatoi, armas tuatoi,
 Minä sinul sanomat sanon:
 Ei meijen oma učitel'
 Teil' omie poigie ozuta;
 Puolevil huondeksil,
 105 Ulgoizil uuličoil,
 Kaksitostu orih hebuo työndäy,
 Kudain huavuu potkata,
 Se olen minä!“
 Meni učitel'an kodih.
 110 Syötteli i d'uotteli,
 I yöhyön magavutteli.
 Huolevil huondeksil,
 Ulgoizil uuličoil
 Kaksitoistu orih-hebuo on.
 115 „Arvannet, ga — sinun poigu,
 Et arvanne, ga minun!“
 Kaččelibö seppo-rukku,
 Kudai potkata huavuu i purra:
 „Tämä on minun poigu!“
 120 „Eule se iččes tiijändiä myö,
 Se on poijan nevvondua myö!
 Oi sinä, seppo Ilmoilline,
 Igihyvien tagojoine,
 Hiilossa ravvan hiiluttaju,
 125 D'ätä vie kolmekse vuvvekse
 Opastumah poigua!“
 D'ätti seppo-rukku vie
 Kolmekse vuvvekse poijan opastumah.
 Tuli sepän akan luo kodih:

Еще на три года сына в ученье.
 Пришел домой он к своей жене:
 „Ой ты, бедная жена кузнеца,
 Этот сын не будет нам сыном!“
 90 Жили, скучали,
 Прошло три года,
 Жена кузнеца промолвила:
 „Ой ты, кузнец Ильмойллине,
 Иди приведи своего сына домой!“
 95 Пошел кузнец по большой дороге,
 Да свернул по ямской,
 Тут он споткнулся.
 На правое плечо ему
 Муха-птичка залетела:
 100 „Ой ты, отец, милый отец,
 Я тебе весть скажу:
 Не покажет наш учитель
 Вам своих сыновей,
 Выпустит завтра рано на заре
 105 На улицу, на показ,
 Двенадцать жеребцов,
 Который захочет лягнуть, —
 Это буду я!“
 Пришел в дом учителя,
 110 Он его накормил, напоил
 И на ночь уложил.
 Рано утром на заре,
 На улице у дома
 Стоят двенадцать жеребцов.
 115 „Если угадаешь, — сын будет твой,
 Не угадаешь, будет мой!“
 Посмотрел бедный кузнец,
 Который хочет лягнуть и укусить:
 „Вот мой сын!“
 120 „Не своим умом дошел,
 Это сын тебя научил!
 Ой ты, кузнец Ильмойллине,
 Вековечный, искусный кователь,
 В горне ты раскаляешь железо,
 125 Оставь мне своего сына
 Еще три года учиться!“
 Оставил бедный кузнец снова
 На три года сына в ученье.
 Пришел домой к своей жене:

130 „Oi sinä, sepon akku-rukku,
Ei täs poi jas poigua roih meil“.
Eletti, igävöidihes,
Proidii kolme vuoduttu,
Sepän akku sanan virkki:
135 „Oi sinä, seppo ilmoilline,
Mäne omua poigua kodih tuomah!“
Lähti seppo poštua myö,
Punaldelih d'uamua myö,
Sih häi öntästy.
140 Oigeilla olgupäillä
Kärböi-linduine lendi:
„Oi sinä, tuatoi, armas tuatoi,
Minä sinul sanomat sanon:
Elä d'ätä enämbiä opastumah,
145 Ni mittymäizis raha-d'engois;
Ei meijen enne učitel
Teil omia poigie ozuta,
Huolevil huondeksil
Istuttau oman stolan tuaksi;
150 Kaksitoistu poiga-miesty, —
Kudamal oččah kiärbäine lendäy,
Se on sinun poigu!“
Kaččelib seppo-rukku,
Kudamal kärböi-lindoi oččah lendi:
155 „Tämä on minun poigu!“
„Eule se iččes tiijändiä myö,
Se on poi jan nevvondua myö!
Oi sinä, seppo ilmoilline,
Igi hyvien tagojoini,
160 D'ätä vie kolmekse vuvvekse opastu-
mah!“
„En d'ätä ni mis d'engois!“
Otti seppo oman poi jan opastuksis.
Lähti seppo kodih.
„Oigos, tuatoi, armas tuatoi,
165 Minä sinul sanomat sanon!“
Muuttelih häi hevokse.
Karvu kuldaine, toine hobd'aine,
Kolmattu tuta, ni duumaija ei sua.
„Mäne keskilinnan liikkehie,
170 Myö heboine kolmes sadas rahad'en-
gas,
Suiččiloi elä myö!“

130 „Ой ты, бедная жена кузнеца,
Этот сын не будет нам сыном!“
Жили, скучали,
Проходит три года,
Жена кузнеца слово промолвила:
135 „Ой ты, кузнец Ильмойллине,
Иди приведи своего сына домой!“
Пошел кузнец по большой дороге,
Да свернул по ямской,
Тут он споткнулся.
140 На правое плечо ему
Муха-птичка залетела:
„Ой ты, отец, милый отец,
Я тебе весть скажу:
Не оставляй больше на учебе
145 Ни за какие деньги;
Не покажет наш учитель
Вам своих сыновей,
Назавтра рано утром
Посадит за свой стол
150 Двенадцать молодцов,
Которому из них на лоб муха сядет,
Тот — твой сын!“
Смотрит бедный кузнец,
Кому муха-пташка на лоб села:
155 „Этот мой сын!“
„Не своим умом дошел,
Это научил тебя сын!.
Ой ты, кузнец Ильмойллине,
Вековечный, искусный кователь,
160 Оставь его еще на три года!“
„Не оставляю ни за какие деньги!“
Взял кузнец своего сына из ученья.
Пошел кузнец домой.
„Ой, отец, милый отец,
165 Я тебе весть скажу!“
Обратился он конем,
Шерстинка золотая, другая серебряная,
Третью ни узнать, ни придумать нельзя.
„Иди в город на ярмарку,
170 Продай коня за триста деньгами,
Уздечки не продавай!“

Meni keskilinnan liikkehie,
 Kolmis sadois rahad'engois
 Möi häi hevон kuldukarvan,
 175 Suiččiloi häi ei myönyh.
 Lähti seppo-rukku kodih,
 Heboine d'älgeh helähtelih.
 „Oi sinä, tuatoi, armas tuatoi,
 Minä muutun vie čomemmakse,
 180 Keskilinnan liikkehil
 Myö heboine kuvves sadas rahad'en-
 gas,
 Suiččiloi elä myö!“
 Meni keskilinnan liikkehil,
 Möi kuvves sadas rahad'engas,
 185 Suiččiloi ei myönyh.
 Lähti tuatoini kodih,
 Heboine d'älgeh helähtelih:
 „Myö heboine yheksäs sadas raha-
 d'engois,
 Suiččiloi elä myö!“
 190 Tulibo samalaine učitel'
 Heboistu ostamah,
 Muannitteli, kielasteli.
 Suičet häi vai unohteli.
 Lähti häi kodih,
 195 Eibo heboine helähtellyh tulla.
 Samalaine oma učitel'
 Lähti hevol ajelemah.
 Vedeli sidä učitel'ua
 Panguis puulois kuadumizis,
 200 Pakkui učitel' iäre selläs.
 Muuttui D'ohor d'oršikse,
 Punaldelii lambih.
 Meni d'orši kiven ual,
 Učitel muuttui havvikse:
 205 „Oi sinä, d'oršši, kiänä piä!“
 „Pidänöy ga syöt i hännäs päi“.
 Iänneltih i sporittih.
 Lähti učitel' iäreh.
 Lähti d'orši uidamah,
 210 Uidi suarih-pristanih,
 Muuttui häi kolčaizekse.
 Tuli suarin piiga-rukku,
 Otti kolčaizen sormeh;

Пришел в город на ярмарку,
 За триста деньгами
 Продал он коня золотой масти,
 175 Уздечки он не продал.
 Пошел бедный кузнец домой,
 Конь вслед прискакал.
 „Ой ты, отец, милый отец,
 Я обращаюсь еще лучшим конем,
 180 В городе на середине ярмарки
 Продай коня за шестьсот деньгами,
 Уздечки не продавай!“
 Пришел в город на середину ярмарки,
 Продал за шестьсот деньгами,
 185 Уздечки не продал.
 Пошел отец домой,
 Конь вслед прискакал:
 „Продай коня за девятьсот деньгами,
 Уздечки не продавай!“
 190 Но пришел тот самый учитель
 Покупать коня,
 Обманивал его, лясы точил,
 И про уздечку тот забыл.
 Пошел он домой,
 195 Конь не прискакал вслед ему.
 А тот, его учитель,
 Поехал на коне кататься.
 Потаскал конь своего учителя
 Среди крупного валежника,
 200 Упал учитель с коня.
 Обратился Дёхор ершом,
 Нырнул в лесное озерко.
 Забрался ерш под камень,
 Учитель обратился щукой:
 205 „Ой ты, ерш, повернись головой!“
 „Тебе нужно, так ешь с хвоста!“
 Кричали они и спорили.
 Учитель ушел обратно;
 Ерш оттуда выплыл,
 210 Доплыл до царской пристани,
 Обратился он в колечко.
 Пришла тут царская служанка,
 Взяла колечко на палец.

Päiväl on kolčaine,
 215 Yöl on čoma brihaine;
 Pidi häi sidä kolčoidu.
 Tiijusteli oma učitel'.
 Sanoi briha yöl neidoil:
 „Elä myö ni mis raha-d'engois,
 220 Nyppiä omua viizi sormie,
 Piä palaine kannan ual polle!“
 Tuli tossu päivän oma učitel'.
 Ei häi ostelijal myönny
 Ni mis rahad'engois kolčaistu;
 225 Ei voinnu häi ni mis piästä,
 Nyppiä omua viizi sormie,
 Piä palaizen d'allan ual polgi.
 Učitel' muuttui kukoikse.
 Ned kai n'uokkii palaizet,
 230 Dai lähti iäreh.
 Piä palaine se brihaksi muuttui.
 Otti se suarin piijan mučoikse
 Ilmaizekse ijäkse
 Tuaton kodih elämäh.

Днем он — колечко,
 215 Ночью — красивый молодец.
 Носила она это колечко,
 Но узнал про это его учитель.
 Сказал парень ночью девушке:
 „Не продавай ни за какие деньги,
 220 Отрежь свои пять пальцев,
 На кончик пальца пяткой наступи!“
 Пришел на другой день его учитель,
 Она покупателю не продавала
 Ни за какие деньги колечка,
 225 Да не смогла от него отвязаться,
 Отрезала свои пять пальцев,
 На кончик пальца ногою наступила.
 Учитель обратился в петуха,
 Все те кусочки поклевал
 230 И ушел прочь.
 Кончик тот в парня превратился.
 Взял он царскую служанку в жены
 На веки вечные
 Жить в отцовский дом.

121. ЖЕНИХИ ПРИЕЗЖАЮТ

Oli muamoil kolme neidoidu:
 Anni-neidoi aštiet pezöy,
 Sofju-neidoine sobie pezöy,
 Kaunis Katti kangastu kudou.
 5 Sukset raudaizet ražistah,
 Pirdu vaskine važizou:
 „Kävy, kävy, kiämine,
 Šuija, šuija, sukkulaine,
 Šuija, šuija, sukkulaine,
 10 Kuni on pordimoi pinol!“
 Tuli muamoine sinne.
 „Katti neidoi, kaunis neidoi,
 Sulahaizet pertis ollah!“
 „Kenbo sie on sulhoimies?“
 15 „Onbo vanhu Väinämöine!“
 Katti-neidoi, kaunis neidoi sanou:
 „Eule se minun sulhoi,
 Eule se minun sulhoi“.
 Katti-neidoi, kaunis neidoi.

Было у матери три дочери:
 Анни-девушка посуду моет,
 Софья-девушка белье стирает,
 Красивая Катти ткани ткет.
 5 Подножки железные скрипят,
 Бердо медное пищит:
 „Крутись, крутись, моя катушка,
 „Снуй, снуй, мой челночек,
 Снуй, снуй, мой челночек,
 10 Пока горностаи на поленнице!“
 Вошла к ним их мать:
 „Катти-девушка, красавица,
 Женихи в избе сидят!“
 „Что же там за женихи?“
 15 „Там старый Вяйнямёйне!“
 Катти, красивая девушка, сказала:
 „Он совсем не мой жених,
 Он совсем не мой жених!“
 Катти, красавица-девица,

30 Kudou kangastu kuldaistu,
 Sukset raudaizet ražistah,
 Pirdu vaskine važizou:
 „Kävy, kävy, kiämizeni,
 Šuija, šuija, sukkulaine,
 25 Kuni on pordimoi pinol!“
 Tuli muamoine sinne:
 „Katti neidoi, kaunis neidoi,
 Sulahaizet pertis ollah“.
 „Kenbo sie on sulhoimies?“
 30 „Onbos nuori D’ogamoine“.
 „Eule se vai minun sulhoi!“
 Katti-neidoi kangastu kudou.
 Tuli muamoine sinne.
 „Katti-neidoi, kaunis neidoi,
 35 Kolmet sulhoit pertis ollah“.
 „Kedbo sie on sulhoimiehet?“
 „Vanhin on se Väinämöine,
 Toine nuori D’ogamoine,
 Kolmas seppo Ilmoilline!“
 40 Vanhin on Väinämöine
 Anni-čižoin ženiha,
 Nuori D’ogamoine Sofju-čižoin,
 A seppo Ilmoilline
 Kaunehen Katin sulhoi.
 45 „Lähtemmö, muamoini, miehel!“

20 Ткет золотую ткань,
 Подножки железные скрипят,
 Бердо медное пищит:
 „Крутись, крутись, моя катушка,
 Снуй, снуй, мой челночек,
 25 Пока горностан на поленнице!“
 Вошла к ним мать:
 „Катти, девушка-красавица,
 Женихи в избе сидят“.
 „Что же там за жених?“
 30 „Там молодой Дёгамойне“.
 „Он совсем не мой жених!“
 Катти-девушка ткет.
 Вошла их мать туда:
 „Катти, девушка-красавица,
 35 Три жениха в избе сидят“.
 „Что же там за женихи?“
 „Старший — Вяйнямёйне,
 Второй — молодой Дёгамойне,
 Третий — кузнец Ильмойллине!“
 40 Старший Вяйнямёйне —
 Он жених сестры Анни,
 Молодой Дёгамойне — сестры Софьи,
 А кузнец Ильмойллине —
 Жених красавицы Катти.
 45 „Выйдем мы, маменька, все замуж!“

122. ПЕТР I ПОД ВЫБОРГОМ

Pedri oli kuulužu kuningas,
 Lähti häi Viiburin linnah,
 Otti häi lastu karjan,
 Nostih mustilla ruunilla selgäh,
 5 Ylen lujin lukittihes,
 Kuibo linduine siibil lendäy,
 Muga heboizet d’aloin d’uostah.
 D’uostih soida, d’uostih maida,
 Kivyizil kičurdeltih,
 10 Pyöriäizil polleteltih,
 Mändih Viiburih linnah.
 Viizas on Viiburin izändä,
 Matti, Laurin poigaine.
 „Ongo voidu Volluris,

Петр был знаменитый царь,
 Пошел он на город Выборг,
 Взял он толпу ребят,
 Сели они на вороных коней,
 5 Очень быстро поскакали,
 Как птичка на крыльях летит,
 Так кони бегут.
 Бежали по болотам, бежали по полям,
 По камушкам поскакивали,
 10 По круглым попрыгивали,
 Прискакали к городу Выборгу.
 Хитрый был хозяин Выборга,
 Матти, сын Лаури, слышит:
 „Есть ли масло в твоём Воллуре,

- 15 Ongo lihaistu linnois,
 Ongo kalaistu kaupingilois,
 Tulijan vierahan varah?“
 „Kenbo se on varuksen kyzyi?“
 „Pedri kuulužu kuningas!“
 20 Matti, Omozun poigu, sanoi:
 „Mulloi muurehtui musta ruuna,

Tänä vuon vaibui valgie varza,
 Sidoiniemen sinčoin korvih,
 Sid on voidu Volluris,

- 25 Sid on lihaistu linnas,
 Sid on kalaistu kaupungis!“
 Ylen suureli Pedri suuttui Suomen
 piäl.

„Ylen on meile portit lujat,
 Ei teile tänne tulla sua“.

- 30 Akku-rašku, vahnu žašku,
 Portin piällä seizou,
 Hivuksellah hiivundelou,
 Helmastu kohottelou,
 Paikkaizel viiputtau.
 35 Iče Pedri ovvostihihes:
 „Läkkiä poiijat taga puolin,
 Iles on krieposti,
 Tagapuoli on ihan tyhjä!“
 Nostih mustil ruunil selgäh,
 40 Ylen lujin lukuttihihes,
 Kuibo linduine siibil lendäy,
 Muga heboizet d'alloil d'uostah.
 D'uostih soissa, d'uostih maissa,
 Kivuizil kičuldeltih,
 45 Pyöriäizil polleteltih,
 Männäh tagapuolin Viiburin linnah.
 Ambui kerran Pedri päiväči,
 Toizen ambui siiriči,
 Kolmannen kohti kohendeli;
 50 Kerroin kammarit kamevuttihi,
 Rästähäizet rämevyttihi,
 Ikkunaizet pirevyttihi.
 Laittihi kird'at kiirehešti,
 Paperit pakoin piälöis,
 55 Paginat paistihi parembašti:
 „Oi, sinä, Pedri kuulužu kuningas, —

- 15 Есть ли мясо в городе,
 Есть ли рыба в торговом ряду
 Для приезжих гостей?“
 „Кто это спрашивает про запасы?“
 „Петр, знатный царь!“
 20 Матти, сын Амоса, сказал:
 „В прошлом году околел вороной конь
 мерин,

В этом году издох белый жеребец,
 Около сеней Сидойниэми.
 Есть то масло в Воллари,

- 25 Есть то мясо в городе,
 Есть та рыба в торговом ряду!“
 Очень сильно Петр разгневался на Суоми.

„Очень крепкие у нас ворота,
 Не сможете сюда войти!“

- 30 Женщина, старушка старая,
 На воротах стоит,
 Волосами шевелит,
 Подол расправляет,
 Платочком машет.
 35 Сам Петр догадался:
 „Пойдемте, ребята, задней стороною,
 Впереди — крепость,
 Задняя сторона совсем не защищена!“
 Сели на вороных коней,
 40 Очень быстро поскакали,
 Как птичка на крыльях летит,
 Так кони бегут.
 Бежали по болотам, бежали по полям,
 По камушкам поскакивали,
 45 По круглым попрыгивали.
 Пришли к городу Выборгу.
 Выстрелил Петр — через головы,
 Другой раз выстрелил — мимо,
 Третий — в цель попал;
 50 Сразу дома затряслись,
 Края кровель затрещали,
 Окна разбились.
 Составили договор поспешно,
 Записали условие.
 55 Речи вели сговорчивей:
 „Эй ты, Петр, знаменитый царь, —

Sanoi Matti, Omozan poigu, —
 Ota voit Volluris,
 Ota lihaizet linnois,
 60 Ota kalat kaupungilois,
 Ota Viiburin kullat, hobd'at!“.
 „On minul puuſkan tyves
 Kuldua da hobieda n'elliköl miäräellä,
 Otan vahnan akan iäkse ičen ke,
 65 Syöttelen i juottelen,
 Perinäizih peittelen,
 Katuhkaizil kattelen!“

Сказал Матти, сын Амоса, —
 Возьми масло в Воллари,
 Возьми мясо в городе,
 60 Возьми рыбу в торговых рядах,
 Возьми золото, серебро Выборга!“
 „Есть у меня у запала пушки,
 Золота да серебра великая мера,
 Возьму старую женщину навеки с собой,
 65 Накормлю и напою,
 В перины уложу,
 Меха́ми укрою!“

Ф. И. Зайцева

123. ИЛЬМОЙЛЛИНЕ, ЕГО РОЖДЕНИЕ И СВАТОВСТВО

Katti, neidoi kaunikkaine,
 Lähtöy meččäh kävelemäh,
 Piendarile gul'aimahe.
 Gul'aiččougo, gul'aiččougo,
 5 Löydäy kolme manžoihuttu,
 Syöy piendarele gul'aijes.
 „Hoi, kallis muamoine,
 Mikse minul, kajaizel,
 Vaččaine täs kazvanou?“
 10 „Etgö syönyh kudukalua,
 Kui vaččaine kazvoi?“
 „Enbo syönyh kudukalua“.
 „Söitgö lehmien maiduo
 Häkkilöin kel hälistyzie?“
 15 „En ni sidä minä syönyh“.
 „Etgö syönyh rugoileibiä
 Ubehil kynnetys pellos päi?“
 „Enbo syönyh mostu leibiä“.
 Sai häi kolme poigastu,
 20 Syödyö kolme manžoihuttu.
 „Mit nämil nimet pannah?“
 „Yhtel panen Aigomaine,
 Toizel panen Väinämöine,
 Kolmandel on Ilmoilline seppy,
 25 Ilmoin raudojen tagoju,
 Ilmoin hiilijen hiiluttaju!“

Катти, красивая девушка,
 Погулять в лесок идет,
 Побродить по краю пашни.
 Гуляет ли, гуляет ли,
 5 Находит три землянички,
 Съедает их, гуляя по полям.
 „Ой, дорогая матушка,
 Почему я, чаечка,
 Животиком толстею?“
 10 „Не съела ль рыбы, мечущей икру,
 Коль животик вырастает?“
 „Нет, не ела рыбы, мечущей икру“
 „Не пила ль молока коров,
 Гуляющих с быками?“
 15 „Нет и того не пила я“.
 „Не ела ли ржаного хлеба
 С полей, вспаханных жеребцами?“
 „Нет, такого я не ела хлеба“.
 Родила она трех сыновей,
 20 Съевши три землянички.
 „Какие им дадим имена?“
 „Одному даю я имя Айгомайне,
 Другому — Ваянмёйне,
 А третий пусть будет кузнец Ильмойл-
 лине,
 25 Кующий небесное железо,
 Жгущий небесный уголь!“

Ilmoilline seppy luadiu
 Paidazes on pajaizen,
 Kulakkoizis pal'l'azet,
 30 Polvuisis on alužimet.
 „Midäbö sinä, poigu, tavot?“
 „Tavon veiččyttä, taputan,
 Harmuadu haugie avata;
 Tuo sinä, muamoine kallis,
 35 Tuhanzis rublis tuluppaizen,
 Sadois rublis kaglustaizen;
 Lähten kaunistu Katerinua
 Sulhaistamah — tuomah;
 Sinä, velli Väinämöine,
 40 Mene heboistu val'l'asta!“
 Eibo häi voinuh val'lastua.
 „Oi sinä, Aigomaine velli,
 Val'l'asta heboistu menel!“
 Eibo ni Aigomaine voinuh
 45 Hebo-rukkua val'l'astua.
 Siit ilmoilline iče menöy
 Heboistugo val'l'astamah;
 Razva rahkehis valuu,
 Tina rinnukses tippuu,
 50 Veri vembeles vuodau.
 Lähtöy seppy ajamah,
 Merdy myöte kakattamah,
 Ajau Pagan-suarin pihal.
 Siel se kaunis Katerin
 55 Ikkunaizes kaččou händy.
 „Äijy on tulluttu tänne,
 Vähä vai on lähtenytty“.
 Sanou ilmoilline seppy:
 „Minä tulin ottamah
 60 Kaunistugo Katerinua“.
 Pagan suari — vastavokse:
 „Voinnet zaduanieda spolnie:
 Tulikylys tuiskahuttua,
 Tulehizes kylys kylbie!“
 65 Siit se ilmoilline kylbi,
 Tulikylys tuiskahutti;
 Tuli siihe kodiheh:
 „D'ogo työnnät tyttären,
 Annat ainavoizen?“
 70 „Siit vai työnnän tyttäryözen,

Делает себе кузнец Ильмойллине
 Кузницу из рубашки,
 Вместо молотков кует кулаками,
 30 Колени ему за наковальню.
 „Что же, сын, куешь ты?“
 „Ножичек кую, стучу,
 Чтоб выпотрошить щуку серую;
 Принеси, дорогая матушка,
 35 В тысячу рублей тулуп,
 В сто рублей воротник, —
 Пойду к красивой Катерине
 Свататься, привести ее;
 А ты, брат Вяйнямёйне,
 40 Иди запряги лошадку!“
 Не смог он запрячь лошадку.
 „Эй ты, Айгомайне брат,
 Иди запряги лошадку!“
 Но не мог и Айгомайне
 45 Запрячь бедную лошадку.
 Тут Ильмойллине сам идет
 Запрягает лошадку.
 Жир из гужей течет,
 Из супони каплет олово,
 50 Кровь вытекает из дуги.
 Собирается кователь, едет,
 По морю постукивает,
 Во двор царя Пагана въезжает.
 Там красивая Катерина
 55 Глядит на него из окна.
 „Многие сюда приходили,
 Немногие отсюда уходили“
 Сказал кузнец Ильмойллине:
 „Я брать пришел
 60 Красивую Катерину“.
 Царь Паган отвечает:
 „Сперва дам тебе задачу:
 Броситься в огненную баню,
 В горячей бане выпариться!“
 65 Тут Ильмойллине вымылся,
 Бросился в огненную баню,
 И пришел обратно в тот дом:
 „Теперь дочь отпустишь ли,
 Отдашь ли единственную?“
 70 „Тогда дочь отпускаю,

Annan sinul ainavoizen,
 Ku voinet zaduanien spolnie:
 Uida meren umbi-päis,
 Harmuan hauvin tavata,
 75 Polven-piäs pläššijän,
 Kämnen-piäs käpsäjän!“
 Siit se seppy Ilmoilline
 Harmuan hauvin tabuau,
 Umbi-meres uidu,
 80 Tulou opät' Pagan-suarih:
 „D'ogo annat ainavoizen,
 D'ogo työnät tyttäryözen?“
 Pagan-suari vastai hänel:
 „Annan, annan ainavoizen,
 85 Työnnän, työnnän tyttäryözen,
 Voinet zaduanien spolnie:
 Mennä hauvil sydämeh!“
 Siit se seppy Ilmoilline
 Meni hauvil sydämeh.
 90 Haugi suun siit umbeh salbai;
 Seppy veičel mahan avai,
 Siit se piäzi iärehe vačas;
 Meni opät' Pagan suarih:
 „D'ogo annat ainavoizen,
 95 D'ogo työnnät tyttäryözen?“
 „Sait nyt minun tyttäryözen,
 Kaunehen sait Katerinan!“
 Siit se Pagan suari händy
 Kaikel puhul pyöhkähytti.
 100 Puhui, puhui hyöhkähytti.
 Siit hyö Katerinan ker,
 Sepän kodih lähtietäh;
 Siit ajetah hyö, ajetah,
 Ga Ilmoillizel sepäl
 105 Vemmel kord'as katkieu siit;
 Katti kord'as hyppiäy iärehe.
 Ilmoilline seppy sanou:
 „Elä lähte kord'as iärehe,
 Terväh minä toizen tuon!“
 110 D'o se tuou, dai luadiu,
 Dai ajamah hyö lähtietäh.
 Siit ajetah hyö, ajetah,
 Ga hänel aižu katkieu.
 Siit se kaunis Katerin

Отдам тебе единственную,
 Если выполнишь задачу:
 Нырнуть надо в глубину моря,
 Поймать серую щуку,
 75 Пляшущую на коленях,
 Прыгающую на ладонях!“
 Тут кузнец Ильмойллине
 Ловит серую щуку,
 Плывет он, нырнув в море,
 80 И идет к царю Пагану:
 „Теперь отдашь ли единственную,
 Теперь отпустишь ли доченьку?“
 Царь Паган отвечает:
 „Отдам, отдам единственную,
 85 Отпущу дочурку, отпущу,
 Коль сможешь выполнить задачу:
 Войти в утробу щуки!“
 Тут кузнец Ильмойллине
 В утробу щуки влезает,
 90 А щука закрывает рот;
 Кузнец ножом живот разрезает,
 Выходит из живота,
 Идет опять к царю Пагану:
 „Теперь отдашь ли единственную
 95 Доченьку, отпустишь ли?“
 „Мою дочурку получишь ты теперь,
 Получишь красивую Катерину!“
 Потом тот царь Паган
 Дунул на него во все дыхание.
 100 Дул, дул, пыхтел.
 Тогда они с Катериной
 В дом кузнеца уходят;
 И едут они, едут,
 У кузнеца Ильмойллине —
 105 Дуга у него ломается,
 Прыгает Катти из санок вон.
 Кузнец Ильмойллине говорит:
 „Не уходи вон из саней,
 Скоро я принесу другую!“
 110 Вот приносит, налаживает
 И собираются ехать.
 Едут они, едут,
 Оглобля у него ломается.
 Тут красивая Катерина

- 115 Hyppiäy kord'as iäreh.
 „Elä lähte kord'as iäreh,
 Minä terväh toizen tuon!“
 Ajetah hyö, ajetah, ga
 Siit se katkieu d'allaksut,
 120 Katerin se kord'as hyppiäy.
 „Elä lähte kord'as iäreh,
 Terväh minä toizen tuon!“
 Kui vai menöy Ilmoilline
 Suarel d'allastu luadimah,
 125 Sil aigua se Katerin,
 Kord'as pagieu iäreh,
 A Ilmoilline seppy sanou:
 „Ku ollet täl merel
 Randah menemättäh,
 130 Suat kivilöil kajuannu olla!“

- 115 Прыгает вон из саней,
 „Не уходи вон из саней,
 Скоро я принесу другую!“
 Едут они, едут,
 Ломаются полозья.
 120 Из саней выпрыгивает Катерина.
 „Не уходи вон из саней,
 Скоро я принесу другие!“.
 Как только Ильмойллине ушел
 К острову полозья делать,
 125 Тем временем Катерина
 Прочь убегает из саней,
 Кузнец Ильмойллине говорит:
 „Если ушла в море
 И к берегу не подходишь,
 130 Можешь на камнях стать чайкой!“

124. МОЛОДАЯ ЖЕНА ЖАЛУЕТСЯ НА МУЖА

- Killervon, Kallervon poigu,
 Sollervos soittau:
 Suot šorahtettihs,
 Kangahat vastah kajahtettihs.
 5 Levei očč' on lepikös,
 Hieno helmu heinikös.
 Korbimualoil kajahttau,
 Kangasmualoil kajahttau,
 Heinimualoil heijäittäy,
 10 Ruogomualoil rojaittau.
 „Midä mučoi mečäs itköy,
 Vai on hänel buat'koi paha?“
 „Buat'koi on kui oma tuatto!“
 Killervon Kallervon poigu
 15 Sollervos soittau;
 Suot šorahtettihs,
 Kangahat vastah kajahtettihs.
 Levei očč' on lepikös,
 Hieno helmu heinikös.
 20 Korbimualoil kajahttau,
 Kangasmualoil kajahttau,
 Heinimualoil heijäittäy,
 Ruogomualoil rojaittau.
 „Midä mučoi mečäs itköy,

- Киллерво, Каллервы сын,
 Играет в Соллерво:
 Болота затряслись,
 Боры эхом отдались.
 5 Видит он широкий лоб в ольшаннике,
 Тонкий подол в траве.
 В дремучих лесах эхо звучит,
 В борах эхо отдается,
 В травах звенит,
 10 В камышах отзывается.
 „Что молодуха в лесу плачет,
 Или у нее свекор худой?“
 „Свекор мне — как родной отец!“.
 Киллерво, Каллервы сын,
 15 Играет в Соллерво:
 Болота затряслись,
 Боры эхом отдались.
 Видит — широкий лоб в ольшаннике,
 Тонкий подол в траве.
 20 В дремучих лесах эхо звучит,
 В борах эхо отдается,
 В травах звенит,
 В камышах отзывается.
 „Что молодуха в лесу плачет,

25 Vai on hänel muatkoi paha?"
 „Muatkoi on kui oma muamo!"
 Killervon Kallervon poigu
 Sollervos soittau;
 Suot šorahtettihs,
 30 Kangahat vastah kajahtettihs.
 Levei očč' on lepikös,
 Hieno helmu heinikös.
 Korbimualoil kojaittau,
 Kangasmualoil kajaittau,
 35 Heinimualoil heijäittäy,
 Ruogomualoil rojaittau.
 „Midä mučoi mečäs itköy,
 Vai on hänel sulhoi paha?"
 „Se-häi ongi mustu-mado,
 40 Kylmän kylyn kylvettäy,
 Leivätä syöttäy,
 Sovata pidäy,
 Kengätä kävelyttäy,
 Pitkäl piiskal piirdeli!"

25 Или у нее свекровь худая?"
 „Свекровь — как родная мать!"
 Киллерво, Каллервы сын,
 Играет в Соллерво;
 Болота затряслись,
 30 Боры эхом отдались.
 Видит — широкий лоб в ольшаннике,
 Тонкий подол в траве.
 В дремучих лесах звучит,
 В борах эхо отдается,
 35 В травах звенит,
 В камышах отзывается.
 „Что молодуха в лесу плачет,
 Или у нее муж худой?"
 „Он — как черный змей:
 40 В холодной бане моет,
 Без хлеба кормит,
 Не одевает,
 Не обувает,
 Бьет длинным прутom!"

125. ГАВРИЛА И ОГОЙ

„Oi sinä, Ogoi-čižoi!"
 „Midä midä, Gavril veikoi?"
 Elettih hyö nell'kymmen vuottu,
 Toine tostuvuottu.
 5 Kazvoi Ogoil vaččugo,
 Suuri miero nagroigo.
 Sai Ogoi kolme poigastu:
 Yhten poijan kiven ual pani,
 Siit rodinuz kird'umies;
 10 Toizen pani aijan uale,
 Siit rodinuz adrumies;
 Kolmanden pani soimen uale,
 Siit rodinuz sodamiezigo.
 „Midä nygöi duumainnen,
 15 Vai surman ičel luadinnen?"
 Luadi Ogoi ičel surman.
 „Kunnebo händy muah pandaneh?"
 „Kirikön bokal muah pannah!"
 Lähti Gavroi-veikoi pihal.
 20 „Kedäbö nečiel muah pandaneh?"

„Ой ты, сестрица Огой!"
 „Что скажешь, братец Гаврила?"
 Жили они сорок лет,
 Любили друг друга.
 5 Стал расти живот у Огой,
 Над ней люди стали смеяться.
 Родила Огой трех сыновей:
 Одного сына она под камнем укрывала,
 Из него вышел бы писарь;
 10 Другого под изгородь бросила,
 Из него вышел бы пахарь;
 Третьего спрятала под ясли в хлеву,
 Из него вышел бы воин.
 „Что теперь я буду думать,
 15 Или, может, руки на себя наложу?"
 И смерть себе устроила Огой.
 „Где же ее похоронят?"
 „Возле церкви ее похоронят!"
 Пошел на двор братец Гаврила.
 20 „Кого же там хоронят?"

„Ogoi-čičoidu havvatah!“
 „Hauvakkua i minuo sinne,
 Minä Ogoi-čičoitta en voi eliä!“
 Luadi Gavroi ičel surman
 25 Yhtel čuasul Ogoin ker.
 Ogoi pandih kirikön bokal,

Gavroi pandih toizel bokal.
 Kazvoi kaksi pitkiä koivuo
 Yli kirikön katoksen;
 30 Ladvat yhteh lapoituttih,
 D'uuret yhteh d'uuroituttih.

„Сестрицу Огой там хоронят!“
 „И меня там похороните,
 Я жить не могу без сестрицы Огой!“
 И смерть устроил себе Гаврила
 25 Одновременно с Огой.
 По одну сторону церкви похоронили
 Огой,
 По другую сторону похоронили Гаврилу.
 Выросли две высокие березы
 Выше церковной крыши;
 30 Ветви их переплелись,
 Корни их также в земле срослись.

А. И. Зайцева

126. СЕСТРЫ В ШВЕДСКОЙ НЕВОЛЕ

Mendih sizärekset kahtei
 Omie vastoi kastamah.
 Ruočin vellekset ajettih,
 Varustettihs varrastamah.
 5 Sinne kui heidy viedih,
 Yksi puuttui köyhäl,
 Toine puuttui bohatal.
 Yksi sai livanaizen,
 Toine sai Vassizen.
 10 „Tuli velleni tiijustamah,
 Nostin vellen buiškaizile“.
 Velleh siel heidy kuundelou,
 Hyö pertis lauletah:
 „Hoi sinä, armas vellervoine,
 15 Tule silloin ottamah,
 Konza nečiel ruvetah
 Ruočin riihet rimizemäh,
 Ruočin pardizet pamizemah,
 Ruočin kylyzet kydemäh,
 20 Ruočin saunat savuomah!“.
 „Hoi sinä, čikko sizäryöni,
 Emo-lapsi laglamuoni,
 Kyzelitgo vellervoile
 Vieg'on viizi vikateh-kätty hengis?“
 25 „Kai ollah hyvän tervehenny,

Пошли сестры вдвоем
 Веники мочить.
 Ехали братья из Руоччи,
 Чтобы похитить девушек.
 5 Когда они их свезли к себе,
 Одна попала к бедному,
 Другая попала к богатому.
 Одна родила Иванушку,
 Другая родила Васеньку.
 10 „Пришел братец спроведать нас,
 Спрятала я брата на вышку“.
 Брат сидит там и слушает,
 Сестры в избе напевают:
 „Ой ты, милый братец,
 15 Приходи тогда за нами,
 Когда здесь начнут
 Гумна у Руоччи греметь,
 Жерди у Руоччи в них грохотать,
 Бани у Руоччи куриться,
 20 Бани у Руоччи дымиться!“
 „Ой ты, сестра-сестрица,
 Неразумное дитя матери,
 Спросила ли ты у братца,
 Живы ли еще дома пять косарей?“
 25 „Все они совсем здоровы,

Vai on heinät kulevuttu“ .
 „Kyzelitgo vellervoile,
 Vieg'on nelli kuožalkandua hengis?“
 „Kai ollah hyvän terveheny,
 30 Vai on mahlat muah langettu.
 Vellervoine ottau minuo, —
 Viijes kuožalkandu roiteh“.
 „Hoi sinä, čikko sizäryöni,
 Emo-lapsi laglamuoni,
 35 Lähtenet kui sinä pagoh, —
 Diivugo sinul pajeta,
 Kerran sinun Vassizel
 Rieskua maiduo mal'l'azeh d'iäy,
 Buabo händy kaččomah d'iäy,
 40 Tuatto bohattu d'iäy hänel.
 Minul, köyhän mučoihuol,
 Iivanaine itkemäh d'iäy,
 Ei d'ia kedä kaččomah,
 Viluo vetty mal'l'azeh d'iäy,
 45 Kuivua leibiä syödäväkse“.
 „Hoi sinä, armas vellervoine,
 Ota minuo kodoilah, —
 Viijes kuožalkandu roiteh.
 Jo hai nečiel ruvettih
 50 Ruočin riihet rimizemäh,
 Ruočin pardizet pamizemah,
 Ruočin kylvzet kydemäh,
 Ruočin saunat savuomah“.
 „Hoi sinä, čikko sizäryöni,
 55 Emo-lapsi laglamuoni,
 Lähtenet kui sinä pagoh,
 Siitbo minuo riehkittä,
 Ruočit vankiloih vankitah“ .

Только сено не скошено.“
 „Спросила ли у брата,
 Живы ли четыре прядильщицы?“
 „Все они здоровы,
 30 Только весь сок на землю вытек.
 Братец возьмет меня,
 Пятая прядильщица из меня будет“.
 „Ой ты, сестра-сестрица,
 Неразумное дитя матери,
 35 Если ты убежишь, —
 Что тебе стоит бежать:
 Для твоего Васеньки
 Пресного молока в кринке останется,
 Бабушка нянчить его останется, —
 40 Богатый отец останется у него.
 У меня же, у жены бедняка,
 Плакать Иванушка останется,
 Некому его будет нянчить,
 Кринка холодной воды останется
 45 Да сухой хлеб“.
 „Ой ты, милый братец,
 Возьми меня домой —
 Пятая прядильщица будет.
 Уже здесь начали
 50 Гумна у Руочки греметь,
 Шведские жерды в них грохотать,
 Бани у Руочки куриться,
 Бани у Руочки дымиться!“
 „Ой ты, сестра-сестрица,
 55 Неразумное дитя матери,
 Если ты убежишь, —
 Тут меня высекут,
 Руочки в тюрьму посадят!“

127. ВОР ПОХИЩАЕТ УКРАШЕНИЯ ДЕВУШКИ

Nouzi mučoi aijoi huondeksel,
 Enne kukoin kuulumistu,
 Mustan linnun liikkumistu.
 Pyhki pertizen, pienen pertizen,
 5 Vaskizil varbaizil,
 Tinaizil lehtyizil.
 Keräi toppaizet helmah,

Встала молодая рано утром,
 Раньше пенья петухов,
 Раньше взлета черной птицы.
 Подмела избушку, маленькую избушку,
 5 Медными прутиками,
 Оловянными листьями.
 Собрала мусор в подол,

Meni ullos uksen tuakse,
 Tagaveräin tajembakse;
 10 Seizattihes toppaizil.
 Kuuluu d'yry D'yrkiläs,
 Paha pajo pappilas,
 Suuri hoppu Hodaris.
 „Otin kullat kulmilleni,
 15 Sinilangat silmilleni,
 Hyvät hobd'at vyölleni,
 Lähtin minä menemäh.
 Menin suodu, menin muadu,
 Vierin mualoil vierahil,
 20 Kuavuin mualoil kaunehil!
 Viizas mies oli vičikös,
 Voramies oli varvikos;
 Otti kullat kulmilleni,
 Sinilangat silmilleni,
 25 Hyvät hobd'at vyölleni!“
 Anni, aino tyttäreni,
 Se d'äi sinne itkemäh.
 „Älä itke, Annizeni,
 Voran tinois tiputammo,
 30 Vaskilois valutammo!“

Пошла за дверь
 И дальше за ворота;
 10 Встала на мусор.
 Слышен гром в Юргилицах,
 Худая песня на погосте,
 Большой шум у Ходари:
 „Взяла я золота на брови,
 15 Синие нити на глаза,
 Хорошего серебра на пояс,
 Отправилась я на погост.
 Прошла болотом, прошла по суше,
 Забрела в чужие края,
 20 Затерялась в прекрасном краю!
 Хитрый мужчина был в прутняке,
 Вор-мужчина был в кустарнике:
 Содрал золото с бровей,
 Синие нити с глаз,
 25 Хорошее серебро с пояса!“
 Анни, единственная дочка,
 Та осталась там плакать.
 „Не плачь, Аннушка,
 Вора оловом окропим,
 30 В меди окупаем!“

А. П. Булдуева

128. УБИЙСТВО РОДИТЕЛЕЙ

Anni neidoi, aino neidoi,
 Kylvi kymmenen d'yväisty,
 Kazvoi kaheksan kegoistu
 Yhten kandoizen vägehgo.
 5 Nouzi mies mustas meres,
 Vaski suista, vaski päistä,
 Vaskihattu hardejil,
 Vaskikinttu kormanissa.
 „D'ogo tulet, ainoi Anni?“
 10 „Engos tule, engos ole,
 On sinulles muamas paha“.
 Anni neidoi, aino neidoi,
 Kylvi kymmenen d'yväisty,
 Kazvoi kaheksan kegoistu,

Анни-дева, единственная дочь,
 Посеяла десять зернышек,
 Выросло восемь стогов
 Около одного пня.
 5 Поднялся муж из черного моря:
 Медь в устах, медь на голове,
 Медная шапка до плеч,
 Медные рукавицы в кармане.
 „Пойдешь ли за меня, единственная
 Анни?“
 10 „Не пойду, твоей не буду,
 У тебя злая мать“.
 Анни-дева, единственная дочь,
 Посеяла десять зернышек,
 Выросло восемь стогов

15 Yhten kandoizen vägehgo.
 Nouzi mies mustas meres,
 Hobd'u suissa, hobb'u päissä,
 Hobd'uhattu hardejil,
 Hobd'ukintut kormanis.

20 „D'ogo tulet, aino An'n'oi,

Muamon minä d'o hävitin“.

„Engös tule, engos ole,
 On sinulles tuattas paha“.

Anni neidoi, aino neidoi,

25 Kylvi kymmenen d'yväisty,
 Kasvoi kaheksan kegoistu,
 Yhten kandoizen vägehgo.

Nouzi mies mustas meressä,

Kuldu suissa, kuldu päissä,

30 Kulduhattu kudriiloil,

Kuldukintuizet kormanis.

„D'ogo tulet, aino An'n'oi?“

„Engo tule, engo ole!“

„Do mie tuaton hävitin!“

35 „Engo tule, engo ole,

Kaiken perehen hävitit,

Dai minun hävität!“

„Et tule, ga minä silloin

lëčiedäni hävitän“.

15 Около одного пня.

Поднялся муж из черного моря,

Серебро в устах, серебро на голове,

Серебряная шапка до плеч,

Серебряные рукавицы в кармане.

20 „Пойдешь ли за меня, единственная
 Анни,

Свою мать я уже загубил!“

„Не пойду я, не буду твоей,

Отец у тебя злой!“

Анни-дева, единственная дочь,

25 Сеяла десять зернышек,

Выросло восемь стогов

Около одного пня.

Поднялся муж из черного моря,

Золото в устах, золото на голове,

30 Золотая шапка на кудрях,

Золотые рукавицы в кармане.

„Пойдешь ли за меня, единственная
 Анни?“

„Не пойду я, не буду твоей!“

„Отца я уже загубил!“

35 „Не пойду я, не буду твоей,

Всю семью ты загубил

И меня также загубишь!“

„Раз не пойдешь за меня,

Я сам себя загублю!“

М. Ф. Архипова

129. ИЛЬМОЙЛЛИНЕ, ЕГО РОЖДЕНИЕ И СВАТОВСТВО

Kirguu manžoihut mäjel,

Buolukkaine randijal;

Piädy neidoine kuulemah,

Seinän ual seizomah.

5 Lähtöy manžoihuttu ottamah,

Löydäy manžoihuon mäjel,

Buolukkaizen randijal;

Panou manžoihuon huuliel,

Sen vaččaizeh lainuou.

10 Kazvau vačču nenän tagan,

Suau häi kolme poigastu.

Кричит земляничка на горе,

Брусничка на берегу;

Остановилась девушка послушать,

Возле стены постоять.

5 Идет земляничку рвать,

Находит земляничку на горе,

Брусничку на берегу;

Берет земляничку в рот,

Проглатывает ее целиком.

10 Вырос большой живот,

Родила она трех сыновей.

- „Oi sinä, muamoine-kandajoine,
Magien maijon andajoine,
Lämmittä kyly lätäsköitä!“
- 15 „Maltoit poigaiset suada,
Malta i kyly lämmittä!“
Lämmittä häi iče kylyizen,
Viey kolme poigastu kylyh,
Piähyöt pezöy, kui pelvas pivoizekse,
20 Muun rungan, kui lumi kabuizekse.
„Oi sinä, muamoine-kandajoine,
Magien maijon andajoine,
Ihalan imettäjäine,
Mene tuo sinä pappine!“
- 25 „Maltoit suada, malta i pappine tu-
uvva!“

- „Rubien minä iče papikse:
Kudai vahnin synnyndöine,
Se olgah Väinämöine;
Kudai nuorin synnyndöine,
30 Se olgah D'olgameine;
Kudai keskin synnyndöine,
Se olgah seppy Ilmoilline,
Ilmoin raudojen tagoju,
Ilmoin hiilijen hiiluttaju“.
- 35 Luadiu seppy pajäizen,
Rubieu häi tagomah;
Tagou häi, taputtau,
Lendäy kyyhkyihyt kynnyksil:
„Oi sinä, seppy Ilmoilline,
40 Ilmoin raudojen tagoju,
Ilmoin hiilijen hiiluttaju,
Eulis sinul tagondu-aijat,
Pidäis mennä sulhazikse
Kauneheh Katerinah!“
- 45 „Ga pidäh siit lähtie sulhazikse;
Oi sinä, muamoine-kandajoine,
Magien maijon andajoine,
Ihalan imettäjäine,
Tuo paidaine kui pellervoine,
50 Kuadijalaizet kui lumikabuizet!
Oi sinä, vahnin Väinämöine,
Val'l'asta vil'l'oi varzu,
Viijen suan maksaju!
Oi sinä, nuorin D'olgameine,

- „Ой, маменька, носившая меня,
Сладкое молоко мне дававшая,
Истопи скорей баню!“
- 15 „Смогла сынов родить,
Сумей и баню истопить!“
Истопила она баню,
Понесла она в баню трех сыновей,
Головы вымыла, как лен,
20 И все тело, как комки снега.
„Ой, маменька, носившая меня,
Сладкое молоко мне дававшая,
Прекрасным молоком кормившая,
Приведи теперь попа!“
- 25 „Смогла родить, сумей попа найти!“

- „Я буду сама попом:
Который старше по рождению,
Тот будет Вяйнямёйне;
Который младший по рождению,
30 Тот будет Дёлгамойне;
Который средний по рождению,
Тот будет кузнец Ильмойллине,
Кователь небесного железа,
Сжигающий небесные угли“.
- 35 Строит кузнец кузницу,
Начинает он ковать;
Кует, постукивает он,
Прилетает голубь на порог:
„Ты, кузнец Ильмойллине,
40 Кователь небесного железа,
Сжигающий небесный уголь,
Не время ведь тебе ковать,
Итти тебе нужно в женихи
К красивой Катерине!“
- 45 „Ну, что ж, отправлюсь в женихи.
Ты, матушка, носившая меня,
Сладкое молоко мне дававшая,
Прекрасным молоком меня кормившая,
Принеси рубашку льняную,
50 Штаны, как снежные комки.
Ты, старший, Вяйнямёйне,
Запряги-ка резвого жеребца,
Ценою в пять сотен.
Ты, младший, Дёлгамойне,

35 Laula kuldükägizet
 Vembelile kukkumahe,
 Laula raččilinduižet
 Landehile laulamahe!“
 Lähtietäh hyö ajamah,
 60 Kauneheh Katerinah
 Sulhaizikse karettamah.
 Sulua merdy myöten ajetah,
 Pitkin merdy karetetah.
 Siändyi heil pimie Pohd’olaine,
 65 Turmoi heidy pimie Pohd’olaine:
 Katkenou heil d’allaksut
 Levies heijän kord’aizes.
 „Oi sinä, vahnin Väinämöine,
 Laula sinä koivuine suari dorogal,
 70 Kai koivut lyngäčyt!“
 Lauloi vahnin Väinämöine
 Koivuizen suaren dorogal,
 Kai koivut lyngäčyt.
 Pannah kord’ah d’allakset,
 75 Lähtietäh hyö ajamah
 Sulua merdy myöten.
 Siändyi heile pimie Pohd’olaine,
 Turmoi heidy pimie Pohd’olaine:
 Katkenou heil vembelyt
 80 Levies heijän kord’aizes.
 Seppy Ilmoilline sanou:
 „Oi sinä, nuorin D’olgameine,
 Laula tuomine suarut dorogal,
 Kai tuomet lyngäčyt!“
 85 Laulau nuorin D’olgameine
 Tuomizen suaren dorogal,
 Kai tuomet lyngäčyt.
 Pannah kord’ah vembelyt,
 Lähtietäh hyö ajamah
 90 Sulua merdy myöten.
 Ajetah hyö kaunehen Katerinan luo,
 Dai suahah kaunehen Katerinan,
 Ga kadoubu heil kaunis Katerin.
 Seppy Ilmoilline sanou:
 95 „Oi sinä, vahnin Väinämöine,
 Luve sinä kai tiähtet taivahas!
 Eigo sinne peittynyh
 Neče kaunis Katerin?“

55 Песней сотвори золотых кукушек,
 Куковать здесь на дуге,
 Песней сотвори дроздов
 Петь на крестце!“
 Отправляются они в путь
 60 К красивой Катерине,
 Женихами едут,
 По растаявшему морю едут,
 Вдоль по морю сани поскрипывают.
 Рассердился на них темный Похьёлайне,
 65 Насылает тёмный Похьёлайне беду:
 У них полоз надламывается
 Под их широкими санями.
 „Ой ты, старый Вяйнямёйне,
 Песней сотвори мне остров с березняком,
 70 С согнувшимися березами!“
 Старший Вяйнямёйне напел
 На пути тот остров с березками,
 С согнувшимися березами.
 Придывают к саночкам полозья,
 75 Отправляются в путь
 Вдоль по растаявшему морю.
 Рассердился темный Похьёлайне,
 Насылает темный Похьёлайне беду:
 Ломаются у них дуга
 80 На их широких санках.
 Кузнец Ильмойллине говорит:
 „Ой ты, младший, Дёлгамоине,
 Напой остров с черемухой,
 С согнувшимися черемухами!“
 85 Младший Дёлгамоине напевает
 На пути остров с черемухой,
 С погнувшимися черемухами.
 Дугу они налаживают,
 И отправляются они
 90 Вдоль по растаявшему морю.
 Приезжают они к красивой Катерине
 И берут красивую Катерину,
 Но красивая Катерина исчезает.
 Кузнец Ильмойллине говорит:
 95 „Ой ты, старший, Вяйнямёйне,
 Пересчитай на небе звезды!
 Не туда ли спряталась
 Красивая Катерина?“

- Lugou häi kai tiähtet taivahas,
 100 Ei siel löydynh kaunistu Katerinua.
 Seppy Ilmoilline sanou:
 „Oi sinä, nuorin D'olgamoine,
 Luve sinä kai zvierizet mečas!
 Eigo siel kaunis Katerin ole?“
- 105 Lugou häi kai zvierizet mečas,
 Ei siel löydynh kaunistu Katerinua.
 Seppy Ilmoilline sanou:
 „Vuota lähten minä iče
 Meren pohd'ah kaččomah,
 110 Ćuruloi siel lugemah,
 Eigo siel ole kaunistu Katerinua?“
 Lähti häi meren pohd'ah
 Ćuruloi siel lugemah.
 Lugou-lugou, ei hänel löydynh
 115 Hänen kaunis Katerin.
 Haukkua händy harmua haugi.
 Ilmoilline seppy vačas
 Luadi paidaizes pajan,
 Kuadijaizis — palgehuot,
 120 Polvenpäis — alužimet,
 Kulakkoizis pal'l'aižet.
 Rubieu häi tagomah-taputtamah,
 Tagomah hauvil vačas.
 Siit se harmua haugi sanou:
 125 „Oi sinä, seppy Ilmoilline,
 Lähte sinä vačas iäre!“
 „En minä sinul vačas lähte,
 Kuni sinä et andane
 Minun kaunistu Katerinua!“
- 130 Andau hänel harmua haugi
 Saman kaunehen Katerinan.
 Lähtöy kaunis Katerin,
 Menöy oman muaman luo.
 Sanou seppy muamalleh:
 135 „Nygoi annat Katerinan?“
 „En vie minä anna händy;
 Annan kaunehen Katerinan,
 Kui mado-pellon kylvänet
 Kengättömin d'algaizin,
 140 Vyöttömin rungaizin,
 Šuapkattomin piähyizin!“
 Sen pellon seppy kylvi,
- Он пересчитал на небе звезды,
 100 А Катерины на небе не нашел.
 Говорит кузнец Ильмойллине:
 „Ой ты, младший, Дёлгамойне,
 Пересчитай в лесу всех зверей!
 Не там ли Катерина?“
- 105 В лесу он всех зверей пересчитал,
 Но не нашел в лесу красивой Катерины.
 Говорит кузнец Ильмойллине:
 „Подожди, я сам пойду
 На морское дно посмотреть,
 110 Пересчитать там песчинки,
 Нет ли там красивой Катерины?“
 Спустился он на дно морское,
 Стал песчинки считать.
 Считал, считал, но не нашел
 115 Своей красивой Катерины.
 Серая щука его проглотила.
 В утробе щуки кузнец Ильмойллине
 Сделал из рубашки кузницу,
 Из штанов меха,
 120 Колени служили наковальной,
 А кулаки молотками.
 Начинает он там ковать,
 Ковать в утробе щуки.
 Говорит серая щука:
 125 „Ой ты, кузнец Ильмойллине,
 Прочь уходи из живота!“
 „Не уйду я из твоей утробы,
 Пока ты не отдашь
 Моей красивой Катерины!“
- 130 Серая щука ему отдает
 Красивую Катерину.
 Идет красавица Катерина,
 Приходит к своей матери.
 Говорит кузнец ее матери:
 135 „Отдашь ли теперь Катерину?“
 „Пока еще я ее не отдам;
 Отдам красивую Катерину,
 Если засеешь змеинное поле
 С необутыми ногами,
 140 Без пояса,
 Без шапки на голове!“
 То поле кузнец засеял

Da i mäni muamah luo.
 „Nygöi annat Katerinan?“
 145 „En vie minä anna händy;
 Annan kaunehen Katerinan,
 Kui tulikylyn kylbänet“.
 Ei Ilmoilline rubie
 Tulistu kylyö kylbemäh.
 150 Käsköy seppy Ilmoilline:
 „Oi sinä, vahnin Väinämöine,
 Laula kaunistu Katerinua
 Meren pohd'ah havokse,
 Tukat laula n'ualiheinikse,
 155 Tuuliloil da virroil lekutettavakse!“
 Itköy kaunis Katerin:
 „Elgiä minuo laulakkua
 Meren pohd'ah havokse!“
 Käsköy seppy Ilmoilline:
 160 „Oi sinä, nuorin D'olgameine,
 Laula händy zvierikse meččäh!“
 Kaunis Katerin sanou:
 „Elgiä minuo laulakkua
 Pimieh meččäh zvierikse,
 165 Laulakkua muukse mikse tahto!“
 Seppy Ilmoilline sanou:
 „Laulammogo händy myö
 Kaunehekse kajaizekse,
 Vasturannal valvottamah,
 170 Verkon silmie katkomah,
 Meren kaloi kuolustamah,
 Ristikanzoil kirottavakse!“

И пришел к ее матери.
 „Отдашь ли теперь Катерину?“
 145 „Пока еще ее не отдам;
 Отдам красавицу Катерину,
 Если сходишь в огненную баню“.
 Ильмойллине не думает
 В огненной бане купаться.
 150 Велит кузнец Ильмойллине:
 „Ой ты, старший, Ваянямёйне,
 Обрати песней прекрасную Катерину
 В корягу на дне морском,
 Волосы преврати в водоросли,
 155 Чтоб по ветру да течению качались!“
 Плачет красивая Катерина:
 „Вы меня не превращайте
 В корягу на дне морском!“
 Велит кузнец Ильмойллине:
 160 „Ой ты, младший, Дёлгамойне,
 Песней преврати ее в зверя!“
 Плачет красивая Катерина:
 „Вы меня не превращайте
 В зверя в темном лесу,
 165 Обратите во что-либо другое!“
 Говорит кузнец Ильмойллине:
 „Превратим-ка мы ее
 В красивенькую чаечку —
 Ожидать на том берегу,
 170 Нити на сетях рвать,
 Морскую рыбу клевать,
 Всем людям на проклятье!“

130. КИЛЛЕРВО УЗНАЕТ О СМЕРТИ РОДНЫХ

Killervo, Kallervon poigu,
 Lähtöy soile soittamahe:
 Suot sarahtih, muat d'ärähtih,
 Kangahat vastah kajahtah,
 5 Tulou viešti d'ällel päi:
 „Tuattos on kois kuolemas!“
 „Kuollou kuolkah, sudra mengäh.

Silmät on kuin liinan siemenet,
 Korvat on kui koivun lehtet,

Киллерво, сын Каллервы,
 Отправляется играть на болото:
 Болота затряслись, земли вздрогнули,
 Боры навстречу эхом отдались.
 5 Приходит весть из дому:
 „Твой отец дома при смерти!“
 „Умирает, так пусть умирает, пусть
 пропадает.

Глаза у него — семя конопли,
 Уши — как листья березы,

- 30 Muu on rungu muuruspuu".
Killervo, Kallervon poigu,
Lähtöy soidu soittamah:
Suot sarahtah, muat d'ärähtäh,
Kangahat vastah kajahtah,
15 Tulou viešti d'ällel päi:
„Muamos on kois kuolemas!“
„Kuollou kuolkah, sudru mengäh,

- Silmät on kui liinan siemenet,
Korvat on kui koivun lehtet,
20 Muu on rungu muuruspuu".
Killervo Kallervon poigu
Lähtöy soidu soittamah:
Suot sarahtah, muat d'ärähtäh,
Kangahat vastah kajahtah,
25 Tulou viešti d'ällel päi:
„Muččois on kois kuolemas!“
„Avoi-voi, minun päiväizet,
Puuvutti puhatah sobaizet,
Kavottih kämmenen kakkarazet,
30 Kavottih paidaizen luadijat,
Kavottih sobaizen andajat!“

- 10 А туловище — корявое дерево".
Киллерво, сын Каллервы
Отправляется на болото играть:
Болота затряслись, земли вздрогнули,
Боры навстречу эхом отдались,
15 Приходит весть из дому:
„Твоя мать дома при смерти!“
„Умирает, так пусть умирает, пусть пропадает.

- Глаза у нее — как семя конопли,
Уши — как листья березы,
20 А туловище — корявое дерево".
Киллерво, сын Каллервы
Отправляется на болото играть:
Болота затряслись, земли вздрогнули,
Боры навстречу эхом отдались,
25 Приходит весть из дому:
„Твоя жена дома при смерти!“
„Ой-ой-ой, мои денечки,
Пропала чистая одежущка,
Пропали промятые ладонями лепешки,
30 Пропала та, кто шила рубашку,
Пропала та, кто подавала белье!“

131. ЖИВОТНЫЕ — ВЕСТНИКИ СМЕРТИ

- Isakoine Sullervoine
Sugiu piädy, šuihkuttau,
Suurel on suloi kuvel.
Šuihkahtih suloine mereh,
5 Tabajeli-kuobajeli,
Sinne nuoroin uinojeli,
Rahaizien suaju rapsahateli.
„Kengos-kengos vieštizie viemäh,
Sanaiziedu suattelemah?“
10 „Ongos tuos se kondiene?“
„Ei hänes ole vie vieštin viejiä,
Sanaizien suattelijua:
Hebokard'oih heittieleh,
Lehmykard'oih löyhkähteleh!“
15 Isakoine Sullervoine
Sugiu piädy, šuihkuttau,
Suurel on suloi kivel;

- Исакойне Суллервойне
Чешет голову, приглаживает,
На большом камне сидит милый.
Упал милый в море,
5 Хватался, карабкался,
Там молоденький уснул,
Добытчик денежек погиб.
„Кто же, кто же весточку снесет,
Словечко доставит?“
10 „Не снесет ли ее медвежонок?“
„Не будет из него вестника,
Не доставит он словечка:
В конском табуне он заплутается,
В коровьем стаде заболтается!“
15 Исакойне Суллервойне
Чешет голову, приглаживает,
На большом камне сидит милый.

Suihkahtih suloine mereh.
 Tabajeli-kuobajeli,
 20 Sinne nuoroinе uinojeli,
 Rahaizien suaju rapsahtelih.
 „Kengos kengos vieštizie viemäh,
 Sanaiziedu suattelemah?“
 „Ongos tuos se hukkaine?“
 25 „Ei ole hänes vieštin viejiä,
 Sanaizien suattelijua:
 Lammaskard'ah lamahteleh!“
 Isakoine Sullervoine
 Sugiu piädy, šuihkuttau,
 30 Suurel on suloi kivel.
 Šuihkahtih suloine mereh.
 Tabajeli-kuobajeli,
 Sinne nuoroinе uinojeli,
 Rahaizien suaju rapsahtelih.
 35 „Kengos kengos vieštizie viemäh,
 Sanaiziedu suattelemah?“
 „Ongos tuos se reboihut?“
 „Ei ole hänes vieštizen viejiä:
 Liha pučis livailou,
 40 Kalapučis kaivelou!“
 Isakoine sullervoine
 Sugiu piädy, šuihkuttau,
 Suurel on suloi kivel.
 Šuihkahtih suloine mereh,
 45 Tabajeli-kuobajeli,
 Sinne nuoroinе uinojeli,
 Rahaizien suaju rapsahtelih.
 „Kengos kengos vieštizie viemäh,
 Sanaiziedu suattelemah?“
 50 „Ongos tuas se d'änöihyt?“
 „Ei ole hänes vieštin viejiä,
 Sanaizien suattelijua:
 Sinne andau toizen,
 Tuanne andau erähän!“
 55 „Kengis d'änöine kăbălöizet,
 Kimpin-kimpin tiedä myöten!“
 Lähtöy d'änöizeni matkah,
 Tulou perttine vastah.
 „Ongos veriähyt avoin,
 60 Ongo uksut avoin?“
 Menöy d'änizeni perttih;

Упал милый в море,
 Хватался, карабкался,
 20 Там молоденький уснул,
 Добытчик денежек погиб.
 „Кто же, кто же весточку снесет,
 Словечко доставит?“
 „Не снесет ли весточку волчонок?“
 25 „Не будет из него вестника,
 Не доставит он словечка:
 В овечьем стаде заплутается!“
 Исакойне Суллервойне
 Чешет голову приглаживает,
 30 На большом камне сидит милый.
 Упал милый в море.
 Хватался, карабкался,
 Там молоденький уснул,
 Добытчик денежек погиб.
 35 „Кто же, кто же весточку снесет,
 Словечко доставит?“
 „Не снесет ли весточку лисичка?“
 „Не будет из нее вестницы:
 В бочке с мясом задержится,
 40 В бочке с рыбой прокопается!“
 Исакойне Суллервойне
 Чешет голову, приглаживает,
 На большом камне сидит милый.
 Упал милый в море,
 45 Хватался, карабкался,
 Там молоденький уснул,
 Добытчик денежек погиб.
 „Кто же, кто же весточку снесет,
 Словечко доставит?“
 50 „Не снесет ли весточку зайняка?“
 „Не будет из него вестника,
 Не доставит он словечка:
 Туда отдаст одно словечко,
 В другую сторону — другое!“
 55 „Обуй, зайняка, лапки,
 Прыг-скок по дороге!“
 Отправился зайняка в путь.
 Стоит по дороге избушка.
 „Открыты ли ворота в избушке,
 60 Открыта ли дверь в избушке?“
 Заходит зайняка в избу;

- Pastau mučoihut čupoidu,
Kiškou sulhoihut pärehtä,
Kudou neidoihut kangoidu.
- 65 Mučoihut se sanou:
„Tuli täh kiirysilmy keittimikse,
Paberosilmy paistimikse“.
Luadiu d'änöihyt paginan:
„En kiero tullut keittimikse,
- 70 Engo palo paistimikse,
Tulin vieštizie tuomah,
Sanaiziedu suattamah:
«Isakoine Sullervoine
Sugi piädy, šuihkutti,
75 Suurel on suloi kivel;
Šuihkahtih suloine mereh.
Tabajeli-kuobajeli,
Sinne nuoroine uinojeli,
Rahaizien suaju rapsahtelih»“.
- 80 Mučoihut rubei itkemäh,
Verizet kyynälet čupoil pakuttih;
Sulhoi rubei kyynäldämäh,
Verizet kyynälet päreil kirvotah;
Neidoi sanou:
85 „Vuota lähten kangoin tagan,
Rubienden siel itkemäh.
Vieres-vieres, kyynälyöne,
Vie alembakse, leveil leuguloile,
Saduizil sangehill!“
- Жена печет блины,
Муж щеплет лучину,
Девушка ткёт холст.
- 65 Говорит та женщина:
„Пришел сюда лупоглазый на варево,
Косоглазый на жаркое“.
Повел зайныка разговор:
„Нет, сердечная, я не пришел на ва-
рево,
- 70 Нет, я не пришел на жаркое,
Пришел я с весточкой,
Доставил я словечко:
«Исакойне Суллервойне
Расчесывал голову, приглаживал,
75 На большом сидел камне;
Упал милый в море.
Хватался, карабкался,
Там молоденький уснул,
Добытчик денежек погиб»“.
- 80 Женщина стала плакать,
Кровавые слезы на блины закали;
Муж прослезился,
Кровавые слезы упали на лучину;
Девушка говорит:
85 „Подожди, выйду из-за стана
И начну плакать.
Стекай, стекай, слезинка,
Ниже широкого подбородка,
Стекай в густой садик!“

132. ЗАКОВАННЫЙ В ЦЕПИ КУЗНЕЦ

- Pagan parven arteline
Lujuo lähti tabuamahe;
Lujö lähti pagoh hiihtämähe.
Hiihtäy Hiile, hiihtäy maile,
5 Hiihtäy Hiilon kangahile;
Suot šurahtah, muat d'yrähtih,
Pal'l'oin paimoihut vastah kajahtah.
„Oi sinä, pal'l'oin paimoihut,
Kui kzyyttäne Pagan parves:
10 «Ammuingo täs Lujö proidi?»
Sinä sano: «ammuin proidi,
- Ватага из артели Пагана
В погоню направилась за Луё;
Пустился в бегство на лыжах Луё.
Скользит он в Хийло, скользит по земле,
5 Скользит он по борам Хийло;
Болото трясется, грохочет земля,
Паллэй-пастушок идет ему навстречу.
„О ты, Паллэй-пастушок,
Если спросят из ватаги Пагана:
10 «Давно ли здесь Луё прошел?»
Ты скажи: «Давно прошел,

Tämä oli kard'u kazvamattah,
 Tämä paimoi rodimattah".
 Lähtöy Lujon hiihtämähe;
 15 Hiihtäy Hiile, hiihtäy maile,

 Hiihtäy Hiilon kangahile;
 Suot šurahtah, muat d'yrähtäh,
 Tuligo hänel kyndäjäine vastah,
 Kyndäjäine-kylväjäine,
 20 Kannon juuren katkojaine.
 „Oi sinä, pellon kyndäjäine,
 Kui kyzyttäne Pagan parves:
 «Ammuingo täs Lujon proidi?»
 Sinä sano: «Ammuin proidi,
 25 Vie oli tämä kaski ajamattah,
 Vie oli ozru leikkuamattah,
 Kylväjäine rodiemattah".
 Siit vie Lujol kirikkö vastah kajahtah;
 Dai papil häi käsköy sanuo što:
 30 „Tämä oli kirikkö luadimattah,
 Tämä pappi panemattah,
 Nygöi on kirikön seinät homehes,

 Papin pardu d'ägäläs!".
 Lähtöy Lujon hiihtämähe,
 35 Hiihtäy Hiile, hiihtäy maile,
 Hiihtäy Hiilon kangahile,
 Suot šurahtau, muat d'yrähtäy,
 Pyhä mägi vastah kajahtau.
 Hiihtäy Lujon pyhäl mäile,
 40 Sihboi Lujon tavatah.
 Yheksiä kymmendy syldy
 Haudu syvä kaivetah,
 Sinne Lujon hauvatah;
 Suuret kivet piäl pannah,
 45 Puaksut parret piälimmäizekse.
 Pagan parven artteline,
 Hiihten seppäh lähtietähe;
 Hiihten sepäl sanotah:
 „Joi myö Lujon tabaimmo,
 50 Da i haudah haudaimmo,
 Nygöi Lujon ei uidi!"
 Hiihten seppy sanou:
 „Pidäy Lujol čieppi taguo,

Это стадо еще не было выращено,
 И не родился этот пастушок".
 Отправляется Луё дальше на лыжах,
 15 Скользит он в Хийло, по земле сколь-
 зит,

 Скользит он по борам Хийло;
 Болото трясется, грохочет земля,
 Пахарь идет ему навстречу,
 Пахарь он и сеятель,
 20 Корчеватель пней и корней.
 „О ты, пахарь, пашущий поле,
 Если спросят из ватаги Пагана:
 «Давно ли Луё здесь прошел?»
 Ты скажи: «Давно прошел,
 25 Здесь не было еще подсеки,
 Ячмень еще не был сжат,
 И не рожден еще был этот сеятель".
 Стоит на пути у Луё церковь,
 И попу приказывает Луё отвечать:
 30 „Эта церковь не была еще построена,
 Этого попа тогда еще не было,
 Теперь же плесенью покрылись стены
 церкви,
 Борода же у попа, точно мох!"
 Луё отправляется дальше на лыжах,
 35 Скользит он в Хийло, по земле скользит,
 Скользит он по борам Хийло;
 Болото трясется, грохочет земля.
 Навстречу попадает святая гора.
 На святую гору Луё поднялся,
 40 Тут-то и поймали Луё.
 В девяносто сажень
 Яму глубиною роют,
 Туда зарывают Луё,
 Большими камнями заваливают,
 45 Толстыми бревнами сверху.
 Ватага из артели Пагана
 Идет к кузнецу Хийзи;
 Говорят они кузнецу Хийзи:
 „Мы уже поймали Луё
 50 И в яму закопали,
 Теперь не убежит Луё!"
 Говорит им кузнец Хийзи:
 „Надо цепь сковать для Луё,

- Čieppi panna kaglah,
 55 Ei ga vie Lujō uidiu“.
 Siit se rubieu Hiihten seppy
 Čieppie Lujol tagomah.
 Viruu Lujō hauvvas,
 Eigo Lujō piästā voi,
 60 Eigo voi ni kuolla.
 „Oi sinā, päivy pruavednoine,
 Piästā sinā Lujuo vāl’l’äl,
 Sulua nene suuret kivet,
 Polta nene puaksut parret,
 65 Piästā Lujuo sinā vāl’l’äl“
 Päivy suluau suuret kivet,
 Polttau häi ne puaksut parret;
 Siit kui piästāy Lujon vāl’l’äl.
 Sanou päivy pruavednoine:
 70 „Hiihtā sinā Hiihten seppäh!“
 Hiihtāy Lujō Hiihten seppäh;
 Hiihten seppy hilkuttau,
 Pahan seppy palkuttau,
 Lujoh niškoi čieppie tagou,
 75 Ei ni sidā Lujuo tunne.
 Lujol Hiihten seppy kyzyy:
 „Tāl ollah kui Lujon silmät,
 Tāmā on kui Lujō iče?“.
 Lujō Hiihten sepāl sanou:
 80 „Ei se tule Hiihten seppäh,
 Kudai haudah hauvattu on“.
 Hiihten seppy čieppie tagou,
 Lujō hāndy kyzyy:
 „Kehbo niškoi čieppie tavot?“
 85 „Lujoh niškoi čieppie tavon,
 Ollohgo Lujol kaglu d’ārie?“
 Lujō Hiihten sepāl vastuau:
 „Miittus olloh iččes kaglu,
 Moine ongi Lujol kaglu“.
 90 Hiihten sepāl Lujō kyzyy:
 „Äijāngō panit čieppi-raudua?“
 „Kolmekymmen puudua panin“.
 „Vāhān panit čieppi-raudua,
 Ei se Lujol čieppi kestä.
 95 Opittele čieppie vediā!“
 Hiihten seppy oppiu vediā,

- В цепь заковать за шею,
 55 А не то убежит еще Луё“.
 Тут начинается тот кузнец Хийзи
 Цепь ковать для Луё.
 Луё лежит в той яме
 И не может Луё выйти из нее
 60 И умереть не может.
 „Ой ты, праведное солнце,
 Пусти ты на свободу Луё.
 Растопи эти большие камни,
 Сожги эти толстые бревна,
 65 Пусти ты на свободу Луё!“
 Солнце большие камни растопило,
 Сожгло оно толстые бревна
 И освободило Луё.
 Говорит ему праведное солнце:
 70 „Поезжай ты к кузнецу Хийзи!“
 Едет Луё к кузнецу Хийзи,
 Кузнец Хийзи постукивает,
 Злой кузнец поколачивает,
 Для Луё кует цепь,
 75 И не узнает он Луё.
 У Луё кузнец Хийзи спрашивает:
 „У тебя глаза, точно у Луё,
 Ты — точно, как сам Луё?“
 Луё говорит кузнецу Хийзи:
 80 „Не придет он к кузнецу Хийзи,
 Он в яму уж зарыт.“
 Кузнец Хийзи цепь кует,
 Луё его спрашивает:
 „Для кого ты цепь куешь?“
 85 „Для Луё кую я цепь,
 Толста ли шея у Луё?“
 Луё отвечает кузнецу Хийзи:
 „Какова шея у тебя самого,
 Такова и у Луё шея“.
 90 У кузнеца Хийзи спрашивает Луё:
 „Много ли ты истратил для цепи же-
 леза?“
 „Пудов я тридцать израсходовал“.
 „Мало взял ты железа для цепи,
 Не удержит она Луё,
 95 Попробуй цепь натянуть!“
 Кузнец Хийзи попробовал ее натянуть,

Sihboi čieppi katkenou.
 Lujo sanou Hiihten sepäl:
 „Ližiä sinä čieppi-raudua!“
 100 Ližiä seppy čieppi-raudua.
 Yheksänkymmenen puudua panou.
 Lujo sanou Hiihten sepäl:
 „Opittele čieppie kaglah;
 Kestänöh kui Hiihten sepäl,
 105 Se i Lujol kestäy!“
 Panou čiepin seppy kaglah,
 Dernildäy, da ryömäldäy,
 Eibo čieppi katkene.
 Siit se Lujo sanougi:
 110 „Hiihten sepäl čieppi kaglas
 Lukkuloitta lukikkahes,
 Vähättä sanoitta salbuakkahes,
 Oraizitta ommelkahes,
 Virbilöittä puutelkahes!“

Тут же цепь и оборвалась.
 Говорит Луё кузнецу Хийзи:
 „Прибавь железа в цепь!“
 100 Кузнец прибавил в цепь железа,
 Взял девяносто пудов.
 Говорит Луё кузнецу Хийзи:
 „Попробуй цепь на своей шее,
 Если она выдержит кузнеца Хийзи,
 105 Выдержит она и Луё!“
 Кузнец надевает цепь на шею,
 Дергает и пытается ее разорвать,
 Но цепь не рвется.
 Тогда-то Луё говорит:
 110 „У Хийзи кузнеца на шее цепь
 Пусть без замков замкнется,
 Без немногих слов закроется,
 Без шильев пусть зашьется,
 Без дратвы пусть заточается!“

А. Ф. Никифорова

133. ИЛЬМОЙЛЛИНЕ, ЕГО РОЖДЕНИЕ И СВАТОВСТВО

Lähti Marine marjah,
 Meni päivy paltiehuol,
 Löydi kolme manžoihuttu,
 Söi Marine ned manžoihuot.
 5 Rubei vačču kazvamah,
 Saibo kolme poigastu.
 Marine sanou muamalleh:
 „Hoi d'o, muamoine, kandanoine,
 Lämmittä minul kylyine!“
 10 Muamah Marizel sanou:
 „Tiijit poigaizet suaha,
 Tiijä i kylyine lämmittiä!“
 Lämmittä kylyizen, läkäšköittäy,
 Medoizile halgoizile.
 15 Viey kolme poigastu kylyh,
 Piähvät pezöy, kui pelvas pivoizekse,
 Muud rungaizet, ku lumikabuizekse;
 Tuou Marine poigaizet kodih.
 „Hoi d'o, muamoine, kandaioine,

Пошла Марине ягоды собирать,
 На солнечный склон горы пошла,,
 Там нашла три землянички,
 Марине съела эти землянички.
 5 Стал у нее расти живот.
 Трех сыновей она родила.
 Говорит Марине матери:
 „Ты, что меня носила,
 Натопи-ка ты мне баню!“
 10 Говорит мать в ответ Марине:
 „Знала, как рожать сынков-то,
 Умей сама и баню натопить!“
 Наскоро топит она баню
 Медовыми полешками.
 15 В баню трех сынков несет она,
 Моет головки — как пучки льна,,
 Тельца — как комочки снегу;
 Сынков домой она приносит.
 „Ты, мать, что меня носила,

- 20 Pidäis poigaizet ristie,
Pidäis pappine tuuva!
Muamah sanou:
„Tiijit poigaizet suaha,
Tiijä i pappine tuuva!“
- 25 „Olgah minä ristin,
Panen minä iče nimet:
Vahnimal on Väinämöine,
Keskimäizel seppy Ilmoilline,
- Ilmoin raudoin tagoju,
30 Ilmoin hiilien hiiluttaju;
Nuorin poigu D'ogamoine!“
Kazvattau häi poigaizet.
Seppy Ilmoilline sanou:
„Hoi d'o muamoine, kandajoinne,
35 Minä lähtizin naimah!“
„Kunnebo sinä naimah lähtizit?“
„Kauneheh Katerinah!“
Val'p'astetah heboine,
Kuldusuiččih, kuldupäiččih,
40 Kulduloimet landehil,
Kird'avih kord'aizih,
Vaskizih kablaizaizih.
Lähtietäh ajamah, helävyttämäh,
Suurdu sulua merdy myö,
45 Ilmai kabd'oin kastumattah,
D'allaksuizien nestymättäh.
Ajetah, ajetah, helävytetäh,
Katkenou heil vembelyt.
Seppy Ilmoilline laulau
50 Keskimerel paivuizen suaruon;
Ottau suaruos vembelyön,
Ymbäri sormuos painaldau;
Lähtietäh ajamah, helävyttämäh,
Mennäh kaunehen Katerinan luo,
55 Seppy Ilmoilline sanou:
„Hoi sinä, kauniz Katerin,
Minä tulin sinuh sulhaizikse,
Tuletgo minul mučoiakse?“
Kaunis Katerin sanou:
60 „Voinnet ku kolme käskettyö ruaduo
ruata,
Siit minä tulen sinul mučoiakse:

- 20 Надо сынков окрестить,
Надо попа им привести!“
Говорит мать:
„Знала, как рожать сынков,
Сумей сама и попа привести!“
- 25 „Буду я сама крестить их,
Имена им сама я дам:
Старшему дам имя Вьянямёйне,
Средний пусть будет кузнецом Иль-
мойллине,
Кователем небесного железа,
30 Жгушим небесный уголь;
Младший — пусть будет Дёгамойне!“
Вот сыночков она растит.
Говорит кузнец Ильмойллине:
„Ты, мать, что меня носила,
35 Захотелось мне жениться!“
„Куда же жениться ты пошел бы?“
„Я пошел бы к красивой Катерине“.
Запрягают тут лошадку,
Уздечка золотая, золотой недоуздок,
40 Золотая попона на круп лошади,
Пестрые санки,
Медные копылки.
Загрели, поехали
По большому, талому морю,
45 Так, что копыта не мокнут,
Так, что полозья не сыреют.
Едут-едут, посвистывают,
Ломается у них дуга.
И напел кузнец Ильмойллине
50 Среди моря ивовый остров.
Он дугу берет на острове,
Вокруг пальца он сгибает дугу;
Вот едут они, посвистывают,
Приезжают к красивой Катерине.
55 Кузнец Ильмойллине говорит:
„О ты, красивая Катерина,
Я теперь пришел к тебе в женихи,
Будешь ли ты мне женой?“
Красивая Катерина говорит:
60 „Если сможешь три порученных работы
сделать,
Тогда я смогу быть твоей женой:

А. Ф. НИКИФОРОВА

- Voinnet ku meren pohd'as čuurut
lugie,
Siit minä tulen sinul mučoiakse!
Lähtöy seppy Ilmoilline
65 Meren pohd'as čuuruizie lugemah,
Haukkua händy suuri haugi.
Luadiu seppy Ilmoilline
Havvil vaččah pajaizen:
Polvenpiälöis alužimuot,
70 Paidaizes palgehuon,
Kulakkoizis pal'laizet.
Roiteh havvil vaigei eliä,
Lykkiäy sepän vačaspäi iäre.
Tulou seppy Ilmoilline
75 Kaunehen Katerinan luo.
„Luvn minä meren pohd'as
Čuuruizet, kai luvn minä!“
„Voinnet ku kyndiä madopellon
Kengättömin d'algaizin,
80 Vyöttömin rungaizin!“
Sen häi lähtöy i kyndäy.
„Voinnet kui tiähtet taivahas lugie!“
Seppy Ilmoilline sanou
Kaunehel Katerinal:
85 „Voitgo sinä tiediä
Äijygö virstua on taivahah?“
Kaunis Katerin sano:
„Minä vai sen tiijän,
Mi on lehmäl bokas villua,
90 Se on virstua taivahah“.
Seppy Ilmoilline vie kerran kyzyy:
„Tuletgo sinä minul mučoiakse?“
Muamah sanou sepäl Ilmoillizel:
„En minä anna kaunistu Katerinua
95 Sinul mučoiakse!“
Seppy Ilmoilline sanou:
„Laulan minä kaunehen Katerinan
kajaikse,
Mual ni veil elämäh,
Vasturandoi valvattamah,
100 Verkon silmie katkomah!“
- Если сможешь сосчитать песчинки на
морском дне,
Тогда я могу быть твоей женой!
Идет кузнец Ильмойллине
65 Считать на морском дне песчинки.
Его проглатывает большая щука.
Делает кузнец Ильмойллине
Кузницу в утробе щуки:
Колени были ему наковальней,
70 Из рубашки сделал мехи,
Молотками служили кулаки.
Щуке трудно стало дышать,
Выбрасывает кузнеца из утробы.
Приходит кузнец Ильмойллине
75 К красивой Катерине.
„Сосчитал я на морском дне,
Все песчинки я сосчитал!“
„Теперь вспаши змеинное поле
Без сапог на ногах,
80 Без пояса на теле!“
Он идет и пашет поле.
„Теперь сосчитай звезды на небе!“
Кузнец Ильмойллине говорит
Красивой Катерине:
85 „Можешь ли ты знать,
Сколько верст до неба?“
Красивая Катерина говорит:
„Одно я знаю-ведаю,
Сколько у коровы на боку шерсти-
нок
90 Столько верст до неба“.
Кузнец Ильмойллине еще раз спраши-
вает:
„Будешь ли ты моей женой?“
Мать ее отвечает кузнецу Ильмойл-
лине:
„Не выдам я красивую Катерину
95 За тебя замуж!“
Кузнец Ильмойллине говорит:
„Песней обращаю я красивую Катерину
в чайку —
Жить не на земле, не на воде,
На далеком берегу томиться,
100 Рвать нити сетей!“

134. ЛЕММИНГОЙНЕ, ВЯЙНЯМЁЙНЕ И ИЛЬМОЙЛЛИНЕ

Tuli liili Lemmingoine
 Suuren d'ärven rannalani,
 Loydi ozan rannallani:
 Venehen i pordahan.
 5 Polgi d'allan pordahale,
 Toizen polgi venehehe.
 Lähti liili Lemmingoine
 Suurel merel soudamahe;
 Soudi päivän, soudi toizen,
 10 Venenez hangat huaroili,
 Uallot vastah räijähteli.
 Tuli vanhu Väinämöine,
 Pani vahnan soudamahe,
 Vahnu soudi, piä vabizi;
 15 Pani nuoren soudamahe,
 Nuori soudi, airoi lämbyi,
 N'okastu d'ouččenet uidi,
 Peräs koskelot šolizi.
 Tuli seppä Ilmoilline,
 20 Ilmoin raudazien tagoju,
 Ilmoin hiilijen hiiluttaju,
 Kyzyy nuorel naizelleni:
 „Kunne souvvat nuori naine?“
 „Suuren d'ärven manderehe,
 25 Kaijan vejen tanderehe!“
 „Kenbo käski, nuori naine?“

„Käski vahnu Väinämöine
 Sepän Ilmoillizen luosti!“
 Lähti seppä Ilmoilline,
 30 Ilmoin raudojen tagoju,
 Ilmoin hiilien hiiluttaju,
 Nuoren naizen ker yhtes
 Pitkiä dorogua polgemah,
 Kaidua dorogua kaččomah,
 35 Rahvahal rauhua tuomah.

Пришел Лийли Леммингойне
 На берег большого озера,
 Нашел на берегу счастье:
 Лодку и лестницу.
 5 Ступил ногою на лестницу,
 Другой ступил в лодку.
 Отправился Лийли Леммингойне
 Грести по большому морю.
 Греб он день, греб второй,
 10 В лодке уключины сломались,
 Волны навстречу шумели.
 Пришел к нему старый Вайнямёйне,
 Посадил грести старика,
 Старый греб, голова тряслась;
 15 Посадил грести молодого,
 Молодой греб, весла погнул,
 Клюв к клюву лебеди плыли,
 За кормой точно селезни плавали.
 Идет туда и кузнец Ильмойллине,
 20 Кователь железной вселенной,
 Палящий небесные угли,
 Спрашивает в пути у молодой женщины:
 „Куда гребешь, молодая женщина?“
 „В сторону большого озера,
 25 На земли около узкого пролива!“
 „Кто же тебе приказал, молодая женщина?“

„Приказал старый Вайнямёйне
 Грести к кузнецу Ильмойллинену!“
 Отправился кузнец Ильмойллине,
 30 Кователь железной вселенной,
 Палящий небесными углями,
 С молодой женщиной вместе
 Ступать по длинному пути,
 Осматривать узкие дороги,
 35 Приносить людям мир.

135. СЕСТРА В ГОСТЯХ У БРАТА

Sai muamo sualehen,
 Pani nimen Väinämöine:
 Kazvatteli čuassuloile,

Мать родила дитя,
 Назвала — Вайнямёйне;
 Росло дитя по часам,

Kazvatteli minutoile,
 5 Rodih sama Väinämöine
 Mieheli annandu aigoih.
 Andoi muamoh händy miehel,
 Mieheli andoi mieleväl,
 Sulhoil andoi sulaval.
 10 Mui hos ollou munžungaine,
 Sulahaizil on manžungaine,
 Muis hos ollou ual polven,
 Sulahaizes piäl orren.
 Rodih Väinämöl igävy
 15 Muamon muadu nägemäh.
 Iški virkkuistu vičal,
 Vieri, vieri vellen pihah.
 Vellen lapset ikkunah nostih.
 „Tuosbo, tuosbo tädöi tulou!“
 20 Suistelihbo Väinämöine,
 Vellen perttih pistelih.
 Virkki velli vastinehel:
 „Pane syvvä vierahale!“
 Pani syvvä vierahale,
 25 Kolmivuodistu kokoidu,
 Niis oli raukku rannat syönnyh,
 Koja kuoret jyvenyh.
 Virkki velli vastinehel:
 „Pane juvva vierahal!“
 30 Pani juomizekse vetty:
 Riepoi karzinas ringuu,

Vuasoi karzinas vonguu.
 Suisteliho Väinämöine,
 Ikkunpieleh pistelieteh.
 35 Kyzyy Väinämö vellel:
 „Kus on muamo roditeli?“
 Velli Väinämöl vastailou,
 Pahoil puheil puhujelou,
 Suuril tuulil tuuluttau,
 40 Ualdoloil läikäyttäy:
 „Muamoni roditeljoine
 Kolme päiviä aigua on jo
 Vaski langoil vangittu,
 Provolokil kriepitty“.
 45 Kirvotah Väinämön kyynelehet
 Omassah ryndähän piäl.

Росло по минутам,
 5 Подошло для Вяйнямёйне
 Время выйти замуж.
 Выдала мать ее замуж,
 Нашла мужа пригожего,
 Жениха сладкоречивого.
 10 Хотя для прочих она угрюма,
 Но для жениха — земляничка,
 Хотя для прочих она ниже колена,
 Но для жениха она выше матицы.
 Стало скучно Вяйнямёйне,
 15 Захотелось ей увидеть свою мать.
 Ударила она жеребца прутом,
 Приехала во двор брата.
 Дети брата подбежали к окну:
 „Там подъезжает наша тетя!“
 20 Соскочила с жеребца Вяйнямёйне,
 Забежала в избу к брату.
 Брат сказал своей жене:
 „Накрой стол для гостей!“
 Та подала гостье на стол
 25 Трехлетний черствый калач,
 В нем середину мыши съели,
 А корку моль выела.
 Сказал брат своей жене:
 „Поддай гостье попить!“
 30 Та подала воды пить,
 А в подполье у них пареной репы
 вдоволь,
 И квас бродит в подполье.
 Подскачила Вяйнямёйне,
 Подошла к косяку окна.
 35 Спрашивает Вяйнямё у брата:
 „Где наша мать-родительница?“
 Брат отвечает сестре Вяйнямё,
 Говорит ей злобно,
 Как холодный ветер дует,
 40 Точно злые волны хлещут:
 „Эту мать-родительницу
 Три дня тому назад
 Медной нитью мы связали,
 Проволокой обвязали“.
 45 Падают слезы у Вяйнямё
 На ее грудь.

Lähtöy sulhoi eččimäh
 Sidä samua Väinämösty.
 Kangasrannoil kaččelou,
 50 Suogo rannoil eččelöy.
 Löydäy saman Väinämöizen,
 Ottau häi omakseh,
 Priimiy mielehizekseh.

Идет искать жених-муж
 Эту Вяйнямёйне.
 По борам ее он ищет,
 50 Ищет по болотистым берегам.
 Находит он Вяйнямёйне,
 Берет ее себе он,
 Ее он с любовью принимает.

136. ЖИВОТНЫЕ-ПОМОЩНИКИ

Isakoine Sullervoine
 Sugiu piädy, šuihkuttelou
 Suurel on suloi kivele.
 Šuihkahtih sugoi merehe,
 5 Isakoine Sullervoine
 Siiräldyy sini kivele,
 Astuu hukku tiedy myöte.
 „Oi jo sinä, hukkainego,
 Mene eči sugainego!“
 10 Lähtöy hukku tiedy myöte.
 Isakoine Sullervoine
 Harpajelou harmual kivel,
 Tiijustelou tiedy myöte.
 Eigo hukas vieštin viejiä,
 15 Sanaizengo suattelijua, —
 Lammas kard'ua kaččelou,
 Rahvahal vahinguo tuottelou.
 Isakoine Sullervoine
 Siiräldyy sini kivele.
 20 Astuu reboi tiedy myöte.
 „Oi jo sinä, reboihut,
 Mene eči sugaine!“
 Isakoine Sullervoine
 Harppajelou harmual kivel,
 25 Tiijustelou tiedy myöte,
 Eigo rebois vieštin viejiä,
 Sanaizen suattelijua:
 Kus se sugaine ollou,
 Kalaniekkoi kaččelou
 30 Da viizahuttu eččijelöy.
 Isakoine Sullervoine
 Siiräldyy sini kivel,
 Uidau haugi liettieli päi.

Исакойне Суллервойне
 Расчесывает голову
 На огромном сером камне.
 Упал гребешок в море.
 5 Исакойне Суллервойне
 Переходит на синий камень,
 Идет навстречу волк.
 „Эй, ты, волк,
 Иди, найди мне гребешок!“
 10 Идет волк по дороге.
 Исакойне Суллервойне
 Перескакивает на серый камень,
 Расспрашивает по дороге, где волк.
 Не принести волку вестей,
 15 Слов ему не принести,
 Он в стадо овец смотрит,
 Народу он убытки приносит.
 Исакойне Суллервойне
 Переходит на синий камень.
 20 Идет по дороге лисица.
 „Эй ты, лисица,
 Иди, найди мне гребешок!“
 Исакойне Суллервойне
 Перескакивает на серый камень,
 25 Узнает по дороге, где лиса.
 Не принести лисице вестей,
 Слов ей не принести
 О том, где находится гребешок.
 Лиса следит за рыбаками,
 30 Ищет хитростей себе.
 Исакойне Суллервойне
 Переходит на синий камень.
 Подплывает к пескам щука.

„Oigo sinä, haugine,
 35 Mene eči sugaine!“
 Isakoine Sullervoine
 Šuihkahtah suloi kivel.
 Uidau haugi merel päi,
 Tuo Izakoizel sugaizen.

„Ой ты, моя щука,
 35 Иди, найди мне гребешок!“
 Исакойне Суллервойне
 Переходит на серый камень.
 Выплывает из моря щука,
 Приносит гребешок Исакойнену.

137. ПОХОРОНЫ РОДНЫХ

Anni neidoi, aino neidoi,
 Kudoi kangoidu kuldastu,
 Huolittelou hobjaistu;
 Ongo kuldaizet kulmile,
 5 Sini langaizet silmile.
 Sukset raudaizet ražistahe,
 Niihot vaskizet väžistäh.
 „Šuija, šuija, sukkulaine,
 Kuni on pordimoi pinos,
 10 Kävvy, kävvy, kiämizeni,
 Kuni on pordimoi pinos!“
 Anni neidoi, aino neidoigo,
 Lähtöy ulgoisil uuliččaizil;
 Kuuluu d'yry D'urgylässy,
 15 Paha pajo pappilassu.
 Lähtöy d'yryö kuundelemah,
 Tähbö tuattoine kuolluh;
 Korvat on kui koivun lehtet,
 Silmät on kui liinan siemenet.
 20 „Mihbö händy šuoritellah?“
 „Hal'l'akkaizil šuoritellah“.
 „Milbö händy katellahe?“
 „Kiseijäizel katellahe“.
 „Milbö händy muahe viijäh?“
 25 „Oršoileni muah viijäh“.
 Anni neidoi, aino neidoi,
 Lähtöy paju kuundelemah,
 Tähbö muamoinen kuolluh;
 Korvat on kui koivun lehtet,
 30 Silmät on kui liinan siemenet.
 „Mihbö händy šuoritellah?“
 „Barhattaizil šuoritellah“.
 „Milbö händy katellah?“
 „Kiseijäizel katellah“.

Анни-девушка, единственная дочь,
 Ткала золотую ткань,
 Готовила серебристую;
 Золотые нити у нее на бровях,
 5 Серебристые нити на ресницах.
 Подножки железные поскрипывали,
 Медные нитченки попискивали.
 „Снуй, снуй, мой челнок,
 Пока горностай на поленнице,
 10 Крутись, крутись, моя катушка,
 Пока горностай на поленнице!“
 Анни-девушка, единственная дочь,
 Идет на наружный двор.
 Слышит гром в Юргелицах,
 15 Злобную песню в поповском доме.
 Прислушивается она к тому грому,
 Тут у нее умер отец;
 Уши у него, как листья березы,
 Глаза, как конопляное семя.
 20 „Во что же его оденут?“
 „В саван оденут“.
 „Чем же его покроют?“
 „Кисейным покрывалом“.
 „На чем его повезут к могиле?“
 25 „На жеребце повезут“.
 Анни-девушка, единственная дочь,
 Прислушивается к той песне.
 Тут у нее умерла мать;
 Уши у нее, как листья березы,
 30 Глаза, как конопляное семя.
 „Во что же ее оденут?“
 „В бархат ее оденут“.
 „Чем же ее покроют?“
 „Кисейным покрывалом“.

- 35 „Milbö händy muahe viijäh?“
 „Oršoileni muah viijäh“.
 Anni neidoi, aino neidoi,
 Tulou ulgoizil uuliččazil,
 Išköy kädyöt vastakkah,
 40 Igävil sormuizil,
 Iče itköy, iče sanou:
 „Eigö ole tuattuo, eigo ole muamuo,
 On vai aivan armotoi“.

- 35 „Нам чем же ее повезут к могиле?“
 „На жеребце ее повезут“.
 Анни-девушка, единственная дочь,
 Приходит на наружный двор,
 Разводит руками,
 40 Заламывает пальцы,
 Сама плачет, сама говорит:
 „Нет у меня ни отца, ни матери,
 Осталась я круглой сироткой!“

138. ПЕТР I ПОД ВЫБОРГОМ

- Petri kuulužu kuningas,
 Moskovan on hyvä moločču,
 Karjalan on kaupungimies,
 Työndäy kirjat kiirehešti
 5 Viizahahe Viiburihe:
 „Ongo kalua kaupungissu,
 Ongo lihoиду linnassu,
 Ongo voidu Volmarissu?“
 Viiburin viizas izändygo
 10 Suomen niemen on sodiherra,
 Pedril kuulužal vastuaudou:
 „Eigo oli voidu Volmarissu,
 Eigo ole lihoиду linnassu,
 Eigo oli kalua kaupungis.
 15 Sinizen on sillan korvas
 Mulloi kuolluh musta ruuna,
 Tänävuon vaibunun valgei tamma,
 Tulijan vierahan varahe!“
 Petri kuulužu kuningas,
 20 Moskovan on hyvä moločču,
 Karjalan on kaupungimies,
 Kovah suuttui, kovah siändyi.
 Keräi häi sodamiehet,
 Varustigo vabamiehet,
 25 Meni viizahan Viiburin ual.
 Kolme vuotta sie seizoi
 Suuren krieppostin tagan;
 Tuli akku krieppostin piäl,
 Viuhkai šulkuizel peredniekal,
 30 Tagačuras tahteli.
 Petri kuulužu kuningas,

- Петр, знаменитый царь,
 Московский добрый молодец,
 Карельский городской человек,
 Отправляет спешно грамоты
 5 В хитрый Выборг:
 „Есть ли в Волмари масло,
 Есть ли в городе мясо,
 Есть ли в городе рыба?“
 Хитрый хозяин Выборга,
 10 Военноначальник полуострова Суоми,
 Отвечает знаменитому Петру:
 „Нет масла в Волмари,
 Нет мяса в городе,
 Нет рыбы в городе.
 15 На краю синего моста
 В прошлом году пал черный мерин,
 В этом году издохла белая кобыла
 Для чужого, для пришельца!“
 Петр, знаменитый царь,
 20 Московский добрый молодец,
 Карельский городской человек,
 Сильно рассердился, сильно разгневался.
 Он собрал войско
 И снарядил ополчение,
 25 Пошел под хитрый Выборг.
 Три года там простоял
 Под большой крепостью.
 Вышла женщина на крепость,
 Замахала шелковым передником,
 30 С тылу она хотела впустить его.
 Петр, знаменитый царь,

- Moskovan hyvä moločču,
Karjalan on kaupungimies,
Tahtoi akan ähkätä,
35 Pienil juadroil pirahuttua.
Vabamiehet vagattihe,
Sodamiehet sovietutti:
„Ei pie akkua ähkätä,
Ei häi pahua sanonuhe,
40 Häi meil hyvytty tahtou.
Pidäy mennä tagan päi,
Kriepostittomas kohtas“.
Petri kuulužu kuningas,
Moskovan hyvä moločču,
45 Karjalan kaupungimies,
Työndelöy häi sodamiehet,
Varustelou vabamiehet.
Mendih hyö ymbärimäizeh,
Tuldih hyö tagan päi,
50 Kerrittih kriepostittomah kohtah.
Viizas Viiburin izāndy,
Suomen niemen sodiherru,
Tulbih avaimie andamah,
Petri kuulužal kuningahal,
55 Moskovan hyväl moločal.
Karjalan kaupungimiehel.
Ottau avaimet ičelleh.
„On voidu Volmaris,
Ongo lihoida linnas,
60 Ongo kalua kaupungis?“
Petri kuulužu kuningas,
Moskovan hyvä moločču,
Karjalan kaupungimies, sanou:
„Ei meil pie teijän voiloj,
65 Eigö pie teijän lihoi,
Eigo pie teijän kaloi,
Vai meil pidäy Suomen niemi!“
Petri kuulužu k ningas,
Moskovan hyvä moločču,
70 Karjalan kaupungimies,
Otti Suomen niemen omah uskoh.
- Московский добрый молодец,
Карельский городской человек,
Хотел женщину сбить,
35 Мелкими ядрами разнести.
Ополченцы сказали,
Военные советовали:
„Не надо женщину убивать,
Она не хочет нам плохого,
40 Она желает нам добра.
Надо обойти с тылу,
Со стороны, где нет крепости“.
Петр, знаменитый царь,
Московский добрый молодец,
45 Карельский городской человек,
Отправляет он военных,
Снаряжает ополченцев.
Пошли они вокруг города,
Зашли они с тыла,
50 Собрались на неукрепленной стороне.
Хитрый хозяин Выборга,
Военноначальник полуострова Суоми,
Пришел отдавать ключи
Петру, знаменитому царю,
55 Московскому доброму молодцу,
Карельскому городскому человеку.
Петр берет себе ключи.
„Есть масло в Волмари,
Есть и мясо в городе,
60 Есть и рыба в городе!“
Петр, знаменитый царь,
Московский добрый молодец,
Карельский городской человек, говорит:
„Нам не надо вашего масла,
65 И не надо вашего мяса,
И не надо вашей рыбы,
Нам нужен только полуостров Суоми!“
Петр, знаменитый царь,
Московский добрый молодец,
70 Карельский городской человек,
Взял полуостров Суоми под свою руку.

Е. И. Софонова

139. ИЛЬМАЛЛИНЕ, ЕГО РОЖДЕНИЕ И СВАТОВСТВО

Eigo syö rugiš leibād
 Ubehile kyndettydā,
 Eigo syö rieskad maidod
 Häkkilöile h kšättydā,
 5 Eigo syö kanan d'äiččād
 Kukeriekun polgettuda.
 Saigo häin kolme poigasta,
 Ne poigat hänele sanotahe:
 „Midbo myö nimed panemme?“
 10 „Vahnimale vahnän Väinämöizen,
 Nuorimale nuoren Jougamoižen,
 Keskimäzele sepoi Ilmalližen!“
 Sepoi Ilmalline azui pajažen,
 Tagoi kirvehen vaskivardižen,
 15 Pani vyöle, lähti meččäh,
 Tuli huoboi vastahe.
 Laski huoboi ladvad muohe.
 Azui ven'ohuden häin,
 Kalkutteli kuori puuhuded,
 20 Työttih veñoi vezilego.
 „Panižimme vahniman soudamah,
 Olnougo käded vaibunuod?“
 Soudi iče sepoi Ilmalline.
 „Hoi, velled, rubien minä naimah!“
 25 „Kunna mändä naimah?“
 „Mänen Vägi Vuolen vunukkah,
 Kauneheze Katerinah!“
 „Hoi, Hiihten akk, anda tytär!“
 „Engo anda, engo ole,
 30 Voined ku minun kielele pläššidä,
 Äskyi andan tyttäreni!“
 Häin i kapsahti kielele,
 Andoi hänele kaunehen Katerinan,
 Valgedad valvattižen.
 35 Katerin lähti pagoh.
 Sepoi Ilmalline
 Kiroi händ kajohužiks.

Не ела она ржаного хлеба
 С полей, жеребцами вспаханных,
 Не пила пресного молока,
 От коров, гулявших с быками,
 5 Не ела она и куриных яиц
 От кур, топтанных петухами.
 Родила она трех сыновей,
 Те сыновья ей сказали:
 „Какие имена мы себе возьмем?“
 10 „Старший будет старым Вяйнямййне,
 Младший — юным Ёугамойне,
 Средний — кузнецом Ильмаллине!“
 Кузнец Ильмаллине устроил кузницу,
 Выковал топор с медной ручкой,
 15 Заткнул его за пояс, пошел в лес.
 Видит — стоит осина.
 Опустила осина свои ветки на землю.
 Изготовил он лодку,
 Очистил от коры все дерево.
 20 Оттолкнули лодку в воду.
 „Поставили бы мы стариков грести,
 Но не устали ли у них руки?“
 Гребет сам кузнец Ильмаллине.
 „Эй, братья, жениться я буду!“
 25 „Куда итти жениться?“
 „Пойду к внучке Вяги Вуоле,
 К красивой Катерине!“
 „Эй, старуха Хийхте, отдай свою дочь!“
 „Не выдам, не отдам я дочь;
 30 Если сможешь поплясать на моем языке,
 Только тогда я выдам свою дочь!“
 Он вскочил на ее язык,
 И выдала она красивую Катерину,
 Беленькую девушку.
 35 Но Катерина от него сбежала.
 Тогда кузнец Ильмаллине
 Проклял ее, превратив ее в чайку.

